

2024 № 4

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

4(30)

2024

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2024

4 (30)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов

А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. Л. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. Л. Шаумян

На обложке: Обезьяний храм, Джайпур, Индия. Фото С. Е. Сидоровой.

© ФГБУН ИВ РАН, 2024

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2024

4 (30)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: Monkey Temple, Jaipur, India. Photo by S. E. Sidorova.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2024

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Punsara Amarasinghe. Assessing Kalinga Magha's Invasion in 1215 A. D. as a Paradigm Shift in Sri Lankan History</i>	10
<i>Натаван Агаева. Об освоении османским обществом начала XIX в. нового западного этикета</i>	19
<i>В. Э. Молодяков. Тайвань и колониальная политика Франции в 1880-е годы</i>	28
<i>С. Л. Кузьмин. О составе и численности войск, освободивших Монголию от китайской оккупации в 1921 г.</i>	37

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

<i>Н. К. Семенова. Achievements of China's Port Construction During the Years of Reform and Opening Up</i>	53
<i>И. В. Федюлов. Морские порты Индии</i>	65
<i>Лю Цзинъюань. Российский «поворот на Восток» в условиях специальной военной операции: вызовы и возможности</i>	79
<i>Р. Е. Прохоров. Пакистанская диаспора в Европе: региональные особенности и практика общественной дипломатии</i>	91
<i>А. А. Салиев. Актуализация насильственного экстремизма и терроризма в Центральной Азии: фактор медиатизации</i>	98

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ

<i>Н. В. Александрова. Дворец небесный и дворец земной: ситуация «перехода» в буддийской агиографии</i>	108
<i>Mandana Tishebyar. Attributes of the Lady Envoys and Their Diplomatic Etiquette in Ferdowsi's Shahnameh</i>	118
<i>А. А. Блинов. Академия арабского языка в Каире: руководящий состав и современное состояние</i>	132

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

<i>М. М.-Б. Харунова, Р. Ш. Харунов. Деятельность аспирантуры в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1920–1930-е гг.)</i>	141
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>В. В. Наумкин. Рецензия на книгу В. В. Попова «От войны к миру: полвека практической дипломатии» (М.: МГИМО–Университет, 2023. 295 с.)</i>	152
<i>В. Я. Белокреницкий. Происхождение, идентичность и будущее Пакистана. Рецензия на книгу Р. Hoodbhoy “Pakistan: Origins, Identity, and Future” (London and New York: Routledge, 2013. 454 p.)</i>	155

<i>Е. Ю. Ванина.</i> Рецензия на монографию Л. А. Васильевой «Причуды любви. Жизнь и поэзия Мира Таки Мира» (М.: ИВ РАН, 2023. 263 с.)	162
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Д. Васильев, Ю. И. Дробышев, О. М. Курникова, Д. М. Тимохин.</i> Международная научная конференция «Бартольдские чтения» (24–26 апреля 2024 г.)	165
<i>С.-Х. Д. Сыртыпова.</i> О буддологической конференции в Монголии	176
<i>А. А. Новикова, Е. А. Якимова, Д. А. Голубев, М. А. Горбачева.</i> IV международная израилеведческая научная конференция «Чтения им. А. Е. Бовина»	179

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

<i>И. П. Глушкова.</i> Личный секретарь в истории Востока. Введение к эксперименту по соединению	189
<i>А. Ш. Кадырбаев.</i> Уйгур Тататунг и перс Шихад ад-Дин Мухаммад ан-Насави, личные секретари непримиримых врагов — «потрясателя Вселенной» Чингисхана и последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны	195
<i>Б. У. Китинов.</i> Дипа Сангье Гьяцо (1653–1705) как секретарь Далай-ламы	202
<i>И. П. Глушкова.</i> Баладжи Авджи: письмоводитель-царетворец. К 350-летию восшествия на трон чхатрапати Шиваджи-махараджа, основателя государства маратхов	211
<i>С. Е. Сидорова.</i> Меррик Шо: дворец, слуги и репутация генерал-губернатора Бенгалии	234
<i>А. Д. Васильев.</i> «Адъютант его превосходительства паши»: Мухитдин-бей и его мемуары об Энвер-паше	248

CONTENTS

HISTORY

- Punsara Amarasinghe.* Assessing Kalinga Magha's Invasion in 1215 A. D. as a Paradigm Shift in Sri Lankan History 10
- Natavan Aghayeva.* Adaptation of a New Etiquette by the Ottoman Society in the Nineteenth Century 19
- V. E. Molodiakov.* Taiwan and French Colonial Policy in the 1880s 28
- S.L. Kuzmin.* On the Composition and Number of Troops that Liberated Mongolia from Chinese Occupation in 1921 37

ECONOMY AND POLITICS

- N. K. Semenova.* Achievements of China's Port Construction During the Years of Reform and Opening Up 53
- I. V. Fedulov.* The Seaports of India 65
- Jingyuan Liu.* Russian "Turn to the East" in the Context of Special Military Operation: Challenges and Opportunities 79
- R. E. Prokhorov.* Pakistani diaspora in Europe: Regional Peculiarities and Public Diplomacy Practices 91
- A. A. Saliev.* Actualization of Violent Extremism in Central Asia: a Factor of Mediatization 98

LANGUAGES AND CULTURES

- N. V. Aleksandrova.* Heavenly Palace and Earthly Palace: the Situation of "Transition" in Buddhist Hagiography 108
- Mandana Tishebyar.* Attributes of the Lady Envoys and Their Diplomatic Etiquette in Ferdowsi's Shahnameh 118
- A. A. Blinov.* Arabic Language Academy in Cairo: Management and Current Status 132

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

- M. M.-B. Kharunova, R. Sh. Kharunov.* Activities of the School of Postgraduate Studies at the Communist University of the Toilers of the East (1920-1930) 141

REVIEWS

- V. V. Naumkin.* Review of "From War to Peace: Practical Diplomacy in Half a Century" by V. V. Popov (Moscow: Mgimo University, 2023, 295 p.) 152
- V. Ya. Belokrenitsky.* Origins, Identity, and Future of Pakistan. A Review of "Pakistan: Origins, Identity, and Future" by P. Hoodbhoy (London and New York: Routledge, 2013. 454 p.) 155
- E. Yu. Vanina.* Review of 'Whims of Love. Life and Poetry of Mir Taqi Mir' by L. A. Vasilyeva (Moscow: IOS RAS, 2023. 263 p.) 162

ACADEMIC LIFE

- A.D. Vasilyev, Yu.I. Drobyshch, O. M. Kurnikova, D. M. Timokhin.* International Conference
“Barthold Readings” (April 24 – 26, 2024) 165
- S.-H. D. Syrtyanova.* On the Buddhist Studies Conference in Mongolia 176
- A. A. Novikova, E. A. Yakimova, D. A. Golubev, M. A. Gorbacheva.* IV International Israel Studies
Conference “Bovin Readings” 179

RESEARCH PROJECT

- I. P. Glushkova.* Personal Secretary in the History of East. An Introduction to the Experiment
in Connecting 189
- A. Sh. Kadyrbaev.* Uighur Tatatung and Persian Shihab ad-Din an-Nasavi, Personal Secretaries to
Implacable Enemies – Gengiz Khan “The World Shaker” and Jalal ad-Din Mankburny, the Last
Shah of Khwarizm 195
- B. U. Kitinov.* Dipa Sangye Gyatso (1653–1705) as Secretary of the Dalai Lama 202
- I. P. Glushkova.* Balaji Avji: a Scribe and King-maker. On the 350th Anniversary of the Enthronement
of Chhatrapati Shivaji–maharaj, a Founder of the Maratha State 211
- S. E. Sidorova.* Merrick Shaw: Palace, Servants and Reputation of the Governor-General of Bengal 234
- A. D. Vasilyev.* “Adjutant to His Excellency the Pasha”: Mukhitdin Bey and His Memoirs on Enver
Pasha 248

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-010-018

ASSESSING KALINGA MAGHA'S INVASION IN 1215 A.D AS A PARADIGM SHIFT IN SRI LANKAN HISTORY

© 2024

Punsara Amarasinghe¹

Kalinga Magha's invasion has been often interpreted as a mysterious figure in Sri Lankan history, whose whereabouts were not widely discussed in the historical chronicles. Yet, his invasion that unleashed the utter destruction upon the Rajarata civilization was enormous as it altered the corpus of civilization completely. The arguments stemming from conventional historians generally portray Magha's invasion of Sri Lanka in 1215 A.D as another invasion, which caused a mere transition of kingdoms of the Sinhalese. Although the effect of Magha's invasion did cause the transition of the kingdoms, its overarching influence was much deeper. This article hypothesises that the magnitude of Kalinga Magha's invasion of 1215 A.D was a paradigm shift in the Sri Lankan polity as it completely ended the old order filled with irrigational grandeur in the Rajarata civilization. The subsequent period pushed the island to backwardness much like the Mongols altered the history of Russia by destroying the Kievan Rus polity.

Keywords: Kalinga Magha, Sri Lanka, invasion, polity, paradigm Shift

For citation: Punsara Amarasinghe. Assessing Kalinga Magha's Invasion in 1215 A.D as a Paradigm Shift in Sri Lankan History. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 10–18. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-010-018

ВТОРЖЕНИЕ КАЛИНГИ МАГХИ В 1215 г. КАК СМЕНА ПАРАДИГМ В ИСТОРИИ ШРИ-ЛАНКИ

Пунсара Амарасингхе

Вторжение Калинги Магхи часто интерпретируют как загадочный эпизод в истории Шри-Ланки, и происхождение завоевателя не обсуждалось широко в исторических хрониках. Однако это завоевание привело к абсолютному разрушению цивилизации Раджараты и полностью изменило ее природу. Аргументы традиционных историков обычно преподносят вторжение Магхи на Шри-Ланку в 1215 г. как обычное, просто обусловившее отстранение сингалов от власти. На самом деле воздействие этого события было несравненно более глубоким. Статья выдвигает гипотезу о том, что вторжение Магхи в 1215 г. привело к смене парадигм в истории ланкийской политики, поскольку оно полностью уничтожило старый порядок, базировавшийся на ирригационном великолепии цивилизации Раджараты. Последующий период толкнул остров назад по аналогии с тем, как монголы изменили историю России, уничтожив политику Киевской Руси.

Ключевые слова: Калинга Магха, Шри-Ланка, завоевание, политика, смена парадигм

---

¹ Punsara Amarasinghe, PhD(Hist.), Institute of Law, Politics and Development, Scuola Superiore Sant Anna, Pisa; punsaraprint10@gmail.com

Пунсара Амарасингхе, к. и. н., Институт права, политики и развития, Высшая школа святой Анны, Пиза, Италия; punsaraprint10@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9539-7770

Для цитирования: Punsara Amarasinghe. Assessing Kalinga Magha's Invasion in 1215 A.D as a Paradigm Shift in Sri Lankan History. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 4. С. 10–18. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-010-018

INTRODUCTION

The Rajarata civilization, which was imbued with cardinal ethos such as hydraulic civilization and Buddhism, still linger in the popular discourse of Sinhalese Buddhist nationalism, particularly the narratives that elevated different rulers to power in the post-colonial Sri Lanka largely deriving their grit from the glory of Rajarata [Nanayakkara, 2022, p. 67]. Sri Lanka, in its complex historiography based on the chronicle *Mahawamsa*, indicates that the historical fabric of the island owes its debt to the socio-cultural changes occurred during King Devanampiyatissa [Giger, 1931]. After the initial foundation laid by Pandukabaya who consolidated the power in the city of Anuradhapura, the real structure of governance began to develop when King Devanampiyatissa embraced Buddhism under Mahinda Thero, and the robust spread of Buddhism in Rajarata went parallel to the political development of Sinhalese polity under Mauryan influence from India. Since that moment until the thirteenth century A.D., the Rajarata civilization built upon the Buddhism and being a hydraulic civilisation, prevailed amidst many chaos. Modern Sinhalese nationalist writer Gunadasa Amarasekera describes the connectivity between Buddhism and Hydraulic culture as a long-awaited meeting between two beloveds [Amarasekera, 2017, p. 45]. Yet, the grand narrative of Rajarata civilization and its related jubilation reached its ebb when Kalinga Magha invaded Polonnaruwa in 1215 A.D.

This article discusses the invasion of Kalinga Magha in 1215 as a paradigm shift in the history of Sri Lanka, which altered the trajectories that existed for an irreversible end. The identity apotheosised in the public psyche in Sri Lanka glorifying the irrigational grandeurs in Rajarata, the purity of Buddhism, vanished after 1215 and the historical discontinuity in the medieval Sri Lankan history was connected with Magha's invasion. Thus, the task of this article lies in demonstrating how Magha's invasion ended the continuity of hydraulic civilization and its polity, which resulted in the fragmentation of the identity of the nation into a twisted one. This shift of the Sinhalese kingdoms from the Rajarata to the South-Western terrain detached the advancements championed by the Sinhalese. While tracing these historical antecedents, this article makes a plausible effort to compare Magha's invasion of Polonnaruwa in 1215 with the Mongol's invasion of Kievan Rus in 1240, which marked the complete decline of Kievan Rus polity. In the same manner, as Rus stayed aloof from the political social and cultural upheavals in Western Europe that determinately prolonged the growth of Russia, Magha's invasion made the Sinhalese polity backward and the kingdoms emerged after the Magha episode dwelled in feudalism as the hydraulic civilization totally decayed. The results emanating from this inquiry would unfold the decisive impact made by Kalinga Magha's invasion in Sri Lanka history as a paradigm shift, which swayed the continuity of history of the island for a different direction, in which the country's civilizational narrative diminished. The dynamics that prevailed in the Sinhalese nationalist discourse in the nineteenth century and its post-colonial nation-building process aggrandizing the civility of Anuradhapura and Polonnaruwa with a sense of nostalgia do not do any justice, because the continuity of hydraulic civilization and its related ethos became fragmented after 1215.

I

The Rajarata civilization is a term that intends to generalize the kingdoms that had existed in Anuradhapura and Polonnaruwa, which lasted more than a millennium. Despite the subtle differences

between Anuradhapura and Polonnaruwa, both the kingdoms focused on consolidating the central administration and the advancement of the hydraulic civilization. Geographically, Rajarata belonged to the dry zone of the island, thus the rulers who reigned the kingdom were obliged to patronize irrigation such as water tanks and reservoirs for the continuity of the civilization [Siriweera, 2002]. This was a precedent, which continued regardless of the civil wars, South Indian invasions and other calamities that encompassed the Rajarata civilization until the thirteenth century. When the Kingdom of Anuradhapura was sacked by the Chola king Rajaraja I in 1017, the Chola administrators moved their capital to Polonnaruwa, which they named *Jananatha Mangalam*. The Cholas' choice of Polonnaruwa was conspicuous due to its strategic advance, situated on the left bank of the Mahaveli river. Although the Cholas were invaders who plundered Anuradhapura, their zest for administering the conquered part of the island while staying in Rajarata was not diminished. During normalcy, the Chola administrators donated Buddhist temples to the monks and took some paternal interest in maintaining the irrigation system of Rajarata.

One might be tempted to imagine the period of Chola control over Rajarata as the inception of the decline of a civilization, which lasted for a millennium. Had the Cholas remained in rule continuously in Rajarata, they might have completely reigned the island, but a total extinction of civilization would have been highly unlikely. The historians exploring the possible causes behind the decay of Rajarata civilization tend to argue that the changes in the climate patterns and other relevant natural environmental factors intensified the fall of Rajarata civilization. In coining the phrase 'geo-history', the twentieth century French structuralist historian Fernand Braudel made a fine attempt to explore the history of the relationship of people to the physical environment [Braudel, 1947]. Inspired by Braudel's approach to history, the scholars focusing on the events that led to the destruction of Rajarata civilization refer to the nature as the prime culprit. In their articles to scholarly journals in the mid-twentieth century, colonial historians such as T. W. Tyssul Jones and E.K Cook [Jones, 1951, p. 88; Cook, 1950, p. 75] argue that the climate changes and the reduction of rainfall were the main causes for the decline and fall of the Rajarata civilization.

The strong contention espoused by Jones and Cook on the environmental changes continued to be the predominant narrative supported by other scholars. For instance, R.H Spencer-Scharder strongly suggests that the catastrophic extinction of Rajarata may have happened as a result of exhaustion and infertility of the soil caused by intensive farming and the siltation of the tanks with washed away fertile top soil from the agricultural regions [Spencer-Scharder, 1947]. Nevertheless, this argument is not tallying with the later developments of history, such as, particularly, when only a few decades before the complete fall of Rajarata civilization, King Parakramabahu I (1153–1186) effected unprecedented developments in irrigation, brought in agricultural prosperity and ruled a highly productive country.

Another popular narrative that astutely examines the possible causes for the fall of Rajarata civilization was propounded by Lucius Nicholls, a British bacteriologist in his popular article 'Malaria and the lost cities in Ceylon'. Nichols points out that the rapid spread of malaria in the early medieval era impacted drastically upon the inhabitants of Rajarata to abandon their ancestral lands [Nicholls, 1921]. Although malaria was a prevalent issue in the dry zone of early twentieth century Sri Lanka, there is no solid evidence on the origin and the spread of malaria in the global context. Especially the spread of malaria as a major cause for the decline of Rajarata civilization appears to be a mere conjecture beyond any rationale.

At the centre of the opinions ranging from different scholars who tried to identify the causes behind the destruction of Rajarata, Rhoads Murphey refutes all the narratives related to the environmental factor as a possible cause. While rejecting the climatic condition argument, Murphey states that the climatic conditions of the island in the past were similar to the present day, hence the change of climate was not a plausible reason for the decline of Rajarata civilization. He states: 'Dry Zone droughts are indeed

terrible and impressive experiences, but they occur yearly and especially severe ones clearly occurred at longer intervals of 10, 30 or 100 years throughout the ancient period' [Murphey, 1957, p. 181].

By moving from Braudel's 'geo-history' Rhoads Murphey seemed to have borrowed the concept of 'Oriental despotism' presented by German sinologist Karl August Wittfogel, who argued in favour of Marx's principle of Asiatic Mode of Production (AMP) in a more elucidating manner. In the central argument, Wittfogel shows how control of water in ancient hydraulic civilizations became indispensable for the state management, wherein a continuous hegemony of a bureaucracy, which dominated the cultural, economic and social aspects of the Oriental societies was a salient feature [Wittfogel, 1981]. In articulating his own version of the possible causes on the collapse of the Rajarata civilization, Rhoads Murphey argues the gradual disintegration of the administrative organization known as the 'Old Order', which managed the construction and maintenance of the complex irrigation system, was the chief cause for the abandonment of Rajarata. The despotic nature of the old class in Anuradhapura and Polonnaruwa facilitated a labour system interwoven with central administration. The despotic nature of such an administration was not inherently a benevolent one. The class known as *kulinas* or nobles disappeared at the dusk of the Rajarata civilization, which resulted in the total abandonment of the urban space [Siriweera, 2011]. It is true that the Chola invasion created utter chaos in Rajarata civilization as the Cholas openly destroyed the irrigation. Yet, the system survived as the old class or *kulinas* always provided for the resurgence of the irrigation regardless of the weak nature of the political apparatus. In Murphey's argument, the gradual disappearance of the nobility, 'old class' or the *kulinas* was a fatal blow on the decline of Rajarata civilization [Murphey, 1957].

II

The devastating impact of the Chola invasion, followed by internal conflicts, did not immediately lead to the downfall of the Rajarata civilization in Sri Lanka. It was the invasion of Kalinga Magha, resulting in the destruction of Polonnaruwa that ultimately sealed the fate of the civilization. This article aims to objectively examine the commonly held beliefs about the civilization's extinction. Before questioning prevailing academic narratives, it is crucial to understand the details of Kalinga Magha's invasion.

Kalinga Magha's background remains largely twisted as his origin itself has created divided opinions among scholars. The chronicle *Chulavamsa* denotes Magha as a prince from the Kalinga clan in India. The background that paved the path for the detrimental invasion of Magha in the late Polonnaruwa period gives a clue to the political instability surrounding the island. After the successful reign of Parakramabahu I, the kingdom of Polonnaruwa faced a cascade of internal failures, which weakened the central administration. When Magha invaded Polonnaruwa in 1215 A.D., the ruling monarch in Polonnaruwa was Parakrama Pandya and before he ascended the throne, several other monarchs were in power, but none could consolidate the political power.

Notwithstanding the descriptive account in *Culavamsa*, which laments the utter destruction caused by the Magha invasion, the origin of Magha or the motives behind the invasion remains peripheral. The eminent archaeologist in post-independent Sri Lanka Prof. Senerath Paranavithana speculates that the origin of Magha could be traced to modern-day Malaysia as he argued that the Kalingas was located there. According to Senerath Paranavithana, the kingdom built by Magha facilitated the first South-North division as his reign initiated the first independent Tamil kingdom in Jaffna, the northern part of the island [Paranavithana, 1966, p. 123]. The eighteenth century Tamil classic authored by Mayil Vaakanar during the Dutch period gives a list of the Tamil kings who ruled the Northern Tamil kingdom in Sri Lanka and the Vijaya Kulankai was the first Tamil king who formed the kingdom of Jaffna [Casie Chitty,

1847, p. 45]. Paranavitana contends that the first Tamil king in Jaffna mentioned in *Yalpana Vaipava Malai* as Vijaya Kulankai was Magha, which suggests that the independent kingdom in Jaffna rose to eminence due to Magha's invasion.

The chronicle *Chulavamsa* identifies Magha as an invader who came from Kalinga (modern-day Orissa) and in the literary imagination of the chronicler; the catastrophe that befell the nation in 1215 was the karmic effect on the islanders who were responsible for the evil deeds, which kept away the Gods from protecting Lanka. *Chulavamsa's* description of Magha is akin to a lengthy note filled with pathos as the chronicler tries to invoke the hatred of the reader. It states: 'There landed a man who held to a false creed, whose heart rejoiced in bad statesmanship, who was a forest fire for the burning down of bushes in the forest of the good' [Geiger, 1922, p. 133].

Besides the hyperbolic expression explaining the villainous nature of Magha, the written description in *Chulavamsa* does not provide a complete picture of the motives of Kalinga Magha's onslaught on the island or the military mechanism he used in conquering the whole territory. On the contrary, it affirms that Magha was a descendent from the Kalinga line, who relied on twenty thousand warriors from Kerala. On the face of it, Magha was a prince from Kalinga (present day Orissa), but his invading force consisted of mercenary soldiers from South India. Since the late Anuradhapura period, the deployment of South Indian mercenaries known as *Velakkara* was a frequent scenario among the Sinhalese rulers, which sometimes ended up in unmitigated disasters as South Indian mercenaries became fifth columnists by standing with the invaders. Analysing the circumstances for the decay of Anuradhapura, Raj Somadeva aptly points out that the reliance on South Indian mercenaries by the Sinhalese monarchs in the late Anuradhapura period was a Himalayan-height mistake in Sinhalese statecraft [Somadeva, 2023].

Thus, deploying troops from Kerala might have not been an astonishing phenomenon for Magha as it equated with contemporary practice. The army gathered by Magha on his way to Sri Lanka indulged in unimaginable plunder and pillage in Rajarata, which has been described in *Culawamsa* as 'While thus his great warriors oppressed the people, boasting cruelly everywhere: "We are Kerala warriors", they tore from the people their garments, their ornaments and the like, corrupted the good morals of the family which had been observed for ages'.

The detailed accounts in the *Culawamsa* chronicles, despite containing exaggerated elements, clearly indicate that the atrocities committed by Magha and his followers were more heinous than those committed by any previous invaders of Anuradhapura. While the Chola and Pandya invaders had previously targeted Anuradhapura during times of political instability, their motives did not include uprooting the social organization of the Rajarata civilization. The *Mahawamsa*, the grand chronicle before *Culawamsa*, refers to various invaders that mainly arrived from South India and challenged the formidable city of Anuradhapura from time to time. However, the chronicler does not report their deeds in the same anguish as *Culawamsa* describes the wickedness of Magha as the devil incarnate [Geiger, 1922, p. 133]. To put it briefly, among the class of other foreign invaders who invaded the island, Magha receives a special place due to his explicit intention to obliterate the civilizational ethos that prevailed in Rajarata.

When the Chola invaders such as Elara chose to continue the rule based on the established norms in the land, Magha's policy embodied the complete desire to destroy the existing system. The most unusual practice adopted by Magha, which clearly distinguished him from other invaders, was that Magha intentionally altered the social order. As Wittfogel argued in his 'Oriental Despotism' thesis, the Sinhalese social structure and hydraulic civility in the *Rajarata* civilization were attributed to various professional clans, thus Magha's systematic violation of the social order undoubtedly ended the social equilibrium. The plethora of details illustrating the outrageous acts committed by Magha in *Culavamsa* locates Magha's invasion as a catalyst factor in island's history due to the unusual style adopted by the

conqueror in the process of subjugation, which involved in disrupting the socio-economic continuities. For instance, *Culavamsa* states: 'The monarch forced the people to adopt a false faith and he brought great confusion into the four sharply divided castes', which indicates the morbidity of the old order.

The construction of the 'other' in an evocative manner is one striking feature regarding Magha's invasion, and the language used by *Culavamsa* often refers to the chaos and destruction. The apocalyptic description, used by the author regardless of the exaggerative style, emphasizes the savagery of the invasion, casting Magha's forces in opposition to the perceived civility and the cultural sophistication. Neither *Mahavamsa* nor *Culavamsa* have lamented any other South Indian invasion, nevertheless, they depict Magha as the great nemesis, which evaporated the remaining political centrality of the Rajarata civilization.

III

It would not be erroneous to assume that the catastrophic effect and the intensity of Kalinga Magha's invasion matched the lasting impacts of the Mongol invasion of Kievan Rus in the thirteenth century, which created a tectonic effect for the whole Russian history. In many aspects both the Mongol invasion of Kievan Rus and Magha's onslaught contained striking parallels. In making an inquiry to understand how the Magha invasion became a paradigm shift in Sri Lankan history, the array of analyses provided by the historians appear to be less elucidative in comparing its effects with another similar event.

Ironically the chronology of both events belongs to the same period as Mongols conquered Kievan Rus a few years after Magha unleashed terror in Rajarata. The political realm of Kievan Rus was in despondency by setting the path for the Mongols to barge in as a resemblance to the late Polonnaruwa period, wherein the ongoing power struggles deteriorated the polity. Unlike the kingdom of Polonnaruwa in Sri Lanka, which was cemented by centralization in its structure, Kievan Rus was a confederation of local princes' devoid of centrality. In his compelling work 'A History of Russia', Riasanovsky states: 'As the princes incessantly fought with each other, the confederation of cities known as the Kievan state slowly decayed, declined, and lost its former glory. Further weakened by the incursions of steppe tribes such as the Polovtsy (aka Cumans/Kumans or Kipchaks) and previously by the Pechenegs, eventually the Kievan state was ripe for a takeover by more powerful invaders from distant lands' [Riasanovsky, 2009, p. 211].

The greatest challenge to Kievan Rus lay of course with the Mongols, and their advancement appeared to be a visible threat even before the actual invasion occurred and this was a contrast to Magha invasion of Polonnaruwa in 1215 as it brought an abrupt destruction to the Sinhalese civilization of Rajarata. Although Russian principalities remained fragmented such as Novgorod, Pskov and Smolensk, Kiev enjoyed a symbolic status as the spiritual capital representing the identity of the Rus tribes [Miller, 1986]. However, the effects of Mongol invasion perpetuated some disastrous impacts on Kievan Rus as it largely swallowed the urban demographic features in the pre-invasion era. Colin McEvedey estimates that the robust decline of the population from 7.5 million to 6 million was a direct offshoot of the ruthlessness of the Mongol invasion, which may have killed the inhabitants of the conquered territories, where in the survivors were compelled to flee [McEvedey, 1978].

The Mongol invasion was a shattering blow to Russia, which prolonged the continuity of Russian urban developments and its civilizational progress. Mainly, the terror unleashed by the Mongol invaders upon the Kievan Rus cities such as Vladimir, Suzdal and Kiev impoverished the inhabitants of those flourishing cities, which resulted in a sharp decline of urbanism. The calamitous nature of the invasion left many other repercussions on the Kievan Rus socio-political landscape, more than what it did by annihilating the Kievan prosperity that existed formidably before the invasion. For instance, the effects that it created still lingers in the Russian psyche as a turning point in their civilizational history, whereas

many historians blame Mongols for inculcating the notion of 'Oriental Despotism', which drifted Russia away from Western Europe [Riasnovsky, 1963]. Essentially, it was a lamentable fact for the Russians when Kiev, a city that embodied the early development of Kievan Rus' prosperity perished before the Mongols and it put the permanent closure to the continuity of Kiev's supremacy as the place, which introduced Orthodox tradition to the Russian space. Nonetheless, the subsequent political conditions helped Moscow to rise to eminence, which marked the shift of polity from one geographical terrain to another.

Although the Mongol invasion of Kievan Rus had a different geo-political setting, its effect on Russia parallels the Magha invasion and the total eclipse of the Rajarata civilization. In order to form such an argument, it is first necessary to understand how both invasions altered the destinies of the two civilizations completely. The nature of the violence and the motive of the invasions in both events embodied the impetus of the invaders aptly and it would be by no means an exaggeration to state that in both invasions the perpetrators anticipated to uproot the entire civilization to a point of no return. The brutality of the Mongols was evident during the siege of Kiev in 1240, which lasted only nine days and resulted in the destruction of the city, similar to how Magha devastated the city of Polonnaruwa in 1215. Modern historians often attribute the Mongol destruction of Kievan Rus cities as a factor that hindered the development of Russian statehood in comparison to Western Europe. Similarly, it can be argued that Kalinga Magha's invasion of Polonnaruwa in 1215 had a similar impact, pushing the Sinhalese civilization towards the South Western territories. After the Mongol debacle, Moscow emerged as the new center of power, while the effects of Magha's invasion led to a shift in the Sinhalese civilization.

The Eurasianist school of thought in Russia emphasizes the Asian influence on Russian civilization, attributing it to the Mongol yoke. This period laid the foundation for Moscow as a new center of power with its own distinct identity, separate from the Kievan fragmentation [Vogel, 2010]. On the other hand, Kalinga Magha's invasion of Polonnaruwa led to the fragmentation of the centralized polity that the Sinhalese had upheld for a millennium. The massive destruction caused by Magha's invasion disrupted the centralized administration, prompting much of the remaining population to migrate to the South Western territories and creating various opportunities for regional hegemonies.

Culavamsa states: 'The once thriving fields lay hollow, and noble city of Anuradhapura fell into ruin' [Geiger, 1922, p. 123]. As the texts suggests, the eclipse of agrarian heartland by massive invasion of Magha stopped the continuous production, creating waves of troubles for the inhabitants.

According to Toynbee, the fall of Kievan Rus to the Mongols and the fall of Polonnaruwa to Magha's invasion were representative of how civilizations decline. Toynbee argued that the unit of historical study is not a nation-state or all of humanity, but a specific grouping called a civilization [Toynbee, 1948, p. 67]. He believed that a new civilization emerges from the disorder and lack of organization that follows the fall of a previous civilization. The Middle Ages in Europe serve as an example of such a disorderly and under-organized period in history, which Toynbee referred to as an 'interregnum.' Regarding the fall of the Rajarata Civilization after Magha's destruction of Polonnaruwa, Toynbee's analogy of two opposing groups — the 'internal proletariat' and the 'external proletariat' — makes sense, as it explains the final decay of a once-prosperous civilization [Loevy, 2000]. It can be affirmed that the internal chaos exacerbated by the presence of foreign mercenaries as the 'internal proletariat', and Magha's destructive invasion in 1215 as the 'external proletariat', signified the finality of the Rajarata civilization. However, Toynbee's prediction of the genesis of a new civilization from the ruins of the doomed was not accurate in the case of the Rajarata civilization, as it suffered a permanent downfall without galvanizing any internal forces to resist and reconstruct it.

CONCLUSION

Kalinga Magha's invasion cannot be evaluated as similar to the rest of the South Indian invasions that Sri Lanka had confronted due to the *sui generis* nature of the latter. The preeminent position held by the Rajarata civilization was not a static one given the constant invasions, internal decays and natural disasters it faced, but none of them could eliminate the durability of the Rajarata civilization. It is conclusive that the last blow upon the total decay of the Rajarata civilization came from Kalinga Magha's invasion in 1215 A. D. One may argue that the capital of Polonnaruwa was teetering on the edge of collapse when Magha invaded making the civilizational destruction inevitable. Nevertheless, the lenses of history affirm that the Rajarata civilization survived in the hands of previous invaders, as their conduct never intended to wipe out the existing customs that enabled them to sustain *Rajarata*. In contrast, Magha stood differently due to his *prima facie* motive of destroying the polity by changing the socio-economic and cultural order. Thus, the cataclysm brought by Magha marked the end of the Rajarata civilization and in Braudelian terms, this event signifies a 'structural transformation' [Braudel, 1992] in the *longue durée* of the island's history, reshaping settlement patterns, economic bases and political power structures for generations.

The '*Asokan model*' that existed for centuries in Anuradhapura and Polonnaruwa, which represented the entire Rajarata civilization, was reversed by Magha as his rule took a diabolical mode in oppressing the subjects, which resulted in forming an abyss of power [de Silva, 2007, p. 156–178]. The Asokan model symbolized the rightness, charity and patronage to the monks, which were upheld even by the invaders such as Elara, which prompted the author of *Mahavamsa* to praise him. However, Magha's mode of rule was a stark contrast to what the chroniclers were accustomed to writing. *Culawamsa* states: 'No longer did the priest hold sway over the land, for they had fled or been slain. And thus, the kingdom, which once shone with the light of the Buddha's teaching, was plunged into darkness'. In this abyss, the chaos caused by Magha scattered the centralized polity that existed into fragmented ones as several local chiefs went on to establish independent sub-kingdoms in the South-Western region, which marks the advent of proper feudal medieval order in Sri Lanka's history.

Various local chieftains founded power centers harbouring the population that fled from Rajarata in the South-West. In the meantime, the system of governance adopted by Kalinga Magha strengthened the power of the Tamils by widening the path to stabilize the Tamil kingdom in Jaffna, which later challenged the Sinhalese authority over the island [Gnapragasar, 1918, p. 77].

The entirety of the hostility between Sinhalese and the Tamils in the historiography of Sri Lanka provides no clearer clues before the Magha invasion, as *Mahavamsa* or any other sources of Sri Lankan history did not acknowledge the separate existence of independent Tamil kingdoms in the Northern parts of Sri Lanka [Aruliah, 1970, p. 8]. The continuity of the presence of Tamil rulers in the Northern part of the island after the subjugation of Kalinga Magha raised considerable challenges in consolidating the state power under one monarch in the late medieval epoch, which often escalated the military conflicts between the North and South. The emergence of the Tamil kingdom in Jaffna, the northern part of the island in the thirteenth century has been a palatable thesis carved by historian S. Pathmanathan, affirming how the subsequent political trajectories dissuaded any attempt at the monolithic status of the polity of the island [Pathmanathan, 1976, p. 16]. The feudal order led by a set of chieftains known as *Vanniyakars* in the territories that belonged to the Rajarata civilization flourished after the Magha's invasion by alienating the North from the South of the island, which later transformed into a permanent feature of Sri Lankan history as a typical portrayal of the ethnic division.

This article was built on a hypothesis that the invasion of Kalinga Magha in 1215 was a paradigm shift in Sri Lanka's history. The phrase 'paradigm shift' is attributed to Thomas Khun [Khun, 1996]. But,

my take on Khun's lexicon intended to highlight how one specific incident in the history of the island completely reversed the previous accomplishments achieved by the Rajarata civilization in Sri Lanka within a span of millennia. The discontinuity of irrigation followed by the mass exodus from the North-Central terrain to the Southern territories, which paved the path for constructing an interregnum for a considerable period simply kept the island aloof from progress. Although the Sinhalese revived their monarchical tradition around 1256 A.D under Parakramabahu II in the kingdom of Dambadeniya, its glory stood far behind the Rajarata civilization as the whole polity of the island remained fragmented by virtue of the events followed by Magha's invasion. None of the kingdoms arose after the fall of Rajarata as a civilization could not sustain for more than a century exposing the fragile nature of the governance. Therefore, it is plausible to argue that the whole plethora of romance over the Rajarata civilization, which continues in the Sinhalese nationalist discourse, never resurrected after 1215 as Magha's invasion altered the whole course of history.

Библиография / References

- Amaraskere G. *Civilizational State*. Colombo, 2017.
- Aruliah A. The Evolution of Ethnic Conflict in Sri Lanka. *Canada's Journal on Refugees*. 1970. Vol. 13. No. 3. Pp. 3–8.
- Braudel F. *La Méditerranée et le monde Méditerranéen à l'époque de Philippe II*. Paris, 1947.
- Braudel F. *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century: The Structure of Everyday Life*. Berkley, 1992.
- Geiger W. *Chulavamsa, Being the Most Recent Part of Mahavamsa*. Caves, 1922.
- Gnapragasar Rev. *Yalpana Vaipava Vimasaram*. Colombo, 1918.
- Khun T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, 1996.
- Loevy R. D. Arnold J. Toynbee and the Cycle of Civilizations. *Colorado Journal of History*. 2000. Vol. 5. No. 1. URL: <https://faculty1.coloradocollege.edu/~bloevy/ArnoldJToynbee/Toynbee-CycleOfCivilizations.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
- Nicholls L. Malaria and the Lost Cities of Ceylon. *The Indian Medical Gazzete*. 1921. Vol. LVI. No. 4. April. Pp. 121–130.
- McEvedy C. *The Atlas of World Population History*. London, 1978.
- Pathmanathan S. Historical Writings in Medieval Sri Lanka: The Reign of Parakramabahu 1. *Journal of the Royal Asiatic Society of Sri Lanka*. 1976. Vol. 20. Pp. 1–16.
- Miller D. The Kievan Principality in the Century before the Mongol invasion. *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. 10. No. 1. Pp. 215–240.
- Murphey R. The Ruin of Ancient Ceylon. *Journal of Asian Studies*. 1957. Vol. XVI. No. 2. Pp. 181–200.
- Nanayakkara S. *The Sinhalese Nationalist Imagination: Jathika Chinthanaya*. PhD dissertation submitted to University of Windsor, 2022.
- Paranavithana S. *Ceylon and Malaysia*. Colombo, 1966.
- Riasanovsky Nicholas. *A History of Russia*. New York, 2009.
- Siriweera. W. I. *History of Sri Lanka*. Colombo, 2002.
- Spencer-Schrader R. H. The Secret of the Tanks. *Loris*. 1945. Vol. III. No. 6. P. 215.
- Toynbee A. *Civilization on Trial*. New York, 1948.
- Vogel M. The Mongol Connection: Mongol Influence on the Development of Moscow. *Indiana University South Bent Undergraduate Research Journal*. 2002. Vol. 5. Pp. 93–96.
- Wittfogel K. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New York, 1981.
- Wijeeratne R. Buddhism, the Asokan Persona, and the Galactic Polity: Rethinking Sri Lanka's Constitutional Present. *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*. 2007. Vol. 5. No. 1. Pp. 156–178.

ОБ ОСВОЕНИИ ОСМАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ НАЧАЛА XIX в. НОВОГО ЗАПАДНОГО ЭТИКЕТА

© 2024

Н. Агаева¹

Социально-культурная трансформация, происходившая в Османской империи ко второй половине XIX в., принесла с собой также новые правила поведения в по-новому формирующемся обществе. Переход к «алафранга» — европейскому образу жизни — поставил перед турецкой интеллигенцией неизвестную ранее задачу: ознакомление с европейским этикетом. Адаптация западных привычек повлекла за собой необходимость пересмотра традиционных норм поведения. Со второй половины XIX в. в Османской империи начали появляться руководства по западному этикету. Необходимость в литературе подобного жанра зародилась из-за многочисленных примеров неловких ситуаций, в которые попадали османцы на различного рода приемах и вечерах. Ведь известно, что участие в системе международных отношений требовало присутствия представителей государства на многочисленных мероприятиях. По этой причине знание правил общепринятого этикета стало по-своему новой необходимостью.

В данной статье предпринята попытка проследить ранние этапы адаптации традиционного османского общества начала XIX в. к правилам нового общепринятого западного этикета. С приходом новых правил общественного поведения, с этикетом начинают меняться и окружающие традиционного османца материальные атрибуты. Так, следующим после внешнего вида османа и образования алафранга-трансформации подвергся и османский дом. Появляются комнаты с новым назначением, старые комнаты теряют свою традиционную функцию, меняются привычные места некоторых предметов мебели, а хозяйка дома примеряют на себя новую роль хозяев «салона».

Ключевые слова: этикет, Османская империя, XIX век, трансформация, общество

Для цитирования: Агаева Н. Об освоении османским обществом начала XIX в. нового западного этикета. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 19–27. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-019-027

ADAPTATION OF A NEW ETIQUETTE BY THE OTTOMAN SOCIETY IN THE NINETEENTH CENTURY

Natavan Aghayeva

The socio-cultural transformation of the Ottoman Empire in the second half of the nineteenth century brought new rules of etiquette in the newly formed society. The transition to the “alafranga”— European way of life posed a previously unknown task for the Turkish intelligentsia: the study of European etiquette. Since the second half of the nineteenth century, manuals on Western etiquette began to appear. The need for this kind of

---

¹ Агаева Натаван, научный сотрудник Института востоковедения им. акад. З.М. Бунятова Национальной академии наук Азербайджана, Баку; n.agmaeva@gmail.com

Natavan Aghayeva, Researcher, Institute of Oriental Studies after acad. Z. M. Bunyadov ANAS, Baku; n.agmaeva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4094-464X

literature arose due to numerous examples of awkward situations that the Ottomans found themselves in at various kinds of receptions and evenings. Being a part of the international relations system required the presence of state representatives at various events. For this reason, knowledge of the rules of generally accepted etiquette has become a kind of new necessity.

The present article deals with the early stages of adaptation by traditional Ottoman society of the early nineteenth century to the rules of the new generally accepted Western etiquette. With the advent of new rules of social behavior and etiquette, the material attributes surrounding the traditional Ottoman begin to change. So, next after the appearance and the education was the Ottoman house that also underwent transformation. Rooms with a new purpose appear, old rooms lose their traditional function, the pieces of furniture change their traditional location, and the owners of the house now try on a new role as owners of the “salon”.

Keywords: etiquette, Ottoman Empire, 19th century, transformation, society

For citation: Aghayeva N. Adaptation of a New Etiquette by the Ottoman Society in the Nineteenth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 19–27. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-019-027

Социально-культурная трансформация, происходившая в Османской империи ко второй половине XIX в., принесла с собой также новые правила поведения в по-новому формирующемся обществе. С ростом числа образованных людей, получением знаний в области светских наук, увеличивающимися контактами с иностранцами в различных сферах деятельности, возвращением на родину первых выпускников из-за границы с новыми бытовыми привычками и взглядами облик османского общества начал постепенно меняться, и из него вскоре выделится группа, в народе получившая определение «алафранга». Слово *алафранга* — это отуреченное «a la franque», «а-ля франк». «Франкское общество Константинополя, состоящее из служащих посольств, консульств, семей драгоманов и купцов из различных европейских народов» [Lamartine, 1843, с. 282] вело отличный от традиционного для османов образ жизни. Поэтому все, что олицетворяло их манеры, развлечения, внешний вид и прочее, в народе обозначалось словом «а-ля франк» — «по-франкски». Позже, когда их манеры стали перениматься местным населением, данным эпитетом начали награждать и тех, кто им подражал. Это означает, что обладание определенными «атрибутами» жизни «франков» превращало традиционного османа в *алафранга*. Соответственно те, кто в противоположность последним все еще придерживался традиционных порядков, назывались *алатурка* (подробнее см. [Агаева, 2021]).

Так, переход к «алафранга» образу жизни поставил перед турецкой общественностью неизвестную ранее задачу — ознакомление с европейским этикетом. Адаптация к западным социальным привычкам повлекла за собой необходимость пересмотра традиционных норм поведения. А так как основная социальная жизнь османа до середины XIX в. проходила в пределах собственного дома, изменениям в первую очередь подверглись повседневная жизнь, быт, а также традиционное османское домоустройство. «Османский дом был благоприятной ареной для активной практики желания прогресса», о чем свидетельствуют многочисленные записи XIX в. [Esenbel, 1994, с. 174].

Классическая османская семья на протяжении долгих веков в основу своего социального поведения ставила правила исповедуемой религии и шариата. Такие понятия как *адаб* — «пристойность», *хадд* — «рамки», *тербийе* — «воспитание» в значении обучения законам и правилам (сюда входят и религиозное воспитание, и такие традиционные правила, как *итаат* — «послушание», уважение к старшим, помощь слабым и прочее) на протяжении долгих веков лежали в основе воспитания османа. А формой организации общественной жизни в городах служила система *махалля* — квартал с определенной степенью местного самоуправления. «Махалля формировалась из знающих друг друга, несущих друг за друга ответственность людей, поддерживающих социальную

солидарность. По османскому определению — это часть города, где проживали со своими семьями люди, которые молятся в одной мечети» [Düzbağar, 2003, с. 99]. Подобное совместное проживание, безусловно, формировало соответствующие правила общежития, где места для новшеств и личного пространства оставалось немного. Было сложно привнести какие-либо изменения, не потревожив при этом многолетний сложившийся общинный уклад. По этой причине с начала процесса модернизации (конец XVIII в.) среди представителей османов преимущественно высшего социального статуса наблюдается тенденция к организации обособленного индивидуального жизненного пространства. Семьи, выбравшие западный путь развития, переселялись из районов с традиционными кварталами в районы, например, Бейоглу или Богазычи, где строили обособленные особняки (*konak*) и виллы на берегу Босфора — *ялы* (*yalı*). Здесь они могли свободно интегрировать новый западный этикет в свой повседневный образ жизни. «Вход европейских форм в скрытый мир османского дома начался с использованием европейской мебели, новой организацией комнат и изменением внутренней отделки» [Yaşar, 2012, с. 2924]. Известно, что европейская мебель — столы, стулья, предметы декора, каминные часы и прочие предметы домашнего обихода были известны в Османской империи задолго до реформ Танзимата. Еще в 1720 году во время посольства во Францию Мехмет Челеби привез с собой некоторые образцы предметов европейского быта (подробнее см. [Rado, 2019]). А в 1775 году в *сарая* Эсмы-султан, дочери султана Ахмеда III, некоторые комнаты были декорированы по-европейски [Yaşar, 2012, с. 2921]. Однако широкое распространение приобретение подобных предметов получило во времена правления султана Махмуда II (1808–1839). Высшие сановники, зная пристрастие султана к европеизации, старались обзавестись в своем быту предметами, которые должны были свидетельствовать о том, что они «не отстают от времени» [Новичев, 1968, с. 263]. В своем письме из Стамбула от 24 декабря 1835 года один из основателей Германской империи фельдмаршал граф Хельмут Мольтке, описывая дворец сераскира Хюсрева Мехмеда-паши, к которому он был направлен с посольством, писал: «Дворец сераскира-паши есть не что иное, как длинное деревянное здание, из которого открывается прекрасный вид на Мраморное море ... Сераскир принял нашего посла стоя в большой зале с множеством окон; кроме широкого дивана и ковра во всю комнату тут были софы, стулья, столы и часы, служившие доказательством того, что генерал уже оевропеился; о Турции напоминала только большая жаровня, стоявшая посреди залы» [Лаврентьев, 1877, с. 321]. С усилением дипломатических отношений с европейскими странами в начале XIX в. количество подобных визитов увеличилось. А с углублением османского общества в западную культуру только лишь владеть предметами стало недостаточно. Со второй половины XIX в. в Османской империи начали появляться руководства по западному этикету.

Некоторые представители османской интеллигенции считали, что для входа в «цивилизованный» мир необходимо вести себя соответственно европейскому этикету, для чего в стране появился ряд авторских работ и переводов, обобщенных под названием «этикет», в которых «основной темой повествования были правильные манеры при приветствии, за столом, в салоне, на улице, во время поездок и визитов» [Yaşar, 2016, с. 35]. Первыми работами в XIX в. на эту тему считаются книги Расулзаде Хусейна Хюсю «Учтивость и правила поведения: правила этикета» («*Nezakat ve Usûl-i Muâşeret: Kavâid-i Âdâb'ı*» (1889) и Ченчензаде Хаккы Антакьялы «Утонченность» (*Zarafet* (1890). Оба этих труда являются вольными переводами текстов с французского, арабского и персидского языков, где авторы объясняют правила западного этикета традиционными и религиозными нормами поведения. По этой причине первой светской авторской работой на тему западного этикета принято считать книгу Ахмеда Митхата-эфенди «Европейский этикет или «алафранга»» («*Avrupa Âdâb-ı Muâşereti yâhut Alafranga*») (1896). В предисловии к своему труду автор пишет: «Алафранга! ... Остались ли те, в чьих устах вот уже как тридцать-сорок лет это

слово еще не побывало? С каждого языка по любому поводу слетает это слово — „алафранга“. Иногда его сила бывает равна приговору. „Это алафранга!“ И кто после этого посмеет перечить? Однако интересно, сколько людей употребляют это слово, зная его истинное значение?» [Mithat, 2001, с. 59]. На самом деле Ахмед Митхат-эфенди задается этим вопросом неслучайно. Ведь в то время было известно немало случаев, когда наряду с истинно образованными и по-европейски, то есть *алафранга*, воспитанными людьми встречалось немало «подражателей». Например, героем анекдотов того времени нередко становился глава протокольной службы министерства иностранных дел империи Кямиль-бей.

Служба дипломатического протокола Османской империи была создана в 1847 г. как отдел министерства иностранных дел, отвечающий за правила поведения при дипломатических встречах как османских дипломатов, отправленных в иностранные государства, так и иностранных дипломатических миссий, прибывавших в Османскую империю. Первым главой отдела вплоть до 1879 г. был Кямиль-бей. Выпускник «Бюро переводчиков», он по долгу службы прекрасно владел языком дипломатии того времени — французским. Однако именно чрезмерное и порой неуместное желание продемонстрировать это знание нередко становилось предметом салонных насмешек. Всем известной комичной привычкой чиновника был дословный перевод османских пословиц и поговорок, который зачастую давал абсурдный результат. Так, например, в разговоре с представителями иностранной делегации османский-турецкий фразеологизм *iş çatallandı* — «в деле появилась развилка», «дело усложнилось» — он перевел как «L'affaire est devenue fourchette» — «это дело стало вилок», где словом *fourchette* обозначают вилку как столовый прибор (подробнее см. [Çoruk, 2010]). Или не менее известной была его любовь к сыру. А так как он был большим поклонником всего французского, то предпочтение отдавал, безусловно, рокфору. Однажды, зная это его пристрастие, один из гостей званого ужина, на котором присутствовал и великий визирь Мустафа Решид-паша, совершенно не любивший сыр, что в свою очередь в бытие его *садразамом* заложило основу определенной моды среди чиновников, когда нелюбовь к сыру и отказ от традиционного турецкого сырного пирога *бёрек* встречались повсеместно, решил над ним подшутить. Гость, обращаясь к Решид-паше, сказал: «Господин, а знали ли вы, что наш Кямиль-бей так любит сыр, что даже не встает из-за стола, не съев кусочка?» На вопрос Решид-паши: «Правда ли это?» глава протокольной службы дал ответ, который вошел в очередной анекдот. «Он не мог сказать „да, правда“, так как это было невежливо по отношению к паше, и не мог ответить „нет, неправда“, так как это была бы ложь. Обернув все в шутку, он сказал: „Господин, не стоит задавать вашему слуге подобные вопросы. Я ем любую дрянью“» [Rıza, 1977, с. 33]. Таким образом, именно наличие подобных персонажей в обществе создало необходимость в книгах по этикету. Об этом пишет и сам Ахмед Митхат-эфенди: «По нашему мнению, в изучении европейского этикета содержится множество пользы... Одна из них заключается в том, что это поможет нам не оправдывать любое позорное поведение словом „алафранга“, тем самым вредя нашим собственным национальным правилам приличия» [Mithat, 2001, с. 62]. Так появилась первая турецкая-османская книга по этикету. В своем труде Ахмед Митхат-эфенди старался описать как можно больше бытовых ситуаций, позволявших простому османцу на очевидном примере ознакомиться с правилами поведения: здесь он знакомит читателей с правилами поведения при приветствии, при встрече, в поездках на поезде и путешествии на пароходе. Однако самую прикладную для османского общества XIX в. часть труда составляли правила организации различного рода приемов гостей и современного обустройства дома. Именно обустройство дома стало следующим этапом в освоении османским обществом западного этикета. «Сейчас нам перестали нравиться наши старые „алатурка“ салоны, и мы пытаемся переделать их

под „алафранга“, совершая при этом многочисленные ошибки. Если мы будем знать, как европейцы организуют свои дома, совершаемых нами ошибок будет меньше» [Ibid., 2001, с. 150].

Как известно, к середине XIX в. вместе с современным западным образованием и новыми социально-культурными привычками в Османскую империю приходит культура салонов как неотъемлемая часть *алафранга* образа жизни. Сформировавшаяся в Европе к концу XVIII в. данная культура носила вполне определенные социальные функции. «До XIX в. слово „салон“ не употреблялось ни в одном другом значении, кроме как обозначении комнаты в доме или квартире» [Goodman, 1989, с. 330]. Так называлась самая большая комната в доме, которая являлась центром жизни европейской семьи XVIII в. Позже в «салоне» начали принимать гостей, и комната из частного жилого пространства превратилась в «гостинную», то есть место для визитов и проведения досуга. Здесь ставился обеденный стол, фортепиано, гости могли общаться, слушать музыку, играть в карты и прочее. В турецких домах традиционно выделялись два основных больших жилых пространства — *селамлык* (*selamlık*) и гарем (*harem*). *Селамлык* являлся мужской половиной дома, где хозяин принимал гостей, устраивал деловые встречи или проводил время, тогда как в гареме проходила повседневная жизнь остальных домочадцев, преимущественно женского пола. На первых порах с ролью салона как помещения для приемов в османском доме прекрасно справлялся *селамлык*: здесь для гостей главы семьи накрывались столы, организовывались обеды, велись беседы и устраивались вечера. Внутреннее убранство традиционно представляло собой ряд тахт и диванов, расположенных вдоль стен комнаты, скрытых под большим количеством ковров и подушек. «Али Сами, первый придворный фотограф конца XIX в., однажды сделал фотографию членов своей семьи, одетых в исторические турецкие костюмы, с сидящими на полу женщинами, подающими кофе, и мужчинами, читающими книгу, скрестив ноги, сидя на тахте вдоль стены» [Esenbel, 1994, с. 176]. Однако со временем и степенью европеизации хозяина традиционный интерьер стали заменять мебельными ансамблями в европейском стиле. И именно тогда начали возникать первые испытания для *алафранга* османа. Например, в своей книге Ахмед Митхат-эфенди пишет, что в настоящем *алафранга* салоне в центре комнаты всегда стоит большой стол, окруженный изящными стульями. По краям комнаты располагаются различного рода сидячие места — от дивана с креслами до канапе и табуретов. А чего ни в коем случае не должно присутствовать в салоне, так это «длинной скамьи», «так как права спать в салоне никому не дается» [Mithat, 2001, с. 154]². Или в случае с рабочим местом хозяина: если у него нет собственного кабинета, то свою библиотеку он может поместить в салон, но рабочего стола там быть не должно. Рабочий стол можно расположить только в спальне [Ibid., 2001, с. 155]. Так со временем *селамлык*-«салон» из частного жизненного пространства хозяина дома превращается в приемную гостевую комнату. В организованном полностью в *алафранга* стиле салоне отныне вести себя согласно европейскому этикету стало обязательством. «Здесь и гости, и хозяева должны были в своих лучших нарядах, при своих лучших манерах демонстрировать европейский образ мышления» [Yaşar, 2012, с. 2926]. С развитием социальной жизни значение салона расширяется. Из простого помещения для приема гостей он вырастает в центр интеллектуальной жизни страны.

Впервые подобные метаморфозы стали наблюдаться в европейском обществе. Бурные события в политической и общественной жизни Европы XIX в. привнесли изменения в привычки общества. Отныне гости стали собираться не только для легких развлечений, но и для обсуждения актуальных новостей и событий. Согласно исследованиям, слово «салон» в значении собрания

² Эти «длинные скамьи» в западной культуре назывались «оттоманками». В «Энциклопедии мебели»: «„оттоманка“ — мягкое сиденье или скамья без спинки и подлокотников, назван так под турецким влиянием начала XVIII в.» [Aronson, 1965, с. 330].

с целью общения или обсуждения определенной темы или новостей впервые было употреблено в 1807 г. в романе «Коринна» французской писательницы, «хозяйки литературного салона», «политического оппонента Наполеона» мадам де Сталь. А в книге братьев Гонкур «Женщина в XVIII веке» (1862) (*Le Femme au XVIIIe siècle*) это слово закрепляется как термин для обозначения общественных собраний (подробнее см. [Goodman, 1989]). Стоит отметить, что главными виновниками этих изменений были женщины. До XIX в. роль женщины в европейском обществе ограничивалась обязанностями матери, супруги, хозяйки дома и прочее. В XVIII в. — в эпоху Просвещения, когда идея всеобщего равенства набирала обороты, среди интеллектуалов Англии и Франции возник вопрос о женском образовании. Появились первые частные начальные школы и институты надомного обучения. Однако по исторически сложившейся инерции девочек после двенадцати лет не обучали.

Даже позже, с основанием учреждений среднего образования для них, программу обучения составляли с расчетом на воспитание хорошей хозяйки семьи. Так, известен совет английской писательницы и путешественницы леди Мэри Уортли-Монтегю своей внучке, в котором она называла «скрывать все знания, которые приобрела, с такой тщательностью, как если бы скрывала горбатость или хромоту» [Bodek, 1976, с. 185]. В ответ на это некоторые любознательные представительницы общества начали организовывать в своих особняках различные «салоны» — литературные, философские, музыкальные или на тему искусства. Эти салоны стали для них единственным способом получения информации, так называемым способом расширить кругозор. «Салон стал для них тем образовательным пространством, который одновременно был и газетой, и журналом, и литературным обществом, и университетом» [Ibid., 1976, с. 186]. На вечера приглашались писатели, различные политические и общественные деятели, люди искусства и науки. Умение вести «салон», то есть быть своего рода модератором бесед, превратилось в особое искусство. И вскоре в обществе начали появляться всем известные и почитаемые «знаменитые» салоны, и статус «хозяйки салона» приобрел отныне высокое значение.

В раннем османском обществе XIX в. появление подобных салонов, соответствующих западным критериям, безусловно, было делом нелегким. Строгие религиозные и общественные ограничения в отношении женского поведения ни в коей мере не могли этому способствовать. Совместное пребывание женщин и мужчин в одном пространстве запрещалось. Английский фольклорист и путешественница Люси Гарнетт писала: «Нужно отметить, что ни один осман ни при каких условиях не выйдет из дома в компании женщин семьи. Хотя маленьких девочек, не достигших возраста для яшмака³, можно было постоянно видеть на публике вместе со своими отцами, и они имели свободный доступ в селамлык» [Garnett, 1909, с. 273]. С наступлением эпохи Танзимата с середины XIX в. в жизни османского общества происходят значительные перемены. Представители первой турецкой интеллигенции под влиянием либеральных идей своего времени все чаще задавались вопросом о месте женщины в общественной жизни страны. Шамседдин Сами, Намык Кемаль и прочие известные имена писали свои первые выступления об идеях равенства полов, правда, при этом пока все еще ссылаясь на традиционные принципы и религиозные правила. Передовые государственные деятели начали обучать своих дочерей современным наукам, языкам, игре на фортепиано.

Семьи высшего круга ходили друг к другу в гости. В некоторых случаях на приемах у близких друзей присутствовали также и женщины. Даже во дворце Долмабахче в бальном зале была установлена перегородка из матового стекла, позволявшая женской половине династии, с одной стороны, присутствовать на мероприятии, наслаждаться музыкой и беседами, с другой — все же

³ *Яшмак* — вуаль из белого муслина, которую мусульманки носили под чадрой, закрывая нижнюю часть лица [Беловинский, 2003, с. 911]).

оставаться скрытой от глаз гостей [Esenbel, 1994, с. 172]. Однако, несмотря на все эти меры, переступить через многовековой уклад большинству было все еще не так просто, поэтому данная практика на протяжении всего XIX в. не была общей. Вместо этого наиболее распространенными были женские приемы и вечера. Если традиционно на протяжении веков основным местом для женских встреч и посиделок был гарем или баня, то с развитием салонной культуры в домах появились «малые салоны», где принимали малочисленных частных гостей хозяйки. «Примером типичной женщины-интеллигента эпохи Танзимата была дочь Джевдета-паши Фатма Алие-ханым» [İnalçık, 1999, с. 428]. Видный османский государственный деятель, ученый, историк, автор летописи «История Джевдета» (*Tarih-i Cevdet*) Ахмед Джевдет-паша уделял большое внимание образованию своих дочерей Фатмы Алие и Эмине Семийе-ханым. Согласно требованиям времени, они прекрасно владели арабским, персидским, а также французским языками, интересовались литературой и историей. Фатма Алие нередко устраивала встречи с представителями интеллигенции своего времени. Но особое место в ее активной общественной деятельности занимали встречи с женами дипломатов и приемы посещавших Стамбул дам — особых гостей столицы. Восхищаясь образованностью и интеллектуальными способностями своей «духовной дочери», Ахмед Митхат-эфенди в книге «Европейский этикет» писал, что в то время, когда в европейской салонной культуре беседовать с дамами на серьезные темы было запрещено — мол, «они для этого недостаточно осведомлены» [Mithat, 2001, с. 166], Фатма Алие уже была автором значимых литературных работ, и даже одну из них — рисале (трактат) «Женщина ислама» (*Nisvan-i İslam*) — некая французская газета выразила желание напечатать на своих страницах. Однако, став жертвой собственных национальных предубеждений насчет женской образованности, издатели не поверили в ее авторство и выразили сомнение словами: «В Париже никто даже не рискнет предположить, что истинная дама будет заниматься исследованием подобной серьезной темы» [Ibid., 2001, с. 166]. Тем не менее позже эта работа будет переведена на несколько иностранных языков, и на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году автор ее перевода получит за свой труд награду [Toruz, 2012, с. 14]. Таким образом, прекрасное образование, живой ум и гостеприимство позволили Фатме Алие стать хозяйкой самого популярного женского интеллектуального «салона» второй половины XIX в. в Османской империи.

Все вышеупомянутые факты свидетельствуют о том, что в османском обществе салонная культура имела собственное характерное развитие. Салоны, где женщины исполняли ведущую роль, все-таки существовали. Однако единственной чертой, отличавшей классические европейские салоны от османских, был гендерный состав приглашенных. Несмотря на процесс модернизации, в османском обществе до последней четверти XIX в. влияние старых устоев было все еще сильно. Однако стоит отметить, что первый подобный салон все же появится только на заре существования империи в начале XX в. и будет связан с именем другой яркой представительницы турецкой интеллигенции — Халиде Эдиб Адывар. А до тех пор салоны, балы и прочие атрибуты *savoir vivre* (фр. «искусство жить») будут необходимым атрибутом *алафранга* образа жизни представителей мужского пола.

С началом процесса модернизации в османском обществе XIX в. появляются новые явления, требующие соответствующего к себе отношения. С развитием дипломатических связей между Османской империей и европейскими странами с конца XVIII в. увеличивается количество двусторонних визитов, когда зарубежные посольства встречаются с высшими османскими государственными деятелями, а османские чиновники приглашаются на мероприятия, организованные последними. На этих приемах османы сталкиваются с ранее неизвестными и непривычными правилами поведения. Со временем неловкие ситуации вынуждали османцев ознакомиться с западным этикетом. А с приходом к власти султана Махмуда II европеизация превратилась в основной

политический курс. И уже в 1829 году на организованном британским послом Робертом Гордоном на борту фрегата «Блонд» в честь подписания Адрианопольского мирного договора балу, как сообщает газета *Morning post*, османы ведут себя отныне более уверенно и сдержанно [*Morning post*, 1829, с. 3]. Таким образом, в начале XIX в. вместе с современным образованием, знанием иностранных языков, новой европейской мебелью и прочими атрибутами *алафранга* статуса в жизнь османа входит новый европейский этикет. Вместе с этикетом начинают меняться и окружающие материальные атрибуты. Так, следующим после внешнего вида османа и образования *алафранга* трансформации подвергся и османский дом. С приходом в него сформировавшейся в Европе в качестве «коалиции против грубости» и средства образования женской половины общества [Dulong, 1993, с. 397] культуры салонов традиционное османское домоустройство претерпевает кардинальные изменения. Появляются комнаты с новым назначением, старые комнаты теряют свою традиционную функцию, меняются привычные места некоторых предметов мебели, а хозяева дома примеряют на себя новую роль хозяев салона. Именно эти салоны в будущем сыграют не последнюю роль в деле массового образования народа. Выходцы из этих салонов принесут в страну новые социальные и культурные знания.

Литература/ References

Агаева Н. Трансформация османского общества в первой половине XIX в. Появление категорий «алафранга» и «алатурка». *Общественные науки НАНА*. Баку, 2021. № 1. С. 66–74 [Aghayeva N. Transformation of Ottoman society in the first half of the 19th century. The emergence of such categories as “alafranga” and “alaturka”. *Social Sciences of ANAS*. Baku, 2021. No. 1. Pp. 66–74 (in Russian)].

Беловинский Л. В. *Энциклопедический словарь российской жизни и истории: XVIII — начало XX в.* М., 2003 [Belovinsky L. V. *Encyclopedic Dictionary of Russian Life and History: XVIII — early XX centuries*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Лаврентьев А. И. Письма Мольтке о Турции. *Военный сборник*. СПб., 1877. Т. 116, № 8. С. 308–329 [Lavrentiev A. I. Letters by Moltke about Turkey. *Military collection*. St. Petersburg, 1877. Vol. 116, No. 8. Pp. 308–329 (in Russian)].

Новичев А. Д. *История Турции II. Новое время. Часть первая (1792–1839)*. Ленинград, 1968 [Novichev A. D. *History of Turkey II. New time. Part one (1792–1839)*. Leningrad, 1968 (in Russian)].

Aronson J. *The Encyclopedia of furniture*. New York, 1965.

Bodek E. G. Salonières and Bluestockings: Educated Obsolescence and Germinating Feminism. *Feminist Studies*. Maryland, 1976. Vol. 3. No. 3/4. Pp. 185–199.

Çoruk A. Ş. Tanzimat döneminde bir alafanga Hariciye Teşrifatçısı Mehmet Kamil Bey. *Mostar Dergisi*. İstanbul, 2010. Sayı 60, s. 64–67 (in Turkish).

Dulong C. From Conversation to Creation. *A History of Women*. Vol. III: *Renaissance and Enlightenment Paradoxes*. Cambridge, 1993. Pp. 395–419.

Duman D. Osmanlı'dan Erken Cumhuriyet Dönemin'e: Batı Kültürünün Bir Yansıması Olarak Balolar. *Turkish Studies, International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Ankara, 2016. Vol. 11/1. Pp. 39–58 (in Turkish).

Düzbakar Ö. Osmanlı Döneminde Mahalle ve İşlevleri. *U. Ü. Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimleri Dergisi*. Bursa, 2003. Sayı 5. Pp. 97–108 (in Turkish).

Esenbel S. The Anguish of Civilized Behavior: The Use of Western Cultural Forms in the Everyday Lives of the Meiji Japanese and the Ottoman Turks During the Nineteenth Century. *Japan Review No. 5. International Research Centre for Japanese Studies, National Institute for the Humanities*. Kyoto, 1994. Pp. 145–185.

Garnett L. *Home life in Turkey*. New York, 1909.

- Goodman D. Enlightenment Salons: The Convergence of Female and Philosophic Ambitions. *Eighteenth-Century Studies*. 1989. Vol. 22. No. 3. *Special Issue: The French Revolution in Culture*. Pp. 329–350.
- İhsanoğlu E. 19. YY. Başında Kültür Hayatı ve Beşiktaş Cemiyet-i İlmiyesi. *Belleten*. Ankara, 1987. Cilt LI. Sayı 200. Pp. 801–828 (in Turkish).
- İnalçık H. *Tanzimat. Değişim sürecinde Osmanlı imparatorluğu*. İstanbul, 2008 (in Turkish).
- Kuran E. *Avrupa'da Osmanlı İkamet Elçiliklerinin Kuruluşu ve İlk Elçilerin Siyasi Faaliyetleri: 1793–1821*. Ankara, 1968 (in Turkish).
- Lamartine A. *Voyage en Orient 1832–1833*. Paris, 1843.
- Mithat A. E. *Avrupa Âdâb-I Muâşereti yabut Alafranga*. Ankara, 2001 (in Turkish).
- Rado Ş. *Paris'te bir osmanlı sefiri: Yirmisekiz Mehmet Çelebi'nin Fransa seyahatnamesi*. İstanbul, 2019 (in Turkish).
- Rıza A. *Geçen Asırda Devlet Adamlarımız*. İstanbul, 1977 (in Turkish).
- Splendid fete at Constantinople. *Morning Post*. 1829. 21 December.
- Topuz F. A. *Nisvan-ı İslam*. İstanbul, 2012 (in Turkish).
- Yaşar F. T. Geç Dönem Osmanlı Âdâb-I Muâşeret Kitaplarında Hane Tanzimi Ve Salon Âdâbi. *Turkish Studies, International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Ankara, 2012. Vol. 7/4. Pp. 2919–2938.
- Yaşar F. T. Âdâb-ı Muâşeret. *TDV İslâm Ansiklopedisi*. İstanbul, 2016. Ek 1. Pp. 34–36 (in Turkish).

ТАЙВАНЬ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В 1880-е ГОДЫ

© 2024

В. Э. Молодяков¹

В статье рассмотрено присутствие Тайваня в планах колониальной политики Франции 1880-х годов с учетом ее исторического прошлого. Тайвань как объект колониального соперничества «великих держав» в XIX в. уже стал предметом исследования. Однако в истории его включенности в систему международных отношений остаются моменты, требующие дальнейшего изучения. К таковым относятся колониальные планы Франции в отношении Тайваня, которые следует рассмотреть в контексте ее внутренней политики, неотделимой от внешней и колониальной. Тайвань как объект потенциальной колонизации привлек внимание французов еще в начале XVIII в., но его включение в систему международных отношений — как объекта, а не как субъекта — произошло только в 1870–1880-е годы. В 1870-е годы Франция не уделяла внимания Тайваню, хотя в 1874 г. политический аналитик Эдмон Плошю (Edmond Plauchut; 1824–1909) писал о богатствах острова и об отсутствии там «порядка», подводя к выводу о желательности передачи Тайваня «цивилизированным странам». Особое место в статье уделено идеям и деятельности Жюль Ферри (Jules Ferry; 1832–1893) — главного идеолога и практика колониальной политики на посту премьер-министра (1880–1881, 1883–1885). Во время франко-китайской войны 1884–1885 г. Франция рассматривала свое военное присутствие на Тайване как предмет торга с Китаем и гарантию получения контрибуции, но не имела планов его постоянной оккупации. По условиям мирного договора с Китаем Франции пришлось оставить Тайвань и Пескадорские острова.

Ключевые слова: Франция, Тайвань, колониальная политика, Жюль Ферри, «великие державы», франко-китайская война 1884–85

Для цитирования: Молодяков В.Э. Тайвань и колониальная политика Франции в 1880-е годы. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 28–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-028-036

TAIWAN AND FRENCH COLONIAL POLICY IN THE 1880s

Vasily E. Molodyakov

The article examines the presence of Taiwan in the plans of the French colonial policy in the 1880s, taking into account its historical past. Taiwan as an object of colonial rivalry of the “great powers” in the 19th century has already become the subject of research. However, there are still problems in the history of its involvement in the system of international relations that require further study. These include France’s colonial plans for Taiwan, which should be considered in the context of French domestic policy inseparable from its foreign and colonial policy. Taiwan as an object of potential colonization attracted the attention of the French at the beginning of the XVIII century, but its inclusion in the system of international relations — as an object, not as a subject — occurred only

---

¹ Молодяков Василий Элинарович, доктор политических наук; dottore68@mail.ru
Vasily E. Molodyakov, D. Litt. (Political Science); dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

in the 1870s and 1880s. In the 1870s France did not pay attention to Taiwan, although in 1874 the political analyst Edmond Plauchut (1824–1909) wrote about the island's wealth and the lack of 'order' there, concluding that it would be desirable to transfer Taiwan to "civilized countries". A special place in the article is devoted to the ideas and activities of Jules Ferry (1832–1893), the main ideologist and practitioner of colonial policy as Prime Minister (1880–1881, 1883–1885). During the Sino-French War of 1884–1885 France considered its military presence in Taiwan as a bargaining chip with China and a guarantee of receiving indemnity, but had no plans for its permanent occupation. Under the terms of the peace treaty with China, France had to leave Taiwan and the Pescadores.

Keywords: France, Taiwan, colonial policy, Jules Ferry, "great powers", Sino-French war of 1884–85

For citation: Molodiakov V. E. Taiwan and French Colonial Policy in the 1880s. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 28–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-028-036

Тайвань как объект колониального соперничества «великих держав» в XIX в. уже был предметом исследования [Тодер, 1978; Gordon, 2007]. Однако в истории его включения в систему международных отношений остаются моменты, требующие изучения. Таковы колониальные планы Франции в отношении Тайваня, которые следует рассмотреть в контексте ее внутренней политики, неотделимой от внешней и колониальной. Особое внимание уделено деятельности Жюль Ферри — главного апологета и практика колониальной политики.

Введение. Французское «открытие» Тайваня (XVIII — первая половина XIX вв.)

Тайвань, который европейцы называли «Формоза» (в переводах мы это не сохраняем), привлек внимание французских миссионеров в начале XVIII в. В 1715 г. иезуит Жозеф Мойриак де Майя объездил остров для составления карт. «Золото и другие богатства Тайваня поразили миссионера. [...] Он констатировал, что в настоящих условиях овладеть Тайванем с берегов Китая невозможно. Утверждая, что вся восточная часть острова (населенная аборигенами — *В.М.*) находится вне управления китайцев, де Майя выдвинул предложение "создать какой-нибудь порт на восточном берегу острова"» [Тодер, 1978, с. 65]. Отправленный в Париж доклад де Майя не был использован правительством, но деятельность миссионеров, выступавших в качестве разведчиков и становившихся первыми исследователями, оказалась «самой сильной помощью в распространении французского влияния» в Азии [Reinsch, 1902 (1970), p. 40].

Революция и наполеоновские войны на четверть века парализовали колониальную экспансию Франции и привели к утрате ее позиций в Китае. Колониальная политика активизировалась при Июльской монархии. На рубеже 1830–1840-х годов французские дипломаты и военные, учитывая соперничество с британцами, рассматривали варианты приобретения морской базы у берегов Китая, включая покупку Тайваня. Усилия посланника в Пекине Теодора де Лагрене в начале 1840-х годов увенчались подписанием торгового договора, но морскую базу французы не получили [Тодер, 1978, с. 82–88].

«Тайвань всегда привлекал завоевателей. Китайцы, португальцы, испанцы, голландцы, французы, японцы поочередно пытались его захватить», — писал в 1924 г. лейтенант флота Ж. Ребуль, указывая на стратегическую важность острова и тактические трудности в овладении им [Reboul, 1924, p. 3]. «Изолированный остров вне побережья Китая, без сильного китайского военного присутствия и политического контроля, Тайвань был открыт для освоения заинтересованными силами или странами, искавшими финансовых или политических выгод», — констатировал современный ученый, добавив, что «несмотря на растущий интерес иностранных держав к Тайваню, Китай еще

не оценил стратегическое и коммерческое значение острова и не принял должных усилий к закреплению контроля над ним» [Gordon, 2007, pp. 1, 77].

Японская интервенция 1874 г. на Тайвань и «армии цивилизации»: выводы и намеки Эдмона Плошю

Конфликт между Японией и Китаем из-за убийства на Тайване японских рыбаков аборигенами, приведший к интервенции в 1874 г.,² детально описан [Тодер, 1978, с. 125–146; Gordon, 2007, pp. 81–131]. Рассмотрим «эхо» этих событий в колониальной политике Франции.

Ударом по позициям Франции в Китае стала «Гяньцзинская резня» 21 июня 1870 г. — убийство в открытом для иностранной торговли порту французских миссионеров и дипломатов. Пекинское правительство отказалось принимать на себя ответственность за случившееся, возложив вину на неких «бандитов», и неохотно выплатило компенсацию. В таких случаях «великие державы» обычно применяли силу или демонстрировали ее. Франция не сделала этого из-за войны, которую она 19 июля 1870 г. объявила Пруссии и уже к 1 сентября проиграла («Седанская катастрофа»). Правительству Третьей Республики было не до инцидента в далеком порту, хотя бездействие могло быть расценено как проявление слабости. Японцы направили военную экспедицию на Тайвань в мае 1874 г. — через два с половиной года после убийства рыбаков и через два года после получения информации об этом — показав, что инцидент не имел срока давности и что они могут «навести порядок» на острове, если на это не способны китайские власти. Япония также дала понять «великим державам», что готова и способна отстаивать свои интересы и престиж любыми способами, включая военные. Интервенция не привела к закреплению японцев на Тайване, но сыграла роль в окончательном инкорпорировании в состав Японии островного королевства Рюкю, которое Китай считал вассалом.

Французское правительство, поглощенное внутренними проблемами, отреагировало на события весьма вяло. Формальное предложение французского посланника в Пекине Луи де Жофруа о посредничестве в конфликте с Токио было отвергнуто Ли Хунчжаном, который мотивировал отказ опасением того, что французы взамен потребуют компенсацию [Gordon, 2007, p. 108]. Посланник в Токио Жюль Бертеми формально «посоветовал» японскому правительству поскорее вывести войска с острова по достижении целей интервенции [Sims, 1998, pp. 114–115]).

«Третья Республика во Франции, унаследовавшая заморскую империю в миллион квадратных миль, в первые десять лет своего существования почти не уделяла ей внимания» [Power, 1944, p. 1]. Активность проявляли частные лица. Проспер-Мари Жикель, морской офицер и чиновник, служивший в Китае с 1861 г. и руководивший строительством арсенала и порта Фучжоу [Leibo, 1985], был назначен советником Шэнь Баочжэня, экс-губернатора Фуцзяни и ответственного за строительство в Фучжоу. Пекин поручил ему оборону Тайваня, затем переговоры с японцами, но Шэнь Баочжэнь не смог вести их из-за болезни [Gordon, 2007, pp. 109–110].

Авторитетный голос прозвучал в Париже. 15 ноября 1874 г. журнал *Revue des Deux Mondes* опубликовал очерк Эдмона Плошю (Edmond Plauchut; 1824–1909) «Формоза и японская экспедиция» [Plauchut, 1874], который долгое время оставался лучшим описанием событий на французском языке (однако не упомянут [Sims, 1998]) и был переведен на русский язык [Плошю,

² Японская интервенция на Тайване (яп. *Тайван сюппэй*) в мае-июне 1874 г. стала реакцией на убийство в декабре 1871 г. японских рыбаков, потерпевших крушение у юго-восточного побережья острова, аборигенами из племени Боотанг. Японское правительство потребовало от Китая извинений и компенсации. Не получив удовлетворения по дипломатическим каналам, Япония высадила войска на юге Тайваня и провела военную операцию против аборигенов. Инцидент был урегулирован: Япония вывела войска в обмен на уплату репараций.

1875]. Перевод остался вне поля зрения отечественных исследователей, пока на него не обратил внимание В. Ц. Головачев [Головачев, 2018, с. 40–41]. Два года спустя Плошю включил очерк в книгу «Армии цивилизации» [Plauchut, 1876].

Нами уже дан очерк биографии Плошю [Молодяков, 2022], в 1851–1860 гг. занимавшегося торговлей в Маниле. По пути домой он посетил Японию и Китай: первая очаровала его по контрасту со вторым. Во Франции Плошю, хорошо владевший пером, знавший английский и испанский языки и следивший за событиями, снискал репутацию знатока Азии. С 1869 г. он печатался в журнале «Revue des Deux Mondes», который читала вся политическая и интеллектуальная элита страны.

Очерк «Формоза и японская экспедиция» состоит из двух частей. Вторая посвящена ходу интервенции, ее причинам и последствиям. В первой части Плошю изложил историю Тайваня, точнее, историю попыток его колонизации европейцами и дал характеристику острова, отметив природные богатства и важность для торговли в регионе. Из второй части явствует, что китайские власти очень плохо управляют ценным островом и не могут обеспечить безопасность на нем из-за наличия воинственных «дикарей». Это подводило читателя к выводу, что Тайвань следует отдать в руки «цивилизованных держав», которые «наведут порядок» и будут использовать его должным образом.

Второй вывод автора, заявленный открыто, мог удивить французского читателя 1874 года. Плошю назвал японцев «юной нацией», имея в виду их недавний выход на арену глобальной политики, но заявил об их способности «цивиловать дикарей» и «наводить порядок». Вестернизация Японии не удивляла европейцев, подтверждая представление о том, что их цивилизация — единственная, а остальным надлежит изучать и копировать ее. Однако мало кому приходило в голову, что Япония — не-«белая» и не-христианская страна — может «цивиловать дикарей» наравне с «белыми» христианскими державами. О желательности передачи Тайваня Японии автор не говорил — видимо, предпочитая видеть его французским или входящим в сферу влияния Франции.

Книга «Армии цивилизации. Японцы на Формозе. Французы в Тонкине. Англичане на Золотом берегу. Голландцы на Суматре» (1876) сделала Плошю актуальным автором [Молодяков, 2023а]. Он выступил апологетом колониальной экспансии как «борьбы против бандитизма и варварства» и «триумфа цивилизации над варварством» [Plauchut, 1876, pp. viii, 267], вступив в дискуссию о колониальной политике, о перспективах которой в Третьей республике не было единого мнения. Обладание колониями было обязательным атрибутом «великой державы», но выдержит ли Франция, проигравшая войну Германии и обложенная контрибуцией, продолжение внешней экспансии? Анализируя военные кампании в колониях, Плошю поставил вопрос: «Стоят ли африканские (подразумевалось: и другие — В.М.) колонии того, чтобы удерживать их ценой тех жертв в людях и деньгах, которых они периодически требуют?» [Plauchut, 1876, p. 214]. Отвечая утвердительно, он сделал акцент не только на «цивилизаторской миссии», но и на обеспечении безопасности, в том числе в регионе, который станет Французским Индокитаем.

Незадолго до публикации перевода очерка Плошю в петербургском журнале «Живописное обозрение» там же была напечатана статья прапорщика корпуса флотских штурманов Павла Ибиса, пионера российского тайваневедения, «Формозский вопрос между Китаем и Японией» [Ибис, 1875] (републикована [Головачев, 2019, с. 124–132] и помещена в исторический контекст [Головачев, 2019, с. 69–72]). Находившийся в Нагасаки, в непосредственной близости от места событий, Ибис писал об интервенции в критическом тоне в адрес японцев. В сравнении с Плошю он дал «куда более взвешенную оценку сведений о положении аборигенов на юге острова, а также их борьбе с китайцами и японцами» [Головачев, 2018, с. 41].

Жюль Ферри — апологет и практик колониальной экспансии

Активизация колониальной экспансии Франции в Восточной Азии связана с именем видного государственного деятеля Жюля Ферри (Jules Ferry; 1832–1893). Противник режима Второй Империи, он после ее падения в сентябре 1870 г. стал членом «правительства национальной обороны», префектом департамента Сена и мэром Парижа, в 1869–1889 г. заседал в Национальном собрании, а позже был сенатором. Атеист, масон, враг религии и церкви, Ферри наиболее известен деятельностью на посту министра просвещения, который он в 1879–1883 гг. занимал в пяти кабинетах, включая два собственных, — изгнанием духовенства из сферы образования и созданием системы светской школы.

Вторая ипостась Ферри — апологет колониальной экспансии. Об этом написано меньше: укажем диссертации М. Альдао «Колониальные идеи Жюля Ферри» [Aldao, 1933] и Т. Пауэра «Жюль Ферри и возрождение французского империализма» [Power, 1944] и несколько книг, адресованных широкому читателю [Froment-Guieysse, 1947], [Pisani-Ferry, 1962]. «Изучая колониальную деятельность Ферри, можно задать вопрос: был ли он, осуществляя ее, вдохновлен заранее определенной идеей. Скорее представляется, что им руководил ход событий. Настоящий государственный деятель, он умел извлекать пользу из всех возможностей, предоставлявшихся ему» [Aldao, 1933, p. 12].

«Колониальная политика есть дитя промышленной политики», — писал Ферри [Aldao, 1933, p. 100]. Торговые и промышленные круги, нуждавшиеся в новых рынках сбыта и в источниках сырья, выступали за экспансию; банки были озабочены размещением инвестиций (на этом сделан акцент в статье [Хо Такусю, 1962]). Политическая элита, связанная с деловыми кругами, поддерживала их, как и военные, которым служба в колониях предоставляла лучшие возможности для карьерного роста. «Большинство республиканцев в Палате (депутатов — В.М.) оставалось сторонниками колониальной экспансии. Это отражало и общее мнение страны. Но не все были согласны с действиями правительства. Ферри было далеко до единогласного одобрения. Значительная часть общественного мнения, в принципе не противившаяся колониальной политике, полагала, что Франции, “с трудом восставшей из руин”, не следует рисковать своими солдатами и знаменами в заморских экспедициях» [Aldao, 1933, p. 38]. Сторонники реванша требовали сосредоточиться на подготовке войны против Германии и не расплывать силы — Ферри напоминал им о необходимости колоний для поддержания международного престижа страны. «Идейным» критикам колониализма, аргументы которых восходили к Ж. Ж. Руссо, Ферри на языке эпохи отвечал, что у «высших рас» есть «долг цивилизовать низшие расы» [Power, 1944, p. 192].

Говоря о колониальной политике Ферри, следует помнить «фактор Бисмарка»: «железный канцлер» поддерживал колониальную экспансию Франции, чтобы отвлекать ее от мыслей о реванше. Бисмарк доминировал в европейской политике и хотел выступать арбитром политики колониальной, потому что при нем Германия не вела колониальной экспансии, сосредоточившись на внутреннем укреплении недавно созданной империи. Уроженец пострадавшей от немцев Лотарингии, «Ферри смог воспользоваться неожиданной возможностью, которую его стране предоставил злейший враг отнюдь не из филантропических соображений» [Aldao, 1933, p. 54].

Первый кабинет Ферри (23 сентября 1880 – 10 ноября 1881) решал в основном внутривластные задачи. При нем Франция сделала Тунис протекторатом (май 1881), но лично премьер сыграл в этом скромную роль [Power, 1944, p. 42]. Тогда же обозначилась проблема взаимодействия с парламентом, от которого Ферри не хотел зависеть. Даже сторонники экспансии, на которую премьер просил финансирование, требовали подробного изложения

военных и дипломатических планов, которые, во-первых, надлежало держать в тайне, а во-вторых, приходилось менять по ходу развития событий [Aldao, 1933, p. 78].

Главными событиями периода второго кабинета Ферри (21 февраля 1883 – 30 марта 1885) стали окончательное подчинение Аннама и Тонкина и война с Китаем в 1884–1885 гг. «Ферри был первым французским премьером, готовым действовать решительно и отправить в регион значительные силы» [Sims, 1998, p. 120].

Тайвань во франко-китайской войне 1884–1885 гг.

Напряженность на границе между Тонкином, который французы поставили под контроль, и Китаем росла на протяжении первой половины 1880-х годов. Пекин не признал договор, заключенный Францией 25 августа 1883 г. с Аннамом и Тонкином об установлении протектората над ними, продолжая считать их вассалами. Ферри пришлось заменить посланника в Пекине Артюра Трику, который, по ироническому замечанию премьера, «обращался с китайцами, как с арабами» [Power, 1944, p. 166], поскольку ранее служил в Константинополе, Каире, Бейруте и Тегеране [Sims, 1998, p. 370]. Целью его преемника Жюля Патенотра, племянника и доверенного лица Ферри, было добиться от Китая официального признания французского протектората над Аннамом и Тонкином, который был подтвержден новым договором от 6 июня 1884 г., известным как «договор Патенотра».

Подписанию договора предшествовало соглашение, заключенное 11 мая 1884 г. в Тяньцзине Ли Хунчжаном, главным переговорщиком с китайской стороны, и его давним знакомым — французским морским офицером Франсуа Эрнестом Фурнье, получившим необходимые полномочия от Ферри. По соглашению Китай согласился признать договор между Францией и Аннамом, вывести свои войска из Тонкина и открыть его границу с Китаем для торговли [Power, 1944, pp. 171–172]. Ф. А. Тодер поместила его в геополитический контекст: «Конвенция Ли-Фурнье была для Франции способом парализовать действия китайских регулярных войск во Вьетнаме и оттянуть время, чтобы выяснить, как сложатся события в Египте (объекте соперничества «великих держав» — В.М.). После того как была достигнута договоренность об отказе Англии от аннексии Египта, эвакуации оттуда английских войск и установлении свободы судоходства по Суэцкому каналу, правительство Ферри получило возможность для решения кардинального вопроса о базе и источнике углеснабжения ее военного флота на Дальнем Востоке» [Тодер, 1978, с. 148]. Однако в результате придворных интриг Ли Хунчжан временно оказался в опале, а Китай продолжил военные действия против французов.

Ферри протестовал против нарушений Тяньцзинского соглашения и отдал приказ адмиралу Амедю Курбе, командующему французской эскадрой в Шанхае (31 корабль с 227 орудиями), привести ее в готовность к походу. Курбе и Патенотр призывали премьера к решительным действиям. Ферри решил предъявить Китаю ультиматум о полной эвакуации его войск из Тонкина и об уплате Франции компенсации военных расходов в 200 миллионов франков (в ходе переговоров сумма постепенно снижалась). Отклонение ультиматума предполагало начало боевых действий против Фучжоу на материке и Цзилуна на Тайване. Китай не ответил на ультиматумы и не принял никаких мер, поскольку в его правящих кругах не было единства мнений о формах и методах сопротивления Франции. «Ферри был уверен, что действиями достигнет большего, чем переговорами» [Power, 1944, p. 174]. Его поддержали Палата депутатов и Бисмарк, в разговоре с французским послом Альфонсом Шодроном де Курселем «советовавший, чтобы Франция приняла более активные меры в отношении Тайваня [...], поскольку сам он на стороне “цивилизации” в борьбе с “полуварварством”» [Power, 1944, p. 177].

Дальнейшие события описаны самим Курбе, который в личных записях критиковал и кабинет Ферри, действовавший, по его мнению, «нерешительно», и его оппонентов в парламенте [Cahu, 1896], офицерами его эскадры [Loir, 1894], [Garnot, 1894], затем военно-морскими историками [Reboul, 1924] и историками Тайваня [Gordon, 2007, pp. 140–164] [Тодер, 1978, с. 150–158] (изложение хода войны можно найти даже в анонимных компиляциях в интернете). Остается прояснить вопрос: что Франция собиралась сделать с островом?

Захватить остров Франция не могла по недостатку сил, хотя ее соперники распускали такие слухи [Gordon, 2007, pp. 156–157]. Занять несколько ключевых портов, начиная с Цзилуна (важной угольной базы), в форме многолетней аренды она могла лишь с согласия цинского правительства в случае убедительной победы и признания Пекином своего поражения. Оставался вариант оккупации Цзилуна до окончания выплаты Китаем компенсации в качестве гарантии. Выступая 26 ноября 1884 г. в Палате депутатов, Ферри назвал его «лучшим из всех залогов, правильно выбранным, самым простым и наименее затратным» [Garnot, 1894, p. 24] [Loir, 1894, p. 78].

Предложение Ферри было адресовано не только Китаю, но и французским депутатам и избирателям. В Третьей Республике каждый премьер был более всего озабочен вотумом доверия своему кабинету, а каждый депутат — переизбраем. Ферри имел неплохую поддержку в парламенте, но должен был показать своим оппонентам-реваншистам, что Франция сильна и может применить к Китаю — впрочем, еще не побежденному — ту же самую меру, какую Германская империя применила к побежденной Франции по условиям Франкфуртского мира 1871 г., оккупировав часть Лотарингии (родины Ферри) в залог уплаты контрибуции. По вопросам тонкинской экспедиции премьер получил в Палате больше голосов, чем по своим внутривластным проектам (данные голосований [Power, 1944, pp. 203–205]).

Главным противником плана оказался тот, кому предстояло его выполнить, — адмирал Курбе. В отличие от политика Ферри он мыслил как военный. Помимо трудностей занятия хорошо укрепленного и стойко обороняемого Цзилуна (французы недооценили сопротивление китайцев) и прилегающей территории с угольными копями Курбе в донесениях в Париж указывал на недостаток места в гавани для стоянки больших военных кораблей и на проблемы, связанные с муссонным климатом. Наилучшей базой операций для возможного овладения Тайванем адмирал считал Пескадорские острова, которые предлагал взять под контроль [Garnot, 1894, pp. 35–36, 97–98]. 20 февраля 1885 г. правительство дало Курбе карт-бланш не только на оккупацию Пескадорских островов, но и на любые меры, которые он сочтет нужными для достижения победы [Garnot, 1894, p. 145].

Боевые действия затянулись, а тайные переговоры, ведшиеся через посредников, не давали результатов. «Коммерчески мыслящие британцы и американцы в открытых портах на деле поддерживали продвижение Франции в сторону юго-западных провинций Китая, рассчитывая, что кризис поможет разрушить китайские торговые барьеры. Когда же французы попытались оккупировать часть Тайваня, они начали опасаться, что у Франции могут появиться территориальные притязания к Китаю. [...] Французское давление на Тайвань усилило эти опасения среди коммерческих и дипломатических представителей западных держав в Китае» [Gordon, 2007, p. 140]. В парламенте усилилась критика премьера, предпочитавшего держать депутатов в неведении о ходе переговоров и о своих планах. Когда соглашение с Китаем было почти готово, французские войска потерпели поражение от китайцев под Лянсоном в Индокитае, которое противники Ферри тут же раздули в прессе до масштабов национальной трагедии. После того, как Палата депутатов отказала правительству в очередных кредитах, 30 марта 1885 г. премьер подал в отставку. «Парламент, как и публика, был недоволен расходом людей и денег на экспедицию в Индокитае» [Power, 1944, p. 198].

Мирный договор между Францией и Китаем был подписан 9 июня 1885 г. в Тяньцзине Патентом и Ли Хунчжаном. Китай отказался от претензий на Аннам и Тонкин и дал Франции ряд торговых преференций, но о контрибуции речь не шла. Франция обязалась в месячный срок вывести войска с китайской территории, включая Тайвань и Пескадорские острова. На «прекрасном острове» французам не досталось ничего. 11 июня адмирал Курбе умер в Магуне на Пескадорских островах, успев узнать о заключении мира. «Тонкинец» Ферри и после отставки продолжал защищать свою колониальную политику [Power, 1944, pp. 190–193].

Заключение

Тайвань как объект потенциальной колонизации привлек внимание французов еще в начале XVIII в., но его включение в систему международных отношений — как объекта, а не как субъекта — произошло только в 1870–1880-е годы, когда он стал предметом соперничества «великих держав». В 1874 г. Э. Плошю писал о богатствах острова и об отсутствии там «порядка», намекая на желательность его передачи «цивилизованным странам». Во время войны с Китаем в 1884–1885 гг. Франция во главе с премьер-министром Ж. Ферри рассматривала свое военное присутствие на Тайване как предмет торга с Пекином, но не имела планов его постоянной оккупации. Тайвань оставался в поле зрения французских политиков и дипломатов в ходе франко-японских переговоров 1882–1885 гг., но этот сюжет требует отдельного рассмотрения. Автор намерен продолжить изучение данной темы на материале 1890-х годов.

Литература / References

Головачев В. Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв. М., 2018 [Golovachev V. Ts. *Ethno-Political History of Taiwan in the World Historiography (XVII–XXI c.)*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Головачев В. Ц. «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М., 2019 [Golovachev V. Ts. *“Excursion to Formosa”*. *The Ethnographic Trip by Pavel Ibis*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией. Живописное обозрение. 1875. № 8. С. 120–124 [Ibis P. Formosan Problem Between China and Japan. *Zhivopisnoe obozrenie*. 1875. № 8. Pp. 120–124 (in Russian)]. Сканы в Электронной библиотеке РНБ: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view/#page=122>

Молодяков В. Э. Эдмон Плошю — французский апологет японской колониальной экспансии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3 (21). С. 23–28 [Molodiakov V. E. Edmond Plauchut — French Apologist of the Japanese Colonial Expansion. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2022. № 3 (21). Pp. 23–28 (in Russian)].

Молодяков В. Э. Японская интервенция на Тайване (1874) в контексте колониальной экспансии «великих держав»: Эдмон Плошю и его книга «Армии цивилизации» (1876). *Уральское востоковедение*. 2023. Вып. 13. С. 49–55 [Molodiakov V. E. The Japanese Intervention in Taiwan (1874) in the Context of the Colonial Expansion of the “Great Powers”: Edmond Plauchut and His Book “Armies of Civilization” (1876). *Ural'skoe Vostokovedenie*. 2023. Issue 13. Pp. 49–55 (in Russian)].

Плошю Эд. Еще о Формозе и японской экспедиции. *Живописное обозрение*. 1875. №№ 13–14 [Plauchut E. More about Formosa and Japanese expedition. *Zhivopisnoe obozrenie*. 1875. No. No. 13–14 (in Russian)]. Сканы в Электронной библиотеке РНБ: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view/#page=198> <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view/#page=216>

Тодер Ф. А. *Тайвань и его история (XIX в.)*. М., 1978 [Toder F. A. *Taiwan and Its History (XIXth century)*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Aldao M. *Les idées coloniales de Jules Ferry. Thèse pour le doctorat*. Paris, 1933.

- Cahu T. (préface et mise en ordre par). *L'amiral Courbet en Extrême-Orient, notes et correspondances*. Paris, 1896.
- Froment-Guieysse G. *Jules Ferry*. Paris, 1947.
- Garnot, le capitaine. *L'expédition française de Formose (1884–1885)*. Paris, 1894.
- Gordon L. H.D. *Confrontation over Taiwan. Nineteenth-Century China and the Powers*. Plymouth UK, 2007.
- Leibo S. A. *Transferring Technology to China: Prosper Giquel and the Chinese Self-Strengthening Movement*. Berkeley, 1985.
- Loir M. *L'escadre de l'amiral Courbet, notes et souvenirs*. Paris, 1894.
- Pisani-Ferry F. *Jules Ferry et le partage du monde*. Paris, 1962.
- Plauchut E. Formose et l'expédition japonaise. Essai. *Revue des Deux Mondes*. 1874. Vol. 6 (15 Novembre 1874). Pp. 447–466.
- Plauchut E. *Les armées de la civilisation*. Paris, 1876 (Paris, 2019).
- Power Jr., T. F. *Jules Ferry and the Renaissance of French Imperialism*. New York, 1944.
- Reboul G., le lieutenant de vaisseau. École supérieure de guerre navale. *Les expéditions contre Formose. (Japonais, 1874 — Français, 188–485 — Japonais, 1895)*. Paris, 1924 (Paris, 2022).
- Sims R. *French Policy Toward the Bakufu and Meiji Japan, 1854–95*. Richmond Surrey: Japan Library, 1998.
- Reinsch P. S. *Colonial Government. An Introduction to the Study of Colonial Institutions*. New York, 1902 (Freeport NY, 1970).
- Хо Такую. Фэри найкаку то Нихон. (Кабинет Ферри и Япония). *Сирин*. 1962. Т. 45. № 3. С. 353–386 [Ho Takushu. Ferry Cabinet and Japan. *Shirin*. 1962. Vol. 45. № 3. Pp. 33–66 (in Japanese)].

О СОСТАВЕ И ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСК, ОСВОБОДИВШИХ МОНГОЛИЮ ОТ КИТАЙСКОЙ ОККУПАЦИИ В 1921 г.

© 2024

С. Л. Кузьмин¹

Обсуждается принадлежность войск, освободивших Внешнюю Монголию от китайской оккупации в 1921 г. Показано, что с правовой точки зрения барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и его Азиатская конная дивизия в Монголии не были оккупантами. Они действовали там с санкции ее легитимного руководства. Оккупантами были китайские войска и администрация, в нарушение международного права вторгшиеся во Внешнюю Монголию в 1919 г. и ликвидировавшие ее автономию. Самые важные сражения за освобождение Внешней Монголии от оккупантов в 1921 г. имели место при Урге, Джанжин-Чойре, Улан-хаде и кяхтинском Маймачене, также важным было занятие базы китайских войск в Дзамын-Удэ. Из всего перечисленного бои при кяхтинском Маймачене выиграли войска Монгольской народной партии, все остальное — войска под общим командованием Унгерна. Следовательно, именно им принадлежит заслуга освобождения Монголии от иностранных оккупантов. Сведения о численности войск под командой Унгерна перед взятием Урги и во время боев за Ургу сильно варьируют по источникам. Причины этого — в попытках китайских командиров оправдаться за свое поражение, в участии не всех войск под командой Унгерна в боях непосредственно в Урге, в слухах с преувеличением численности его войск для деморализации противника и, очевидно, в том, что некоторые отряды вне Урги не учитывались конкретными авторами. Даже некоторые разведывательные данные содержат существенные ошибки. Выводы о том, что оккупантов победили не бойцы Азиатской конной дивизии, а только монголы, мобилизованные во Внешней Монголии, основаны на преувеличенных опубликованных сведениях о численности и роли монгольских отрядов в этих боях, игнорировании материалов очевидцев. Заслуга освобождения Внешней Монголии от иностранных оккупантов принадлежит и Азиатской конной дивизии, и монголам, сражавшимся под общим командованием Унгерна.

Ключевые слова: барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг, независимость, оккупация, Россия, Монголия, Китай

Для цитирования: Кузьмин С. Л. О составе и численности войск, освободивших Монголию от китайской оккупации в 1921 г. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 37–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-037-052

ON THE COMPOSITION AND NUMBER OF TROOPS THAT LIBERATED MONGOLIA FROM THE CHINESE OCCUPATION IN 1921

Sergius L. Kuzmin

---

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com
Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

The problem of which troops had liberated Outer Mongolia from Chinese occupation in 1921, is discussed. It is shown that, from legal point of view, Baron R.F. von Ungern-Sternberg and his Asiatic Cavalry Division were not occupiers of Mongolia. They acted there with the sanction of her legitimate leadership. The occupiers were Chinese troops and administration, which, in violation of international law, invaded Outer Mongolia in 1919 and abolished her autonomy. The most important battles for liberation of Outer Mongolia from the Chinese occupiers in 1921 took place at Urga, Janjin Choir, Ulaankhad and Kyakhta Maimacheng. The capture of the Chinese military base in Zamyn Uud was also very important. Of all the above, the battles at Kyakhta Maimacheng were won by the troops of the Mongolian People's Party, and all the rest by troops under the general command of Ungern. Therefore, the latter has the merit of liberating Mongolia from foreign occupiers. Information about the number of troops under Ungern's command before and during the capture of Urga varies greatly among sources. The reasons for this are the attempts of Chinese commanders to justify their defeat; participation of not all Ungern's troops in the battles directly at Urga; rumors with an exaggeration of the number of his troops to demoralize the enemy; and, obviously, in the fact that some detachments outside Urga were not taken into account by some authors. Even some intelligence data contain significant errors. The conclusions that the occupiers were defeated not by the Asiatic Cavalry Division but only by Mongols mobilized in Outer Mongolia are based on exaggerated published information on the number and role of Mongolian detachments in these battles, ignoring the materials of eyewitnesses. The merit of the liberation of Outer Mongolia from foreign invaders belongs both to the Asiatic Cavalry Division and the Mongols who fought under the general command of Ungern.

Keywords: Baron R.F. von Ungern-Sternberg, independence, occupation, Russia, Mongolia, China

For citation: Kuzmin S. L. On the composition and number of troops that liberated Mongolia from Chinese occupation in 1921. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 37–52. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-037-052

До недавних времен считалось, что Внешняя Монголия с 1919 г. до прихода к власти Монгольской народной партии (МНП, затем — Монгольская народно-революционная партия — МНРП, сейчас снова МНП) летом 1921 г. находилась под властью иностранных оккупантов: сначала — китайских войск и чиновников под началом Сюй Шучжэна, потом — российских белых под командой барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга (например, [История Монгольской Народной Республики, 1967, с. 286]). С 1990-х гг. такой подход подвергается пересмотру (например, [Кузьмин, 2011; Батсайхан, 2011]).

Вопрос о том, кто конкретно изгнал китайские войска и администрацию из Внешней Монголии, обсуждается среди исследователей. В одних работах говорится о том, что это был барон Унгерн [Батсайхан, 2011], согласно другим, эта заслуга принадлежит преимущественно или всецело монголам [Бат-Очир, 1991, 1999; Гангааням, 1993; Сухбаатар, 2021]. В недавней «Истории Монголии XX–XXI вв.» это сформулировано однозначно: Унгерн не является освободителем Монголии, так как он планировал сделать Монголию лишь военным плацдармом против Советов, о чем писал военный историк С. Гангааням [1993]: «Унгерн не является освободителем Монголии, ложными словами привлек монгольских феодалов, не хотел восстанавливать независимость Монголии, а хотел сделать ее военным плацдармом против Советской России» [Монгол улсын түүх, 2023, с. 314]. Важным источником сходной точки зрения является историк Л. Бат-Очир. Еще раньше о том же заявляло пекинское правительство [Заря, 19.02.1921] и писал лидер МНР — Х. Чойбалсан [1965, с. 41]. Правда, сам Унгерн на допросах говорил о другой цели: создании большой центральноазиатской империи под властью маньчжурского хана, автономной частью которой должна была стать Монголия.

Л. Бат-Очир писал, что при освобождении Внешней Монголии от китайской оккупации численность войска Унгерна увеличилась до 12000, из которых монголов было 8000. Из этого автор сделал вывод, что большая часть войска, победившего китайцев в решающих боях при Нийслэл-хурэ (Урге), Улан-хаде, Чойре, состояла из монголов, да и само взятие Унгерном Нийслэл-хурэ — заслуга монгольских солдат [Бат-Очир, 1999, с. 116–117]. Указанный автор считает это бесспорным и подтверждаемым документами. Что это за документы? Прежде всего — это цитируемые им документы МНП, члены которой, однако, не участвовали во взятии Урги. На какие еще документы опирался Бат-Очир? На заметки в сибирских газетах. Как будет показано ниже, они содержат существенно варьирующие данные, которые в ряде случаев малодостоверны.

В данной статье рассмотрен вопрос о численности и составе войск, воевавших с китайскими оккупантами, на основе архивных сведений, мемуаров очевидцев и более широкого спектра публикаций того времени. Поскольку первые штурмы Урги в октябре—ноябре 1920 г. были безуспешны, а победы над противником при Урге, Улан-хаде и Чойре относятся к февралю—первым числам апреля 1921 г., есть смысл анализировать материалы за декабрь—март.

Вопрос об оккупации

Сначала следует кратко затронуть вопрос об оккупации. Согласно международному праву, военная оккупация означает временное занятие вооруженными силами одного государства территории или части территории другого государства, которое порождает определенные правовые последствия для участников вооруженного конфликта (например, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/115887/Оккупация> (дата обращения: 30.05.2023)). Азиатская конная дивизия под командой барона Унгерна не подчинялась какому-либо иностранному государству, а действовала во Внешней Монголии с санкции ее законного монарха — Богдо-хана (Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII) и его правительства, с которыми у нее не было конфликта (хотя некоторые группы белых, нарушая приказы барона, грабили население, иногда убивали монголов). Всю полноту власти в стране после изгнания китайских войск и администрации осуществляли Богдо-хан и его правительство. Сам Унгерн принял монгольское подданство [Разведсводка штаба главкома ДВР к 7 января 1921 г.: РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1111, л. 72–72об.; Боец и пахарь, 11.01.1921; Красный стрелок, 14.01.1921; Воля России, 27.02.1921].

Следовательно, Унгерн и его дивизия не были оккупантами. Даже красные командиры на первых порах считали занятие Урги бароном освобождением от китайцев, а не оккупацией [ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46].

С точки зрения международного права оккупацией следует считать присутствие в Монголии войск и чиновников Китая. Это издавна не вызывало сомнений у авторов вне Китая (например, [Кислов, 1931, с. 31]). Ввод войск Сюй Шучжэна в Монголию, подписание под его давлением письма об отмене автономии некоторыми ламами и феодалами без санкции Богдо-хана было нелегитимным, так как противоречило кяхтинскому Китайско-русско-монгольскому соглашению об автономии Внешней Монголии от 1915 г. Несмотря на это, президент Китая после этого письма издал указ об «удовлетворении просьбы» об отмене ее автономии и вхождении в Китай. Следовательно, данный указ тоже был нелегитимным. Российский посланник в Китае (с 1916 г.) князь Н. А. Кудашев пытался дипломатическими методами противостоять этому (перечень нарушений подробно изложен в его ноте — см. приложение). Но не смог: Китай пользовался слабостью России, охваченной революционным брожением и гражданской войной.

Взятие Урги

В книге лидера МНР Х. Чойбалсана сказано: «После ожесточенных боев, благодаря храбрости монгольских солдат 4 февраля 1920 [sic] года ему [Унгерну] удалось разбить многотысячную армию противника и занять Ургу» [Чойбалсан, 1965, с. 41]». И вот почему: во время штурма Урги «по приказу Унгерна впереди шли плохо вооруженные монгольские цирики, а уже вслед за ними шли белогвардейцы в виде вспомогательной силы» [Чойбалсан, 1952 с. 33]. Эти данные Чойбалсана, который не участвовал в тех боях и не видел их, противоречат их детальным описаниям очевидцами и участниками (Н. Н. Князев, М. Г. Торновский, А. С. Макеев, Б. Н. Волков и др.). В действительности авангард составляли отряды Азиатской конной дивизии. На одном из участков решающих боев за Ургу первым прорвался небольшой отряд внутренних монголов («харачинов»). Дивизион внешних монголов тоже участвовал во взятии города.

Когда Унгерн с Азиатской дивизией вошел во Внешнюю Монголию 1 октября 1920 г., она состояла из 1-го Татарского полка (400 чел.), 2-го конного им. Анненкова полка (200 чел.), артиллерийского дивизиона (6 орудий, около 25 пулеметов); общая численность — около 800 чел. [Цибиков, 1947, с. 64]. С этими силами барон штурмовал столицу Ургу в конце октября — начале ноября, но был отбит. Он отступил к востоку — сначала на р. Тэрэлджийн-гол, потом еще восточнее — на р. Керулен и стал пополнять войско.

В конце безуспешных первых боев за Ургу к нему присоединился отряд внутренних монголов («харачинов» или «чахаров», как их обозначали российские мемуаристы) — участников панмонгольского движения, взятых в плен китайцами в начале 1920 г. под кяхтинским Маймаченом и затем мобилизованных против Унгерна. Их численность неизвестна, но вряд ли она перекрыла потери во время ургинских боев: Азиатская дивизия потеряла около 100 чел. убитыми и 200 ранеными. Но вскоре — в середине ноября — к барону пришли еще 170 внутренних монголов («харачинов» или «чахаров») во главе с Найдан-гуном [Торновский, [1942] 2004, с. 206]. Это тоже были панмонголисты, попавшие в плен к китайцам. Последние использовали этих пленных на охране своих хлебных полей на р. Хара.

Уже на Тэрэлдже к Унгерну стали присоединяться небольшие группы белых, ушедших в Монголию из Сибири. Продолжался этот процесс и на Керулуне. Например, есаулы П. Архипов и Г. Нечаев привели две сотни в 130–145 всадников и 13 офицеров [Князев, [1942] 2004, с. 51; Торновский, [1942] 2004, с. 208]. Присоединялись и более мелкие группы, отдельные люди.

Р. Ф. Унгерн установил контакты с влиятельными монгольскими феодалами и ламами: Г. Лувсанцэвэном-тайджи, Н. Дугаржав-мэрэном, Цэцэн-ханом Ц. Наваннэрэном и др. Важнейшими вопросами были снабжение дивизии и мобилизация монголов. Богдо-хан благословил князей на формирование отрядов в помощь Унгерну, стал тайно рассылать приказы об оказании полного содействия ему во всем для войны с китайцами [Князев, [1942] 2004, с. 49–50; Торновский, [1942] 2004, с. 201–202; Ургинский, 1921, с. 170–190]. Мобилизованные монголы формировались в отряды под общим командованием Лувсанцэвэна. Главнокомандующим был Унгерн. В конце января к Унгерну прибыли 80 тибетцев — очевидно, из тибетской колонии в Урге.

Сведения о численности войска Унгерна ко времени штурма Урги существенно различаются в разных источниках (см. таблицу 1). По-видимому, имела место тенденция к ее увеличению в течение января. Бои за Ургу шли 1–4 февраля 1921 г. К этому времени численность войска Унгерна, включая монголов, оценивалась в разных источниках от «чуть более 500» до 21500 чел. Наибольшего внимания заслуживают свидетельства очевидцев. Сам Унгерн на допросах красными 1 и 2 сентября 1921 г. говорил: «Численность войск различна была в разные моменты <...>, в момент Ургинской операции

66 сотен, около 5000 чел.». Унгерновцы Князев и Торновский указывали 1400 и 1360 соответственно; монгольский очевидец [Магсаржав, [1927] 1994] приводит близкую величину: около 2000.

Таблица 1. Численность и состав войск Р. Ф. Унгерна в Монголии в декабре 1920 – апреле 1921 г.

Время	Общая численность, чел.	Состав отдельных частей, чел.	Источник
20 декабря 1920 г.	Русских – 3000 чел., к ним подходят подкрепления		По сведениям китайской разведки, Трицкосавск – РГВА, ф. 25853, оп. 1, д. 10, л. 10
К 8 января 1921 г.	3000		Разведсводка Штаба помглавома всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири – РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 544, л. 20
К 15 января 1921 г.	3000 (2000 русских и 1000 монголов)	В том числе: всадники Цэцэн-хана – 1000; русско-чахарский отряд – 500; Отряд Тогтохотайджи – численность не установлена	Данные начрегвостсиба: ЦГАКА [РГВА], ф. 185, оп. 8, д. 97а, л. 5 – Цибикив, 1947, с. 80
К середине января 1921 г.	Ок. 5000		Златкин, 1957, с. 166
18 января «или около того»	Ок. 9000	Ок. 2500 русских, 1500 бурятских казаков, 5000 монголов под началом монгольского главнокомандующего Цэвэн-гуна разбили лагерь в Тулдже в 40 верстах к востоку от Урги	Доклад из архива военного атташе США в Пекине, который он направил в военный департамент в Вашингтоне – UNLV, DS773.89. U65 1983 U.S. military intelligence reports. China, 1911–1941. University Publications of America, [с 1983] MICROFILM, reel 6, frames 691-8 (предполагается, что это майор В.С. Дрисдэйл: Boyd, 2010, p. 372)
Январь 1921 г.? (Перед вторым штурмом Урги)	2000	2000 чел. русских, бурят, чахаров, татар, военнопленных немцев и мадьяр	Генкин, 1928, с. 82
Январь 1921 г.	Ок. 3000		История Монголии XX век, 2007, с. 60
Январь 1921 г.? («К последнему штурму Урги»)	Ок. 3000	В т.ч. ок. 2000 русских	Хишигт, 2002, с. 42–51
К концу января 1921 г.	1400	В том числе: монголы – 600; чахары – ок. 160	Князев, 1942, с. 56
Конец января 1921 г. («перед взятием Хурэ»)	Русских и монгольских солдат – ок. 2000		Магсаржав, [1927] 1994, с. 183

Продолжение Таблицы 1

Время	Общая численность, чел.	Состав отдельных частей, чел.	Источник
К 28 января 1921 г.	10000		Разведсводка Штаба помглавкома всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири со слов унгерновского подполковника Лауренца («полковника Лоуренса») – РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1111, л. 159
К 1 февраля 1921 г.	10000	Из них 6000 мобилизованных монголов	Разведсводка Штаба помглавкома по Сибири – РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 544, л. 3
К февралю 1921 г.	Ок. 6000		Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 62–63
Начало февраля 1921 г. («в момент Ургинской операции»)	66 сотен, ок. 5000		Изложение допросов Унгерна 1 и 2 сентября 1921 г. – ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	До 5000 чел.		Донесение штаба 5-й советской армии 7 февраля 1921 г. – РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1111, л. 12об.
Начало февраля 1921 г. (последняя атака на Ургу)	Ок. 5000	Русские казаки – предположительно 300–400; татары – ок. 1000; остальные – буряты, тибетцы и монголы, немного китайцев и др.; японцы – ок. 40–50	Albertsen, 1921, p. 14
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	До 8000	Русские, японцы, чахары, монголы, татары	Разведсводка штаба главкома ДВР к 7 февраля 1921 г. Состав наступавших частей Унгерна – до 8000 чел. – РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1111, л. 280об.
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	Ок. 2000		АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 3а, п. 24а, д. 2, л. 104 – Белов, 2002, с. 49; 2003, с. 48
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	Не более 1000	Унгерновский отряд вместе с монголами, занявший Ургу	По словам выехавших 4 февраля из Урги, разведсводка штаба главкома ДВР к 14 февраля 1921 г. – РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1111, л. 317
Начало февраля 1921 г. (под Ургой)	1300		Заря, 16.03.1921

Продолжение Таблицы 1

Время	Общая численность, чел.	Состав отдельных частей, чел.	Источник
Начало февраля 1921 г. (под Ургой)	1360	1-й Татарский полк – 350; 2-й конный полк – 300; артиллерия – 60; пулеметная команда – 80; Японская конная рота – 40; Монгольский дивизион – 180 человек; Отдельный дивизион Тубанова – 170; Чахарский дивизион – 180	Торновский, [1942] 2004, с. 208
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	1800	800 русских, 1000 монголов	Б. Волков. Унгерн в Монголии – НИА, Вох no.: 15; Folder no.: 18, р. 95
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	По слухам, чуть более 500 солдат		Дилова-хутухта, 2018, с. 107
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	21500	5500 русских, 12000 монголов и 4000 бурят	Китайские источники – Русское эхо, 01.03.1921
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	17 сотен		Alioshin, 1941, pp. 219–268
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	1000		Макеев, 1934, с. 35
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	Ок. 4500–5500	ок. 70 японцев, 500–1000 русских, 4000 монгол и бурят	Сообщение Докрэя, Голда, Альбертсена и Стефана, прибывших из Урги в Харбин – Русское эхо, 17.03.1921
Начало февраля 1921 г. (взятие Урги)	3100	3000 русских и 100 японцев	Шанхайская жизнь, 09.03.1921
Начало февраля 1921 г. (после занятия Урги)	По слухам, 2000–5000		Показания Пивоварова-Тимашева – РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1743, л. 10
По-видимому, февраль 1921 г.	Более 3000	Несколько сотен русских и 3000 монгольских всадников	Заря, 30.03.1921
По-видимому, февраль 1921 г.	Монгольская армия в 20 тыс.	В командном составе 180 иностранных офицеров, из них 100 русских и 80 японцев	По сообщению Журналь де Пекин, 23.02.1921 – Заря, 28.02.1921

Продолжение Таблицы 1

Время	Общая численность, чел.	Состав отдельных частей, чел.	Источник
Март 1921 г.?	Ок. 2100	После взятия Урги у Унгерна «малое наличие у Унгерна собственных сил, всего без монгол ок. 2000 чел. и японцев – ок. 100 чел.»	Донесение Б.З. Шумяцкого от 19 марта 1921 г. – РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 105, л. 15; АВГРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234, л. 7
Март 1921 г.?	5000	2500 русских	По сообщениям из Пекина – Русское эхо, 11.03.1921
К 14 марта 1921 г.	8000	До 1000 русских, татар, 1000 бурят, 100 японцев, остальные чахары. Кроме того, монгольских войск до 5000	Разведсводка к 14 марта 1921 г. – РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1116, л. 82–82об.
К 17 марта 1921 г.	Без монголов – 2000; японцев ок. 100		Телеграмма Шумяцкого 17.03.1921 – РГАСПИ, ф. 495, оп. 154, д. 105, л. 15
К 24 марта 1921 г.	13580 чел.	Включая другие белые отряды, чахаров, монголов, бурят	Боевое расписание войск противника к 24 марта 1921 г. – РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1123, л. 5–5об.

Однако, согласно разведсводке Штаба помглавома всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири к 1 февраля, «указанный отряд [Азиатская конная дивизия] начинает разбухать, получая значительные пополнения людьми из бывших семеновцев и каппелевцев, причем благодаря такому притоку численность отряда Унгерна увеличилась до 10000 чел. Такое увеличение отряда, видимо, произошло от того, что с согласия Богдо-Ламы были мобилизованы монголы, которые дали до 6000 вооруженных людей, расположенных по зимовьям района Кырылун (Урго)» [РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 544, л. 3]. Урго — это Сан-бэйсэ, сейчас г. Чойбалсан на р. Керулен.

С чем связано столь существенное различие в цифрах? Реалистичное объяснение дали советские авторы по следам событий: при наступлении на Ургу барон разделил войско на четыре части, из которых полк монголов под командой Дугаржав-мэрэна остался на Керулуне [Кунгуров, Сороковиков, 1946, с. 62–63]. В этом резерве (численностью превосходившем полк) могло оставаться большинство мобилизованных монголов.

Но не исключено и другое объяснение и этот резерв был не таким большим. Известно, что через монголов Унгерн распускал среди китайцев слухи о том, что у него 13000 солдат [Batsaikhan et al., 2018, p. 129]. Китайцы верили и были деморализованы [Чойбалсан и др., 1979, с. 173]. Это стало одним из факторов успешного взятия Урги. Очевидно, такие слухи были широко распространены в Урге, что могло найти отражение в советской разведсводке². Эти слухи могли быть и в основе последующих рассказов о том, что Ургу штурмовали около 5000 чел.

² Надо отметить и другие неточности в разведанных красных. Например, в боевом расписании противника на основе разведсводки к 1 февраля 1921 г. указано, что Азиатская дивизия в 10000 чел. находится на оз. Далай-нор, Керулен [РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 544, л. 8об.]. По-видимому, эти данные основаны на более ранней разведсводке — от 18 декабря 1920 г., где говорилось, что отряд Унгерна находился в районе р. Керулен в 220 верстах от Акши, к 23 декабря занял район на южном берегу Далай-нора с передовыми частями в районе станций Маньчжурия и Далай-нор [там же, л. 19об.]. Сообщалось и более конкретно: «Части отряда Унгерна, перейдя в Маньчжурский район главными частями,

Китайцы в Урге располагали тремя пехотными полками — 4000 чел. и одной кавалерийской дивизией — 2900 чел. [Торновский, [1942] 2004, с. 211], всего около 7000 чел. По другим данным, общие силы китайцев во Внешней Монголии составляли до 15000 чел., из которых 7–8 тыс. — регулярные войска, остальные — мобилизованные и хунхузы [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 3, л. 21–21об., 22–24]. Известно, что китайские командующие Гао Цзайтянь и Чу Цисян в разгар боев перессорились, и Гао увел из города свой кавалерийский отряд [Голубев, 1926, л. 139–140].

Возможно, этот факт наряду с переходом «харачинов» на сторону Унгерна во время неудачного штурма Урги в 1920 г. (см. выше) послужил основой для слухов о бунте в китайском войске. «3/II отмечилось наступление на Ургу сильных отрядов монгол, объединенных под командой Арбо-Зайсана (по другим сведениям, приемного сына Тохато-Таджи [Тогтохо-гайджи]), и 4/II китайские части, оказывавшие слабое сопротивление, были выбиты из города и в беспорядке отступили на север в направлении на Маймачен» [Периодическая разведсводка на 15 февраля 1921 г.: РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1125, л. 54]. Часть китайских солдат гарнизона Урги перебила своих офицеров и перешла на сторону Унгерна; во главе их и присоединившихся к ним монголов встал Арбо-зайсан, или Норбо-зайсан («бывший видный китайский шпион») [Разведсводка штаба главкома ДВР к 7 февраля 1921 г.: РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1111, л. 280об.]. Произошло это в некоторых частях, где солдаты на почве неполучения жалования и вражды перебили командный состав, отмечались случаи перехода на сторону Унгерна. «Циркулируют слухи, что Урга занята монголами во главе с князем Норбо Зайсан, бывшим ранее на службе у китайцев» (Разведсводка к 9 февраля 1921 г.: РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 1111, л. 35об.). Эти слухи также циркулировали в кяхтинском Маймачене, куда бежали китайцы из Урги [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 11, л. 4–5].

Однако эти слухи не подтверждаются другими материалами. Но не в них ли источник мнения о том, что Ургу освободили монголы без участия Азиатской конной дивизии?

Взятие Урги подробно описано очевидцами [Князев, [1942] 2004, с. 55–56; Торновский, [1942] 2004, с. 210–212]. По их сообщениям, важную роль во взятии города сыграли чахарский и монгольский дивизионы, а также русские, татарские и бурятские части. По свидетельству очевидца от 3 марта 1921 г., при боях за Ургу «передовые части состояли исключительно из харачин, численность которых была до сотни, момент этот продолжался с 11 до 3 ч., после чего появились еще 200 смелых — русских, монгол и бурят. Все это наблюдали из окон, выходящих на площадь. <...> Количество войск [увеличилось] втрое по сравнению с первой осадой, причем пополнение было исключительно из монгол» [АВПРФ, ф. 111, оп. 2, д. 29, папка 103, л. 47]. Здесь «харачинами» обозначены внутренние монголы, которых некоторые другие мемуаристы называли «чахарами».

Все эти сведения не подтверждают того, что заслуга взятия Урги принадлежит одним монголам, как писал Х. Чойбалсан [1952, с. 33; 1965, с. 41].

Взятие Урги послужило и другим преувеличениям. Сведения о ее захвате стали поступать в Пекин далеко не сразу — с 12 февраля. Они «ограничиваются почти исключительно телеграфной перепиской центрального правительства с военачальниками на местах и маньчжурскими властями. Переписка эта на всевозможные лады воспроизводится местной печатью — а так как донесения потерпевших поражение военачальников принимаются с известным недоверием, к тому же часто противоречивы и туманны, то картина до сих пор остается весьма неполной». Нападавшие составляли две группы. В первой, численностью в 3000 чел., на руководящих должностях были русские; вторая, под начальством монгольских князей, насчитывала 4000. «Можно полагать, что цифры эти

занили южную окраину оз. Далай-Нор, где мобилизуют монгол и, держа связь с другими белогвардейцами, остаются на зимовку» [там же, л. 20об.]. Однако установлено, что Азиатская дивизия остановилась гораздо западнее по Керулену — во Внешней Монголии, а не в Барге, где находится Далай-нор. Возможно, недоразумения связаны с тем, что Унгерн поддерживал связь с белыми в Барге и там формировались отряды для его дивизии.

преувеличены, дабы объяснить оставление Урги, китайский гарнизон коей, согласно тому же источнику, насчитывал якобы только 2500 человек». Однако в конце прошлого года указывалось 5000 чел. [Русский голос, 26.02.1921]. Это неплохо сочетается с донесением в Пекин начальника ургинского гарнизона Чу Цисяна еще в январе: неприятель якобы получил подкрепление в 7000 чел. [Русское эхо, 25.01.1921; Свет, 17.03.1921].

Итак, Ургу освободили объединенные силы Азиатской конной дивизии, внутренних и внешних монголов под общим командованием Унгерна 4 февраля 1921 г.

Уже 5 февраля там был расклеен призыв барона к русским поступать в Азиатскую конную дивизию. 8 или 9 февраля на площади собралось 150–200 чел.; но, по сообщениям из Пекина, число мобилизованных достигало 5000 [Власть труда, 17.03.1921; Макеев, 1934, с. 39]. Мобилизация монголов проводилась по приказу Богдо-хана. Было создано собрание феодалов, да-лам и Эрдэнэ-шанцзотбы 12 февраля 1921 г. Решили мобилизовать из Тушэтуханского аймака 1400 чел., из Великого Шаби 600; разместить в Тосон Дзамар 700 чел., в Хуй-Мандал севернее Урги 1000 чел.; начальником солдат в Тосон-Дзамаре назначили Сундуй-гуна [Монгол туух, 2023, с. 317–318]. Сообщалось, что мобилизация монголов идет вяло, в армии не больше 15–20 тыс. чел. [Боец и пахарь, 29.03.1921] — явно завышенная цифра. 14 февраля 1921 г. Унгерн издал воззвание к бурятам и эвенкам вступать в монгольскую армию [АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, папка 104, д. 34, л. 9].

Из мобилизованных монголов в крупных боях за освобождение Монголии от иностранной оккупации участвовали отряды Сундуй-гуна и Балжинням-гуна вместе с созданными ранее отрядами Дагаржав-мэрэна и Лувсанцэвэна, получившего титул вана. В мае 1921 г. в Цэцэнханском аймаке формировались также монгольские отряды для охраны границы [РГВА, ф. 16, оп. 1, д. 37, л. 48–48об.]. Кроме того, для вербовки солдат барон отправил посланцев с деньгами в Чахар (Внутренняя Монголия) [Боец и пахарь, 29.05.1921]. В это же время на востоке Внешней Монголии занимался мобилизацией Найдан-ван, безуспешно пытавшийся наладить мобилизацию также во Внутренней Монголии.

Китайские источники, по-видимому, под впечатлением недавней дезинформации о 13000 солдат у Унгерна, сообщали о том, что в Урге находится около 12000 антиправительственных войск. Из них первоначально было 2000 унгерновцев, но к ним присоединились еще столько же семеновцев ([Дальневосточная правда, 15.04.1921] по материалам Пекин дейли ньюс). О численности монгольских войск не говорится. Но $2000 + 2000 = 4000$. По-видимому, из этого Гангааням сделал вывод, что оставшиеся 8000 — это монгольские войска. На основе данных Ц. Самдангэлэга [1980, с. 139] и опубликованных в Монголии документальных материалов [Эх орноо..., 1980, с. 8] он писал, что к апрелю 1921 г. Унгерн собрал 10555 чел. кавалерии, 200 чел. пехоты, 37 пулеметов, 21 пушку и другое вооружение ([Гангааням, 1993, с. 92]). При этом он ошибочно датировал указанный выше выпуск «Дальневосточной правды» 15.III.1921.

Первоисточники указанных данных в обеих книгах 1980 г. следующие: журнал «Байдлагч хэмээх сэтгүүл», Улаанбаатар, 1938, с. 56 (в публикации [Эх орноо..., 1980, с. 8] — апрель 1921 г., 1555 солдат, 37 пулеметов, 20 пушек), и ЦГАКА [ныне РГВА], ф. 185, оп. [номер не указан], д. 694 (в публикации [Самдангэлэг, 1980, с. 139] — более 10550 кавалеристов, 200 пехотинцев, 21 пушка, 37 пулеметов).

Исходный источник этих сведений один: данные штаба 5-й советской армии. Они были впервые опубликованы в 1931 г. [Кислов, 1931, с. 35 со ссылкой на Архив СибВО, д. 2, л. 22]: «Всего в подчинении Унгерну — 10.550 саб., 20 шт³., 37 пул., 21 ор.». Позже Кислов привел эти данные также со ссылкой на РГВА [Кислов, 1964, с. 37: «ЦГАСА, ф. 185, оп. 8, д. 694, лл. 23 и 40.

³ Опечатка: должно быть 200. Саб. — сабель, т. е. кавалеристов; шт. — штыков, т. е. пехотинцев.

Также архив штаба Сиб. воен. округа, д. 2, л. 22 (1930 г.)». В 1931 г. Кислов указывал, что это данные «к концу мая», в 1964 г. — что «в мае».

Май — начало похода Унгерн на советскую Сибирь. Притом это максимальная численность, в которую включены все отряды белых в Монголии — не только Азиатская конная дивизия. Как указывал Кислов, в это число входят и 2000 мобилизованных монголов. Правда, если суммировать все цифры личного состава из статьи Кислова 1931 г., получится несколько больше: 10750 кавалеристов и 200 пехотинцев. Близкую оценку дал 2-й отдел штаба японской Владивостокской экспедиционной армии на 1 мая 1921 г. — ок. 10000 чел. [Зорихин, 2023, с. 211]. По приводимым Кисловым данным, численность самой Азиатской конной дивизии составляла в то время 5000 чел. (без гарнизона Урги в 500 чел.). Очевидец М. Г. Торновский приводит близкую величину численности Азиатской дивизии — около 4500 чел. (Торновский, [1942] 2004, с. 249–250). Однако точного учета не велось, и Унгерн на допросе красными 27 августа говорил, что «численности своей дивизии определить точно не может» [РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.].

Так или иначе, это данные за май, а не за март или апрель 1921 г. Однако последние крупные бои с китайскими войсками закончились до 3 апреля 1921 г., когда бойцов под командой барона было меньше. Какие силы участвовали в тех боях?

Взятие Джанжин-Чойра, Дзамын-Удэ, кяхтинского Маймачена

Существуют реконструкции этих боев на основе документов и воспоминаний очевидцев. Бои при Джанжин-Чойре и последующее взятие китайской военной базы в Дзамын-Удэ на границе Внешней и Внутренней Монголии происходили 11–13 марта 1921 г. В поход туда Унгерн взял около 900 чел.: русские и мусульманские сотни, Чахарский дивизион и Монгольский дивизион Дугаржав-мэрэна [Князев, [1942] 2004, с. 75]. По другим данным, к Чойру Унгерн двинул 1000 чел. [РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 655, л. 90], из них 300 чел. Найдан-гуна [Белов, 2003, с. 58–59] — это Чахарский дивизион. Китайские силы в районе Чойра составляли, по разным данным, 2500–5000 чел. [Князев, [1942] 2004, с. 75; Торновский, [1942] 2004, с. 85–87]. Они были разгромлены, ушли на юг в Дзамын-Удэ и вместе с тамошним гарнизоном ушли в Китай.

На обелиске, который стоит недалеко от мест боев при Джанжин-Чойре, сказано, что китайские войска здесь разбил монгольский отряд Дугаржав-мэрэна в помощь солдатам полководца Сухэ-Батора. Изучение документов, российских и монгольских мемуаров [Оюунчимэг, 2021; Оюунчимэг, Кузьмин, 2023] показало, что обе военные базы — Джанжин-Чойр и Дзамын-Удэ — захватил Унгерн с отрядом Азиатской дивизии, а не Дугаржав-мэрэн со своим отрядом. Атака Дугаржава была быстрой и смелой, но преждевременной, и не привела к разгрому противника. Что же касается одного из лидеров МНП Д. Сухэ-Батора, то он вообще не имел отношения к тем событиям.

Вскоре произошло другое важное событие — захват кяхтинского Маймачена (сейчас Алтанбулаг) на севере Монголии. Там в дополнение к местному китайскому гарнизону скопилось много китайских солдат и купцов, бежавших из Урги. Народно-революционная армия МНП 18 марта 1921 г. захватила кяхтинский Маймачен. По данным одного из руководителей МНП — Г. Дэмиды, в марте 1921 г. в Маймачене было 2500 чел.; когда монголы брали этот пункт, там не было 10000 китайских солдат (как иногда писали), но все равно силы китайцев превосходили силы монголов [Гангааням, 1993, с. 93].

Из Маймачена китайцы — как военные, так и купцы, которых они вооружили — двинулись на юг и юго-запад, грабя население. Белые решили, что китайцы идут на юг, чтобы отбить Ургу. В это время там были небольшие силы белых: большинство было в районе Чойра и на севере страны. Белые вышли из Урги и в местности Улан-хад перекрыли дорогу китайцам. Судя по документам

и воспоминаниям очевидцев, бои при Улан-хаде 31 марта — 2 апреля 1921 г. изначально вел небольшой отряд генерала Б. П. Резухина и полковника М. Г. Торновского, в котором были русские и буряты (355 чел.), а также дивизион монголов или тибетцев. Общая численность — до 800 бойцов. До подхода подкреплений они несколько дней сдерживали натиск противника, который имел почти десятикратный перевес в живой силе, шестикратный — в артиллерии и четырехкратный — в пулеметах. Затем подошел 2-й конный полк Хоботова (4 сотни, 2 орудия и 4 пулемета) и монгольские отряды Балжинням-гуна и Бишерелту-гуна Сундуя; прибыл сам Унгерн. Общая численность войск под его командой достигла примерно 2500 чел., но все равно уступала численности китайцев. Тем не менее последние частично сдались, но в основном бежали (подробнее см.: [Кузьмин и др., 2015]).

Бежавших преследовал отряд Азиатской конной дивизии, затем отряды монголов. Кроме того, небольшие группы китайских солдат, пробиравшихся на юг к границе и дорогой занимавшихся грабежами, преследовали небольшие отряды монголов — подчинявшихся частью Унгерну, частью — МНП. Остатки китайских войск частично ушли из Внешней Монголии, частично были перебиты и взяты в плен.

Заключение

Итак, Р. Ф. Унгерн и его войско не были оккупантами Монголии. Они действовали там с санкции ее легитимного руководства. Оккупантами были китайские войска и администрация. Самые важные сражения за освобождение Внешней Монголии от оккупантов в 1921 г. имели место при Урге, Джанжин-Чойре, Улан-хаде и кяхтинском Маймачене, также важным было изгнание китайцев с их базы в Дзамын-Удэ. Из всего перечисленного бои при кяхтинском Маймачене выиграли войска МНП, все остальное — войска под общим командованием Унгерна. Следовательно, именно им принадлежит заслуга освобождения Монголии от иностранных оккупантов.

Сведения о численности войск под командой Унгерна перед взятием Урги и во время боев за нее сильно варьируют по источникам. Причины этого — в попытках китайских командиров оправдаться за свое поражение, участия не всех войск Унгерна в боях непосредственно в Урге, в слухах с преувеличением численности его войск для деморализации противника и, очевидно, в том, что некоторые отряды вне Урги не учитывались отдельными авторами. В результате даже некоторые разведывательные данные того времени содержат существенные ошибки. Неверны выводы о том, что численность войска Унгерна при штурме Урги составляла около 10000 чел., что в этом штурме численно преобладали монголы, что не бойцы Азиатской конной дивизии, а только мобилизованные монголы победили оккупантов. Эти выводы основаны на преувеличенных данных о численности и роли монгольских отрядов в этих боях, игнорировании материалов очевидцев боев, а также на путанице: сведения о численности войск под командой Унгерна в апреле — мае 2021 г. переносят на январь — март, когда шли основные бои с оккупантами Внешней Монголии. Однако уже после этих боев — в апреле — мае общая численность войск под командой Унгерна (всех отрядов, в том числе российских белых и монголов, не входивших в Азиатскую конную дивизию) стала максимальной в результате мобилизаций в связи с подготовкой к походу на Сибирь. Именно тогда эта численность достигла более 10000 чел.

В целом заслуга освобождения Внешней Монголии от иностранных оккупантов принадлежит и бойцам Азиатской конной дивизии, и монголам, сражавшимся под общим командованием Унгерна. Неверно приписывать эту заслугу тем или другим отдельно.

Источники и литература / Sources and References

АВПРФ — Архив внешней политики Российской империи, Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, Moscow].

Бат-Очир Л. Унгерний монгол цэргүүд урвагчид бус. *Тусгаар тогтнол сонин*. 1991. № 35 [Bat-Ochir L. Ungern's Mongol soldiers are not traitors. *Tusgaar Tогтнол Сонин*. 1991. No. 35 (in Mongolian)].

Бат-Очир Л. Унгерний монгол цэрэг гэгч хэн байв. *Түүхийн унэний эрэлд*. Улаанбаатар. 1999. Х. 116–121 [Bat-Ochir L. Which people were Ungern's Mongolian soldiers. *Tuukhiin Unenii Ered*. Ulaanbaatar, 1999. Pp. 116–121 (in Mongolian)].

Батсайхан О. *Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. Амьдрал ба домог*. Улаанбаатар, 2011 [Batsaikhan O. *The Last Great Khan of Mongolia the 8th Bodg Javzandamba Khutuktu. Life and Legends*. Ulaanbaatar, 2011 (in Mongolian)].

Белов Е. А. Поход Унгерна в Халху. *Восточный архив*. 2002. № 8–9. С. 47–55 [Belov E. A. Ungern's campaign to Khalkha. *Vostochnyi Arkhiv*. 2002. No. 8–9. Pp. 47–55 (in Russian)].

Белов Е. А. *Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг.* М., 2003 [Belov E. A. *Baron Ungern von Sternberg: Biography, Ideology, Military Campaigns 1920–1921*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Боец и пахарь (Чита) [*Boets i pakhar* (Chita) (in Russian)].

Власть труда (Иркутск) [*Vlast truda* (Irkutsk) (in Russian)].

Воля России (Прага) [*Volya Rossii* (Praha) (in Russian)].

Гангааням С. *Монголчууд тусгаар тогтнолоо хамгаалан тэмцсэн нь* (1911–1921). Улаанбаатар, 1993 [Gangaanyam S. *The Fight of Mongols for Independence* (1911–1921). Ulaanbaatar, 1993 (in Mongolian)].

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва [State Archive of the Russian Federation, Moscow].

Генкин И. Конец Унгерна и начало новой Монголии. *Северная Азия*. 1928. № 2. С. 75–90 [Genkin I. The end of Ungern and the beginning of new Mongolia. *Severnaya Aziya*. 1928. No. 2. Pp. 75–90 (in Russian)].

Дальневосточная правда (Чита) [*Dalnevostochnaya Pravda* (Chita) (in Russian)].

Дальневосточная республика (Чита) [*Dalnevostochnaya Respublika* (Chita) (in Russian)].

Дилова-хутухта Монголии. *Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы*. М., 2018 [The Dilova Khutuktu of Mongolia. *Political Memoirs and Autobiography of the Reincarnation of Buddhist Lama*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Заря (Харбин) [*Zarya* (Kharbin) (in Russian)].

Златкин И. Я. *Очерки новой и новейшей истории Монголии*. М., 1957 [Zlatkin I. Ya. *Accounts of the New and Newest History of Mongolia*. Moscow, 1957 (in Russian)].

Зорихин А. Г. *Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922*. М., 2023 [Zorikhin A. G. *Military Intelligence Service of Japan against Russia. Confrontation of Special Services on the Far East in 1874–1922*. Moscow, 2023 (in Russian)].

История Монголии XX век. М., 2007 [History of Mongolia. 20th Century. Moscow, 2007 (in Russian)].

История Монгольской Народной Республики. Москва. 1967 [History of Mongolian People's Republic. Moscow. 1967 (in Russian)].

Кислов А. Ликвидация Унгерна. *Война и революция*. 1931. № 3. С. 30–50 [Kislov A. Elimination of Ungern. *Voina i Revolyutsiya*. 1931. No. 3. Pp. 30–50 (in Russian)].

Кислов А. *Разгром Унгерна*. М., 1964 [Kislov A. *Defeat of Ungern*. Moscow, 1964 (in Russian)].

Князев Н. Н. *Легендарный барон*. Харбин, 1942 [Knyazev N. N. *The Legendary Baron*. Kharbin. 1942 (in Russian)].

Князев Н. Н. *Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны*. М., [1942] 2004. С. 13–167 [Knyazev N. N. *The Legendary Baron: Unknown Pages of the Civil War*. Moscow, [1942] 2004. Pp. 13–167 (in Russian)].

Красный стрелок (Иркутск) [*Krasnyi Strelok* (Irkutsk) (in Russian)].

Кузьмин С. Л. *История барона Унгерна: опыт реконструкции*. М., 2011 [Kuzmin S. L. *History of Baron Ungern: an Experience of Reconstruction*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж., Баяр Б. Улан-хад: реконструкция забытых боев за независимость Монголии. *Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура)*. Кн. 4. Иркутск, 2015. С. 103–114 [Kuzmin S. L., Oyuunchimeg J., Bayar B. The Ulaan Khad: reconstruction of a forgotten battle for independence of Mongolia. *Rossiya i Mongoliya: Novyi Vzglyad na Istoriyu (Diplomatiya, Ekonomika, Kul'tura)*. Vol. 4. Irkutsk, 2015. Pp. 103–114 (in Russian)].

Кунгуров Г., Сороковиков И. *Аратская революция*. Иркутск, 1946 [Kungurov G., Sorokovikov I. *The Ard Revolution*. Irkutsk, 1946 (in Russian)].

Магсаржав Н. *Монгол улсын шинэ түүх* [Новая история Монголии]. Улаанбаатар, 1994 [Magsarjav N. *Modern history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].

Макеев А. С. *Бог войны — барон Унгерн: Воспоминания бывшего адъютанта начальника Азиатской конной дивизии*. Шанхай, 1934 [Makeev A. S. *The God of War — Baron Ungern: Memoirs of the Former Adjutant of the Chief of the Asiatic Cavalry Division*. Shanghai, 1934 (in Russian)].

Монгол улсын түүх (XX–XXI зуун). Боть 1. *Тусгаар тогтносон Монгол улс (1911–1921)*. Улаанбаатар, 2023 [*History of Mongolia (20th — 21th centuries)*. Vol. 1. *Independent State of Mongolia (1911–1921)*. Ulaanbaatar, 2023 (in Mongolian)].

Нота посланника кн. Кудашева // *Русский голос* (Харбин). 30.09.1920 [Note of the Missionary Prince Kudashev. *Russkii Golos* (Kharbin). September 30, 1920 (in Russian)].

Оюунчимэг Ж. Бои при Улан-хаде и Жанжин-Чойре в 1921 г.: факты и опросные данные. *Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг*. Улаанбаатар, 2021. С. 230–240 [Oyuunchimeg J. Battles at Ulaankhad and Janjin Choir in 1921: facts and narrative data. *Mongolyn Tuukhen Dekh Baron R. F. von Ungern-Sternberg*. Ulaanbaatar, 2021. Pp. 230–240 (in Russian)].

Оюунчимэг Ж., Кузьмин С. Л. Монголыг чөлөөлөхийн төлөө 1921 онд Жанжин Чойрын дэргэд болсон байлдаан. *The 12th International Congress of Mongolists “Pax Mongolica and Historical Experience”. Summaries of Congress Papers*. Улаанбаатар, 2023. Pp. 105–107 [Oyuunchimeg J., Kuzmin S. L. Battles at Janjin Choir for independence of Mongolia in 1921. *The 12th International Congress of Mongolists “Pax Mongolica and Historical Experience”. Summaries of Congress Papers*. Ulaanbaatar, 2023. Pp. 105–107 (in Mongolian)].

Самдангэлэг Ц. *Монгол ардын арми үүсэн байгуулагдсаны түүх (1921–1924)*. Улаанбаатар, 1980 [Samdangeleg Ts. *Mongolian People's Army: History of Origin (1921–1924)*. Ulaanbaatar, 1980 (in Mongolian)].

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва [Russian State Archive of Social and Political History, Moscow].

РГВА — Российский государственный военный архив, Москва [Russian State Military Archive, Moscow].

Русский голос (Харбин) [*Russkii Golos* (Harbin)].

Русское эхо (Шанхай) [*Russkoe Ekho* (Shanghai)].

Свет (Харбин) [*Svet* (Harbin)].

Сухбаатар Т. Роль монгольских военных в борьбе за освобождение столицы. *Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг*. Улаанбаатар, 2021. С. 211–217 [Sukhbaatar T. Role of Mongolian troops in the fight for liberation of the capital city. *Mongolyn Tuukhen Dekh Baron R. F. von Ungern-Sternberg*. Ulaanbaatar, 2021. Pp. 211–217 (in Russian)].

Торновский М. Г. События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). *Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны*. М., [1942] 2004. С. 168–323 [Tornovsky M. G. Events in Mongolia — Khalkha in 1920–1921. Military and historical account (reminiscences). *The Legendary Baron: Unknown Pages of the Civil War*. Moscow, [1942] 2004. Pp. 168–323 (in Russian)].

Ургинский. К событиям в Монголии. *Русское обозрение*. 1921. № 1–2. С. 170–190 [Urginskii. To the vents in Mongolia. *Russkoe Obozrenie*. 1921. No. 1–2. Pp. 170–190 (in Russian)].

Хишигт Н. Монголын түүхэнд барон Унгерний холбогдох нь. *МУИС-НУФ. Эрдэм шинжилгээний бичиг*. 2002. № 188(14). Түүх. С. 42–51 [Khishigt N. On the connection of Baron Ungern with Mongolian history. *MUIS-NUF. Erdem Shinjilgeenii Bichig*. 2002. No. 188(14). *Tuukh*. Pp. 42–51 (in Mongolian)].

Цибиков Б. *Разгром унгерновщины*. Улан-Удэ, 1947 [Tsibikov B. *Defeat of Ungern's affair*. Ulan-Ude, 1947 (in Russian)].

Чойбалсан Х. *Краткий очерк истории Монгольской народной революции*. М., 1952 [Choibalsan Kh. *Brief Account of the History of Mongolian People's Revolution*. Moscow, 1952 (in Russian)].

Чойбалсан Х. *Хатан Батор Максаржав*. М., 1965 [Choibalsan Kh. *Khatanbaatar Magsarjav*. Moscow, 1965 (in Russian)].

Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэмид Г. *Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх*. Улаанбаатар, 1979 [Choibalsan Kh., Losol D., Demid G. *Brief History of the Origin of Mongolian People's National Revolution*. Ulaanbaatar, 1979 (in Mongolian)].

Шанхайская жизнь (Шанхай) [Shankhaiskaya Zhizn (Shanghai) (in Russian)].

Эх орноо харийн дайснаас бүрэн чөлөөлсөн нь (баримтын эмхтгэл). Улаанбаатар, 1980 [Complete liberation of the native land from foreign enemies (collection of documents). Ulaanbaatar, 1980 (in Mongolian)].

[Albertsen K. P.]. *Printed for private circulation. Recent Events in Urga. A Foreigner's Experiences. Extracts from the Diary of Mr. K. P. Albertsen*. Tientsin Press, Ltd. 1921.

Alioshin D. *Asian Odyssey*. London — Toronto — Melbourne — Sydney, 1941.

Batsaikhan O., Lonjid Z., Enkhbat Ch., Baatar S., Amarsanaa S. *The History of Modern Mongolia 1911–2017*. Ulaanbaatar, 2018.

Boyd J. 'A very quiet, outspoken, pleasant gentleman': the United States military attache's reports on Baron von Ungern-Sternberg, March 1921. *Inner Asia*. 2010. Vol. 12. Pp. 367–377.

HIA — Hoover Institution on War, Revolution and Peace Archives (Stanford, California, USA): CSUZ36008-A, pages 1–53; Collection title: Boris Volkov (microfilm), Box no.: 15; Folder no.: 18.

UNLV — University of Nevada Las Vegas Libraries, Las Vegas.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Нота посланника кн. Кудашева

В дополнение к вчерашнему сообщению нашей газеты, кратко передавшей ответ кн. Кудашева Китаю, сегодня передаем ноту кн. Кудашева полностью:

«Сегодня в Пекине был опубликован декрет президента Китайской республики от 23 сентября, изданный согласно указаниям Вашего Превосходительства, и касающийся отказа в дальнейшем признании меня и российских консулов в Китае. Текст этого декрета был лично вручен мне по Вашему поручению советником министерства иностранных дел доктором Ти-о. По поводу опубликования этого декрета мною посланы телеграфные уведомления всем российским консулам в Китае в целях осведомления о состоявшемся»

декрете всех русских граждан, проживающих в соответствующих консульских округах в Китае. Российские граждане в Китае, в связи с этим декретом, остаются отныне лишенными всякой официальной русской защиты, и я позволяю себе выразить надежду, что китайское правительство проявит все возможное внимание к тому, чтобы выполнить в точности распоряжение президента, изложенное в вышеприведенном декрете в отношении «принятия действительных мер в отношении охраны личности и имущества мирных русских граждан». По этому поводу я имею честь подтвердить, что вышеуказанная охрана должна быть проводима Китаем при полном сохранении статус-кво, установленного договорами России с Китаем, ибо, как я уже неоднократно напоминал об этом китайскому правительству, все те нарушения отношений, установленных русско-китайскими договорами, которые до сих пор имели место, не могут почитаться законными до тех пор, пока не будут санкционированы настоящим всероссийским правительством, признанным в качестве такового со стороны правительства Китая.

Что касается нарушений правительством Китая его договоров с Россией, то главнейшими из этих нарушений являются следующие:

- 1) в мае 1918 года Китай аннулировал Русско-китайское соглашение 1916 года относительно принятия мер борьбы против провоза спирта через маньчжурскую границу и по реке Сунгари (нота министерства иностранных дел Китая от 21-го мая 1918 года);
- 2) президентский указ от 22-го ноября 1919 года, уничтожающий трактаты, касающиеся автономии Внешней Монголии;
- 3) президентский указ от 28-го июля 1920 года, аннулирующий соглашение об установлении политического status quo в районе [Хулунбуир]⁴;
- 4) неоднократное нарушение в течение недавнего времени самого смысла, равно и текста договора 1896 года относительно Кит[айско-]вост[очной] ж[елезной] д[ороги];
- 5) нарушение в июле 1920 года протокола 1901 года, благодаря отказу китайского правительства продолжать уплату причитающейся на долю России боксерской контрибуции (нота китайского министерства иностранных дел от 22 июля и 7 августа 1920 года);
- 6) нарушение Китаем в течение лета 1920 года договора 1881 года путем установления Китаем таможенных пошлин вдоль сухопутной границы (нота российского посольства от 28 августа 1920 года), и, наконец,
- 7) указ от 23 сентября 1920 года, который влечет за собой коренные изменения в положении русских граждан и их собственности на территории Китая, и который находится в противоречии со всеми договорами, заключенными между Россией и Китаем в [1689]⁵, 1727, 1851, 1858, 1860 и 1881 гг. и различными специальными конвенциями и соглашениями, вытекающими из вышеуказанных договоров.

Копия настоящей ноты одновременно с сим препровождается декану дипломатического корпуса в Пекине».

Русский голос, 20.09.1920.

---

⁴ В газетном тексте — по-видимому, ошибки: президентский указ об отмене особого статуса Барги датирован 28 января, а не 28-м июля; вероятная опечатка — "Кулуньвер (?)".

⁵ В газетном тексте опечатка: "1869". Имеется в виду Нерчинский договор 1689 г. и последующие договоры между Россией и империей Цин.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-053-064

ACHIEVEMENTS OF CHINA'S PORT CONSTRUCTION DURING THE YEARS OF REFORM AND OPENING UP

© 2024

Nelli K. Semenova¹

Over the years of reform and opening up in China, China's foreign trade ports have become one of the foundations of China's 'economic miracle' and the foundation of modern China's national strength. China is the country with the highest degree of maritime communication in the world. This level of development is not the result of a coincidence, but the consequence of careful and strategic planning. Coastal ports are gateways to the outside world, centers of global resource distribution, and strategic fulcrums for global construction and the construction of the 'Belt and Road' and integration into the world economic system. The development of China's seaport system as a key connecting link of the land and sea Silk Road is acquiring increasing geo-economic meaning.

China's economic openness strategy has contributed to a significant increase in imports and exports. Growing demand inevitably leads to the rapid growth of the port industry and its innovative development. In particular, the development and improvement of the container port system has provided cost-effective and reliable transportation services for foreign trade. At the same time, coastal ports have played a key role in implementing international industrial supplies and becoming global production bases, and an important supporting role in shaping the country's all-round opening-up model. China's emergence as a great maritime power is becoming a fait accompli before our eyes. The overall scale of China's modern waterway infrastructure has become the largest in the world over the years of reform, and the capacity of waterway transport has been constantly improving.

Keywords: China, reforms, openness, port construction, periodization, dynamics, foreign trade

For citation: Semenova N. K. Achievements in China's Port Construction during the Years of Reform and Opening Up. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 53–64. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-053-064

ДОСТИЖЕНИЯ В ПОРТОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ КНР ЗА ГОДЫ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

Н. К. Семенова

За годы реформ и открытости в Китае внешнеторговые порты КНР стали одной из основ китайского «экономического чуда» и фундаментом национальной мощи современного Китая. Китай является страной с самой высокой степенью морского сообщения в мире. Такой уровень развития — не результат случайного стечения обстоятельств, а следствие тщательного и стратегического планирования. Его прибрежные порты — это ворота во внешний мир, центры глобального распределения ресурсов и стратегические точки опоры для глобального строительства (в том числе «Пояса и пути») и интеграции в мировую экономическую систему.

---

¹ Семенова Нелли Кимовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва; semenovanelli-2011@mail.ru

Nelli K. Semenova, PhD (Politics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; semenovanelli-2011@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7872-8972

Развитие системы морских портов Китая как ключевого стыковочного звена сухопутного и морского Шелкового пути приобретает все больший геоэкономический смысл.

Стратегия экономической открытости Китая способствовала существенному росту импорта и экспорта. Рост спроса неизбежно приводит к быстрому росту портовой отрасли, ее инновационному развитию. В частности, развитие и совершенствование системы контейнерных портов обеспечило экономичные и надежные транспортные услуги для внешней торговли. В то же время прибрежные порты превратились в глобальные производственные базы и сыграли ключевую роль в осуществлении международных промышленных поставок, а также важную вспомогательную роль в формировании модели всесторонней открытости страны. Становление Китая как великой морской державы происходит на наших глазах. Общий масштаб современной инфраструктуры водного транспорта Китая стал за годы реформ самым большим в мире, а пропускная способность водного транспорта постоянно растет.

Ключевые слова: КНР, реформы, открытость, портовое строительство, периодизация, динамика, внешняя торговля

Для цитирования: Semenova N. K. Achievements in China's Port Construction during the Years of Reform and Opening Up. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 53–64. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-053-064

The Third Plenary Session of the Eleventh Central Committee of the Communist Party of China (CPC) (1978) [Dahui shujuku, 1978] proposed the policy of reform and opening up, marking the end of the long-term closure of the Chinese economy. China seized the opportunity of the industrial upgrading of the 'Four Asian Tigers' and the secondary transfer of labor-intensive industries, began to participate in international industrial cooperation, and made great strides in the development of transportation. The scale of facilities expanded rapidly, the technical level improved significantly, and a powerful transportation system was formed. In terms of its ability to support economic and social development, China changed from an economically closed country to a country whose economy is heavily tied to foreign trade.

CHANGE IN THE DISTRIBUTION OF PORTS IN CHINA, 1978–2023

At the beginning of the reform and opening-up period, the original port system, including sea ports, already existed. Before 1978, there were 50 national first-class ports (sea, river, air, etc.) all over the country that were open to the outside world. Among them, water ports (sea and river) were concentrated mainly in the eastern coastal areas and along rivers, railway and automobile ports were along border areas, and airports were distributed only in six regional central cities. Due to the small number of entry ports (the function of entry ports is to connect the country's domestic and foreign markets, transport foreign trade goods, transport incoming and outgoing passengers, and promote foreign trade of cities in the interior — author's note) and uneven spatial distribution, China's foreign economic relations and foreign trade development were hampered (see Fig. 1).

At present, there are 150 first-class ports for foreign trade in the coastal area, more than six times the number in 1978. The coastal ports include ports in 11 provinces: Liaoning, Hebei, Tianjin, Shandong, Jiangsu, Shanghai, Zhejiang, Fujian, Guangdong, Guangxi and Hainan (excluding river ports in Jiangsu and border ports in Liaoning and Guangxi) (see Fig. 1). The coastal areas have the most developed economy, the highest population density, the highest degree of openness in China, and the fastest growth rate.

The process of direct construction of ports in China can be divided into five periods. 1978 to 1984 (Period I), the initial stage — the pilot policy of open ports created a platform for foreign cooperation and

exchange. In Period I, mainly coastal and river ports were opened: 34 ports were opened (the total number: sea, river, air, etc. reached 84), including 22 coastal ports, which provided a platform for international cooperation. The average annual growth rate of foreign trade was 24.11% (see Fig. 2).

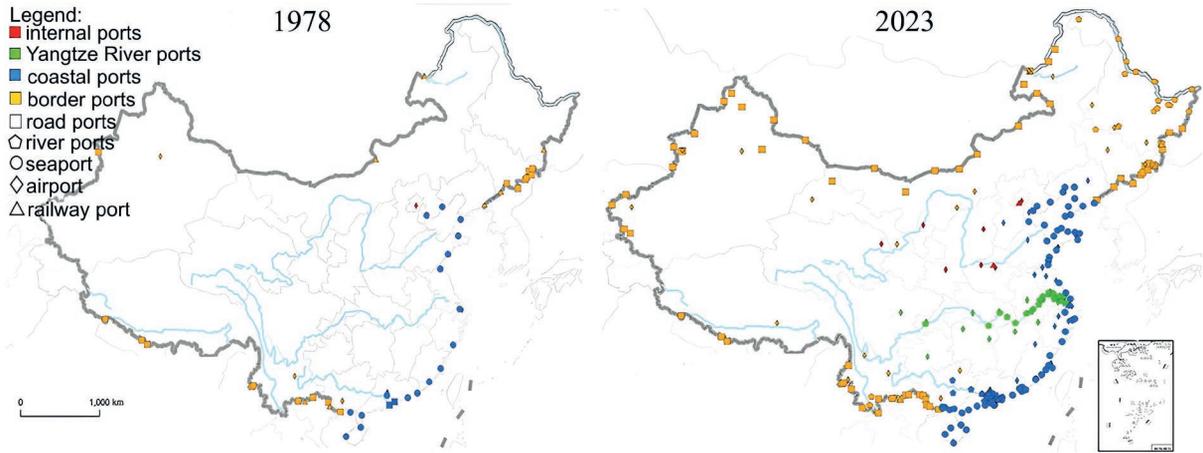

Figure 1. Change in the distribution of ports in China, 1978—2023

Source: [Xiaoshu Cao, Shengchao Li, 2019]

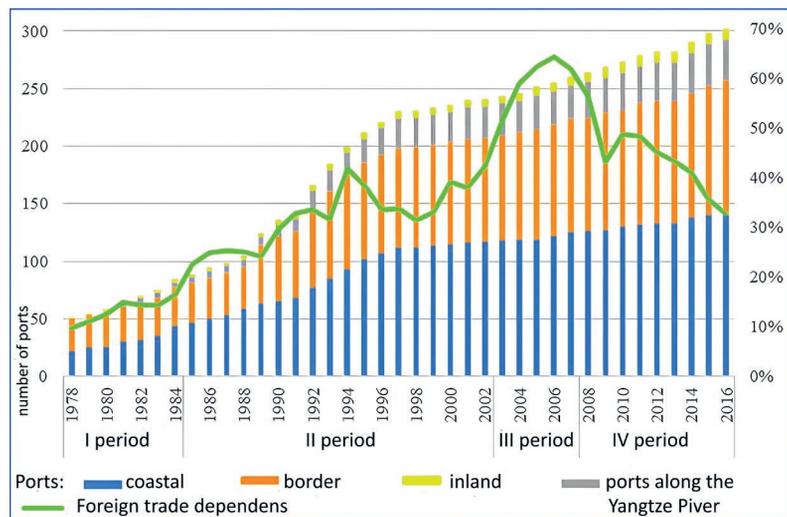

Figure 2. Dynamics of construction of ports in China in correlation with the growth of foreign trade from 1978 to the present (units, %)

Source: [Xiaoshu Cao, Shengchao Li, 2019]

1985 to 2002 (Period II) — the period of ‘expansion’, the influx of foreign capital and the opening of ports contributed to the constant optimization of the structure of foreign trade. In the second period, there is a rapid growth of border ports, a total of 157 new ports were opened, their total number reached 241. At the same time, the average annual growth rate of foreign trade is 24.71% (see Fig. 2).

2003–2007 (Period III) — the period of ‘cooperation’, the opening of ports corresponded to the adjustment of the general industrial structure of China. China’s entry into the WTO contributed to the modernization of the country’s industrial structure, the revival of old industrial bases in the northeast

and the development of the western region of China began. But at the same time, in the III period there is a slight slowdown in the overall growth rate. China's foreign trade had an average annual growth rate of 26.81%, 19 ports were opened, as a result of which the total number of ports reached 260 (see Fig. 2).

2008 to 2016 (Period IV) is the 'optimization' period, characterized by comprehensive opening-up. The opening of ports provided guarantees for the implementation of the national development strategy [Xiaoshu Cao, Shengchao Li, 2019] and the implementation of the initiatives: "Silk Road Economic Belt" and '21st Century Maritime Silk Road, as well as the 'Yangtze River Economic Belt. In Period IV, the number of ports in each region steadily increased, 42 new ports were opened (the total number reached 302). The average annual growth rate of foreign trade slowed to 5.12% against the high base of previous periods (see Fig. 2).

From 2017 to the present (Period V), a new stage has begun, aimed at improving the quality of port construction. With the help of the created unique port structure, the regional comprehensive economic partnership is strengthened, and an experiment is being implemented to create a free trade port. Chinese ports are intelligent and environmentally friendly.

MODERN PORT STRUCTURE OF CHINA

Currently, China has more seaports than any other country: about 2,000 sea, river and other ports (150 coastal ports), 130 of which are open to foreign ships, 34 large ports (coastal and inland river ports) with a cargo turnover of more than 100 million tons in mainland China, 22 of which are coastal. 8 of the 10 busiest ports in the world are in China. The volume of imports of seaborne transportation of the PRC is 1/4 of the world total.

According to the National Coastal Port Layout Plan [Jiaotong Yunshubu, 2007] of 2006 and from the perspective of regional planning, the seaports were grouped into five port clusters: Bohai Economic Circle, Yangtze River Delta, Southeast Coastal Port Cluster, Pearl River Delta and Southwest Coastal Port Cluster, which include 7 multi-port gateway regions: Liaoning, Tianjin-Hebei, Shandong, Yangtze River Delta, Southeast, Pearl River Delta, Southwest.

Such grouping produces an agglomeration effect, which contributes to the rational distribution of productive forces, adjustment and optimization of the industrial structure: adaptation to the requirements of the layout of electric power, metallurgy, petrochemistry, processing and other industries.

The port system of the PRC has its own unique features and characteristics:

- the formation and development of port groups around the above-mentioned five major regions promotes rational distribution of productivity, adjustment and optimization of industrial structure, development of international economic cooperation and competition;
- the economy of hinterland regions is of decisive importance for the ports of the PRC: the spatial economic structure and its changes affect the direction of construction of port facilities, and the industrial structure determines the structure of the port capacity, which in turn leads to the fact that port enterprises have differences in the level of profitability;
- the system of coastal ports of China is gradually moving from centralized development to a decentralized development model with multi-port competition, the integration of ports at the provincial level is a means of reducing fierce competition between regional ports;
- public investment is gradually leaving the sphere of port operation, investment structures are diversifying;
- the construction and operation of ports have entered the stage of independent adjustment and development in response to changes in market demand;
- the development of port infrastructure shows a tendency towards large-scale and intelligent.

Despite all the successes of port construction, the port industry of the PRC is not free from the influence of some negative trends formed due to objective and subjective reasons. Namely, the cargo turnover of ports has switched from high-speed growth to medium- and low-speed growth: in the period 1978–1999 the average annual growth rate of cargo turnover was about 35%, in 2000–2010 the average growth rate of cargo turnover of coastal ports reached 15.9%, in 2011–2015 it decreased to 7.4%, in 2016–2018– to 5.5%, 2019–2021–5.6% [Calculated by the author based on: Jiaotong yunshubu, 2022]. This phenomenon can be considered quite justified and is explained by the low base effect, which is observed in new, rapidly developing sectors of the economy at the initial stage of reforms.

Intensive port construction, as can be seen, was carried out with a large margin of safety, for the future. The consequence of which, today, is a structural excess of capacity in the port and related industries of the PRC. In combination with the high capital intensity of the port economy and the slowdown in the growth rate of profitability of port assets, excess capacity becomes an additional burden on the industry. To compensate for such phenomena, the following is carried out: reorganization, modernization and enlargement of port berths in the ports of the PRC, structural changes in water transport and industry equipment to save money due to the effect of scale of terminals, large-scale and specialization of ships [Semenova, 2023, pp. 152–153].

The existing regional imbalance in container transportation (key routes rely on eight main container trunk ports) and the dominance of foreign trade routes in the structure of container routes in recent years have been offset by significant growth in domestic trade routes due to the implementation of the “dual circulation” strategy, which implies a shift in the main driver of China’s sustainable growth from global integration to greater reliance on the domestic market [Salitsky, Semenova, 2021, pp. 161–173].

FOREIGN TRADE AS AN ENGINE OF CHINA’S ECONOMIC GROWTH

During the 45 years of reform and opening up, China’s national economy grew at an average annual rate of 9%, the total volume of foreign trade imports and exports increased by more than 300 times (in US dollars), and the cargo throughput of ports increased by nearly 60 times (see Fig. 3).

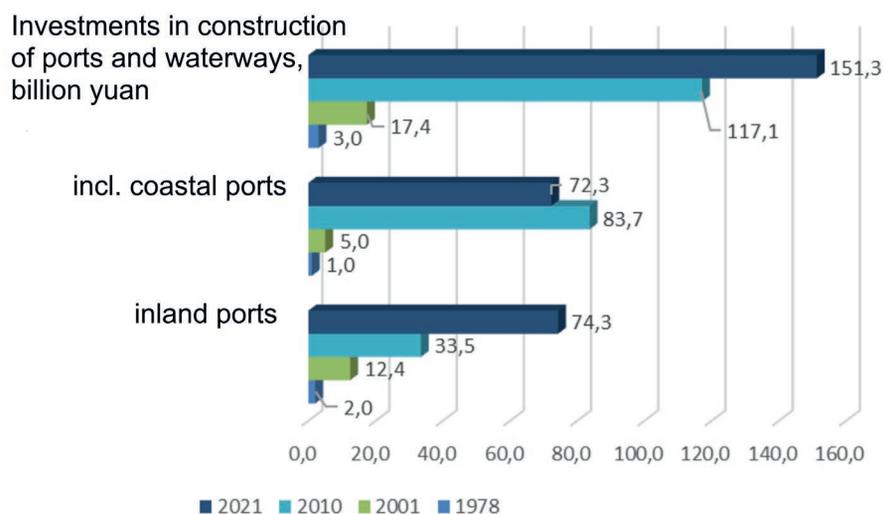

Figure 3. Investment in the construction of ports and waterways of the PRC, including coastal and inland ports, 1978–2021 (billion yuan)

Sources: compiled by the author based on [Xinlang caijing 2002; Jiaotong yunshubu, 2010; Gujia tngji ju, 2018; Zhongguo zhengfu, 2022].

In 1978, China's port cargo throughput was 280 million tons (10 million tons in 1949), and China's total import and export volume of goods was \$20.6 billion [Jiaotong yunshubu, 2023], ranking 32nd in world merchandise trade, accounting for less than 1% [Jiaotong yunshubu, 2023].

By the end of 2023, the cargo turnover of China's ports is about 16 billion tons, the total volume of import and export of goods in China is about 6 trillion US dollars, of which exports are 3.4 trillion dollars, and imports are 2.6 trillion dollars [Zhongguo wu liu, 2024]. The growth rate of the indicators of the port and related industries of China is unique: the cargo turnover of ports has increased almost 60 times, including the growth of cargo turnover of coastal ports has increased 50 times, and inland ports — 70 times. Before the beginning of the period of reform and opening up in the PRC, there was no container transportation. Currently, China is the world leader in the scale container ports and container transportation (see Table 1).

Table 1. Cargo turnover, volume of external cargo, including by type, container turnover of PRC ports and growth rates, 1978–2021 (million tons, billion tons, million TEU, %)

Indicator	1978	2001	2010	2021	Average annual growth rate, %			Total increase, %		
					1978/ 2021	2001/ 2021	2010/ 2021	1978/ 2021	2001/ 2021	2010/ 2021
Cargo turnover of ports (million tons):	280	2400	8932	15545	127	26	6	5452	548	74
including internal ports	80	950	3288	5573	160	23	6	6866	487	69
coastal ports	200	1450	5645	9973	114	28	6	4887	588	77
Foreign trade cargoes (billion tons):	-	660	2501	4697	-	29	7	-	612	88
including domestic ports	-	60	213	509	-	36	12	-	748	139
coastal ports	-	600	2288	4188	-	28	7	-	598	83
Cargo turnover by type of cargo (billion)										
coal and products	-	0,45	1,65	2,831	-	25	6	-	529	72
oil,natural gas and products	-	0,31	0,71	1,316	-	15	7	-	325	85
metal ore	-	0,2	1,26	2,399	-	52	7	-	1100	90
mining and construction.mat.	-	0,19	1,2	-	-	-	-	-	-	-
steel	-	0,08	0,39	-	-	-	-	-	-	-
Container turnover (million TEU),	0	27,5	146	282,7	-	44	8	-	929	94
including internal ports	0	2,79	14,7	33,4	-	52	11	-	1097	128
coastal ports	0	24,7	131	249,3	-	43	8	-	909	90

Sources: compiled by the author based on [Xinlang caijing 2002; Jiaotong yunshubu, 2010; Gujia tjangji ju, 2018; Zhongguo zhengfu, 2022].

Over the period 2000–2020, the growth in the throughput capacity of Chinese ports (excluding Hong Kong and Taiwan) was 498%, i. e. the average annual growth in container turnover (AACG) of Chinese ports was 23.71%, which is the second result in the EA region. Vietnam took first place in terms of growth in port throughput (+944% for 2000–2020).

China's leadership in the port industry in some areas is practically unattainable for competitors not only regional but also global [Semenova, 2023, pp. 48–49]. Since 1978, the cargo turnover of water transport in China and the total number of berths have increased 30-fold, the number of berths with a capacity of 10,000 tons or more has increased almost 20-fold, the volume of commercial cargo in foreign trade has increased more than 200-fold, including sea transport more than 100-fold (see Table 2).

Table 2. Number of berths, volume of commercial cargo, cargo turnover of ports of the PRC and growth rates, 1978-2021 (units, billion tons, billion t-km, %)

Indicator	1978	2001	2010	2021	Average annual growth rate, %			Total increase, %		
					1978/2021	2001/2021	2010/2021	1978/2021	2001/2021	2010/2021
					Number of berths	735	33 441	31 634	20 867	64
incl. 10 thousand tons and more	133	810	1661	2659	44	11	5	1899	228	60
Volume of commercial cargo (billion tons):	-	1,33	3,789	8,24	-	25	10	-	520	117
incl. inland waterway transportation	-	1,049	3,209	4,189	-	14	3	-	299	31
marine transportation	0,04	0,28	0,581	4,051	252	64	50	10849	1347	597
Executed cargo turnover (billion t-km):	378	2599	6843	11558	69	16	6	2958	345	69
incl. inland waterway transportation	129	545,8	2243	1774	30	11	-2	1273	225	-21
marine transportation	249	2053	4600	9784	89	18	9	3834	377	113

Sources: compiled by the author based on [Xinlang caijing 2002; Jiaotong yunshubu, 2010; Gujia tjngji ju, 2018; Zhongguo zhengfu, 2022]

Investments in port development and waterway construction have increased more than 50-fold. And if after China's accession to the WTO in 2001 coastal ports were an investment priority, now investment indicators for inland and coastal ports have almost reached parity with a slight advantage for inland ports. State investments are gradually leaving the port operation sphere, investment structures are diversifying (see Fig. 3).

Water transport indicators in terms of the number of ships and their carrying capacity over the period show opposite trends: with a decrease in the number of ships, their carrying capacity increased more than 16 times (see Fig. 4).

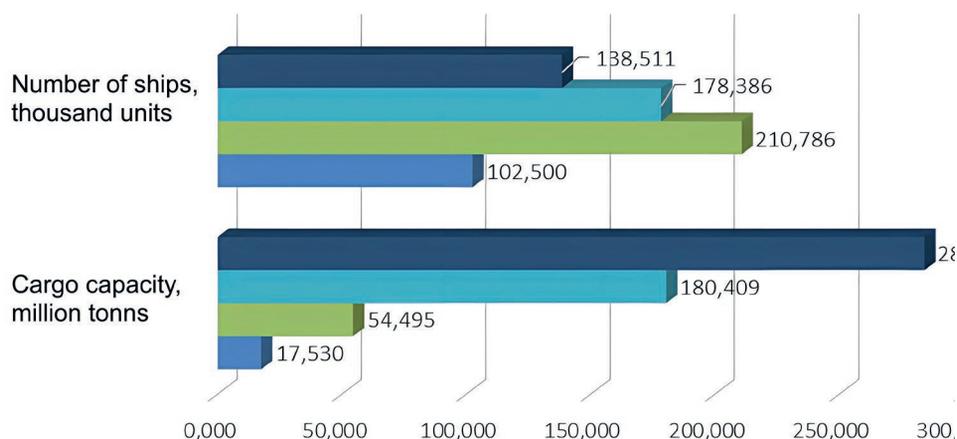

Figure 4. Ratio of ship construction in China to their cargo capacity, 1978–2021 (thousand units, million tons).

Sources: compiled by the author based on [Xinlang caijing 2002; Jiaotong yunshubu, 2010; Gujia tjangji ju, 2018; Zhongguo zhengfu, 2022]

At the same time, as the goals of port construction are achieved, a decrease in the average annual growth rate is observed in both investment and shipbuilding. The average annual growth rate of investment in the construction of ports and waterways in China for the period 1978–2021 was 115%. Average annual growth rates for shipbuilding show that the leader in this option is the construction of a container fleet, with average annual growth rates of 56% for the period 1978–2021 (see Table 3).

Table 3. Natural indicators of China's investment in the construction of ports and waterways (billion yuan), dynamics of shipbuilding (units) and growth rates, 1978–2021 (%)

Indicator	1978	2001	2010	2021	Average annual growth rate, %			Total increase, %		
					1978/2021	2001/2021	2010/2021	1978/2021	2001/2021	2010/2021
Investments in construction of ports and waterways, billion yuan:										
including inland ports	3	17,4	117	151	115	37	2	4943	770	29
coastal ports	-	12,4	33,5	74,3	-	24	10	-	499	122
Number of ships, thousand units	103	211	178	139	1	-2	-2	35	-34	-22
Cargo capacity, million tons	17,5	54,5	180	284	35	20	5	1522	422	58
Passenger capacity, million passengers	-	1,08	1	0,86	-	-1	-1	-	-20	-15
Container capacity, million TEU	0,12	0,51	1,33	2,89	56	22	10	2409	470	118

Sources: compiled by the author based on [Xinlang caijing, 2002; Jiaotong yunshubu, 2010; Gujia tjangji ju, 2018; Zhongguo zhengfu, 2022]

Ports play a key role in the implementation of international industrial supplies of the PRC (95%) and are turning into global production bases. The throughput capacity of the port industry is mainly provided by the commodity flow of coal, oil, metal ore (more than 50%), containers, etc. In 2023, the volume of ore imports amounted to 1460 million tons, and almost three quarters of the supplies are from Australia and Brazil, namely 780.4 million tons (+ 1.2% compared to 2022) and 252 million tons (+ 10.4%) [Zhonghua renmin..., 2024]. Also on the list of ore exporters are countries from Africa, South Asia and Latin America. It should be noted that in Brazil and African countries, ore raw materials are mined by companies with Chinese capital.

Oil cargo is in second place in the import rating for 2023 (748.5 million tons), where the leading position in individual deliveries is occupied by Russia with an indicator of 131.3 million tons (32.1% compared to 2022) [Zhonghua renmin..., 2024]. The second and third places in terms of supply volumes are occupied by Malaysia and Saudi Arabia with almost similar indicators of 90.7 million tons (+41.4% compared to 2022) and 88.6 million tons (-1.1%), respectively. Iraq is in fourth place (about 60 million tons, +7% compared to 2022). Russia's share in oil imports to China amounted to about 18% in 2023. The Middle East region ended the year with a share of oil deliveries of about 33% [Zhonghua renmin..., 2024].

The demand for cargo transportation is closely related to the macroeconomic situation, while the demand for container transportation is mainly related to the prosperity of foreign trade. International macroeconomic fluctuations can also affect its volume. It can be concluded from this that the port industry is a cyclical industry and is closely related to the global and domestic economic situation. In addition, port enterprises are involved in many upstream and downstream industries, and factors such as the prosperity and cyclical changes of related industries will affect the operations of port enterprises, as there is an obvious correlation between China's GDP, the growth of imports and exports, and the throughput of ports (see Fig. 5).

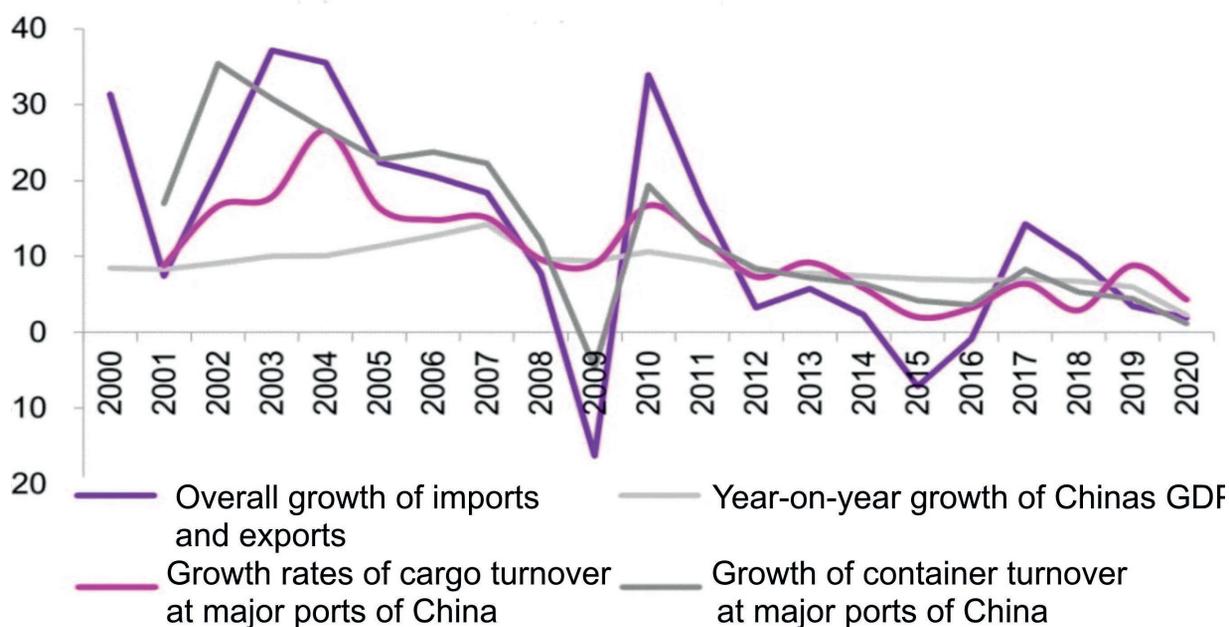

Figure 5. Correlation between China's GDP, import and export growth, and port throughput, 2000–2020 (%)

Source: [Zhou Yue, 2020]

After entering the 21st century, China's economy developed rapidly (see Fig. 5): the average annual GDP growth rate reached 9.8% during the 10th Five-Year Plan period, and 11.2% during the 11th Five-Year Plan period. During the 12th and 13th Five-Year Plan periods, China gradually moved from the industrialization stage to the middle and late stages of industrialization. The economic development mode changed from high-speed to high-quality, GDP growth slowed down, and the growth rate of freight traffic gradually decreased. In 2020, the volume of freight transportation by water was 76.2 million tons, 16.1% (road, rail, air and pipeline transport amounted to 342.6, 45.5, 0.1 and 860 million tons, respectively, which amounted to 72.4%, 9.6%, 0.1% and 1.8%, respectively) [Lu Chen, Lei Yu, Cai Bofeng, et al., 2022, pp. 9–15].

From the perspective of industrial and macroeconomic correlation, China's GDP growth rate and overall import and export trade growth have shown a declining trend in recent years: the GDP growth rate dropped from 10.64% in 2010 to 6.11% in 2019, the total import and export reached the lowest value of -7.00% in 2015 and then began to recover, the cargo throughput and container throughput of China's major ports reached the minimum values of 2% and 3.6% in 2015–2016, respectively, and then slightly recovered.

Import is the key node connecting the domestic and international cycles [Wei Hao, Yang Mingming, 2022]. Actively expanding imports is aimed at improving the interconnection of the domestic market, making more efficient use of the international market, and attracting global resources. Thus, an important strategic path of the double cycle is achieved [Salitsky, Semenova, 2021, pp. 161–173] at the domestic and international levels.

Chinese ports are of crucial importance to the development of global trade, and their outstanding achievements in development are mainly due to the following reasons [Zhongguo gangkou..., 2023, p.10]: firstly, the rapid development of foreign trade has generated huge market demand for port business; secondly, the government attaches great importance to the upgrading of the port industry and provides strong policy support; thirdly, it is the extensive international economic cooperation that has put forward higher requirements for improving the quality of port services, such as the joint construction of the Belt and Road Initiative (BRI) and the accession to the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) [Quyuan quanmian...].

CONCLUSION

Until the 1950s, China's ports were merely a link between maritime and inland shipping. They were generally isolated from shipping and trading activities outside the port area. They rarely cooperated with local governments and did not communicate with each other. China's port industry was unable to cope with the demands of the times, and current problems hampered the growth of port trade turnover.

In the little over 45 years since the start of reforms and opening up of the economic structure of the PRC, the construction and development of ports have become important factors influencing the competitiveness of cities and regions. During this time, the country's port industry has been completely transformed: illegitimate and outdated port facilities have been virtually eliminated, ports have been linked to inland areas by a dense network of multimodal routes, port groups have been structured, a new management and investment system has been introduced, etc. Such a large-scale reorganization has brought its positive results, but the new port system is also not free from problems, in particular excess capacity, duplication of terminals, insufficient integration of ports, etc. The leadership of the PRC and provinces continues to establish a complex mechanism for the functioning of the country's port economy. With the continuous development of regional economic integration and 'dual circulation', ports, as hubs of water

Jiaotong yunshubu (2023). Gaige kaifang yilai woguo gangkou fazhan licheng ji chengjiu [The development history and achievements of our country's ports since the reform and opening up]. URL: <https://aoc.ouc.edu.cn/2023/1010/c9824a444420/pagem.htm> (дата обращения: 17.10.2024) (in Chinese).

Quyu quanmian jingji huoban guanxi xieding (RCEP) [Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement (RCEP)]. URL: http://fta.mofcom.gov.cn/rcep/rcep_new.shtml (дата обращения: 18.10.2024) (in Chinese).

Wei Hao, Yang Mingming (2022). Rushi yilai zhongguo jinkou fazhan de licheng yu zhanwang [The history and prospects of China's import development since its accession to WTO] *Renmin dang yi wang* [People's Friendship Network]. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2022/0117/637850.shtml> (дата обращения: 19.10.2024) (in Chinese).

Xinlang caijing (2002). Woguo jiada zijin touru gangkou zonghe yunshu nengli mingxian tigao [Our country has increased capital investment and the comprehensive transportation capacity of ports has been significantly improved] *Xinlang caijing* [Sina Finance]. URL: <https://finance.sina.cn/sa/2002-12-20/detail-ikntiak7546354.d.html?from=wap> (дата обращения: 17.10.2024) (in Chinese).

Zhongguo wu liu (2024). 2023 nian quan guo gangkou yunxing qingkuang ji 2024 nian fazhan qushi [National port operation in 2023 and development trend in 2024]. URL: <http://www.chinawuliu.com.cn/zixun/202401/17/625132.shtml> (дата обращения: 17.10.2024) (in Chinese).

Zhongguo zhengfu (1992). Guowuyuan guanyu jinyibu gaige guoji haiyang yunshu guanli gongzuo de tongzhi [Circular of the State Council Regarding Further Reform of the Administration of International Ocean Shipping Industry]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2010-12/19/content_3663.htm (дата обращения: 15.10.2024) (in Chinese).

Zhongguo zhengfu (2001). Guanyu shenhua zhongyang zhishu he shuangzhong lingdao gangkou guanli tizhi gige de yijian [Opinions on Deepening the Reform of the Port Management System under the Direct and Dual Leadership of the Central Government]. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2002/content_61548.htm (дата обращения: 15.10.2024) (in Chinese).

Zhongguo zhengfu (2003). Guanyu jiaukai gangkouzheng qifen kai bufu he jiaqiang gangkou xingzheng guanli de tongzhi [Mandate on Speeding Up the Separation of Government and Port Enterprises and Strengthening Port Administration]. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2002/content_61548.htm (дата обращения: 16.10.2024) (in Chinese).

Zhongguo zhengfu (2014). Guowuyuan guanyu cujin haiyunye jiankang fazhan de ruogan yijian [Opinions of Promoting the Healthy Development of the Maritime Industry]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-09/03/content_9062.htm (дата обращения: 19.10.2024) (in Chinese).

Zhongguo zhengfu (2022). 2021 nian jiaotong yunshu xingye fazhan tongji gongbao [2021 Transportation Industry Development Statistics Bulletin]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-05/25/content_5692174.htm (дата обращения: 18.10.2024) (in Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo haiguan zongshu [General Administration of Customs of the People's Republic of China]. URL: <http://online.customs.gov.cn/> (дата обращения: 18.10.2024) (in Chinese).

Zhou Yue (2020). Gangkou xingye yu zhaiquan shendu shuli [In-depth combing of the port industry and bonds] *Xinlang caijing* [Sina Finance]. URL: <https://finance.sina.cn/bond/zsyw/2021-02-04/detail-ikftssap2786398.d.html?from=wap> (дата обращения: 18.10.2024) (in Chinese).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-065-078

МОРСКИЕ ПОРТЫ ИНДИИ

© 2024

И. В. Федулов¹

В новых геополитических условиях отчетливо проявляется тенденция укрепления политических и экономических связей России и Индии. При этом из-за географического положения Индии и России увеличивается прямая перевозка грузов, которая возможна только морским транспортом. Морские порты Индии играют определяющую роль не только в товарообороте между Индией и РФ, но и во всей внешней торговле Индии.

В статье приведены результаты исследования текущего состояния действующих основных крупных морских портов Индии, как государственных, так и частных. Анализируются показатели работы портов. Для контейнерных портов рассматриваются некоторые маршруты контейнерных перевозок. Рассматривается вопрос о недостаточном участии индийских компаний в перевозке контейнерных грузов для внешне-торговых операций.

Ключевые слова: Индия, морские порты, внешняя торговля, порт Мундра, контейнерные перевозки, товарооборот

Для цитирования: Федулов И. В. Морские порты Индии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 65–78. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-065-078

THE SEAPORTS OF INDIA

Ilia V. Fedulov

Under the new geopolitical conditions, the trend of strengthening political and economic ties between Russia and India is clearly manifested. At the same time, due to the geographical location of India and Russia, direct transportation of goods, which is possible only by sea transport, is increasing. Indian seaports play a determining role not only in the trade turnover between India and the Russian Federation, but also in the entire foreign trade of India.

The article describes the seaports in India, both public and private. The performance of the ports is analyzed. For container ports, some container transportation routes are discussed. The issue of lack of participation of Indian companies in transportation of containerized cargo for foreign trade operations is examined.

Keywords: India, seaports, foreign trade, Mundra port, container transportation, trade turnover

For citation: Fedulov I. V. The Seaports of India. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 4. Pp. 65–78. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-065-078

---

¹ Федулов Илья Викторович, кандидат технических наук, научный сотрудник Отдела экономических проблем Института востоковедения РАН, Москва; I.fedulov@ivran.ru

Ilia V. Fedulov, PhD (Engineering), Research Fellow, Department of Economic Studies, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow; I.fedulov@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-3621-8234

России в новых геополитических реалиях необходимо учитывать роль Индии как государства, стремящегося проводить независимую политику. Отчетливо проявляется тенденция укрепления политических и экономических связей двух стран. При этом из-за географического положения Индии и России возросла прямая перевозка грузов, которая возможна только морским транспортом (воздушные перевозки в данной работе не рассматриваются). Наземные перевозки грузов из Индии в РФ — отдельная тема исследований, касающаяся транспортных коридоров, — и существующих, и только планируемых. К сожалению, в условиях политической нестабильности строить долговременные прогнозы в рамках данной темы вряд ли возможно. Морские перевозки, хоть и подвержены как внешним факторам (например, нападения хуситов на корабли в Красном море), так и экономическим (изменение маршрутов перевозок может изменить цену доставки груза), но остаются достаточно надежными, реально работающими инструментами для осуществления внешнеторговой деятельности.

Внешняя торговля Индии (краткие характеристики)

В сфере логистики Индии занято около 22 млн человек, и ожидается, что к 2025 году здесь появится еще 1,2 млн рабочих мест. В настоящее время Индия тратит около 13–14% своего ВВП на логистические расходы [Building a Better..., 2023, p. 9].

Наибольшая доля внутренних грузовых перевозок приходится на автомобильный транспорт (до 67%) [Транспорт стран..., 2021, с. 173], в то время как железнодорожный и водный занимают гораздо меньшую долю. Однако большая часть внешней торговли Индии осуществляется через морские порты: около 90% по объему и около 80% по стоимости в 2022/23 ф. г. [Economic Survey..., 2023, pp. 356–357].

Доля Индии в мировой торговле невелика (1,8% в мировом экспорте и 2,5% в мировом импорте в 2021 г.), но торговля способствует все большей глобализации индийской экономики; внешнеторговая квота в 2010-е гг. стабилизировалась на уровне 30–33% ВВП [Галищева, Решикова, 2023, с. 10].

Географическая структура импорта приведена в таблице 1. Там же указаны регионы, где доля импорта составляет более 2% от всего импорта за последние 2 ф. г.

Таблица 1. Географическая структура импорта Индии в 2022/23 и 2023/24 ф.гг. по состоянию на 18.06.2024 г. в абсолютных и относительных величинах

Регион	Импорт 2022/23 ф. г., млн долл.	доля, %	Импорт 2023/24 ф. г., млн долл.	доля, %
Северо-Восточная Азия, включая Китай	162 784,48	22,74	169 317,70	25,07
Государства — члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива	133 247,97	18,61	105 932,29	15,68
Страны АСЕАН	87 577,42	12,23	79 666,58	11,79
Страны СНГ без стран Центральной Азии	47 672,32	6,66	62 128,37	9,2
Страны ЕС	61 054,88	8,53	59 380,66	8,79
Северная Америка (Канада, США, Мексика)	58 898,98	8,23	48 406,91	7,17

Продолжение Таблицы 1

Регион	Импорт 2022/23 ф. г., млн долл.	доля, %	Импорт 2023/24 ф. г., млн долл.	доля, %
Другие страны Ближнего и Среднего Востока, включая Израиль	39 933,82	5,58	34 370,04	5,09
Страны Европейской ассоциации свободной торговли (ЕФТА)	16 738,93	2,34	22 047,45	3,26
Латинская Америка	21 923,11	3,06	21 232,14	3,14
Океания (включая Австралию и Новую Зеландию)	20 181,42	2,82	16 996,19	2,52
Восточная Африка	18 197,70	2,54	11 221,33	1,66

Составлено автором на основе Ministry of Commerce and Industry, Department of Commerce, Export Import Data Bank. URL: <https://tradedstat.commerce.gov.in/eidb/irgncntq.asp> (дата обращения: 23.08.2024)

Из таблицы 1 видно, что большая часть индийского импорта приходится на Северо-Восточную Азию и Китай. Также заметно увеличение импорта из стран СНГ. Это явно связано с увеличением поставок из РФ, что подтверждается данными таблицы 2.

Таблица 2. 10 стран, лидирующих по импорту в Индию по состоянию на 23.08.2024

Рейтинг	Страна	Импорт за период апрель-июнь 2023 г., млн долл.	Импорт за период апрель-июнь 2024 г., млн долл.	рост, %	доля, %
1	Китай	23 597,90	25 566,06	18,34	14,84
2	Россия	15 340,90	18 362,11	19,69	10,66
3	ОАЭ	10 288,71	13 958,51	35,67	8,11
4	США	10 637,79	11 208,61	5,37	6,51
5	Ирак	6 561,22	8 374,65	27,64	4,86
6	Саудовская Аравия	7 782,25	7 651,30	-1,68	4,44
7	Индонезия	5 475,50	6 456,69	17,92	3,75
8	Республика Корея	4 646,60	4 980,77	7,19	2,89
9	Сингапур	4 899,91	4 805,06	-1,94	2,79
10	Швейцария	5 080,06	4 559,42	-10,25	2,65
	Всего:	160 046,84	172 220,39	7,61	

Источник: Ministry of Commerce and Industry. Department of Commerce System on Foreign Trade Performance Analysis (FTPA). Version 3.0. Top 10 Countries of Import. URL: <https://tradedstat.commerce.gov.in/ftpa/cnt.asp> (дата обращения: 23.08.2024)

Как видно из таблицы 2, РФ находится в настоящее время на втором месте после Китая по импорту в Индию. Рост российского импорта по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составил 19,7%. Большую часть импорта из РФ в Индию составляет углеводородное сырье (главным образом сырая нефть), которое в настоящий момент можно перевозить в Индию только морским транспортом.

Россия поставляет в Индию также и уголь, перевозка которого возможна тоже только морским транспортом. Единичные рекламные акции по перевозке угля из РФ в Индию по Международному транспортному коридору «Север–Юг» не окажут, на наш взгляд, сколько-нибудь значительного влияния в ближайшей перспективе на изменение структуры устоявшихся морских маршрутов перевозок из портов России в порты Индии. К тому же отправка грузов в Индию по коридору «Север–Юг» подразумевает последнее «плечо» перевозки морскими судами. Это и показала перевозка двух железнодорожных составов из Кузбасса в Индию в июле 2024 г.,² когда составы после перевалки в вагоны колеи 1435 мм проследовали в иранский порт Бендер-Аббас для второй перевалки уже на морской транспорт. Попутно заметим, что за весну 2024 г. Индия уменьшила импорт энергетического угля из России и увеличила из США, что связано со снижением конкурентоспособности поставок из России из-за проблем логистики в РФ³.

В 2022/23 ф. г. товарный экспорт Индии вырос на 6,03% и составил 447,46 млрд долларов. Среди 30 ключевых секторов, участвующих в товарном экспорте, 17 секторов продемонстрировали положительный рост по сравнению с 2021/22 ф. г. [Building a Better..., 2023, p. 319].

Экспорт Индии приведен в таблице 3, где показаны регионы с долей более 2%.

Таблица 3. Экспорт Индии в 2022/23 и 2023/24 ф. гг. по состоянию на 18.06.2024 г. в абсолютных и относительных величинах

Регион	Экспорт 2022/23 ф. г., млн долл.	доля, %	Экспорт 2023/24 ф. г., млн долл.	доля, %
Северная Америка (Канада, США, Мексика)	87 848,70	19,48	86 684,55	19,83
Страны ЕС	74 836,50	16,59	75 926,68	17,37
Государства — члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива	51 306,17	11,37	56 326,97	12,89
Страны АСЕАН	44 000,42	9,75	41 207,67	9,43
Северо-Восточная Азия, включая Китай	39 991,65	8,87	38 352,53	8,77
Южная Азия, включая Бангладеш и Непал	28 026,68	6,21	25 619,92	5,86
Другие европейские страны (без EFTA)	21 515,91	5,20	21 515,91	5,24
Латинская Америка	17 705,24	3,93	14 503,04	3,32
Западная Африка	17 726,31	3,93	12 876,84	2,95
Другие страны Ближнего и Среднего Востока, включая Израиль	16 457,55	3,65	11 852,24	2,71
Восточная Африка	11 072,43	2,45	11 403,62	2,61

Составлено автором на основе: Ministry of Commerce and Industry, Department of Commerce, Export Import Data Bank. URL: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/ergncntq.asp> (дата обращения: 23.08.2024)

² Первые два состава с углем из России в Индию прошли по МТК Север — Юг. РЖД-Партнер. 17.06.2024. URL: <https://rzd-partner.ru/logistics/comments/pervye-dva-sostava-s-uglem-iz-rossii-v-indiyu-proshli-po-mtk-sever-yug/> (дата обращения: 10.10.2024).

³ Индия резко сократила закупки российского угля. Коммерсантъ. 25.06.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6790538> (дата обращения: 10.10.2024).

Морские порты Индии

При описании морских портов Индии следует отметить важную особенность: существуют 2 типа модели управления портами — модель Landlord port и модель Private port. Например, порт Мундра (см. далее) является частным портом — территория порта принадлежит финансово-промышленной группе и управляется ею же (модель Private port). В порту Джавахарлал Неру инфраструктура порта находится в собственности правительства Индии, а отдельные терминалы управляются различными операторами, как частными, так и государственными (модель Landlord port).

В стране существует (по данным Министерства портов, судоходства и водных путей — далее «Министерство судоходства») 12 главных портов (Major Ports) под административным контролем Министерства судоходства и 200 второстепенных портов. Второстепенные порты находятся под юрисдикцией соответствующих морских советов штатов или правительств штатов⁴. Статистика этих портов по модели Landlord port приводится в отчетах Министерства судоходства. 12 главных портов приведены в таблице 4⁵:

Таблица 4. 12 главных портов Индии

	Порт	Регион	Краткая характеристика
1	Мормугао (Mormugao) или Гоа (Goa)	Западный	Порт для экспорта железной руды (по данным 2022/23 ф. г., основные получатели — Китай, Кения, США), приема энергетического и коксующегося угля, удобрений. Незначительный оборот контейнеров.
2	Мумбай (Mumbai)	Западный	Расположен в естественной гавани глубиной 10–12 м. Экспорт: текстиль, руда, нефтепродукты; импорт: уголь, нефть, зерно. Имеются контейнерные перевозки.
3	Кандла (Kandla) или официально Deendayal Port	Западный	Один из старейших портов в Индии, построенный в 1950-х годах после раздела Индии и Пакистана. Экспорт продовольствия (рис, пшеница, овощи). Импорт нефти и оборудования. Имеются контейнерные перевозки.
4	Джавахарлал Неру (Jawaharlal Nehru, JNPA, иногда называется порт Нхава Шева (Nhava Sheva))	Западный	Один из крупнейших портов Индии. Один из лидеров по контейнерным перевозкам в Индии. Помимо контейнерных перевозок используется для экспорта продовольствия (мясо, рис, пшеница, фрукты). Также экспортируются текстиль, спортивные товары, текстильное оборудование, химикаты. Импорт машин, растительных масел, а также алюминия и других цветных металлов. Имеется отдельный терминал для наливных грузов. Является конечным пунктом строящегося <i>Западного выделенного грузового коридора</i> ⁶ .

⁴ Ports Wing. Ministry of Ports, Shipping and Waterways. URL: <https://shipmin.gov.in/division/ports-wing> (accessed: 10.10.2024).

⁵ В источниках могут встречаться различные написания портов.

⁶ Западный выделенный грузовой коридор (Western Dedicated Freight Corridor) — строящаяся железнодорожная двухпутная грузовая линия колеи 1676 мм с повышенной допустимой осевой нагрузкой как на основных путях, так и на мостах (до 32,5 т) и с расчетной скоростью движения более 100 км/ч. Линия спроектирована по габаритам на пропуск двухэтажных контейнерных поездов.

	Порт	Регион	Краткая характеристика
5	Ченнаи (Chennai)	Южный	Порт является одним из старейших в Индии, официальную работу начал в 1881 году. Также был местом первого в Индии специализированного контейнерного терминала, открывшегося в 1983 г. Имеет искусственную гавань и подходный канал длиной 6700 м. Несмотря на основную специализацию — контейнерные перевозки, используется для экспорта продовольствия (рис, овощи, фрукты, продукция мукомольной промышленности), руды. Импорт угля, нефти. Работают 3 нефтяных терминала.
6	Кочи (Cochi(n))	Южный	Расположен на двух островах — Уиллингдон и Валларпадам. Глубина якорной стоянки — около 14 м. Подходный канал имеет длину около 1000 метров. Осуществляет операции с удобрениями и минеральными маслами, используется для экспорта продовольствия (фрукты, овощи, цветы, продукция мукомольной промышленности). Выполняет значительный объем контейнерных перевозок.
7	Нью-Мангалор (New Mangalore)	Южный	Импорт нефти и нефтепродуктов, древесины и древесной целлюлозы, жидкого аммиака. Экспорт железной руды (незначительный), нефтехимии (в том числе авиационного топлива). Незначительный объем контейнерных перевозок.
8	В.О. Чидамбаранар или Тутикорин (V. O. Chidambarnar или Tuticorin)	Южный	Основные статьи импорта и экспорта включают растительное масло, соль, зерно, нефть и уголь. Значительный объем контейнерных перевозок.
9	Камараджар (Kamarajar) или Эннор (Ennore)	Южный	Находится в 24 км от порта Ченнаи. Это первый морской порт Индии, зарегистрированный как публичная компания с 68-процентной долей государства. Порт специализируется на перевалке угля. Также имеется значительный контейнерооборот.
10	Калькутта или Колката (Kolkata), официально «Syama Prasad Mookerjee Port Trust»	Восточный	Речной порт на пресной воде. Для подхода судов используется судоходный канал длиной 232 км. Порт состоит из двух отдельных частей: комплекс Колката (Kolkata Dock System, KDS) в 203 км от глубоководной морской зоны Бенгальского залива и комплекс Халдиа (Haldia Dock Complex, HDC) в 130 км от глубоководной морской зоны Бенгальского залива. Оба комплекса расположены на берегах р. Хугли (Hooghly). Комплекс Халдиа часто считается отдельным портом. Через порт Колката идет экспорт железной руды, меди, стали, продовольствия (рис, продукция мукомольной промышленности, овощи, фрукты). Импорт включает в себя оборудование, удобрения, бумагу, продукцию химической промышленности, нефть. Имеется значительный оборот контейнеров (порт Халдиа).
11	Парадип (Paradip)	Восточный	В порту есть искусственная гавань типа лагуны, защищенная двумя волнорезами. Основные грузы, с которыми работает порт, это нефть, ГСМ, железная руда, уголь, хромовая и марганцевая руда, лом, удобрения. Обработка контейнерных грузов невелика.

	Порт	Регион	Краткая характеристика
12	Вишакхапатнам (Visakhapatnam) или Визаг (Vizag)	Восточный	Состоит из трех гаваней — внешней, внутренней и рыболовной. Имеет 24 причала, позволяющие принимать/отправлять нефть, нефтепродукты, железную руду, глинозем. Незначительный экспорт продовольствия. Развиты контейнерные перевозки.

Источник: составлено автором на основе отчетов Министерства судоходства Индии.

Вне статистики Министерства судоходства находятся порты модели Private port. Например, крупнейший контейнерный порт Мундра, где инфраструктура и земля принадлежат «Adani Ports & SEZ Ltd» (далее «Адани Портс...»). «Адани Портс...» входит в финансово-промышленную группу «Adani Group», которой помимо порта Мундра «Адани Портс...» принадлежат еще 9 портов в стране и с 2023 г. порт в г. Хайфа (Израиль).

Основные порты модели Private port приведены в таблице 5.

Таблица 5. Основные порты модели Privat port

Порт	Регион	Краткая характеристика	Управление и владение
Мундра (Mundra)	Западный	9 причалов для насыпных и генеральных грузов. 4 контейнерных терминала общей мощностью 7,5 млн TEUs. Круглосуточный терминал Ro-Ro. Угольный терминал (один из крупнейших в мире). 2 причала для сырой нефти с последующей транспортировкой на нефтеперерабатывающие заводы в Северной Индии по трубопроводной сети. Способен принимать суда класса VLCC ⁷ и ULCC ⁸ . Выделенная агрозона — агропарк вдали от портовой зоны для хранения и упаковки пищевых грузов. Связан с сетью индийских железных дорог линией 76 км от Мундры до Адипура.	Является особой экономической зоной. Управляется и принадлежит «Адани портс...»
Пипавав (Pipavav)	Западный	Обрабатывает в основном контейнерные грузы, а также сухие навалочные и наливные грузы. Длина канала в порту составляет 4550 м. Имеет доступ к <i>Западному выделенному грузовому коридору</i> .	Управляется и принадлежит APM Terminals (подразделение датской Maersk)
Хазира (Hazira)	Западный	Глубоководный терминал СПГ и глубоководный порт для обработки контейнерных и насыпных грузов, имеется возможность принимать наливные грузы. Есть интегрированная система для обработки угля.	Управляется «Адани портс...», принадлежит Shell и Total

⁷ VLCC (или Malaccamax) — крупнотоннажные танкеры (Very Large Crude Carrier) с осадкой до 21 метра, лимитирующей проход Малаккским проливом. Минимальный дедвейт (DWT) составляет 200 000 т, максимальный — 320 000 т.

⁸ ULCC — супертанкеры (Ultra Large Crude Carrier), термин, характеризующий крупнейшие в мире танкеры. Максимальный дедвейт — 550 000 т.

Продолжение Таблицы 5

Порт	Регион	Краткая характеристика	Управление и владение
Каттупалли (Kattupalli)	Южный, штат Тамил Наду, на север от г. Ченнаи	Глубоководный порт. Режим работы «24x7». Помимо значительной доли контейнерных грузов обрабатывает удобрения, уголь, продукцию агропромышленного комплекса.	Управляется и принадлежит «Адани портс...»
Карикал (Karaikal)	Южный, союзная территория Пудучерри	Всепогодный глубоководный порт. Обработка угля и других насыпных грузов. Контейнерного грузооборота нет.	Управляется и принадлежит «Адани портс...»
Гопалпур	Восточный, штат Одиша, на берегу Бенгальского залива	Всепогодный глубоководный порт. В основном обрабатывает насыпные грузы (уголь, минералы, цемент).	Управляется Gopalpur ports Ltd, принадлежит с марта 2024 г. «Адани портс...»

Согласно отчету «Адани Портс...» за 2022/23 ф. г., отказ от модели Landlord port позволил увеличить загрузку порта (см. Рис. 1) [Building a Better..., 2023, p. 48], т. к. компания стала единственным поставщиком портовых и логистических услуг с длительными отношениями с заказчиками. Появление конкуренции на рынке государственных портов оказало положительное влияние на цены, сервис, уровень и номенклатуру дополнительных услуг.

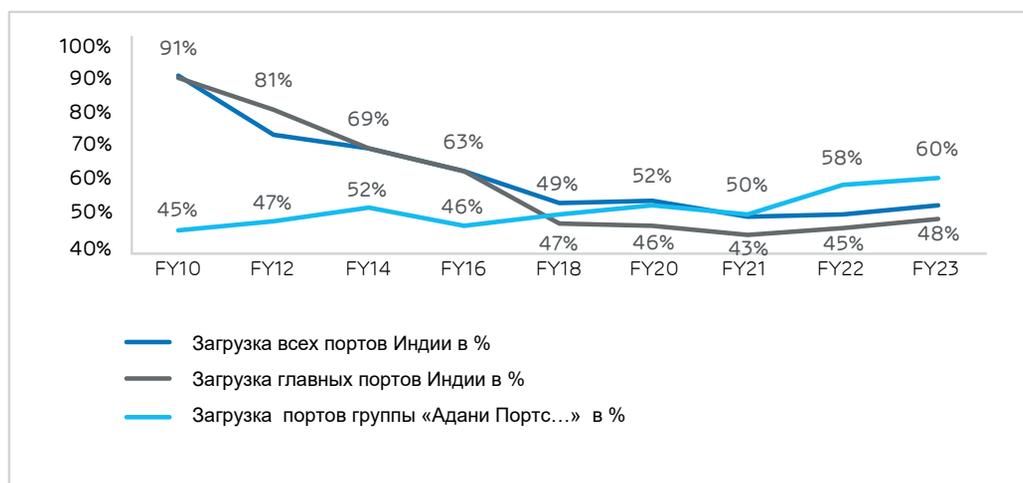

Рис. 1. Загрузка портовых мощностей в % с 2009/10 по 2022/23 ф. гг.

Источник: Building a Better Tomorrow. Adani Ports and Special Economic Zone Limited Integrated Annual Report 2022–23. 2023. P. 48.

Грузооборот⁹ 12 главных портов 2022/23 ф. г. показал рост на 8,8% — до 783,5 млн тонн. Перевалка грузов в этих портах увеличилась на 9,1% — с 550,0 млн т в 2021/22 ф. г. до 599,9 млн т в 2022/23 ф. г. Грузооборот остальных (неглавных) портов в 2022/23 ф. г. увеличился на 8,5% по сравнению с предыдущим годом и достиг 649,9 млн т. Перевалка внешнеторговых грузов выросла на 4,3% по сравнению с предыдущим ф. г. и достигла 530,9 млн т.

⁹ Здесь и далее, если не указано особо, приводятся данные портов, входящих в систему Министерства судоходства.

Структура грузов в основных портах выглядит следующим образом: контейнеры занимают 21,7%, за ними следуют сырая нефть — 20,6%, энергетический уголь — 13,6%, другие товары — 10,0%, продукты переработки нефти — 7,3%, железная руда/окатыши — 5,9%, прочий уголь — 5,4%, коксующийся уголь — 4,9%, сжиженный газ (LPG/LNG) — 2,0%, пищевое масло — 1,5%, чугун и сталь — 1,2%, сухие FRM (сырье для удобрений) — 1,1%, жидкие FRM — 0,9%, продовольственное зерно, кроме бобовых — 0,8%, цемент и сахар — по 0,4% [Building a Better..., 2023, p. 322].

За период 2020/21–2022/23 ф. г. наибольший рост грузопереработки зафиксирован в отношении энергетического и прочего угля — 30,5%, за ним коксующийся уголь — 9,9%, продовольственное зерно — 9,6%, прочие грузы — 9,4%, сырая нефть — 7,4%, пищевое масло — 7,1%, железная руда — 7,0% и удобрения (включая FRM) — 4,4%.

Порты, входящие в группу «Adani Group» (работающие по модели Privat port и не учитываемые в статистике Министерства судоходства), в 2022/23 ф. г. имеют следующие показатели. Порт Мундра сохранил свою позицию крупнейшего порта Индии, перевалив 155,4 млн т грузов. Объем перевалки сухих грузов превысил отметку в 176 млн т — рост на 11% по сравнению с предыдущим ф. г. Основными растущими позициями в насыпных грузах стали уголь, удобрения, железная руда, другие виды минерального сырья и сельскохозяйственные товары.

Перевалка наливных грузов возросла на 5% по сравнению с предыдущим годом. Объемы сжиженного газа (LPG/LNG) выросли более чем на 50% [Building a Better..., 2023, p. 330].

Порты Индии, через которые осуществляется вывоз сельскохозяйственных и продовольственных товаров, приведены в работе [Дерюгина, 2023, с. 183–184]. Отметим, что 2 крупнейших порта в 2021/22 ф. г. по объему вывезенной продукции — это порты Кандла (6,7 млн т) и Мундра (5,0 млн т), находящиеся на западном побережье.

Основные показатели работы портов для контейнерных перевозок внешнеторговых грузов Индии

В 2023 г. в список 100 крупнейших контейнерных портов по версии Lloyd's List вошли 2 индийских порта: Мундра (Mundra) — 27 место и Jawaharlal Nehru Port Authority (далее Джавахарлал Неру или JNPA) — 28 место¹⁰. По сравнению с предыдущим годом положение индийских портов в сотне практически не изменилось: порт Мундра также занимал 27 место, а порт Джавахарлал Неру был на 29 месте¹¹. Заметим, что в этом списке 2023 г. на первом месте находится китайский порт Шанхай, а всего китайских портов в сотне крупнейших контейнерных портов 21 ед.

В последнее время сфера использования контейнеров для перевозки грузов, например, наливных и насыпных, ранее перевозившихся только специализированными судами, расширяется. Для перевозки растительного масла используются специальные танк-контейнеры. Для перевозки удобрений также могут использоваться контейнеры. Так, например, компания «ФосАгро» (один из крупнейших европейских производителей фосфорных удобрений), экспортирующая удобрения из РФ (в том числе и в Индию), подписала контракт на перевалку с 2024 г. 3 млн т в год удобрений в контейнеры в порту Санкт-Петербурга (при этом часть контейнеров с удобрениями, свыше договорных 3 млн т, уже подвозятся в порт по железной дороге)¹². Для перевозки угля в последнее

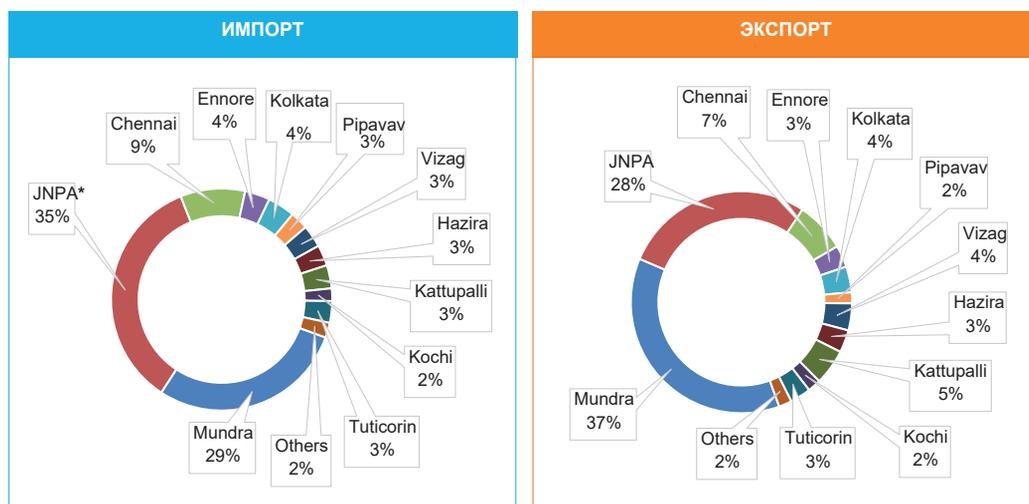
¹⁰ One Hundred Container Ports 2023. URL: <https://lloydlist.com/one-hundred-container-ports-2023> (accessed: 10.10.2024).

¹¹ Ibid.

¹² Минеральные удобрения выбрали себе контейнеры. Гудок — Новости РЖД, 23.04.2024. URL: <https://gudok.ru/content/gruzoperevozki/1667675/> (дата обращения: 10.10.2024).

время также широко используются контейнеры, но в основном типа «Open-Top», что мало подходит для мультимодальных перевозок, включающих транспортировку морем.

Распределение импорта и экспорта для контейнерных перевозок Индии приведено на рис. 2.

"Others" включает порты Kandla, Haldia and New Mangalore

*JNPA — порт Джавахарлал Неру

Рис. 2. Распределение контейнерооборота импорта и экспорта Индии в феврале 2024 г. по портам

Источник: Logistics Data Bank. Analytics Report. February 2024. New Delhi, 2024. P. 7.

Из рис. 2 мы видим, что по данным за февраль 2024 г. 3 крупнейших порта по контейнерообороту находятся на западе и юге Индии. Это упомянутые порты Мундра, Джавахарлал Неру, а также порт Ченнаи. 4 место по доле во внешнеторговых контейнерных операциях занимает порт Колката на востоке Индии. 5 портов занимают долю в 81% контейнерооборота импорта и 79% экспорта.

Один из важных факторов, характеризующих эффективность работы порта для контейнерных перевозок, — это время нахождения груза (контейнера) в порту (Dwel Time). Т.е. время, которое контейнер находится в порту с момента пересечения границы порта до погрузки на судно (экспорт) или с момента начала выгрузки до момента покидания территории порта (импорт). Чем меньше значение этой величины, тем эффективнее работа порта.

В таблице 6 показаны величины Dwel Time в часах за три месяца (апрель — июнь) 2024 г. и за аналогичный период 2023 г. Для сравнения также приведены средние величины за весь 2023 г. и за весь 2022 г. Данные приведены для трех крупнейших портов по контейнерообороту по состоянию на апрель–июнь 2024 г. для каждого из трех географических регионов (Восточный, Южный, Западный).

Таблица 6. Величины Dwel Time в часах

Порт	Экспорт				Импорт			
	Апрель–июнь 2024 г.	Апрель–июнь 2023 г.	2023 г.	2022 г.	Апрель–июнь 2024 г.	Апрель–июнь 2023 г.	2023 г.	2022 г.
Западный регион								
JNPA	75,7	72,2	70,9	74,5	23,0	20,8	21,0	21,8
Мундра	116,2	104,9	101,7	121,8	26,6	37,9	34,1	25,7
Хазира	125,5	115,6	107,9	120,4	20,0	44,0	37,4	26,8

Продолжение Таблицы 6

Порт	Экспорт				Импорт			
	Апрель–июнь 2024 г.	Апрель–июнь 2023 г.	2023 г.	2022 г.	Апрель–июнь 2024 г.	Апрель–июнь 2023 г.	2023 г.	2022 г.
Южный регион								
Ченнаи	97,6	85,3	84,5	94,9	44,3	37,5	42,2	40,9
Катгупалли	110,8	89,8	85,2	89,5	53,4	49,3	49,5	50,3
Эннор	104,7	96,2	94,4	103,0	47,3	36,3	40,1	41,0
Восточный регион								
Визаг	94,3	78,6	83,7	87,7	59,4	72,4	63,0	66,0
Колката	130,0	127,5	118,5	114,0	44,2	32,0	35,2	34,3
Халдия	144,0	144,0	121,4	124,4	67,4	66,5	69,0	84,7

Источник: Logistics Data Bank. Quarterly Analytics Report, April-May-June. New Delhi, 2024; Logistics Data Bank. Annual Analytics Report, 2023. New Delhi, 2024.

Мы видим, что по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. и с 2023 г. в целом показатель ухудшился по всем крупнейшим контейнерным портам (кроме порта Халдия) при отправке контейнеров на экспорт. При импорте контейнеров улучшили показатели крупнейший порт Мундра и порт Хазира, оба находящиеся на западном побережье Индии.

В порту Мундра задержки контейнеров в экспортном цикле связаны в основном с увеличением контейнеропотока, а также строительными работами по расширению железнодорожной линии и сооружением дополнительных контейнерных терминалов. Время пребывания контейнеров в порту Джавахарлал Неру (JNPA) в импортном цикле увеличилось из-за нехватки железнодорожных путей. Ситуация в этих портах улучшится после увеличения количества железнодорожных путей. Например, в порту Мундра планируется ввести 5 новых путей в середине 2024 г.

Помимо задержек, связанных со строительными работами, следует отметить, что ухудшение (как и улучшение) показателей происходит по причинам, не связанным с улучшением инфраструктуры, а именно с увеличением или уменьшением количества грузов соответственно. Например, Dwell Time в порту Кандла для импорта уменьшилось в июле 2024 г. на 32% по сравнению с июнем 2024 г. из-за снижения количества контейнеров на 60%.

Также необходимо отметить волатильность некоторых связанных с грузоперевозками показателей в пределах года или даже квартала. Например, перевозка контейнеров из порта Халдия до склада контейнерных грузов (CFS) в период апрель-июнь 2024 г. увеличилась на 107% по сравнению с январем-мартом 2024 г. из-за изменения схемы движения автотранспорта в связи с предвыборной кампанией. В июле 2024 г. время пребывания контейнеров в порту Колката для экспорта уменьшилось на 27% по сравнению с июнем 2024 г. из-за того, что экспортные контейнеры обрабатывались в приоритетном порядке из-за сезона фестивалей.

Ситуация в Красном море также сказывается на показателях портов. Именно она стала причиной того, что порт Кочи ухудшил показатели на 37% в феврале 2024 г. (экспорт) по сравнению с аналогичным периодом 2023 г.

Торговые маршруты и перевозчики

В целом географическое положение портов определяет их «специализацию» по работе с регионами мира, т. е. порты на юге и востоке Индии работают с регионами ЮВА и Южной

Америки, а порты запада (и юга) Индии обслуживают Африку, Ближний Восток и Европу. Однако для контейнерных перевозок картина смещается в сторону большей универсальности.

Например, контейнерный маршрут FI3 Eastbound фирмы Maersk соединяет порты в восточном регионе Индии (порты Джавахарлал Неру, Мундра и Пипавав) с корейским портом Пусан (Busan). Схема маршрута приведена на рис. 3.

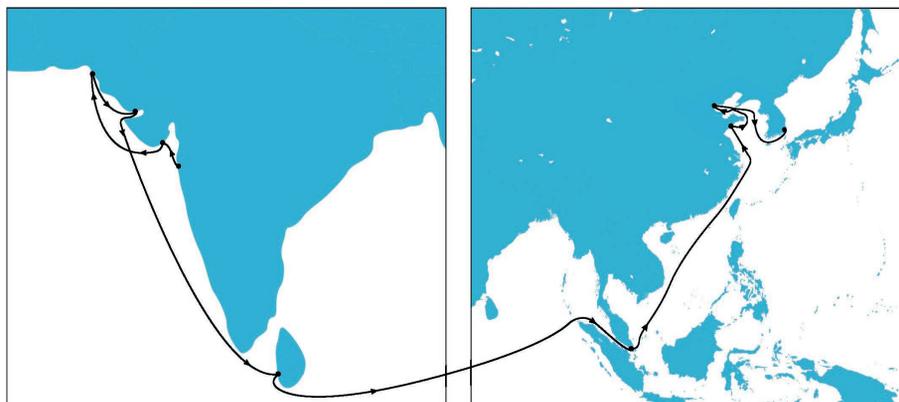

Рис. 3. Контейнерный маршрут FI3 Eastbound фирмы Maersk по данным на лето 2024 г.

Источник: <https://www.maersk.com/local-information/shipping-from-asia-pacific-to-imea/fi3-eastbound> (дата обращения: 23.08.2024).

Время в пути от порта Джавахарлал Неру (Индия) до порта Пусан (РК) составляет 29 дней.

На рис. 4. приведены схемы контейнерных маршрутов французской фирмы «СМА CGM Group» из портов восточного региона Индии в порты Китая, Кореи и пр.

Рис. 4. Схема контейнерных маршрутов из Индии AS1, AS6, AS9, CIX, IEX и IEX2 фирмы «СМА CGM Group» по состоянию на август 2024 г.

Источник: ISC services — Eastbound Connecting India Subcontinent with Asia. URL: https://www.cma-cgm.com/assets/public/documents/COMBINED%20ISC_4.pdf (дата обращения: 23.08.2024).

Маршрут AS1 (Asia Subcontinent Express) из Индии в порт Циндао на востоке Китая имеет общее время прохождения 47 суток (24 дня в западном направлении с заходом в порты Мундра (Индия), Карачи (Пакистан), Сингапур и 23 дня в восточном направлении с заходом в порты Шанхай, Нинбо, Шекоу (все КНР) и порт Сингапур). Маршрут еженедельный. На 07.09.2024 г. из 7 предусмотренных расписанием контейнеровозов работают 3¹³.

Заметим, что в начале XXI в. складывается новая форма объединений в сфере линейного контейнерного судоходства — альянсы контейнерных линий¹⁴. По некоторым данным, в настоящее время доля альянсов на основных направлениях контейнерных перевозок достигает 95%¹⁵. В настоящее время существуют 3 основных альянса:

- 2М (Входят швейцарский линейный контейнерный оператор MSC (Mediterranean Shipping Company) и датский грузооперевозчик А. Р. Moller-Maersk);
- Ocean (входят китайская компания COSCO Shipping и гонконгская OOCL (в 2018 г. OOCL стала собственностью COSCO), тайваньская Evergreen и французская CMA CGM Group);
- THE Alliance (входят немецкая компания Hapag-Lloyd, японская ONE, Южно-Корейская НММ и тайваньская Yang Ming).

С начала 2025 г. состав альянсов изменится, т. к. с января 2025 г. прекращает работу альянс 2М, а Maersk и Hapag-Lloyd создают новый альянс Gemini Cooperation¹⁶ с 1 февраля 2025 г.

В 2003 г. была учреждена индийская компания Sarjak Container Lines, однако фактически эта компания может быть классифицирована как перевозчик без тоннажа (non vessel operating common carrier), который имеет свой контейнерный парк. Для перевозки контейнеров заключаются соглашения с контейнерными линиями о предоставлении мест на их судах. Национальная судоходная компания Индии The Shipping Corporation of India хотя и является перевозчиком в сфере линейного контейнерного судоходства, но по данным Alphaliner имеет два собственных контейнеровоза (SCI Chennai, SCI Mumbai) и один зафрахтованный; общая вместимость флота — 9418 TEUs, доля на глобальном рынке составляет менее 0,2% [Щербинин, Караваева, 2022, с. 78–79].

Выводы

1. Морские порты Индии играют решающую роль во внешней торговле Индии.
2. В официальной статистике Министерства портов, судоходства и водных путей отсутствуют данные по частным портам, в частности по крупнейшему контейнерному порту Индии Мундра.
3. Рост грузооборота зафиксирован практически во всех портах Индии для всех видов грузов.
4. Время ожидания (Dwell Time) в апреле–июне 2024 г. для контейнерных портов увеличилось для экспортных грузов из-за различных причин, в том числе и из-за роста грузооборота.

¹³ Asia Subcontinent Express (AS1). CMA CGM | A global player in sea, land, air, and logistics solutions. URL: [https://www.cma-cgm.com/ebusiness/schedules/line-services/flyer/AS1?serviceName=Asia%20Subcontinent%20Express%20\(AS1\)&serviceDesc=Intra-Asia](https://www.cma-cgm.com/ebusiness/schedules/line-services/flyer/AS1?serviceName=Asia%20Subcontinent%20Express%20(AS1)&serviceDesc=Intra-Asia) (accessed: 07.09.2024).

¹⁴ Контейнерная линия — перевозчик, осуществляющий морскую перевозку контейнеров и предоставляющий услуги в портах. Обычно контейнеры предварительно сдаются грузоотправителю в аренду.

¹⁵ Альянсы морских контейнерных перевозчиков. Горизонт событий. URL: https://horizonevents.ru/line_alliance/ (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁶ Maersk and Hapag-Lloyd are entering into an operational cooperation. Maersk | Integrated Container Logistics & Supply Chain Services. 17.01.2024. URL: <https://www.maersk.com/news/articles/2024/01/17/maersk-and-hapag-lloyd-are-entering-into-an-operational-cooperation> (accessed: 07.09.2024).

5. Географическое расположение портов не оказывает сильного влияния на маршрут контейнерных перевозок.
6. Логистика внешнеторговых перевозок индийских контейнерных грузов в определяющей степени зависит от альянсов контейнерных линий.

Литература / References

Галищева Н. В., Рещикова М. С. *Внешнеэкономическая политика Индии: актуальные тенденции и перспективы*. М., 2023 [Galistcheva N. V., Reshchikova M. S. *India's Foreign Economic Policy: Current Trends and Prospects*. Moscow, 2023 (in Russian)].

Дерюгина И. В. Аграрная экспортная политика в Индии: 2010–2020-е гг. *Международная торговля и торговая политика*. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 176–188 [Deryugina I. V. *Agriculture Export Policy in India: 2010–2020-ies*. *International Trade and Trade Policy*. 2023. Vol. 9. No. 1 (33). Pp. 176–188 (in Russian)].

Транспорт стран Востока. Колл. мон. Отв. ред. Авдаков И. Ю., Акимов А. В. М.: ИВ РАН, 2022 [Transport of the Countries of the East. Coll. mon. Editor-in-Chief: Avdakov I. Yu., Akimov A. V. Moscow, 2022 (in Russian)].

Щербинин Н. В., Караваева Е. Д. Контейнерные перевозки внешнеторговых грузов Индии. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 6. С. 75–89 [Shcherbinin N. V., Karavaeva E. D. *India's International Cargo Container Shipping*. *Russian Foreign Economic Journal*. 2022. No. 6. Pp. 75–89 (in Russian)].

Building a Better Tomorrow. Adani Ports and Special Economic Zone Limited Integrated Annual Report 2022–23. 2023.

Economic Survey 2022–23. Government of India, Ministry of Finance. New Delhi, 2023.

Электронные ресурсы/ Electronic resources

Альянсы морских контейнерных перевозчиков. Горизонт событий. URL: https://horizonevents.ru/line_alliance/ (дата обращения: 10.10.2024).

Индия резко сократила закупки российского угля. Коммерсантъ. 25.06.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6790538> (дата обращения: 10.10.2024).

Минеральные удобрения выбрали себе контейнеры. Гудок — Новости РЖД, железнодорожного транспорта, машиностроения и логистики. 23.04.2024. URL: <https://gudok.ru/content/gruzoperevozki/1667675/> (дата обращения: 10.10.2024).

Первые два состава с углем из России в Индию прошли по МТК Север — Юг. РЖД-Партнер. 17.06.2024. URL: <https://rzd-partner.ru/logistics/comments/pervye-dva-sostava-s-uglem-iz-rossii-v-indiyu-proshli-po-mtk-sever-yug/> (дата обращения: 10.10.2024).

Asia Subcontinent Express (AS1). CMA CGM | A global player in sea, land, air, and logistics solutions. URL: [https://www.cma-cgm.com/ebusiness/schedules/line-services/flyer/AS1?serviceName=Asia%20Subcontinent%20Express%20\(AS1\)&serviceDesc=Intra-Asia](https://www.cma-cgm.com/ebusiness/schedules/line-services/flyer/AS1?serviceName=Asia%20Subcontinent%20Express%20(AS1)&serviceDesc=Intra-Asia) (accessed: 07.09.2024).

Maersk and Hapag-Lloyd are entering into an operational cooperation. Maersk | Integrated Container Logistics & Supply Chain Services. 17.01.2024. URL: <https://www.maersk.com/news/articles/2024/01/17/maersk-and-hapag-lloyd-are-entering-into-an-operational-cooperation> (accessed: 07.09.2024).

One Hundred Container Ports 2022. URL: <https://lloydslist.com/one-hundred-container-ports-2022> (accessed: 10.10.2024).

One Hundred Container Ports 2023. URL: <https://lloydslist.com/one-hundred-container-ports-2023> (accessed: 10.10.2024).

Ports Wing. Ministry of Ports, Shipping and Waterways. URL: <https://shipmin.gov.in/division/ports-wing> (accessed: 10.10.2024).

РОССИЙСКИЙ «ПОВОРОТ НА ВОСТОК» В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

© 2024

Лю Цзинюань¹

После начала специальной военной операции России на территории Украины актуализировалась российская политика «поворота на Восток». При этом конфронтация России и коллективного Запада является не единственной причиной такой переориентации внешнеполитической и экономической деятельности РФ, хотя и накладывает определенные ограничения, которые вынуждают Россию сосредоточить свое внимание на сотрудничестве со странами Востока. Кроме того, приоритет незападных стран и регионов во внешней политике России был закреплен в Концепции внешней политики РФ в 2023 году. В то же время поворот на Восток сталкивается с различными вызовами и рисками, связанными как с политическими и экономическими аспектами, так и с цивилизационными. В этом отношении в рамках данного исследования автором выявлены некоторые различия в целях политики поворота на Восток до и после начала СВО, проанализированы основные проблемы и обозначены основные перспективы дальнейшего развития данного вектора внешней политики РФ, а также показано, что эффективность поворота на Восток связана в основном с экономическими результатами сотрудничества России и стран Азии, в то время как политические успехи в большинстве своем выражаются в общем видении будущего мирового порядка и противодействии западному доминированию во главе с США.

Ключевые слова: российско-украинский кризис, специальная военная операция на Украине (СВО), Россия, Китай, АТР, внешняя политика, поворот на Восток, санкции

Для цитирования: Лю Цзинюань. Российский «поворот на Восток» в условиях специальной военной операции: вызовы и возможности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 79–90. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-079-090

RUSSIAN “TURN TO THE EAST” IN THE CONTEXT OF SPECIAL MILITARY OPERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Jingyuan Liu

After the beginning of the special military operation of Russia on the territory of Ukraine the Russian policy of “turning to the East” was updated. At the same time, the confrontation between Russia and the collective West is not the only reason for such a reorientation of Russia’s foreign-policy and economic activity, although it imposes certain restrictions, that force Russia to focus on cooperation with the East. In addition, the priority of non-Western countries and regions in Russia’s foreign policy was enshrined in the Concept of Foreign Policy of the

---

¹ Лю Цзинюань, аспирантка кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва; liujingyuan@mail.ru

Jingyuan Liu, Postgraduate student, Department of Comparative Political Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow; liujingyuan@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9810-9981

Russian Federation in 2023. At the same time, the turn to the East is facing various challenges and risks — political, economic and civilizational. In this regard, the author identified some differences in the objectives of the policy of turning to the East before and after the special military operation, analyzed the main problems and outlined the main prospects for the further development of this vector of foreign policy of the Russian Federation, and also shows that the effectiveness of the East turn is mainly due to the economic results of cooperation between Russia and Asian countries, while political successes are mostly expressed in a shared vision of the future world order and opposition to US-led Western domination.

Keywords: Russian-Ukrainian crisis, special military operation in Ukraine, Russia, China, the Asia–Pacific, foreign policy, turn to the East, sanctions

For citation: Jingyuan Liu. Russian “Turn to the East” in the Context of Special Military Operation: Challenges and Opportunities. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 79–90. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-079-090

Введение

Уникальное цивилизационное и геополитическое положение позволяет России играть важную роль в политике и экономике как Запада, так и Востока, что также обуславливает необходимость проведения Россией активной внешней политики по западному и восточному направлениям, второе из которых в последние годы стало приоритетным.

Ухудшение отношений с Западом вследствие украинского кризиса поспособствовало усилению политики «поворота на Восток», но не является ее началом.

Как отмечают исследователи, еще в XVIII–XIX вв. Россия проводила в Азии свою политику, в основе которой лежали идеи мессианства, в соответствии с которыми «Российская империя выполняет в Азии великую цивилизаторскую миссию» [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020, с. 21].

В дальнейшем фокус был сделан на Центральной Азии и мусульманском Востоке, а в 20–30-х гг. XX в. оформилась идея, а позже и общественно-политическое движение евразийства (П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. С. Трубецкой и пр.), рассматривающее Россию как самобытную цивилизацию, вбирающую элементы и западного, и восточного миров.

В советский период также высказывались предложения о необходимости сближения с государствами Азии, в частности, в период правления Л. И. Брежнева в СССР публиковались аналитические и научные труды о развитии сотрудничества со странами АТР, в 80-х гг. М. С. Горбачев говорил о новой политике в АТР [Лукин, 2016].

Значительный вклад в концептуализацию восточного вектора российской внешней политики внес в 90-х гг. Е. М. Примаков, который выступал против доминирования США в мировой политике и формирования миропорядка, основанного на принципах мультилатерализма. Он выдвигал идею о необходимости осуществления внешнеполитической деятельности, основанной на дружественных отношениях с Западом «при одновременном развитии сотрудничества с азиатскими странами, и прежде всего с Китаем и Индией» (стратегический треугольник Москва–Дели–Пекин) [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020, с. 21]. Кроме того, Е. М. Примаков отмечал, что России необходимо в первую очередь развивать отношения с регионами Восточной Азии и Ближнего Востока, следуя стратегии, отвергающей однополярность [Примаков Е. М., 2011, с. 223].

В 2000-х гг. Россия продолжила расширять сотрудничество со странами Азии, в частности с Китаем, Японией, Южной Кореей и государствами АСЕАН. Активизация восточного вектора произошла в период мирового финансово-экономического кризиса в 2008–2009 гг.: «в Кремле

осознали необходимость поддерживать выгодные партнерские отношения в обоих направлениях — как на Западе, так и на Востоке» [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020, с. 21].

В 2010-х гг. дискуссия о принадлежности и выборе Россией путей дальнейшего развития — по европейской или азиатской траектории — приобрела новые контексты и измерения, связанные с украинским кризисом и резким ухудшением отношений с западными державами [Беспалов, 2019]. События, которые берут свое начало в 2014 году, наглядно продемонстрировали существующие между Россией и Западом противоречия во взглядах на мироустройство, а в 2022 году с началом СВО данные противоречия только обострились, что усугубило напряженность и углубило противостояние между двумя полюсами [Мальченков, Батяев, 2022, с. 16].

Украинский кризис и ухудшение отношений с коллективным Западом отразились для России не только в политическом и экономическом поле. Рассуждения о выборе (или неизбежности) России в пользу Востока порождают новую дискуссию о цивилизационном пути и идентичности российского государства. Происходит цивилизационная трансформация и переосмысление роли и места России в мире.

Таким образом, поворот России на Восток является многоаспектным явлением, затрагивающим множество факторов как внешней, так и внутренней политики РФ. В этой связи исследование политики поворота на Восток возможно с различных позиций и требует использования различных подходов.

В то же время А. Е. Савченко и И. Ю. Зуенко замечают, что «поворот на Восток» не концептуализирован надлежащим образом, а при его анализе исследователи зачастую ссылаются на отдельные сюжеты, например, рассматривая его исключительно как ответные меры на западные санкции в период украинского кризиса [Савченко, Зуенко, 2020, с. 111].

В рамках данного исследования автор анализирует восточный вектор российской внешней политики с целью проследить ее эволюцию, а также выявить основные вызовы и возможности, в частности на современном этапе в условиях проведения СВО на территории Украины.

Также необходимо определить границы Востока, поскольку в современной действительности Восток как противопоставление Западу не ограничивается исключительно географическими границами восточного региона, а становится более широким понятием, включающим в себя не только Азию, но и не-Запад в целом, а именно Ближний Восток, Африку и Латинскую Америку.

Говоря о терминологии, С. Караганов рассуждает о том, что термин «не-Запад» для совокупности незападных государств Востока, Африки, Латинской Америки не подходит. Более целесообразно, по его мнению, назвать эти государства «мировым большинством», поскольку «Запад в общечеловеческом контексте — явное и сокращающееся меньшинство». Также некоторые эксперты предлагают термин Большой Восток [Караганов, 2022, с. 8].

В свою очередь Ф. Лукьянов так описывает «мировое большинство», под которым он понимает совокупность стран вне западного сообщества: «... есть обширная среда (то самое «мировое большинство»), полагающая, что меньшинство (Запад) злоупотребляет властью» [Лукьянов, 2023].

В данной статье, рассматривая Восток как мировое большинство, автор все же делает больший акцент на взаимодействии России с АТР и, в частности, с Китаем как основным игроком в регионе и важнейшим внешнеполитическим и внешнеэкономическим партнером России на данном этапе.

Эволюция поворота России на Восток после начала СВО

С начала украинского кризиса в 2013–2014 гг. актуализировалась российская политика поворота на Восток, хотя, как было отмечено выше, восточное направление российской внешней

политики развивалось и прежде, в том числе во времена Российской империи и СССР. В настоящее время восточный вектор включает всестороннее сотрудничество со странами не только Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и прочими странами Востока, но и государствами Африки и Латинской Америки.

Кроме того, отмечается, что политика поворота на Восток имеет сложную структуру из нескольких компонентов на стыке российской внутренней (развитие Сибири и Дальнего Востока) и внешней политики (расширение сотрудничества с государствами Азии, Африки и Латинской Америки) [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020, с. 21]. Также Россия при участии стран Евразийского региона продвигает концепцию Большой Евразии, которая предполагает формирование пространства международного сотрудничества, альтернативного западному. В целом можно отметить, что процессы, происходящие по причине или под влиянием российско-украинского конфликта, ускоряют эволюцию мирового политического ландшафта в сторону многополярности [Yakunin V., Velisov M., Lan Zhiyong, Skriba A., Xu Changzhi, Yu Xiunda... & Yang Hui, 2023, с. 98].

СВО России на Украине разделило поле российской внешней политики на две части [Карганов, 2023]. С одной стороны — коалиция преимущественно западных стран (из азиатских стран к коалиции присоединились Япония, Южная Корея и Сингапур), возглавляемая США, которая стремится изолировать Россию путем проведения санкционной политики и, как следствие, участвуя в опосредованной войне против России.

С другой стороны — остальное большинство стран («мировое большинство»), которые сохраняют нейтральную позицию или поддерживают Россию. Именно эти государства стали основным активом внешней политики РФ в настоящее время.

Сложно отрицать, что причины политики поворота на Восток не ограничиваются лишь украинским кризисом и ухудшением отношений с Западом. И Европа, и Азия являются важными для России направлениями внешней политики, которые формировались, исходя из необходимости многовекторного и диверсифицированного сотрудничества с внешним миром [Торкунов, Стрельцов, 2023, с. 16].

В качестве основных причин для активизации азиатского направления во внешней политике РФ А. В. Лукин называет необходимость установления связей с быстро развивающимся регионом, «который становится центром мировой экономики и политики», и необходимость решения стратегической задачи развития Сибири и Дальнего Востока [Лукин, 2016]. Кроме того, наблюдаемый в настоящее время подъем, экономический и политический, стран АТР способствует началу трансформации мирового порядка: придерживаясь стремления к переформатированию миропо-рядка на основе многополярности, Россия приступила к реализации политики поворота на Восток.

Также, помимо украинского кризиса и ухудшения отношений с Западом, Россию к такому выбору побуждает и кризис европоцентристского мира в целом [Бляхер, 2019]. Это проявляется в том числе в кризисе глобального управления, основанного на западных ценностях, а также в политической и экономической сферах ЕС. Не последнее место занимают и кризис европейской идентичности, проблемы, связанные с социальным полем, вопросами миграции.

О системном кризисе Европы как об ограничении возможности сближения с ЕС говорят авторы труда «К Великому океану», которые отмечают, что «в ближайшие годы он (ЕС – прим. автора) будет не способен реагировать даже на очевидно выгодные для него предложения, такие как создание единого экономического, энергетического, человеческого пространства, включающего Россию, ЕС, другие тяготеющие к Европе страны» [К Великому Океану, 2019].

Тем не менее, согласно взглядам ряда экспертов, поворот на Восток не предполагает полный уход России от «европейской культуры и истории, сделавшей нас [Россию] великой

державой» [Караганов, 2018] и не означает ухудшения отношений и противостояния с невесточными государствами.

Другими словами, политика поворота на Восток направлена на диверсификацию внешнеэкономических и политических отношений России с Западом, а не на полное смещение фокуса ее международных отношений с Запада на АТР.

Таким образом, можно заключить, что до начала СВО и обострения отношений с Западом целями поворота на Восток были расширение политического и экономического сотрудничества со странами АТР с акцентом на Китай, а также дальнейшее развитие российских Сибирского и Дальневосточного регионов. Кроме того, российская внешняя политика была ориентирована на интеграционные процессы в АТР — как в экономическом поле, так и в сфере безопасности, в том числе военной и энергетической.

Политика поворота на Восток способствовала укреплению и расширению торговоэкономических отношений России со странами АТР, в некоторой степени компенсировав таким образом свои экономические потери по причине западных санкций. В частности, торговые обороты с государствами АТР увеличил Дальневосточный регион РФ, который также привлек значительные инвестиции из этих стран, способствуя экономическому развитию [Минаков, 2023, с. 1].

Говоря о политическом факторе, можно отметить укрепление Россией своих политических отношений с большинством стран АТР, дальнейшее развитие стратегического партнерства с Китаем, Индией и АСЕАН. Так, например, Россия и Китай в первую очередь развивают отношения по таким вопросам, как разрешение приграничных проблем, в том числе взаимное разоружение на этих территориях, сотрудничество в военной области, расширение и упрочение законодательной базы для развития всестороннего партнерства и стратегического сотрудничества, после чего говорят об экономическом взаимодействии [Лукин, 2016].

После обострения российско-украинского конфликта и начала СВО в феврале 2022 г. западные страны начали проводить активную санкционную политику против России, косвенно, таким образом, участвуя в конфликте на Украине. Россия столкнулась с ситуацией полномасштабной конфронтации с Западом, а политика поворота на Восток стала единственным жизнеспособным и эффективным внешнеполитическим вариантом для РФ. Как отмечает политолог Т. Бордачев, сегодняшний конфликт России и Запада можно рассматривать как условие, которое сделало поворот на Восток не вариантом для России, а необходимостью, заставив РФ отнестись к этому вопросу по-настоящему серьезно [Бордачев, 2022].

Важность проведения политики поворота на Восток в реалиях СВО правительство РФ отразило на официальном уровне, придав ей более широкую перспективу и содержание. В марте 2023 года В. Путин утвердил Концепцию внешней политики РФ, в которой изложены стратегические цели России в условиях меняющихся геополитических обстоятельств. В новой редакции документа изменилась иерархия страновых приоритетов, а также границы регионов. Новыми для Концепции стали регионы «Исламский мир» и «Евразийский континент». Согласно Концепции 2023 г. приоритетными для России становятся регионы АТР, Исламского мира, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна.

Поворот на Восток: вызовы и возможности преодоления

- *Цивилизационный выбор*

Вопрос о дальнейшей роли Запада в российской внешней политике представляется актуальным в контексте дальнейшего цивилизационного развития России. По мнению С. Караганова,

поворот приобрел геополитические и даже цивилизационные черты [Караганов, 2016]. Подчеркивая неизбежность поворота на Восток, он также замечает, что происходит сражение за будущее России как суверенного государства и уникальной цивилизации, а ориентация на евроатлантическое пространство и ценности уже не актуальна для РФ [Караганов, 2022].

Говоря о цивилизационном аспекте поворота России на Восток, можно выделить некоторые трудности.

Одним из препятствий построения равноправных партнерских отношений России со странами Азии является отсутствие сформированного благоприятного имиджа и восприятие России исключительно как транзитной зоны и источника сырья. Россия в регионе Азии не является «своей», что снижает уровень доверия к ней и недопущение до решения действительно важных вопросов в регионе [Бляхер, 2019]. Можно сказать, что у азиатских стран нет стремления включить Россию в семью азиатских народов: Россия для Азии остается державой преимущественно европейской в цивилизационном аспекте, а также в вопросах экономического сотрудничества.

А. В. Торкунов и Д. В. Стрельцов тоже отмечают наличие подобных проблем: «Проблема связана не только с самоидентификацией России как в основном европейской страны, хотя и обращенной к Азии, но и с отношением к ней как к внешнему игроку со стороны многих азиатских стран. В Восточной Азии имеет место феномен азиатского национализма, основанного на достигнутых экономических успехах» [Торкунов, Стрельцов, 2023].

Тем не менее ряд государств азиатского региона выражают готовность налаживать с Россией партнерские отношения как на двусторонней основе, так и в рамках существующих институтов. При этом в контексте развития экономического партнерства значительную роль может сыграть Дальневосточный регион РФ, который в некоторой степени уже интегрирован «в деловые сети сопредельных стран» [Бляхер, 2019].

При этом сама Россия не стремится причислить себя к исключительно европейской или азиатской цивилизации. Россия, согласно Концепции внешней политики РФ от 2023 года, — это самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, цель которой состоит в консолидации ее позиций как мировой державы и отстаивании многополярной международной системы. Для достижения этих целей Россия обязалась сформировать альянсы со странами Азии, Африки и Латинской Америки, коллективно противодействуя гегемонии США и западному неокOLONIALИЗМУ². Эксперты Валдайского клуба также отмечают, что для России поворот на Восток служит неотъемлемым фактором становления ее как ведущей державы XXI века: «без поворота, без ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока и их интеграции в систему торгово-экономических связей в Азии и Евразии, не восстановив и не установив полноценные отношения с азиатскими странами, Россия не сможет стать ведущей державой XXI века» [К Великому океану., 2019].

При этом приоритетными для России должны стать ее собственные интересы, видение будущего мира и реализуемые ею проекты, а не вопрос о том, какой иной (чужой) проект более выгоден: китайский, американский, европейские и пр. [Бляхер, 2019]. Как отмечает Т. Бордачев: «в словосочетании “поворот России к Востоку” ключевое слово — Россия. Не “поворот” и не “Восток”». Что касается «поворота к Востоку», то это лишь инструмент реализации приоритетных направлений национального развития России³.

---

² Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 18.03.2024).

³ Разворот, доворот или поворот? Валдайский клуб о пути России к Великому Океану. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/valdayskiy-klub-o-puti-rossii-k-velikomuu-okeanu/> (дата обращения: 18.03.2024).

К. Косачев, размышляя о выборе России между «государством-цивилизацией» и «анти-Западом», говорит о необходимости соблюдения непосредственно интересов России, а не о противостоянии Западу, он подчеркивает, что «Поворот на Восток сегодня должен быть не потому, что закрыт Запад, а потому, что это выгодно нам и там центр мирового развития» [Косачев, 2023].

Таким образом, в процессе реализации политики поворота на Восток Россия возвращается на традиционный путь сохранения своего статуса великой державы и геополитического баланса [Liu, 2023, с. 248]. Эта политика привела к появлению инициативы «Большого евразийского партнерства» (БЕП), предложенной В. Путиным в 2015 г. Инициатива БЕП, призванная содействовать интеграционным процессам на евразийском континенте, стала ключевым элементом международной стратегии России, определяющей политику поворота на Восток.

- *Россия и Восток: общее видение миропорядка*

Восток является важной опорой для России в формировании будущего мирового порядка. Создание справедливого и устойчивого мирового устройства — приоритет внешней политики РФ. В этом контексте Россия стремится содействовать адаптации мирового устройства к условиям многополярного мира, устранению доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, а также созданию условий для отказа любого государства от неоколониальных и гегемонистских амбиций⁴. В этом контексте Россия находит поддержку со стороны таких стран, как Китай и Индия: они придерживаются схожего представления о будущем и поддерживают идеи многополярного мира в противовес однополярному во главе с Западом.

В то же время с геополитической точки зрения США в течение длительного периода подчеркивали наличие рисков безопасности в АТР и формировали союзы для продвижения «Индо-Тихоокеанской стратегии». Они не только усовершенствовали механизм QUAD (Австралия, Индия, США и Япония), превратив его в авторитетную платформу для обсуждения, но также создали новое трехстороннее партнерство в области безопасности — AUKUS (Австралия, Великобритания и США). Продолжающийся кризис на Украине усилил риск «окапывания» в АТР, и некоторые страны оказались перед дилеммой «выбора стороны» в политическом и военном плане, что в определенной степени повлияло на геополитическую и экономическую ситуацию России и ее интересы в области безопасности [Ян Боцзян, 2022]. Кроме того, заместитель МИД РФ Андрей Руденко подчеркивал, что Запад рассматривал возможности создания в Азии механизма «азиатского НАТО», который мог бы стать прообразом военной структуры наподобие НАТО, однако азиатские страны, привыкшие строить свою жизнь по другим — неконфронтационным — принципам, эту идею в регионе не восприняли [Руденко, 2023].

Это открывает возможности для России. Концепция построения механизма безопасности и стабильности в АТР является важной частью российского «поворота на Восток» и важным шагом в российской политике «девестернизации». В этой связи в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации большое значение придается российско-китайским и российско-индийским отношениям, в частности в сфере создания «в Азиатско-Тихоокеанском регионе надежных механизмов обеспечения региональной стабильности и безопасности на внеблоковой основе»⁵.

Таким образом, в контексте противостояния США и западноцентричному миропорядку, а также выстраивания механизма безопасности и стабильности в АТР присутствие России в качестве

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 18.03.2024).

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (дата обращения: 18.03.2024).

стратегического партнера в регионе приветствуется, и она имеет возможность стать здесь главным «поставщиком» безопасности.

Важным этапом в процессе трансформации существующего прозападного миропорядка является также «дедолларизация» мировой экономики.

Восток играет важную роль в формировании «зоны дедолларизации»: в азиатском регионе наблюдается растущий интерес к уменьшению зависимости от американской валюты. Соответствующие инициативы были предложены Малайзией и Бразилией [Валютный, 2023]. На сегодняшний день страны БРИКС могут способствовать дедолларизации, используя свои национальные валюты для расчетов с Россией и друг с другом. Более половины торговли между Китаем и Россией уже осуществляется в местных валютах (особенно в сфере торговли энергоресурсами). Это способствует снижению рисков и укреплению рубля и юаня в качестве мировых резервных валют. Россия и Индия также активно развивают механизмы расчетов в рублях и рупиях. Взаиморасчеты между Россией и Ираном осуществляются на 40% в рублях. Помимо БРИКС в национальных валютах стран-участниц проводится 75% расчетов между государствами ЕАЭС. Кроме того, банки Ирана и других стран уже подключены к российской платежной системе «Мир»⁶.

Такая практика отхода от доллара в качестве основной валюты международной торговли в значительной степени будет способствовать ослаблению влияния США на страны «мирового большинства», особенно в финансово-экономической сфере. Это, в свою очередь, негативно скажется на стабильности существующего мирового порядка и доминировании Запада.

- *Санкции: ограничения на Западе и возможности на Востоке*

Конфликт вокруг Украины оказывает влияние на отношения России не только со странами Запада, но и на ее позиции в Азии и отношения со странами региона. Если в 2014 г. санкции в отношении России ввели только Япония и Австралия, то ситуация в 2022 г. представляется совершенно иной и с точки зрения количества азиатских партнеров, присоединившихся к антироссийским санкциям, и с точки зрения их масштаба: в список «недружественных стран и территорий»⁷, утвержденный российским правительством, помимо уже упомянутых Австралии и Японии вошли Новая Зеландия, Республика Корея, Сингапур. Последствия для двухсторонних экономических отношений в краткосрочной перспективе крайне негативные, т. к. бизнесу необходимо понять сложившуюся ситуацию и приспособиться к ней, а в среднесрочной — будет зависеть от окончательного набора санкций и российских ответных мер. В наибольшей степени на Россию повлияют санкции Японии, а также Республики Корея. Ранее эти страны были для России важными источниками средств и технологий на Востоке. Текущие санкции приведут к значительному сокращению доступа к японским (в большей степени) и южнокорейским технологиям и инвестициям [Киреева, 2022].

Кроме того, экономическое сотрудничество между некоторыми странами Востока и Россией также испытывает растущее давление со стороны США и Запада. С затянувшимся кризисом на Украине Запад осознал, что эффективность санкций против России зависит не только от их интенсивности, но и от качества, поэтому они постепенно вводили санкции против третьих стран, которые сотрудничают с Россией⁸. Брюссель решил вводить санкции против компаний из третьих стран,

⁶ Три четверти расчетов в ЕАЭС и половина с КНР. Как Россия переводит торговлю на нацвалюты. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16616997?ysclid=ljkgz60vzj43499964> (дата обращения: 09.05.2023).

⁷ Правительство утвердило перечень недружественных России стран и территорий. URL: <http://government.ru/docs/44745/> (дата обращения: 11.06.2023).

⁸ США вводят санкции против более чем 200 физлиц и юрлиц из-за ситуации вокруг Украины. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17133709?ysclid=lxsm840xa157684064> (дата обращения: 18.07.2023).

которые он заподозрит в реэкспорте в Россию санкционных европейских товаров или оказании услуг, например по перевозке нефти, без учета так называемого потолка цен.

Позиция большинства стран Востока по российско-украинскому конфликту способствует выходу России из международной изоляции. Хотя степень близости с Россией разная, большинство восточных стран заняли более прагматичную и взвешенную позицию по украинскому кризису, исходя из собственных национальных интересов. С 2022 г. Северная Корея и Сирия проголосовали против четырех специальных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по украинскому кризису, а более 30 стран, включая Индию, Китай, Монголию, Пакистан и Шри-Ланку, неоднократно воздерживались при голосовании. Кроме того, Китай всегда придерживался метода переговоров для мирного прекращения войны и опубликовал «Позицию Китая по политическому урегулированию украинского кризиса»⁹. Индия призывает обе стороны вернуться на путь диалога и дипломатии, основанных на международном праве, Уставе ООН и уважении территориальной целостности и суверенитета всех стран. В качестве посредника в конфликте активно выступала Турция, которая стала посредником при заключении зерновой сделки в 2022 г. Иран также поддерживает Россию, считая, что главной причиной конфликта на Украине стали провокации со стороны НАТО и Запада. Поддержку России высказала и КНДР.

После эскалации украинского кризиса АСЕАН выступила с тремя совместными заявлениями министров иностранных дел, в которых призвала все заинтересованные стороны проявить максимальную сдержанность и урегулировать конфликт мирным путем, но не осудила Россию прямо. Это не только основано на принципе взвешенной дипломатии АСЕАН, но и соответствует реальным интересам стран Юго-Восточной Азии.

В целом позиция восточных стран по украинскому кризису стала фундаментом для развития взаимного доверия в двусторонних отношениях.

Заключение

Россия осуществляет политику поворота на Восток уже не один десяток лет, при этом «поворот на Восток» эволюционирует от «поворота к Азиатско-Тихоокеанскому региону» к «повороту к восточному миру».

В отличие от периода до начала СВО в настоящее время роль политики поворота на Восток вышла за пределы только диверсификации внешнеэкономических и политических связей. Сегодня на восточный вектор возлагается задача служить военным и политическим целям России на Украине, обеспечивать национальную безопасность и статус великой державы, а также строить многополярный мир.

Проведение Россией СВО на территории Украины привело к ужесточению экономических санкций, военному и политическому сдерживанию и дипломатической изоляции России со стороны западных стран. В этом контексте актуализация и активизация поворота России на Восток представляется наиболее целесообразной и эффективной мерой по преодолению западных ограничений.

При этом стоит отметить, что хотя некоторые страны Азии не выступили с осуждением России вслед за Западом и подчеркнули необходимость разрешения конфликта путем мирных переговоров, настроены они скорее против США и Запада, чем за Россию. Основные причины этого заключаются в том, что азиатские страны, как было отмечено выше, придерживаются принципов

---

⁹ 关于政治解决乌克兰危机的中国立场 [Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса. URL: http://www1.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202302/t20230224_11030707.shtml (дата обращения: 15.05.2023)].

неконфронтации и мирного развития, а России не хватает силы и привлекательности, чтобы возглавить восточные страны в противостоянии западному неокOLONIALИЗМУ.

Но с точки зрения экономического воздействия политика поворота на Восток способствовала укреплению и расширению экономического сотрудничества с такими крупными игроками международного рынка, как Китай и Индия, а также другими странами Востока, участию РФ в многостороннем сотрудничестве в рамках «восточных» международных организаций, таких как ШОС и БРИКС, что, несомненно, помогает России противостоять западным санкциям и изоляции, стабилизировать и развивать свою экономику и оставаться активным участником процессов глобализации и трансформации миропорядка через восточные каналы.

В то же время для российской экономики и модернизации Восток, хотя и способен конкурировать с Западом в определенных областях, таких как торговля, все же не может полностью заменить Запад с точки зрения инвестиций и технологий. В дипломатической практике, несмотря на растущую зависимость России от азиатского (особенно китайского) рынка, основные интересы России в области безопасности и дипломатии, а также ее военное и политическое влияние по-прежнему в основном сосредоточены в западной части евразийского континента. И хотя поворот на Восток не означает полное прекращение отношений с Западом, в современных условиях, когда санкции в значительной мере ограничивают внешнеэкономическое и торговое партнерство России с западными странами, восточное направление для России становится не опцией, а необходимостью.

Однако актуализация поворота на Восток обуславливается не только необходимостью, но и такими факторами, как стремительное развитие стран азиатского региона, расширение и усиление незападных форматов многостороннего сотрудничества (БРИКС, ШОС, АСЕАН и пр.) и в целом смещение мирового центра силы в азиатский регион.

В этом контексте для России важной задачей является усиление своего присутствия в Азии, что позволит создать противовес Западу на мировой арене. Данная политика — противодействия западному доминированию — всецело поддерживается Востоком как мировым большинством, и Россия может стать одним из лидеров процесса трансформации существующего миропорядка и создания многополярного мира.

Литература/References

К Великому Океану: хроника поворота на Восток. *Сборник докладов Валдайского клуба*. М., 2019. 352 с. [To the Great Ocean: a chronicle of the turn to the East. *Collection of reports of the Valdai Club*. Moscow, 2019. 352 pp. (in Russian)].

Караганов С. А. От не-Запада к мировому большинству. *Россия в глобальной политике*. 2022. № 5. С. 6–18 [Karaganov S. A. From non-West to the World Majority. *Russia in global politics*. 2022. No. 5. Pp. 6–18 (in Russian)].

Мальченков С.А, Батяев Р. А. Цивилизационный поворот России к востоку: идейные основы и культурные механизмы. *Контентус*. 2022. № 7. С. 10–16 [Malchenkov S. A., Batiayev R. A. Russia's civilizational turn to the East: ideological foundations and cultural mechanisms. *Contentus*. 2022. No. 7. Pp. 10–16 (in Russian)].

Минаков А. В. Оценка экономического сотрудничества дальневосточных регионов России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. *Вестник Евразийской науки*. 2023. № 15(1). С. 1–11 [Minakov A. V. Assessment of economic cooperation between the Far Eastern regions of Russia and the countries of the Asia-Pacific region. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023. No. 15(1). Pp.1–11 (in Russian)].

Примаков Е. М. Мысли вслух. М., 2011. 223 с. [Primakov E. M. Thinking out loud. Moscow, 2011. 223 p.] (in Russian)].

Савченко А. Е., Зуенко И. Ю. Движущие силы российского поворота на Восток. *Сравнительная политика*. 2020. № 1. С. 111–125 [Savchenko A. E., Zuenko I. Yu. The Driving Forces of Russia's Pivot To East. *Comparative Politics*. 2020. No. 1. Pp. 111–125 (in Russian)].

Торкунов А. В., Стрельцов Д. В. Российская политика поворота на восток. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. № 4. С. 5–16 [Torkunov A. V., Streltsov D. V. Russian policy of turning to the East: problems and risks. *World Economy and International Relations*. 2023. No. 4. С. 5–16 (in Russian)].

Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 8–21 [Torkunov A. V., Streltsov D. V., Koldunova E. V. Russia's pivot to the east: achievements, problems, and prospects. *Polis. Political Studies*. 2020. No. 5. Pp. 8–21 (in Russian)].

Liu F. H. Russia's «Turn to the East» Policy: Evolution and Assessment. *Chinese Journal of Slavic Studies*. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 247–262. DOI: 10.1515/cjss-2023–0020.

弗拉基米尔·亚库宁, 马克西姆·维利索夫, 蓝志勇, 安德烈·斯科利巴, 许昌志, 余逊达... & 杨辉. 构建多极化世界格局: 俄罗斯外交政策调整与中俄关系新发展. *俄罗斯研究*. 2023. (04). Pp. 56–99. DOI: CNKI: SUN: ELSY.0.2023–04–007 [Якунин В., Велисов М., Лань Чжюнь, А. Скриба, Сюй Чанчжи, Юй Сунда... и Ян Хуэй. Построение многополярной модели мира: корректировка российской внешней политики и новое развитие китайско-российских отношений. *Русские исследования*. 2023. № 4. С. 56–99. DOI: CNKI: SUN: ELSY.0.2023–04–007 (in Chinese)].

杨伯江. 乌克兰危机延宕, 亚太地区安全何去何从. *中国报道*. 2020. № 6. Pp. 83–85 [Ян Боцзян. Куда пойдет безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона по мере затягивания украинского кризиса? *Китайский отчет*. 2020. № 6. С. 83–85. DOI: CNKI: SUN: ZGBD.0.2022–06–029 (in Chinese)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Беспалов А. Поворот России на Восток: ожидания и реальность. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-na-vostok-ozhidaniya-i-realnost/> (дата обращения: 18.03.2024).

Бляхер Л. Поворот России на Восток: выход из зоны комфорта и смена цивилизационного выбора. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vostok-vykhod-iz-zony-komforta/> (дата обращения: 18.03.2024).

Бордачев Т. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-na-vostok/> (дата обращения: 18.03.2024).

Валютный гамбит: дедолларизация экономик идет медленно, но по всему миру. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17527005?ysclid=ljafpafw8s212332889> (дата обращения: 15.06.2023).

Караганов С. К Великому океану. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/k-velikommu-oceanu/> (дата обращения: 18.03.2024).

Караганов С. Поворот к Азии: история политической идеи. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-k-azii-istoriya-politicheskoy-idei/> (дата обращения: 18.03.2024).

Караганов С. А., Крамаренко А. М., Тренин Д. В. Политика России в отношении мирового большинства. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2023/12/doklad_politika-rossii-v-otnoshenii-mirovogo-bolshinstva.pdf (дата обращения: 18.03.2024).

Киреева А. Санкции стран Азии в отношении России: что они означают? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsii-stran-azii-v-otnoshenii-rossii-chto-oni-oznachayut/> (дата обращения: 07.07.2023).

Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 18.03.2024).

Косачев К. Россия: «государство-цивилизация» или «анти-Запад»? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-gosudarstvo-tsivilizatsiya-ili-anti-zapad-/> (дата обращения: 18.03.2024).

Лукин А. В. Поворот России к Азии: миф или реальность? URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/povorot-rossii-k-azii-mif-ili-realnost/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 18.03.2024).

Лукьянов Ф. Большинство большинства. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshinstvo-bolshinstva/> (дата обращения: 18.03.2024).

Правительство утвердило перечень недружественных России стран и территорий. URL: <http://government.ru/docs/44745/> (дата обращения: 11.06.2023).

Разворот, доворот или поворот? Валдайский клуб о пути России к Великому Океану. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/valdayskiy-klub-o-puti-rossii-k-velikommu-okeanu/> (дата обращения: 18.03.2024).

Руденко А. Страны Азии осведомлены о первопричинах украинского конфликта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/strany-azii-osvedomleny-o-pervoprichinakh-ukrainskogo-konflikta/?ysclid=lj7e2ff2f595802687> (дата обращения: 15.04.2023).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (дата обращения: 18.03.2024).

США введут санкции против более чем 200 физлиц и юрлиц из-за ситуации вокруг Украины. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17133709?ysclid=lxsmu840xa157684064> (дата обращения: 18.07.2023).

Три четверти расчетов в ЕАЭС и половина с КНР. Как Россия переводит торговлю на нацвалюты. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16616997?ysclid=ljkgz60vzj43499964> (дата обращения: 09.05.2023).

关于政治解决乌克兰危机的中国立场 [Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса. URL: http://www1.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202302/t20230224_11030707.shtml (дата обращения: 15.05.2023) (in Chinese)].

ПАКИСТАНСКАЯ ДИАСПОРА В ЕВРОПЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРАКТИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

© 2024

Р. Е. Прохоров¹

Статья посвящена пакистанской диаспоре в различных регионах Европы. Отмечается, что наибольшая численность выходцев из Пакистана приходится на такие европейские страны, как Соединенное королевство, Италия, Германия, Франция, Испания, Греция, Норвегия и Дания. Дается характеристика трудовой занятости выходцев из Пакистана, приводится сравнение сфер трудоустройства мигрантов первого и последующих поколений. Обращается внимание на расширение отраслей экономики, в которых заняты пакистанцы. На примере Великобритании и Германии изучается такое важное направление двусторонних связей, как образовательное сотрудничество. Отдельное внимание уделяется реализации в разных странах программ сезонных рабочих виз. Приводятся причины, по которым та или иная страна Европы заинтересована в развитии этого направления контроля трудовых мигрантов или перестает проявлять к нему интерес. Рассматриваются примеры деятельности общественных организаций диаспоры в некоторых странах Европы, их связи с дипломатическим корпусом Пакистана, участие представителей пакистанских государственных учреждений в мероприятиях, организованных диаспорой. В итоге делается вывод о том, что несмотря на определенные выгоды, которые получает экономика вследствие миграции населения в Европу, переезд наиболее образованных пакистанцев создает дефицит квалифицированных кадров в самом Пакистане, а некоторое сокращение безработицы оборачивается потерей подготовленных специалистов высокой квалификации, которая создает проблемы привлечения в страну технологий и инвестиций.

Ключевые слова: Пакистан, Европа, Соединенное королевство, диаспора, мигранты

Для цитирования: Прохоров Р. Е. Пакистанская диаспора в Европе: региональные особенности и практика общественной дипломатии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 91–97. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-091-097

PAKISTANI DIASPORA IN EUROPE: REGIONAL PECULIARITIES AND PUBLIC DIPLOMACY PRACTICES

Ruslan E. Prokhorov

The article is devoted to the Pakistani diaspora in various regions of Europe. It is noted that the largest number of immigrants from Pakistan is in such European countries as the United Kingdom, Italy, Germany, France, Spain, Greece, Norway and Denmark. The article provides a description of the employment of immigrants

---

¹ Прохоров Руслан Евгеньевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Vostok2014IV@gmail.com

Ruslan E. Prokhorov PhD (Psychology), Research associate, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow; Vostok2014IV@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8387-3311

from Pakistan, and compares the employment areas of first and subsequent generations of migrants. Attention is drawn to the expansion of economic sectors in which Pakistanis are employed. Using the example of Great Britain and Germany, such an important area of bilateral relations as educational cooperation is studied. Special attention is paid to the implementation of seasonal work visa programs in different countries. The reasons are given why a particular European country is interested in developing this area of control over labor migrants or ceases to show interest in it. Examples of the activities of public organizations of the diaspora in some European countries, their connections with the diplomatic corps of Pakistan, the participation of representatives of Pakistani government agencies in events organized by the diaspora are considered. In conclusion, it is concluded that despite certain benefits that the economy receives as a result of population migration to Europe, the migration of the most educated Pakistanis creates a shortage of qualified personnel in Pakistan itself and some reduction in unemployment results in the loss of highly qualified trained specialists, which creates problems in attracting technology and investment to the country.

Keywords: Pakistan, Europe, United Kingdom, diaspora, migrants

For citation: Prokhorov R. E. Pakistani Diaspora in Europe: Regional Peculiarities and Public Diplomacy Practices. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 91–97. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-091-097

Стремление использовать диаспору для решения текущих и перспективных внешнеполитических задач всегда было присуще любому государству. Не является исключением и правительство Пакистана, диаспора которого встречается в разных регионах мира. Вместе с тем крупнейшими по численности странами с проживающей пакистанской диаспорой в XXI веке стали государства Европы. Наибольшая численность выходцев из Пакистана приходится на такие европейские страны, как Соединенное королевство, Италия, Германия, Франция, Испания, Греция, Норвегия, а также Дания. Профессор В. Я. Белокреницкий отмечает, что миграция за рубеж осуществляется зачастую поэтапно, включая переезд в большие города, которые выполняют роль «трамплина» для скачка в «большой мир» [Белокреницкий, 2019, с. 427–428].

К общим признакам пакистанской диаспоры можно отнести изначально вынужденный характер переселения, связанный как с колониальными и постколониальными процессами, так и современными экономическими условиями.

Пакистанскую диаспору отмечает стремление к тесной связи с исторической родиной. Кроме этого, к признакам именно пакистанской диаспоры обоснованно можно отнести и такие выделяемые в литературе черты, как наличие особой идентичности, основанной на отличиях от населения «принимающих» государств, солидарность и взаимопонимание между членами общины [Лошкарев, 2015. с. 120–126].

Пакистанская диаспора в Западной Европе

Наибольшая по численности пакистанская диаспора в Западной Европе, проживающая в Соединенном королевстве, стала формироваться практически сразу после получения Пакистаном независимости. Так, например, строительство плотин и получение компенсации спровоцировало переселение населения из затопляемых районов в бывшую метрополию. Перемещение стимулировали также традиция создания браков внутри «большой семьи», желание повысить уровень жизни и стремление получить профессию.

Практика переезда в Великобританию с целью получения образования имеет давнюю историю и уходит своими корнями в колониальные времена. Так, создатель Мусульманской лиги и первый генерал-губернатор Пакистана М. Джинна — сын крупного помещика,

воспитанник миссионерской школы, получивший юридическое образование в Лондоне. После смерти М. Джинны в 1948 г. его преемником на посту генерал-губернатора Пакистана стал Х. Назимуддин, воспитанник Кембриджа, занимавший в колониальные времена пост главного министра Бенгалии. Премьер-министр Пакистана Лиакат Али Хан также являлся выпускником аристократического Эксетерского колледжа в Оксфорде [Лемин, 1951, с. 192]. Образовательное сотрудничество позволяет английским властям привлекать специалистов редких специальностей из числа получивших образование в стране пакистанцев. Так, в 2004 г. была принята специальная программа натурализации успешно обучившихся в стране студентов из государств Содружества, которая предусматривает предоставление рабочих мест по таким направлениям, как математика, физические и инженерные науки [Володин, 2022, с. 101–110].

По состоянию на 2024 г. в Соединенном королевстве проживает около 1,2 млн выходцев из Пакистана. Наибольшее количество их сосредоточено в Лондоне, Бирмингеме, Манчестере и Глазго. Диаспора различается достаточно разносторонней трудовой занятостью. Пакистанцев можно встретить как на обслуживающих должностях в промышленности, так и в престижной для них медицинской сфере. Политики пакистанского происхождения занимают в стране государственные посты, избираются в парламент, возглавляют известные и политически активные общественные организации. Своеобразным показателем общественно-политической активности стал 2019 год, когда в британский парламент баллотировались сразу 70 кандидатов пакистанского происхождения и 15 из них получили депутатские места в Палате общин [Rehman, 2019].

После выборов 2024 г. число депутатов с пакистанскими корнями в британском парламенте осталось неизменным². Хорошо известно значение Лондона как убежища для пакистанской политической элиты. В качестве примера активности пакистанских общественных объединений можно привести фонд «Bestway», основанный в 1987 г., который занимается обеспечением лечения и обучения представителей диаспоры. Вторая организация — «Консервативные друзья Пакистана» позиционирует себя как площадка для диалога между официальными английскими властями и представителями мигрантов. Активная часть диаспоры нередко привлекается дипломатическим корпусом к участию в торжественных мероприятиях, научных форумах, выставках и многочисленных грантовых программах.

Наличие пакистанской диаспоры в Германии во многом обусловлено давними торгово-экономическими связями Пакистана с этой страной и развитыми программами получения образования в немецких университетах. Например, известный поэт М. Икбал, которому принадлежит термин «Пакистан», в 1897 году отправился в Германию, в Гейдельбергский университет, где изучал немецкий язык, а затем защитил докторскую диссертацию в Мюнхене [Riedler, 1992, pp. 7–14]. Для активизации образовательного сотрудничества правительство Германии учредило в Исламабаде представительство, занимающееся академическим обменом. В настоящее время в Германии насчитывается порядка 124 тыс. пакистанцев³.

Большинство мигрантов из Пакистана проживает в таких крупных городах, как Гамбург, Берлин, Франкфурт-на-Майне. Несмотря на то, что в некоторых сельских регионах Германии существуют значительные мусульманские общины, диаспора пакистанцев не представлена (в отличие, например, от Великобритании) какой-либо зарегистрированной общественной организацией.

---

² 15 MPs of Pakistani origin elected to UK's parliament. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2024/07/06/15-mps-of-pakistani-origin-elected-to-uks-parliament/> (дата обращения: 30.09.2024).

³ Pakistani Diaspora in Germany. URL: https://www.findeasy.in/pakistani-population-in-european-union/#Pakistanis_in_Germany (дата обращения: 17.09.2024).

Однако местная пакистанская диаспора в последнее время активно проводит акции, демонстрирующие несогласие с официальными властями Пакистана. Так, в августе 2024 г. белуджская община выходцев из Пакистана провела в Ганновере акцию протеста против продолжающихся действий со стороны пакистанских сил безопасности в провинции Белуджистан. В демонстрации приняло участие большое количество членов диаспоры. Протестующие несли плакаты, осуждающие недавнее подавление Белуджского комитета и жесткие действия против мирных демонстрантов. Акция протеста началась в центральной части города, а затем продолжилась длинным маршем по главным улицам Ганновера, достигнув кульминации на площади Арнст-Август-Платц, где прошла заключительная фаза протеста⁴.

О проблемах миграции во Франции и о пакистанской диаспоре в частности особенно заговорили осенью 2020 г., когда 25 сентября 2020 г. пакистанец З. Х. Мехмуд ранил двух журналистов в Париже рядом с бывшим зданием редакции журнала «Шарли Эбдо» [Зуева, Тимофеев, 2023, с. 136–149].

Между тем пакистанская диаспора во Франции — одна из крупнейших в Европе и составляет порядка 104 тыс. человек⁵. Во Франции, в первую очередь в Париже и Марселе, проживает в основном население пакистанцев пенджабского происхождения и Азад Кашмира.

Крупномасштабная миграция пакистанцев во французские города началась в 1970-х гг. В основном они заняты в торговле и сфере обслуживания.

В связи с кашмирским происхождением части переселенцев их общественная активность, в отличие от диаспоры в Германии, часто сосредоточена именно на проблемах родного края. Так, в Париже представители диаспоры периодически проводят митинги солидарности с правительством и армией Пакистана по кашмирской проблеме. Среди участников — известные деятели пакистанской общины, а также сотрудники посольства Пакистана во французской столице⁶.

Пакистанская диаспора в странах Южной Европы

Италия, Греция и Испания относятся к тем странам Южной Европы, где уже несколько десятилетий проживает одна из самых многочисленных пакистанских диаспор. Отличительная черта диаспоры в этих государствах — занятость ее выходцев в трудоемких отраслях экономики (наибольшее число трудовых мигрантов из Пакистана сосредоточено в строительстве, сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности).

Италия занимает второе место по численности пакистанской диаспоры (около 200 тыс.). Итальянское правительство разработало для трудовых мигрантов ряд привлекательных проектов. В частности, уже действует схема амнистии по легализации тысяч незарегистрированных пакистанских рабочих. Пакистан включен в итальянскую программу сезонных рабочих виз, потребительских финансовых продуктов и программы Государственного банка Пакистана. Посольство Пакистана активизировало информационную кампанию по продвижению официальных каналов денежных переводов [Прохоров, 2022, с. 181–187].

В 2023 г. Италия решила увеличить квоту для выдачи разрешений на работу для иностранных неквалифицированных рабочих до 82 705 мест, из них 44 000 мест зарезервировано для сезонной

---

⁴ Baloch diaspora in Germany against Pakistani security forces atrocities. URL: <https://www.germanynews.net/news/274482799/baloch-diaspora-in-germany-protests-against-pakistani-security-forces-atrocities> (дата обращения: 17.09.2024).

⁵ Pakistani Population in Europe. URL: https://www.findeasy.in/pakistani-population-in-european-union/#Pakistanis_in_European_Union. (дата обращения: 16.09.2024).

⁶ Pakistani diaspora in France observes Kashmir Hour. URL: <https://www.geo.tv/latest/246248-pakistani-diaspora-in-france-observes-kashmir-hour> (дата обращения: 16.09.2024).

работы. Учитывая включенность Пакистана в программу сезонных виз, можно прогнозировать массовое привлечение на них именно пакистанских граждан⁷.

Для выходцев из Пакистана Италия является одним из самых доступных мест получения образования. Действуют программы получения бесплатного образования, среди которых Стипендия правительства Италии для иностранных студентов, Стипендия Миланского политехнического университета, Стипендия Болонского университета и Стипендия Боккони⁸. Примечательно, что большинство студентов пакистанского происхождения, обучающихся в Италии, — женского пола [Khan, Raza, 2022].

Пакистанская диаспора в Италии также проявляет определенную общественную активность. Представители диаспоры регулярно привлекаются посольством Пакистана для участия в межкультурных мероприятиях. Например, получили широкую известность различные совместные фестивали, которые традиционно открывают высокопоставленные дипломаты Пакистана.

По сравнению с другими европейскими странами Испания не всегда была страной иммигрантов, а тем более не входила в список стран, имеющих пакистанскую диаспору. Переезд выходцев из Пакистана в Испанию в 1970-х гг. связан с миграцией из других стран Европы в связи с массовым сокращением горнодобывающего производства и закрытием угольных шахт. Некоторые потеряли работу на заводах и шахтах Великобритании, где начался промышленный кризис. Другие имели опыт работы на нефтеперерабатывающих заводах в Ливии. Так в результате вторичной миграции граждане Пакистана начали работать на угольных и свинцовых шахтах Испании.

В 2023 г. пакистанская диаспора в Испании насчитывала 91 тыс. человек, среди которых есть как получившие испанское гражданство, так и те, кто находится в этой стране на положении временного мигранта⁹.

Если первая волна пакистанских мигрантов работала фактически по всей Испании, то уже следующее поколение предпочитало города, поскольку те предполагали возможность трудоустройства в сфере услуг, на которой всегда специализировались пакистанцы [Ballesteros, 2017].

Подавляющее число пакистанских ассоциаций в Испании носит религиозный характер. Между тем деятельность некоторых ассоциаций зависит не только от общего числа их членов, но и от грантов, предоставляемых местным правительством, требования которого должны неукоснительно выполняться. Интересно, например, что в Барселоне эти требования включают использование каталонского языка и активную поддержку региона в борьбе за автономию. Сторонники автономии Каталонии часто рассматривают выходцев из Пакистана, имеющих испанское гражданство, как источник голосов при проведении выборов и средство распространения своей идеологии в пакистанской общине. Стараясь избежать напряжения с официальными властями в Мадриде, представители диаспоры концентрируют свою активность на проблемах исторической родины и дистанцируются от каталонской повестки.

Греция, особенно активно ставшая притягивать пакистанских трудовых мигрантов после миграционного кризиса в Европе 2015 г., в настоящее время насчитывает от 35 до 50 тыс. выходцев из Пакистана. Значительный разброс в официальных цифрах вызван приостановкой запуска программы выдачи сезонных виз гражданам Пакистана. Действия официальных греческих властей объясняются во многом поддержкой Исламабада турецкой позиции по вопросу Кипра и недовольством в связи с этим местного населения¹⁰.

⁷ Italy Work Visa for Pakistani 2023. URL: <https://sayjobcity.com/2023/07/italy-work-visa-for-pakistani-2023-apply-online.html> (дата обращения: 13.09.2024).

⁸ Success Factor. URL: <http://successfactor.org/Pakistan-students-to-study-and-work> (дата обращения: 02.09.2024).

⁹ Pakistani Diaspora in Spain. URL: https://www.findeasy.in/pakistani-population-in-european-union/#Pakistanis_in_Spain. (дата обращения: 17.09.2024).

¹⁰ Greek government quietly sets aside idea of Pakistani work visa scheme. URL: <https://greekcitytimes.com/2022/03/10/greek-government-pakistani/> (дата обращения: 17.09.2024).

Пакистанская диаспора в странах Северной Европы

Государства Северной Европы по своим социально-экономическим показателям стабильно занимают первые позиции в различных рейтингах и международных показателях. Вместе с тем, являясь лидерами во многих отраслях экономики, Дания, Норвегия и Швеция испытывают дефицит в трудовых ресурсах. Именно необходимость увеличить число занятых в промышленности наравне со стремлением сохранить экономический рост объясняет привлечение правительствами этих стран мигрантов в конце 1960-х — начале 1970-х гг.

В 2023 г. пакистанская диаспора в Норвегии и Швеции насчитывала около 30 тыс. в каждой из стран, а в Дании она составляла около 31 тыс. [Abassi, 2023]. В то время как представители первого поколения в основном были рабочими на фабриках, второе и третье поколения хорошо образованны, работают в сферах медицины, юриспруденции, финансов и инженерии.

Отличительной чертой мигрантов из Пакистана в Скандинавские страны стали различные программы воссоединения семей. На фоне периодических тенденций последних двадцати лет сократить миграционные потоки переезд супругов рассматривается в скандинавских королевствах как гуманитарная акция и практически не рассматривается как источник возникновения социальных проблем. В частности, в отличие от многих других европейских стран, политика мультикультурной иммиграции, принятая в Швеции еще в 1974 г., обязывала государство заботиться об особых потребностях мигрантов, включая их право на сохранение собственной культуры [Brochmann, Nagelund, 2011, pp. 13–24].

* * *

Таким образом, за прошедшие семьдесят пять лет пакистанская диаспора в странах Европы, изменившаяся количественно, стала оказывать разностороннее влияние на принимающие страны. Численное увеличение диаспоры постепенно переросло в стремление участвовать в общественной и политической жизни этих государств. Наравне с этим активность пакистанской диаспоры в странах, являющихся ведущими экономиками Европы, способствует укреплению связей и самого Пакистана на официальном уровне, помогает бизнес-сообществу развивать совместные проекты. Постепенно расширяется и перечень отраслей экономики, в которых заняты представители диаспоры: от таких трудоемких, как горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство, до престижных медицины и сферы ИТ.

Вместе с тем переезд наиболее образованных пакистанцев в Европу создает определенный дефицит квалифицированных кадров в самом Пакистане. Некоторое сокращение безработицы оборачивается потерей подготовленных специалистов высокой квалификации и не позволяет привлечь в страну и использовать новейшие технологии и инвестиции.

Литература/References

Белокреницкий В. Я. Культурная сложность пакистанского общества: этнические и этноконфессиональные аспекты. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика* / Под. ред. В. Я. Белокреницкого, Н. М. Мамедовой, Н. Ю. Ульченко. М., 2019. С. 427–428 [Belokrenitsky V. Y. Cultural Complexity of Pakistani Society: Ethnic and Ethnoconfessional Aspects. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 26. Social and Political Processes in the East. Culturally Complex Societies in the Muslim Area, Geopolitical and Geoeconomic Dynamics* / Ed. V. Y. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. U. Ulchenko. Moscow, 2019. Pp. 427–428 (in Russian)].

Володин А. Г. Миграция из Южной Азии в Западную Европу: истоки, тенденции, перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 4. С. 101–110 [Volodin A. G. South Asian migration to Western Europe: Origins, Trends, Prospects. *World Economy and International Relations*. 2022. Vol. 66. No. 4. Pp.101–110 (in Russian)].

Зуева К. П., Тимофеев П. П. *Франция. Невоенные угрозы безопасности ЕС*. /Под. ред. Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева, Е. Г. Черкасовой. М., 2023. С. 136–149 [Zueva K. P., Timofeev P. P. *France. Non-military threats to EU security* / Ed. N. K. Arbatov, A. M. Kokeev, E. G. Cherkasova. Moscow, 2023. Pp.136–149 (in Russian)].

Лемин И. М. *Обострение кризиса Британской империи после Второй мировой войны*. М., 1951. С. 192 [Lemin I. M. *Aggravation of the Crisis of the British Empire after World War II*. Moscow, 1951. P. 192 (in Russian)].

Лошкарев И. Д. Роль диаспор в современной мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 2 (41). С. 120–126 [Loshkarev I. D. The role of diasporas in modern world politics. *Vestnik of MGIMO-University*. 2015. No. 2 (41). Pp. 120–126 (in Russian)].

Прохоров Р. Е. Пакистано-итальянские отношения: горизонты сотрудничества и перспективы развития. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 181–187 [Prokhorov R. E. Pakistani-Italian relations: horizons of cooperation and development prospects. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 3. Pp. 181–187 (in Russian)].

Riedler E. Relation between Germany and Pakistan. *Pakistan Horizont*. 1992. Vol. 48. No. 4. Pp. 7–14.

Электронные ресурсы/Electronic sources

15 MPs of Pakistani origin elected to UK's parliament. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2024/07/06/15-mps-of-pakistani-origin-elected-to-uks-parliament/> (дата обращения: 30.09.2024).

Abassi N. Ideal International. URL: www.idealint.com/sites (дата обращения: 02.09.2024).

Ballesteros A. How the Pakistani diaspora in Barcelona established itself in the heart of the city. URL: <https://www.dawn.com/news/1376378> (дата обращения: 02.09.2024).

Baloch diaspora in Germany protests against Pakistani security forces' atrocities. URL: <https://www.germanynews.net/news/274482799/baloch-diaspora-in-germany-protests-against-pakistani-security-forces-atrocities> (дата обращения: 17.09.2024).

Brochmann G., Hagelund A. Migrants in the Scandinavia welfare state // *Nordic journal of migration research*. 2011. Vol. 1 No. 1. Pp. 13–24. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.2307/48711.192> (дата обращения: 02.09.2024).

Greek government quietly sets aside idea of Pakistani work visa scheme. URL: <https://greekcitytimes.com/2022/03/10/greek-government-pakistani/> (дата обращения: 17.09.2024).

Italy Work Visa for Pakistani 2023. URL: <https://sayjobcity.com/2023/07/italy-work-visa-for-pakistani-2023-apply-online.html> (дата обращения: 13.09.2024).

Pakistani Diaspora in Germany. URL: https://www.findeasy.in/pakistani-population-in-european-union/#Pakistanis_in_Germany (дата обращения: 17.09.2024).

Pakistani diaspora in France observes Kashmir Hour. URL: <https://www.geo.tv/latest/246248pakistani-diaspora-in-france-observes-kashmir-hour> (дата обращения: 16.09.2024).

Pakistani Diaspora in Spain. URL: https://www.findeasy.in/pakistani-population-in-european-union/#Pakistanis_in_Spain (дата обращения: 17.09.2024).

Pakistani Population in Europe. URL: https://www.findeasy.in/pakistani-population-in-european-union/#Pakistanis_in_European_Union (дата обращения: 16.09.2024).

Rehman A. 15 candidates of Pakistan descent elected to UK parliament. 14.12.2019. URL: <http://www.dawn.com/news/1522171> (дата обращения: 26.09.2024).

Success Factor. URL: <http://successfactor.org/Pakistan-students-to-study-and-work> (дата обращения: 02.09.2024).

Khan D., Raza A. Pakistanis in Italy: Searching for belonging on foreign shores. 03.04.2022. URL: <http://tribune.com.pk> (дата обращения: 02.09.2024).

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ФАКТОР МЕДИАТИЗАЦИИ

© 2024

А. А. Салиев¹

Статья посвящена анализу влияния медиатизации насильственных действий экстремистских группировок на масштаб вовлечения граждан центральноазиатских республик в эти действия. Актуальность работы продиктована отмечаемым сокращением количества завербованных выходцев из Центральной Азии в ряды экстремистов в сравнении с периодом активности террористической организации Исламского государства (запрещена в РФ) в 2010-х гг. на фоне сворачивания ее присутствия в информационном пространстве при сохранении качества жизни большей части населения региона на прежнем уровне. В статье приводятся аргументы в пользу того, что медиатизация выступает триггером актуализации для отдельных индивидов переживаемых ими личных кризисов, связанных с факторами социальной обструкции и несправедливости, которые приобретают особую значимость в условиях трудовой миграции, поскольку мигранты зачастую лишены традиционной поддержки со стороны семьи и родственников и особо остро реагируют на проблемы с трудоустройством или семейной нереализованностью. В свою очередь, в центральноазиатских странах болевой точкой для отдельных верующих выступает секьюритизация их внешнего вида, который классифицируется как индикатор их приверженности радикальным идеям на фоне распространенной коррупции в государственных органах и лимитированных возможностей улучшения своих жизненных условий. Будучи под влиянием эмоционально окрашенных экстремистских нарративов, апеллирующих к данным проблемам, отдельные индивиды видят в насилии единственный механизм их решения. Исламское вероучение в этом отношении выступает в качестве оправдания этого насилия, что обусловлено двумя факторами. Во-первых, наличие религиозного образования характеризует небольшое количество завербованных и указывает на социально-психологические факторы, способствующие аттрактивности для них экстремистского эмоционального месседжа в противовес осознанному выбору на основе знакомства с религиозной литературой. Во-вторых, результаты проведенных в центральноазиатских странах социологических опросов свидетельствуют о том, что отсутствует общественный запрос на установление теократического государства и четкое представление о том, как последнее должно быть устроено, что коррелирует с низким уровнем террористической активности в регионе.

Ключевые слова: медиатизация, исламизация радикализма, насильственный экстремизм, терроризм, социальная обструкция, социальная несправедливость, Центральная Азия

Для цитирования: Салиев А. А. Актуализация насильственного экстремизма и терроризма в Центральной Азии: фактор медиатизации. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 98–107. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-098-107

---

¹ Салиев Аман Акылбекович, кандидат исторических наук, директор Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском славянском университете, Бишкек; a.saliev.77@mail.ru
Aman A. Saliev, PhD (History), Director, Institute for Strategic Analysis and Forecast under Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek; a.saliev.77@mail.ru
ORCID: 0009-0002-8619-5445

ACTUALIZATION OF VIOLENT EXTREMISM IN CENTRAL ASIA: A FACTOR OF MEDIATIZATION

Aman Saliev

The article analyzes the impact of mediatization of extremist groups' violent actions on the level of involvement of citizens of the Central Asian republics in these actions. The relevance of the work is dictated by the marked reduction in the number of recruited Central Asians into the ranks of extremists in comparison with the period of activity of Islamic State terrorist organization in the 2010s against the background of curtailing its presence in the information space while the quality of life of most of the region's population maintains at the same level. The article provides arguments in favor of the fact that mediatization acts as a trigger for actualization for individuals of their personal crises related to factors of social obstruction and injustice, which become especially important in the context of labor migration, since migrants are often deprived of traditional support from family and relatives and react particularly acutely to problems with employment or lack of family implementation. In turn, in Central Asian countries, for certain believers, a sore point is the securitization of their appearance, which is classified as an indicator of their commitment to radical ideas against the background of widespread corruption in government agencies and limited opportunities to improve their living conditions. Being influenced by emotionally colored extremist narratives that appeal to these problems, individuals see violence as the only mechanism for solving them. In this regard, the Islamic creed acts as a justification for this violence, which is due to two factors. First, the religious education characterizes a small number of recruits and indicates socio-psychological factors contributing to the attractiveness of an extremist emotional message for them as opposed to a conscious choice based on familiarity with religious literature. Secondly, the results of social surveys conducted in the Central Asian countries indicate that there is no public demand for the establishment of a theocratic state and a clear idea of how it should be organized, which correlates with a low level of terrorist activity in the region.

Keywords: mediatization, Islamization of radicalism, violent extremism, terrorism, social obstruction, social injustice, Central Asia

For citation: Saliev A. Actualization of Violent Extremism in Central Asia: a Factor of Mediatization. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 98–107. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-098-107

Введение

Дискурс об исходящих из стран Центральной Азии угрозах насильственного экстремизма и терроризма под лозунгами ислама в целом коррелирует с академическим нарративом американского политолога С. Хантингтона, который вывел каузальную связь между процессами исламского возрождения и радикальной политизацией ислама, основываясь на утверждении о ригидном, недемократичном, антизападном характере самого исламского вероучения [Huntington, 1993, p. 32]. Соответственно, политизация ислама в его интерпретации предполагает неизбежность антиправительственных действий, подрыва общественного порядка, поддерживаемого светским государством.

Данный нарратив транслируется в той или иной форме в научном и медиа сообществах, несмотря на его слабую доказательную базу. В частности, в исследовании Э. Лемона, В. Мироновой и У. Тобей приводится ряд распространенных клише о Центральной Азии как о регионе, из которого исходит «реальная» международная террористическая угроза, регионе, представляющем собой «растущий источник терроризма» и «благоприятную почву» для вербовки [Lemon, Mironova,

Tobeу, 2018, р. 9]. В этом же контексте составлено несколько отчетов Международной кризисной группы, основанных на утверждении о наличии каузальной связи между ростом интереса населения к исламским ценностям и вероучению, с одной стороны, и радикализацией, с другой, раскрытых группой западных специалистов по Центральной Азии². Одним из центральных аргументов экспертов в этом отношении выступает небольшое количество насильственных действий экстремистских группировок под лозунгами ислама на территории государств Центральной Азии, с одной стороны, и сохранение региональной стабильности в условиях возникающих массовых протестов и конфликтов — гражданская война в Таджикистане, Андижанские события, неконституционные смены власти в Кыргызстане, с другой стороны [Montgomery, Heathershaw, 2016, р. 192].

Обозначенные противоречия между создаваемым информационным образом Центральной Азии и фактическим положением дел обусловили целесообразность выявления наличия корреляционной связи между медиатизацией деструктивной активности экстремистских группировок и ростом числа их последователей в Центральноазиатском регионе. В статье обосновывается тезис о том, что причины вовлечения граждан центральноазиатских республик в насильственные действия экстремистских группировок обусловлены внутренними социально-психологическими факторами, которые актуализируются на индивидуальной основе медиатизацией этих действий. Под медиатизацией понимается процесс предания средствами массовой информации событиям статуса медиа-фактов, формирующих и поддерживающих информационную повестку дня [Дзялошинский, Дзялошинская, 2021, с. 32, 34]. Соответственно, медиатизация насильственного экстремизма и терроризма как в контексте СМИ, которые интерпретируют экстремизм и терроризм как проблему, так и медиаканалов экстремистов, которые призывают к насильственным действиям, актуализирует эти темы в публичном дискурсе и обуславливает интерес к ним у населения.

Обоснование выдвинутого тезиса выстраивается на трех аргументах, определяющих структуру статьи. Во-первых, пиковые показатели вербовки граждан центральноазиатских республик в ряды экстремистских группировок в Сирию и Ирак коррелируют с периодом как активной информационной деятельности Исламского государства (ИГ), манипулировавшего нарративами героизации экстремистов, восстанавливающих справедливость, так и СМИ, обличающих террористический, противозаконный характер действий группировок. Во-вторых, как сами экстремисты-вербовщики, так и рекрутируемые граждане центральноазиатских республик в своем большинстве не имели исламского образования, что указывает на эмоциональную, психологическую аттрактивность исламистских месседжей, а не рациональную целесообразность. В-третьих, завербованные в экстремистские группировки граждане составляют небольшой процент от общей численности населения стран Центральной Азии, что свидетельствует о преувеличении в медийном пространстве масштаба угроз терроризма и экстремизма, исходящих из региона.

Медиатизация как фактор актуализации угроз радикализации, ведущий к насильственному экстремизму и терроризму в Центральной Азии

Важность медиатизации деятельности экстремистов и террористов с точки зрения последующего роста интереса к их идеям у отдельных индивидов была установлена, в частности, по результатам двух исследований, проведенных в 2021 г. группой исследователей по вопросам нарративов, транслируемых экстремистскими группировками, и особенностей их восприятия. Так, для большинства респондентов из центральноазиатских республик новостные передачи по телевидению

---

² Understanding Islamic Radicalization in Central Asia (UPDATED). 20.01.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/understanding-islamic-radicalization-in-central-asia/> (дата обращения: 20.09.2024).

выступают достоверным источником информации³. В свою очередь, новостные сообщения зачастую выступали триггером первоначального интереса у индивидов к тому, что происходит на Ближнем Востоке. В попытках найти объяснение этим процессам они сталкивались с экстремистскими интерпретациями с эмоциональными составляющими⁴.

Вместе с тем знакомство с экстремистскими нарративами не является обязательным условием вовлечения в экстремистские группировки. Индивиды, подверженные деструктивному информационному воздействию, имеют ряд социально-психологических характеристик, которые мотивируют их совершать акты насилия. Более того, в каждом отдельном случае мотивация формируется уникальным комплексом таких характеристик⁵.

Большинство завербованных переживают психологические травмы и личностные кризисы, связанные с социальной обструкцией, которая зачастую актуализируется в условиях трудовой миграции. Как показал опрос, большинство возвратившихся из Сирии граждан, содержащихся в пеницинарных учреждениях Кыргызстана, было завербовано во время трудовой миграции в России, Турции и Республике Корея⁶. Потеря работы, распад брака, несбывшиеся карьерные ожидания, дискриминация и т. д. в условиях отсутствия или редуцирования значимости социальных, прежде всего семейных, связей обуславливают уязвимость отдельных индивидов перед группами, которые могут предложить альтернативную жизнь, групповую принадлежность и сеть поддержки [Tucker, Lemon, 2019, p. 24]. Это касается как самих мигрантов, так и их детей, оставшихся без внимания на родине и вынужденных самостоятельно решать свои проблемы, не имея при этом внутренних ориентиров, определяющих процесс их самореализации. Их положение созвучно с положением мигрантов второго поколения в европейских городах, для которых характерна декультурация, проявляющаяся в неприятии ценностных кодов как своих родителей, так и европейского общества и обуславливающая их восприимчивость к экстремистскому месседжу в попытке самореализации [Roу, 2017, p. 25].

Другим фактором уязвимости перед экстремистским дискурсом выступает испытываемое чувство несправедливости, что детерминирует желание индивидов исправить ситуацию, а также привлечь к себе внимание и повысить самоуважение. Несправедливость может быть связана с условиями жизни как в трудовой миграции, так и на родине. В первом случае тяжелые условия труда на фоне проявляемой нетерпимости со стороны местного населения и личных, семейных проблем могут выступить триггерами к радикализации и вовлечению в экстремистские группировки для небольшой части мигрантов [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, p. 14].

В случае несправедливости на родине двумя важными факторами являются коррупция и секьюритизация ислама. Коррупция понимается как использование служебного положения

³ Радикализм онлайн: анализ смыслов, идей и ценностей насильственного экстремизма в Центральной Азии. Бишкек, 2021 [Radicalism Online: An Analysis of the Meanings, Ideas, and Values of Violent Extremism in Central Asia. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/radru> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I. Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵ Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhalilov K., Myrzabaev M. Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization, Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. CAP Paper. 2019. No. 213. URL: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/02/CAP-paper-213-Emil-Nasritdinov.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

⁶ Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I. Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

государственными служащими для получения финансовой выгоды за счет населения⁷ на фоне сокращения социальной поддержки со стороны государства и ограниченных возможностей социального роста и улучшения экономического положения [Tucker, Lemon, 2019, p. 24]. В свою очередь, секьюритизация ислама на уровне как государства, так и социума выстраивается на основе распространенных клише о взаимосвязи типа объективации религиозности (чаще всего ношение хиджаба или бороды) и склонности индивида к радикальным взглядам [Tulebaeva, 2017, p. 97]. Данные упрощенные категории не отражают сложности исламского поля центральноазиатских республик и зачастую усугубляют проблему [Жусипбек, 2017, с. 104–105]. В категорию экстремистов на основе применения обобщенных критериев и стереотипов, основанных на внешних признаках, попадают непричастные к ним граждане. Многие из тех, кто участвовал в боевых действиях на Ближнем Востоке, указывают на жесткие ограничения религиозных свобод и предвзятое отношение правоохранительных органов в качестве фактора, повлиявшего на их решение уехать [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, p. 15], испытывая сильное чувство несправедливости, осознавая необходимость смены политического порядка и оправдывая насильственный экстремизм.

Именно этими нарративами справедливости, оказания социальной поддержки и противодействия коррупции манипулируют экстремисты в своих информационных кампаниях в контексте исламской альтернативы секулярному государству и процветания при следовании исламскому образу жизни [Seifert, 2012, p. 10]. Ввиду этого наиболее распространенным дискурсом месседжей экстремистов выступают страдания женщин и детей. С точки зрения обозначенных факторов радикализации сознания данный нарратив выстраивается на лично испытанных индивидами фактах несправедливости, обуславливающих стремление либо защитить обиженных, либо обрести чувство значимости и стать героями. Другой нарратив нацелен на манипулирование чувством социальной обструкции и связан с описанием новой жизни в условиях «исламского государства», характеристиками которой выступают коллективная идентичность, упорядоченная и предсказуемая жизнь со стабильной заработной платой и социальным обеспечением [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, pp. 14–15].

Факторы, которые десять лет назад привели к мобилизации граждан центральноазиатских республик на боевые действия на Ближний Восток, сохранились, но масштабы вербовки значительно сократились [Tucker, Lemon, 2019, pp. 20–22]. Отчасти это объясняется тем, что террористические группировки во главе с ИГ потеряли территорию, на которой должны были быть реализованы транслируемые представления об идеальной жизни в «исламском государстве», что обусловило меньший общественный резонанс. Даже предпринимаемые попытки восхваления успехов Талибана в установлении своего правления в Афганистане как альтернативного демократии западного образца и наилучшей социальной модели для государств Центральноазиатского региона не обеспечивают охват широкой аудитории. Вместе с тем сократилось и присутствие экстремистского дискурса в информационном поле. Если во время сирийского конфликта видеоролики о вербовке на узбекском и таджикском языках иногда охватывали аудиторию более миллиона человек по нескольким сотням идентифицированных каналов, то на сегодняшний день существует не более нескольких десятков каналов на обоих языках, которые охватывают резко сократившуюся общую аудиторию [Tucker, Lemon, 2019, p. 22].

Таким образом, двумя главными факторами, которые обуславливают уязвимость ряда граждан центральноазиатских республик к восприятию экстремистских дискурсов, выступают социальная обструкция и несправедливость. Медиатизация насилия как декларируемого способа решения

---

⁷ Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhalilov K., Myrzabaev M. Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization, Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. CAP Paper. 2019. No. 213. URL: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/02/CAP-paper-213-Emil-Nasritdinov.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

проблем как официальными СМИ в негативном контексте, так и самими экстремистскими группировками в положительном аспекте актуализирует данные факторы для отдельных индивидов, определяя их интерес к насильственным действиям как механизму решения либо личных проблем, либо общественных, что может быть мотивировано либо чувством альтруизма, либо стремлением к социализации, либо поиском возможности самореализации.

Недостаток религиозных знаний как предпосылка к инкорпорированию в экстремистские группировки

В пользу аргумента о медиатизации действий экстремистских группировок как о триггере к вовлечению в них отдельных индивидов свидетельствует и факт того, что большинство завербованных, как правило, не имеют религиозного образования. Следовательно, их поведение обусловлено не рациональными мотивами и четкими представлениями о справедливом обществе и государстве, функционирующих на основе религиозных норм, а психоэмоциональными порывами, которыми манипулируют экстремистские группировки.

Согласно О. Руа, ошибочными являются попытки определить идеологический, содержательный корпус экстремистского месседжа и противопоставить его «умеренному исламу» [Roy, 2017, p. 41]. Если теология предполагает интерпретацию священных текстов в контексте всеохватывающего дискурса, который отделяет религиозные догмы от эмоций и фантазий, то фокус экстремистов — не на вероучении, а на религиозности как способе «ощущения» религии, которая включает в себя теологию, религиозные практики, утопичные представления [Roy, 2017, p. 42]. Используемые экстремистами рандомные выдержки из священных книг играют роль оправдания насилия. Для тех, кто стремится к самореализации через насилие, книги не играют роли в контексте радикализации — они быстро усваивают упрощенную концепцию «добро против зла», в которой верующие противопоставляются неверующим [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, pp. 15–16].

На факторе религиозной неграмотности акцентируют внимание как западные, так и отечественные специалисты. Согласно базе данных, составленной М. Сейджманом в начале 2000-х гг. на основе различных источников, включая протоколы судебных заседаний, СМИ, записи разговоров и переписку, большинство из 500 включенных в эту базу террористов стали религиозными в результате самообразования, в основе которого лежало следование религиозным практикам, а не познание основ исламского вероучения. Только 13% из них посещали медресе [Sageman, 2006, pp. 51–52]. Схожие результаты были получены исследователями в Кыргызстане в 2021 г.: из опрошенных ими 38 индивидов, вернувшихся из зон боевых действий на Ближнем Востоке и отбывавших срок заключения в пенитенциарных учреждениях Кыргызстана, только у одного было религиозное, теологическое образование в противовес культурно-обрядовым знаниям большинства, которые воспринимались ими как часть их культурных традиций⁸. В обоих исследованиях подчеркивается, что религиозное образование выступает фактором, предотвращающим вступление индивидов в террористические организации. Это обусловлено тем, что носители религиозных знаний помогают обращающимся к ним за советом понять деструктивный дискурс экстремистских группировок, построенный в контексте упрощенной бинарности добра и зла [Tucker, Lemon, 2019, p. 23].

Таким образом, вовлекаемые в экстремистские группировки, как правило, не имеют религиозного образования, которое закладывает основы критического мышления, и структурированного

⁸ Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I. Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

представления о механизмах имплементации и функционирования исламского государства. Социальная несправедливость и обструкция обуславливают восприятие отдельными индивидами экстремистских нарративов, авторитетность которым придается вырванными из контекста цитатами из священных книг. Отсутствие стройной идеологической канвы, определяющей жизненные цели вербуемых, определяет представление насилия в качестве единственного способа достижения утопичного идеального государственного устройства.

Мифологизация масштаба угрозы исламизации радикализма в Центральной Азии

Исходя из проведенного анализа факторов вовлечения граждан республик Центральной Азии в экстремистские группировки, используемых последними нарративов для вербовки новых adeptов, а также роли исламского образования в восприятии экстремистского месседжа, представляется целесообразным использовать термин, введенный О. Руа, — исламизация радикализма [Roу, 2017, p. 43] для характеристики использования ислама в целях оправдания насилия, поскольку он позволяет провести разграничения между комплексным исламским вероучением и инструментализацией отдельных, взятых вне контекста положений этого вероучения.

Масштаб угрозы исламизации радикализма в республиках Центральной Азии в медиа зачастую преувеличивается. На это указывают два момента. Во-первых, из ЦА было завербовано 4000 сторонников ИГ (5–10% от всего количества завербованных со всего мира) в период активной фазы деструктивной деятельности группировки на фоне непропорционально низкого числа террористических актов, совершенных в регионе [Lemon, Mironova, Tobey, 2018, p. 6]. Согласно данным Global Terrorism Database, количество террористических актов в пяти центральноазиатских республиках с 1970 по 2020 г. составило 326, что резко контрастирует с данными по Европе, включая восточноевропейские и западноевропейские страны, — 22654 кейса⁹.

Во-вторых, в республиках отсутствует протестный потенциал, связанный с запросом на установление исламского государства. Согласно результатам исследования К. Коллинз и Э. Оуэн, критика их респондентами в Кыргызстане «светской демократии» за «вседозволенность» и «моральную деградацию» и противопоставление ее «исламской демократии» с применением норм шариата в законодотворчестве, тем не менее, не исключает института выборов и предполагает недопущение исламских духовных лиц к системе государственного управления [Collins, Owen, 2012, p. 501]. В количественном отношении число тех, кто поддержал данную «исламскую демократию», составило всего 28,6% всех опрошенных. Вместе с тем 50,1% респондентов негативно оценили идею установления халифата — «классического исламского государства» времен пророка Мухаммеда [Collins, Owen, 2012, p. 507]. Данные результаты можно интерпретировать как запрос населения на социальную справедливость, гарантируемую государством посредством следования госслужащими исламским принципам, а не на установление режима теократии.

В последующем опрос, проведенный Д. Монтгомери и Дж. Хизершоу, подтвердил релевантность и расширил значение данных результатов. Так, согласно полученным ими результатам, большинство граждан Центральной Азии не имеют представления об основополагающих идеях политического ислама. В частности, они не знакомы с трудами ведущего богослова египетского движения «Братья-мусульмане» Сайида Кутба, но хорошо знают таких исламских ученых, как Мухаммад аль-Бухари и Ибн Сина: с первым в контексте того, что он был собирателем хадисов, со вторым — по его книгам о лекарствах, что свидетельствует о светском характере общественного дискурса в Центральной Азии, в котором ислам является источником культуры, истории, общественных

⁹ Global Terrorism Database. 2024. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 20.10.2024).

нравов и морального поведения [Montgomery, Heathershaw, 2016, p. 204]. Иными словами, люди исповедуют ислам, опираясь в большей мере на индивидуальные эмоциональные ощущения, чем на знание его основ, а основным трендом исламского возрождения выступает углубление благочестия [Seifert, 2012, p. 13].

Масштабная политическая мобилизация людей для поиска решений социальных вопросов под лозунгами ислама нехарактерна для стран региона. Люди, наоборот, дистанцируются от государства, формируя сообщества солидарности на основе исламских ценностей общественного блага и сострадания в противовес доминирующим символическим ценностям рыночной экономики с ее социальной поляризацией и коммерциализацией общественных отношений [Satybaldieva, 2015, pp. 137–138]. В данных сообществах восприятие собственной религиозности происходит через моральные обязательства оказывать помощь нуждающимся, делиться богатством и заботиться о друзьях и близких [Montgomery, 2015, p. 46]. Как отмечает Э. Макглинчи, «исламистская оппозиция» — это не то, что ищут граждане у имамов [McGlinchey, 2009, p. 25]. К исламским священнослужителям обращаются прежде всего за советом для урегулирования сложных жизненных ситуаций и регламентации своего должного с точки зрения религии поведения в этих ситуациях [Hözlchen, 2024, p. 749].

Ряд исследователей указывают на формирование в Центральной Азии мусульманского гражданского общества, агентами которого выступают муфтияты, мечети, медресе, *джамааты*, *махалли*, благотворительные фонды и НПО, оказывающие социально-психологическую и экономическую помощь верующим в контексте исламских ценностей. Особенность их функционирования состоит в том, что они не являются генераторами политически активных граждан, выступающих оппонентами государства, а мотивируют верующих к самосовершенствованию, посредством которого возможно установить хорошо управляемое государство¹⁰.

Более того, объединенное политическое движение против властей невозможно без чувства солидарности мусульман. В настоящее время исследователи отмечают размежевание исламского поля в странах Центральной Азии по линии восприятия религиозности. Для одних исламская религиозность является частью национальных традиций, для других она должна быть вне контекста национальных паттернов [Biard, 2010, p. 328]. Отношения между данными группами не характеризуются непреодолимыми противоречиями и не имеют насильственного измерения, но вместе с тем не позволяют обеспечить политическую мобилизацию на основе ислама. Следовательно, в Центральной Азии отсутствует социальная база для масштабной исламизации радикализма.

Заключение

Таким образом, вовлечение отдельных граждан центральноазиатских республик в экстремистские группировки обусловлено прежде всего социально-психологическими проблемами, связанными с факторами переживаемой ими социальной обструкции и несправедливости. Актуализация значимости данных факторов происходит через медиатизацию действий экстремистских группировок: чем масштабнее данная медиатизация, тем большее количество людей становятся адептами насилия. В своих действиях они руководствуются не знаниями исламского вероучения, а эмоциональными факторами. Исламское вероучение и исламская религиозность не являются самостоятельными драйверами протестной мобилизации в контексте реализации насильственных действий, а используются для оправдания последних. При этом радикально настроенные индивиды

¹⁰ Peyrouse S., Nasritdinov E. Engaging with Muslim Civil Society in Central Asia. Components, Approaches, and Opportunities. *Peaceworks*. 2021. No. 181. URL: <https://www.usip.org/publications/2021/12/engaging-muslim-civil-society-central-asia-components-approaches-and> (дата обращения: 10.10.2024).

не представляют собой организованную общественную силу в регионе. Результаты исследований свидетельствуют о существующей общественной неудовлетворенности моральным обликом политических лидеров, которая выступает триггером к дистанцированию от государства. В республиках отсутствуют социальный запрос и интеллектуальная база для превращения политического ислама в идеологическую основу массовой мобилизации граждан.

Литература / References

Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Медиатизация социальной сферы. *PR и СМИ в Казахстане*. Сборник научных трудов. Вып. 9. Алматы, 2015. С. 31–40 [Dzyaloshinsky I. M., Dzyaloshinskaya M. I. The Social Sphere of Mediatization. *PR and Mass Media in Kazakhstan*. Collection of Articles. Issue 9. Almaty, 2015. Pp. 31–40 (in Russian)].

Жусипбек Г. Политический ислам в Центральной Азии после 25 лет независимости. *Центральная Азия — 25: мысли о прошлом, проекция будущего*. Сборник эссе из Центральной Азии. / Под ред. М. Ларюэль и А. Курмановой. Вашингтон, 2017. С. 102–108 [Zhusipbek G. Political Islam in Central Asia after 25 Years of Independence. *Central Asia — 25: Thoughts about the Past, Projection of the Future*. A Collection of Essays from Central Asia. Eds. M. Laruel and A. Kurmanova. Washington, 2017. Pp. 102–108].

Biard A. The Religious Factor in the Reification of ‘Neo-Ethnic’ Identities in Kyrgyzstan. *Nationalities Papers*. 2010. Vol. 38. No. 3. Pp. 323–335.

Collins K., Owen E. Islamic Religiosity and Regime Preferences: Explaining Support for Democracy and Political Islam in Central Asia and the Caucasus. *Political Research Quarterly*. 2012. Vol. 65. No. 3. Pp. 499–515.

Huntington S. The clash of civilizations? *Foreign Affairs*. 1993. No. 72. Pp. 22–49.

Hölzchen J. M. Mosque Lives. *The Central Asian World*. Eds. J. F. de la Croix and M. Reeves. London and New York, 2024. Pp. 747–760.

Lemon E., Mironova V., Tobey W. Jihadists from Ex-Soviet Central Asia: Where Are They? Why Did They Radicalize? What Next? *Russia Matters Research Paper*. 2018.

McGlinchey E. Islamic Revivalism and State Failure in Kyrgyzstan. *Problems of Post-Communism*. 2009. Vol. 56. No. 3. Pp. 16–28.

Montgomery D., Heathershaw J. Islam, Secularism and Danger: A Reconsideration of the Link between Religiosity, Radicalism and Rebellion in Central Asia. *Religion, State and Society*. 2016. Vol. 44. No. 3. Pp. 192–218.

Montgomery D. Islam beyond Democracy and State in Kyrgyzstan. *Central Asian Affairs*. 2015. No. 2. Pp. 35–50.

Roy O. *Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State*. New York, 2017.

Sageman M. *Leaderless Jihad. Terror Networks in the Twenty-First Century*. Philadelphia, 2008.

Seifert A. C. Political Islam in Central Asia — Opponent or Democratic Partner? *CORE Working Paper*. November 2012. No. 25.

Satybaldieva E. Why Class Matters in Kyrgyzstan. Everyday Experiences, Moral Sentiments, and the Politics of the Poor. *Kyrgyzstan beyond “Democracy Island” and “Failing State” Social and Political Changes in a Post-Soviet Society*. Eds. M. Laruelle and J. Engvall. Lanham, 2015. Pp. 122–146.

Tucker N., Lemon E. A ‘Hotbed’ or a Slow, Painful Burn? Explaining Central Asia’s Role in Global Terrorism. *CTC Centinel*. July-August 2024. Pp. 20–25.

Tulebaeva B. In Search of the Good Life. Value Conflicts and Dilemmas in the Practice of Islam in Kochkor, Kyrgyzstan. *RessourcenKulturen. No 4. Approaching Ritual Economy. Socio-Cosmic Fields in Globalized Contexts*. Ed. Roland Hardenberg. Tubingen Univ. Press, 2017. Pp. 71–104.

Электронные ресурсы / Electronic Resource

Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021 [Ashraf A., Aslanova I., Radicalization and Deradicalization: Studying the Experience of Foreign Terrorist Fighters. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-tofight-and-why-we-returned-13> (дата обращения: 25.09.2024).

Радикализм онлайн: анализ смыслов, идей и ценностей насильственного экстремизма в Центральной Азии. Бишкек, 2021 [Radicalism Online: An Analysis of the Meanings, Ideas, and Values of Violent Extremism in Central Asia. Bishkek, 2021 (in Russian)]. URL: <https://www.rcrskg.org/post/radru> (дата обращения: 10.10.2024).

Global Terrorism Database. 2024. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 20.10.2024).

Nasritdinov E., Urmanbetova Z., Murzakhilov K., Myrzabaev M. Vulnerability and Resilience of Young People in Kyrgyzstan to Radicalization, Violence and Extremism: Analysis across Five Domains. *CAP Paper*. 2019. No. 213. URL: <https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2019/02/CAP-paper-213-Emil-Nasritdinov.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

Peyprouse S., Nasritdinov E. Engaging with Muslim Civil Society in Central Asia. Components, Approaches, and Opportunities. *Peaceworks*. 2021. No. 181. URL: <https://www.usip.org/publications/2021/12/engaging-muslim-civil-society-central-asia-components-approaches-and> (дата обращения: 10.10.2024).

Understanding Islamic Radicalization in Central Asia (UPDATED). 20.01.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/understanding-islamic-radicalization-in-central-asia/> (дата обращения: 20.09.2024).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-108-117

ДВОРЕЦ НЕБЕСНЫЙ И ДВОРЕЦ ЗЕМНОЙ: СИТУАЦИЯ «ПЕРЕХОДА» В БУДДИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ

© 2024

Н. В. Александрова¹

Одна из наиболее характерных черт «Лалитавистары», относящейся к ранним памятникам буддийской агиографии (IV–IX вв. в санскритской и китайских версиях), — обилие «украшений», наполненность текста повторяющимися формулами, словословиями и шаблонизированными описательными фрагментами. Эти формульные фрагменты, тем не менее, сами по себе представляют интерес и подают сигналы исследователю об определенных процессах, свойственных буддийской культуре. Из такого рода текста могут состоять целые главы — так, главы II и XIII, будучи почти бессобытийными, наполнены лишь повторяющимися формулировками. Обе главы при этом весьма близки по композиции и смысловому наполнению отдельных частей. Они имеют в своей основе идентичную конструкцию, которая включает описание дворца и так называемые «побуждающие гатхи»: будущий Будда находится во дворце (в первом случае — на небесах, во втором — в столичном городе), к нему являются боги и побуждают его покинуть дворец, напоминая о его предназначении и обо всех его подвигах в предыдущих рожденьях. Описание дворца предельно шаблонизировано и однотипно, гатхи также построены по одинаковому принципу. Здесь конструкция «Лалитавистары» предлагает шаблон, на котором строится переход главного героя из одного состояния в другое, и этот переход предполагает как переход в буквальном смысле, перемещение, так и преображение в иной облик. Введение в состав сутры этих промежуточных глав связано с общей концепцией «Лалитавистары», согласно которой будда представляет собой надмирное существо, лишь принявшее земной облик, действующее согласно идее локанувартаны — «подражанию обычаям мира». Таким образом, «оформительские» части житийного сочинения ставят его на определенное место в развитии буддизма.

Ключевые слова: буддизм, махаяна, буддийская литература, агиография, формульный текст

Для цитирования: Александрова Н. В. Дворец небесный и дворец земной: ситуация «перехода» в буддийской агиографии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 108–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-108-117

HEAVENLY PALACE AND EARTHLY PALACE: THE SITUATION OF “TRANSITION” IN BUDDHIST HAGIOGRAPHY

Natalia V. Aleksandrova

One of the most characteristic features of the *Lalitavistara*, which belongs to the early monuments of Buddhist hagiography (IV–IX centuries in Sanskrit and Chinese versions), is the abundance of “embellishments”.

---

¹ Александрова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; surnevo@mail.ru, naleksandrova@hse.ru

Natalia V. Aleksandrova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; surnevo@mail.ru, naleksandrova@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6350-7245

The text is filled with repetitive formulas, praises and formulaic descriptive fragments. These formulaic fragments, however, are of interest in themselves and give some signals to the researcher about certain processes inherent in Buddhist culture. Entire chapters can consist of this kind of text — for example, chapters II and XIII, being almost eventless, are filled only with repetitive formulas. At the same time, both chapters are very close in the whole composition and the content of their separate parts. They are based on an identical design, which includes a description of the palace and the so-called “motivating gathas” — the Bodhisattva is in his palace, the gods appear to him and encourage him to leave the palace, reminding him of his destiny and all his exploits in previous births. The description of the palace is extremely stereotyped and uniform, the gathas in both chapters are also built on a similar principle. The construction of these chapters of the Lalitavistara offers a template on which the protagonist’s transition from one state to another is built. This transition involves both a transition in the literal sense (a movement) and a transformation into a different appearance. The introduction of these intermediate chapters into the sutra is connected with the general concept of Lalitavistara, according to which the Buddha is a supermundane being who has only taken on an earthly form and acts according to the idea of lokanuvartana — “imitation of the customs of the world.” Thus, the “design” parts of the hagiographic text puts it in a certain place in the development of Buddhism.

Keywords: Buddhism, Mahayana, Buddhist literature, hagiographic literature, formulaic expressions

For citation: Aleksandrova N. V. Heavenly Palace and Earthly Palace: the Situation of “Transition” in Buddhist Hagiography. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 4. Pp. 108–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-108-117

Буддийская агиография раннего периода сосредоточена на жизнеописании основателя вероучения. Одно из самых цельных и авторитетных сочинений такого характера — «Лалитавистара», составленная в жанре сутры как рассказ от лица самого Будды. Сутра сохранилась в нескольких версиях: наиболее часто обращаются к санскритскому тексту (IX в.), однако интереснейший материал дают китайские переводы IV и VII вв.; существуют также тибетский перевод и монгольский [Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 20–22, 35–41]. Соотношения между разными версиями сутры представляют повод для дискуссий и предположений об эволюции текста, в то время как его внутренний анализ позволяет подойти к проблеме принадлежности его составителей к определенным направлениям буддизма [Oldenberg, 1882, p. 879–886; Winternitz, 1977, vol. 2, p. 248–256; de Jong, 1997–98]. Пространное повествование «Лалитавистары» изобилует многочисленными подробностями, здесь собраны самые разные житийные эпизоды, начиная от «пребывания на небесах» и заканчивая событиями вокруг первой проповеди. Одна из наиболее характерных черт этого литературного памятника — обилие «украшений», наполненность текста повторяющимися формулами, словословиями и шаблонизированными описательными фрагментами. Эти формульные фрагменты тем не менее сами по себе представляют интерес и подают сигналы исследователю об определенных процессах, свойственных буддийской культуре.

Такого рода словесными вставками пересыпаны все сюжетные части повествования — это и повторяющиеся эпитеты, в том числе развернутые, относящиеся к главному герою жития, и длинные описания шествий небесных существ, движущихся по небу вслед за ним, осыпающих цветами и благовониями места его благородных деяний. Однако некоторые главы «Лалитавистары» (из двадцати восьми глав санскритской версии) практически целиком состоят из такого формульного текста. Таким образом, не все главы этой сутры содержат в себе продолжение житийного повествования. Между событийными частями памятника некоторые главы играют роль неких вставок, содержащих те или иные рассуждения. Их роль и предназначение в общей композиции текста не всегда очевидна, и сама их внутренняя конструкция часто выглядит причудливой и непонятно

чем мотивированной. Попытаемся показать на примере двух глав — второй и тринадцатой, чем обусловлено их расположение в тексте и их внутреннее устройство.

Эти две главы, будучи почти бессобытийными, наполнены стандартными словесными последовательностями — при этом эти главы весьма близки по композиции и смысловому наполнению отдельных частей; почти идентичные, повторяющиеся формулировки особенно подчеркивают это сходство. Здесь сюжетное повествование как будто останавливается, происходящее действие предельно статично — Бодхисаттва находится в дворцовых покоях, сюда являются будды из иных миров или спускаются боги с небес и произносят речи о том, что ему предстоит совершить.

Вторая глава вписана в контекст начальных глав «Лалитавистары», в которых действие жития развивается предельно неторопливо — лишь в седьмой главе повествование приходит к рождению будущего Будды. После главы I, которая задает «рамку», оформляющую весь последующий рассказ как произнесенный Буддой во время пребывания его в Джетаване (и таким образом обозначающую принадлежность этого произведения к жанру сутры), начинается собственно житийное повествование. Здесь проявлена одна из специфических черт «Лалитавистары» — начало истории представлено не как пророчество о будущем явлении Будды в мир (так начинается житие в «Махавасту» и «Ниданакатхе» ... [Mahāvastu, 2004, vol. I, p. 182–192; Jātakāṭṭhakathā, 1976, p. 24–25]), а как пребывание еще не рожденного Будды на небесах, где он размышляет о нисхождении в земной мир.

Интересующая нас вторая глава открывается длинным перечнем развернутых эпитетов Бодхисаттвы, полных изысканных сравнений, отсылок к житийным событиям и доктринальным установлениям. Далее обозначено место действия — дворец (*vimāna*) на небесах Тушита (*tuṣita*, уровень небес в буддийской космологии) — и следует описание дворца. Это описание построено в виде списка — при этом надо подчеркнуть, что понятие «дворец» в древнеиндийском контексте включало всю дворцовую территорию. В первую очередь перечисляются архитектурные составляющие всего комплекса: он расположен «на тридцати двух тысячах ярусом», украшен «верандами, куполами, воротами, окнами, мансардами, башенками, террасами», окружен «навесами, [которые сделаны] из сеток с колокольчиками и драгоценными камнями и увенчаны зонтами, знаменами и флагами», осыпан цветами. Далее, после упоминания о том, что во дворце звучит пение апсар, идет перечень цветущих деревьев и кустарников, заполняющих дворцовый сад: «атимуктака, чампака, патала, ковидара, мучилинда, махамучилинда, ашока, ньягродха, тиндука, асана, карникара, кешара, сала»; в этот же перечень включены нависающие над садом «золотые сетки» (*hemajāla*) и расставленные повсюду «полные сосуды» (*pūrṇakumbha*). После этого перечисляются многочисленные водные растения, наполняющие водоемы. Описание завершается списком птиц — это *паттрагупты*, попугаи, *сарихи*, кукушки, гуси, павлины, *чакраваки*, *куналы*, *калавинки*, куропатки [Хокадзоно, с. 286–288; Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 156–158].

В китайской версии Дивакары (VII в.) основные блоки общего списка следуют в том же порядке, небольшие отличия можно заметить в перечнях растений и птиц² [Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 166–167]. Однако здесь интересно то, что вторая глава в этой версии названа иначе — «Дворец на небесах Тушита», — очевидно, этот фрагмент текста переводчик посчитал наиболее важным для всей главы и определяющим ее смысл (возможен другой вариант объяснения — переводчик располагал иным текстом оригинала). В китайской версии Фа-ху (здесь этот текст входит в состав первой главы) все перечни, входящие в состав описания дворца, «скрачены», сокращены до обобщающих слов, отчего текст выглядит более сглаженным и менее «списочным». Приводим этот фрагмент полностью:

² T0187.03.0540c22–03.0541a13. The SAT Daizōkyō Text Database. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 06.09.2024).

Он пребывал внутри великого дворца, где было двадцать две тысячи мест, чтобы возлечь и сидеть, где двери, окна, залы для проповедей (講堂) и башенки (棚閣 kūtāgāra [Hirakawa 1997, p. 659]) были пышно украшены, [а над ними] были воздвигнуты знамена и зонты, где парки с драгоценными навесами были усыпаны множеством цветов — темными лотосами и светлыми лотосами, где миллионы сотен тысяч божественных дев исполняли музыку, где во множестве цвели разные цветы, которые нельзя исчислить, где драгоценные деревья стояли рядами, где земля была чистой, ровной и без изъёмов, где повсюду были разлиты благовония, где птицы — утки, гуси, фениксы³ и прочие — в бесчисленном множестве резвились в водоемах, издавая приятные и изысканные звуки и являя взору [свою красоту], где звучали слова великой дхармы, которые уничтожали все тяготы мирских желаний, укрощали всякое уныние, гордость и высокомерие⁴ [Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 175].

В тринадцатой главе (saṃcodanā «побуждение») тема «дворца» присутствует в ином контексте. Если во второй главе подразумеваются небесные чертоги (vimāna), то здесь — «лучший, первый среди домов» (gṛhavarapradhāna) царя Шуддходаны, отца будущего Будды, действие совершается в городе Капилавасту. Позади — «нисхождение с небес» (глава V), «пребывание в утробе» (глава VI), «рождение» (глава VII) и события земной жизни — вхождение в храм, первая медитация, школа и женитьба (главы VII–XII). Ситуация, которая находится в центре внимания тринадцатой главы, — Бодхисаттва, пребывающий во дворце накануне «великого ухода из дома» (abhinīṣkrāṇa). Описание дворца в значительной степени дублирует аналогичный текст второй главы, представленный выше. Оба фрагмента построены по одинаковой схеме и представляют собой рубрицированные перечни. В тринадцатой главе сначала перечисляются архитектурные детали — веранды, купола, ворота, окна, мансарды, башенки, террасы; затем идет перечень украшений дворца — зонты, знамена, сети из колокольчиков, свисающие ленты, гирлянды и т. д., далее следует обзор дворцового парка — заросли камыша, лotosовые пруды; дается большой список поющих птиц. В описание дворца включено и перечисление всего того, что составляет внешний облик Бодхисаттвы — его чистота, светлые прекрасные одежды, умощения, его ложе, устланное нежной тканью, его великолепное окружение. Описание завершается длинным списком музыкальных инструментов, звуки которых улаждают слух Бодхисаттвы [Хокадзоно, с. 606–608]. Текст описания дворца из второй главы местами почти совпадает с этим — перечисляются в том же порядке те же архитектурные детали и те же птицы, отличие состоит в том, что во второй главе есть списки цветов и деревьев и нет перечня музыкальных инструментов.

Представим этот фрагмент из тринадцатой главы в китайском варианте VII в.:

В то время Бодхисаттва пребывал в прекрасном дворце, в котором все, что должно, было в изобилии: залы и башенки были разукрашены драгоценностями, флаги и драгоценные зонты были рядами расставлены повсюду, драгоценные колокольчики, драгоценные сети и узорчатые ткани укрывали его, и были развешаны бесчисленные сотни тысяч разноцветных шелковых лент и ожерелий из драгоценных камней; все перекладыны составлены из пластин с драгоценными камнями, повсюду стояли курительницы с лучшими благовониями, а поверху растянуты пологи, украшенные жемчугом; [здесь были] водоемы

³ Фениксы — 哀鸞, “a mourning luan (a fabulous bird related to the phoenix)”, использовалось Фа-ху также для передачи санскритского калавинка [Karashima, 1998, p. 2], которое может означать «кукушка» или «воробей».

⁴ T0186.03.0484b27–03.0484c06. The SAT Daizōkyō Text Database. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 06.09.2024).

с прозрачными водами, покрытые цветами, которые распускались в сезон и вне сезона, и у этих водоемов утки, гуси, мандаринки, павлины, зимородки, калавинки, дживандживы пели все вместе, и берега [водоемов] были отделаны ляпис-лазурью, а сияние восхитительно, словно зеркало; [все было] так пышно и великолепно, что трудно это описать. Когда люди и боги видели [дворец], они не могли нарадоваться⁵.

Такой типовой текст имеется только в санскритской версии и в китайской версии Дивакары, в более ранней версии Фа-ху он отсутствует — что наводит на размышления о постепенном развитии и принципах формирования композиции главы (о чем ниже).

Прежде всего надо остановиться на характерных чертах построения «дворцового» фрагмента. Такого рода тексты сравнимы с описаниями, характерными для литературы кавьи⁶. Подобные описательные пассажи, выстроенные из перечней, представлены в разных частях «Лалитавистары». Это, например, «портрет» царицы Майи, будущей матери Бодхисаттвы, которому отведено заметное место в тексте третьей главы, — одна за другой перечисляются «детали» ее тела, автор как бы рассматривает ее с перемещением взгляда в направлении сверху вниз [Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 222–223] (у Калидасы есть аналогичные описания красавицы «снизу вверх» [Алиханова, 2008, с. 48]). Наиболее близок к этой картине дворца перечень примет скорого рождения Бодхисаттвы в седьмой главе: одно за другим перечисляются изменения, произошедшие во дворце и дворцовом саду, — и соответственно перечисляются составляющие дворцовой территории. Такого рода «списочный» текст весьма характерен для «Лалитавистары» и других памятников раннего буддизма [Александрова, Русанов, 2016, с. 48–50].

Как можно видеть, типовое описание дворца помещено именно в эти две главы и выглядит как цельный блок, занимающий свое определенное место. Чем это обусловлено и каковы смысловые взаимоотношения этого текста с окружающим повествованием? Задавшись этим вопросом, в первую очередь надо отметить, что в обоих случаях описание дворца сопряжено с так называемыми «побуждающими гатхами» (*saṃcodanā gāthāḥ*): прибывают боги и призывают Бодхисаттву совершить перемещение в иное пространство. В первом случае ему предлагают совершить нисхождение с небес, чтобы обрести рождение в земном мире, во втором случае — совершить «уход из дома» (*pravraja*, 出家), покинуть мирскую жизнь и стать странствующим подвижником. То, что эти гатхи составляют главный смысл этих двух глав, событийно разделенных большим промежутком, подчеркнуто в их названиях: в санскритской версии вторая глава именуется *samutsāhana*, тринадцатая — *saṃcodana*, что равным образом означает «побуждение».

Во второй главе «побуждающие гатхи» следуют после фрагмента с дворцом. В санскритской версии каждое двестише представляет собой обращение к Бодхисаттве, находящемуся на небесах. Начальная часть гатхи — собственно обращение — содержит эпитеты Бодхисаттвы, отсылающие к доктринальным представлениям. Далее следует призыв к действию. В гатхах 1–4 ключевое слово в этом призыве — «вспомни» (*smara*, 憶): будущего Будду призывают вспомнить события его прежних жизней, которые предвещали его новое рождение в земном мире, сопряженное с миссией спасителя всех существ. Это в первую очередь принятие обета стать буддой: «вспомни о предсказании того, в чьем имени — светильник»; здесь подразумевается встреча юноши-брахмана с буддой прошлых времен Дипанкарой (*dīpaṅkara*, «создающий светильник»), который предсказал юноше его будущее

⁵ T0187.03.0565c20–03.0565c29. The SAT Daizōkyō Text Database. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 06.09.2024).

⁶ «В махакавье целое видится не конфигурацией, не единством, рождаемым взаимосвязью и взаимодействием частей, а простой суммой составляющих» [Алиханова, 2008, с. 41].

рождение, в котором он тоже станет буддой. Также его призывают вспомнить о последующих деяниях, совершенных на протяжении «миллионов миллиардов кальп», в иных рождениях — это многочисленные дарения, мужественное терпение, почитание будд. Гатхи 5–20 обращены к будущим деяниям Бодхисаттвы — сочувствуя всем существам, ему предстоит проявить сострадание к миру, пролить дождь амриты на континент, насытить мудростью всех существ, привести страдающих существ к блаженству нирваны; выполняя свое предназначение, он должен утратить иноверцев, победить демона Мару, достичь просветления. Подчеркивается, что обитатели небес смотрят на Бодхисаттву с надеждой на то, что он сделает этот необходимый выбор. В последней строфе звучит главный призыв — «Время [пришло], не медли!» (ayaṃ sa kalo ma urekśa) [Хокадзоно, с. 294].

Китайская версия Дивакары в этом фрагменте с гатхами в целом соответствует той же последовательности высказываний, хотя построение строф отличается — введены или, наоборот, устранены поясняющие образы. Последняя гатха с напоминанием о «времени» отсутствует. Ранняя версия Фа-ху, которая отличается несколько иной последовательностью строф и иными метафорами, также в целом содержит те же утверждения; напоминание о приближающемся сроке здесь, как и в санскритском тексте, повторено дважды (今是時)⁷ [Александрова, Русанов, Комиссаров, 2017, с. 168–169, 175–177].

В тринадцатой главе описание дворца также соединено с «побуждающими гатхами», однако они прерываются после первой своей части, где вставлен фрагмент с дворцом, и длятся необыкновенно долго — до гатхи 132.

Многочисленные «побуждающие гатхи» тринадцатой главы предварены небольшим вступлением, призванным представить ситуацию их произнесения: боги и полубожественные существа являются во дворце в Капилавасту, где Бодхисаттва пребывает в антахпуре. Они намерены обратиться к нему с увещанием, призывая покинуть мирскую жизнь и встать на путь, ведущий к просветлению. Они озабочены тем, что он может задержаться в мирской жизни слишком долго, и множество существ не успеют получить от него учение. Увещание начинается со стандартного перечисления его будущих деяний — от ухода из дома до «поворота колеса дхармы» и до проповеднической деятельности (некоторое противоречие состоит в том, что в самой «Лалитавистаре» последних событий нет). Далее, как будто опомнившись, повествователь пытается привести эту идею наставления богов, адресованного Бодхисаттве, в соответствие с идеей всезнания Будды — ведь оно было им обретено задолго до появления в нынешнем мире. Эта мысль также сопровождается перечислением — на сей раз это перечень способностей и знаний, которыми с необходимостью обладает будда как высшее существо. Наибольший акцент здесь сделан на то, что, собственно, и связано с возникающим противоречием — будда «не нуждается в чужом руководстве» (арагаргаṇеу) и сам знает нужное время (kālaḥ), когда следует совершать те или иные действия. В конце вступительной части утверждается, что дальнейшее увещание исходит от многочисленных «будд десяти сторон света» (в китайском варианте «четырёх сторон света»), поющих гатхи в сопровождении звуков музыки, после чего следуют собственно гатхи.

В первых восьми гатхах выражено то самое «побуждение» (saṃcodanā), которое вынесено в заглавие главы: настойчивая просьба «покинуть дом» (niṣkramyāhī), следуя данному в прошлом обету (подразумевается тот обет, который был дан в одном из прошлых рождений и произнесен перед буддой Дипанкарой). Они напоминают о «благих [качествах]» (śubha), накопленных им в прежние времена, и о ныне живущих существах, которым необходимо спасение.

После восьмой строфы в качестве обозначения места действия вставлен текст описания дворца, приведенный выше. За этой вставкой идет продолжение «побуждающих гатх» — довольно

⁷ T0186.03.0484c21, 03.0485a24. The SAT Daizōkyō Text Database. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 06.09.2024).

длинный непрерывный текст, который тянется почти до конца главы (строфы 9–119). Общий смысл «побуждений» остается прежним — призыв покинуть дом, но в этой последовательности гатх просматривается определенное членение. Заметно выделяются строфы, в которых настойчиво повторяется напоминание о самой ситуации их произнесения — о женщинах, играющих на музыкальных инструментах, и голосах «победителей десяти сторон света», от которых исходят гатхи (строфы 9, 20–21, 35, 49–50, 68, 93). Эти строфы делят весь текст на фрагменты, обычно различающиеся тематически, и звучат как припев. Так, строфы 10–19 — новое напоминание о прошлом обете, о людях, ожидающих освобождения, о благих качествах, обретенных им в «на протяжении сотен жизней», с повторяющимся призывом «покинуть лучший из городов», принести в мир освобождение. В строфах 22–34 после общих слов, напоминающих о величии прежних подвигов, идут гатхи, посвященные отдельным подвигам, отсылающие к конкретным джатакам [Komissarov, 2019; Комиссаров, 2022], также завершающиеся призывом к «уходу»; и в следующей группе (строфы 36–48) эта тема продолжается. Строфы 51–56 напоминают о щедрости и самопожертвовании, которые Бодхисаттва проявил в прошлых рождениях в облике различных царей. В строфах 56–66 идет перечисляющий рассказ о тех дарах, которые Бодхисаттва преподнес Буддам прошлого, и в конце строфы 66 и строфе 67, завершающей эту группу, задается тема для последующих гатх — о невечности наслаждения, о «вселяющих ужас» старости, болезни и смерти, о невечности «обусловленного» (saṃskṛta, 有為).

Следующая группа посвящена порокам, осмысляемым с точки зрения буддийской доктрины. Она также начинается с утверждений о страданиях и нестойкости «трех миров» — эти строфы особенно поэтичны и построены на сравнениях: «Три мира нестойки, как осенняя туча»; «Мир заблудился в поисках избавления от бытия, как мечется пчела, попавшая в кувшин» (69–70). Дальнейший текст четко делится на строфы, посвященные «наслаждениям» (kāmaḡaṇāḥ) и их губительности (71–78), далее о преходящей юности и о старости (79–85), о болезнях (86–88) и смерти (89–91). В завершение фрагмента произносится напоминание о данных обетах во избавление от этих пороков и вновь звучит призыв уходить из дома (92).

Далее следуют строфы, сосредоточенные на более специфических понятиях буддийской доктрины. После очередного возвращения к играющим музыку женщинам следует большой фрагмент обо всем «обусловленном», которое пустотно и «неустойчиво, как штукатурка в сезон дождей» (94–118); вторая часть этого текста иллюстрирует идеи о дхармах (dharma), о сознании и речи, скандхах (skandha), опорах (āyatana) и элементах (dhatu). Текст снова завершается призывом: «подобный туче сострадания, пролей потоки амриты, прохладные, как вода!»

В последней череде этих гатх сетования о несовершенстве погибающего мира и призывы к его спасению как будто усиливаются и становятся громче (120–131): мир «окутан крошечной тьмой заблуждения, «опутан сетями пороков» — «спаси несчастных существ», «даруй лучшую мудрость». Завершающая гатха — последнее возвращение к образу дворцовых женщин, играющих на музыкальных инструментах [Хокадзоно, с. 600–652].

Если сравнивать «побуждающие гатхи» из второй главы и тринадцатой с точки зрения их смыслового наполнения, то можно видеть, что в них звучат одни и те же мотивы. В первую очередь это напоминание о данном некогда обете. Во второй главе прямо говорится о произнесении обета перед Дипанкарой: «вспомни о предсказании того, в чьем имени — светильник», в тринадцатой лишь упоминается прежде данный обет. Затем следуют напоминания о подвигах, совершенных в прошлых рождениях, и многочисленных пожертвованиях, которые привели к тому, что он «накопил благие качества». Перечисление этих качеств переходит в восхваление: «о ты, чей ум велик и чист», «наделенный чистым взором» (глава II), «обладающий знанием и духовными заслугами, ты сияешь, лишенный загрязнений; ты освещаешь десять сторон света, будто луна, свободная от туч» (глава XIII).

Главная же тема, обозначающая собственно переход, звучит одинаково: «время [пришло] — сострада живым существам, не медли!» (глава 2), «пришла пора, настал миг, вот твое время!» (глава 13). Этот общий рефрен и создает связь между двумя отделенными друг от друга главами.

Общим для обеих глав является и сам мотив «побуждения» Бодхисаттвы со стороны обитателей высших миров, отраженный и в заголовках. В обоих случаях и сама ситуация (Бодхисаттва находится во дворце, и ему предстоит этот дворец покинуть) такая же, и предпринимаемые в связи с этим действия (высшие силы уговаривают его совершить уход) совершенно одинаковы, и весьма сходны те самые «побуждающие гатхи».

Объединяющим мотивом служит также сама идея сверхъестественного появления гатх: и во всех версиях второй санскритской главы, и в китайских версиях тринадцатой — это божественная речь, слышимая чудесным образом. Звучание стихов второй главы рождается как будто в воздухе, без участия произносящих: «в этом [дворце] благодаря накопленной в прошлых [рождениях] благой карме Бодхисаттвы, пребывавшего в блаженстве, во время великой беседы о дхарме, под звуки совместной игры восьмидесяти четырех тысяч музыкальных инструментов раздалась такая побуждающая гатхи». В версии Фа-ху это особенно подчеркнуто: «сами собой (自然) прозвучали эти прекрасные гатхи». Лишь в санскритской версии тринадцатой главы будды ведут речь «в сопровождении звуков пения и музыкальных инструментов», в китайской же (Дивакара) произнесение речи происходит иначе — будды, повелевая тем пением и музыкой, которыми дворцовые женщины услаждают слух Бодхисаттвы, «превращают» (變) эти звуки в проповедь дхармы благодаря своей сверхъестественной силе (威神). Именно в соответствии с такой трактовкой речи будд, звучащей из бесчисленных миров, китайское название тринадцатой главы сделано иным: «Побуждение музыкой» (音樂發悟).

Интересен также пассаж из тринадцатой главы, где повествователь спешит заверить читателя, что будущий Будда, выслушивающий наставление богов, тем не менее сам знает «должное время» и «не нуждается в чужом руководстве». Здесь явно предвосхищается возражение, которое может возникнуть у читателя, удивленного тем, что всезнающий Бодхисаттва получает некое напоминание и «побуждение к действию». Автор главы, собственно, не дает ответа на это предполагаемое им недоумение, кроме того, что такая ситуация «согласуется с дхармой». Видимо, здесь нашли свое отражение некие изменения отношений с каузальностью, которые могли войти в противоречие с иррациональным «вневременным» бытием будд.

Итак, две удаленные друг от друга главы «Лалитавистары» имеют в своей основе идентичную конструкцию — довольно искусственную, — которая включает описание дворца и «побуждающие гатхи». Описание дворца предельно шаблонизировано и однотипно, гатхи также построены по одинаковому принципу и в большинстве версий не являются произносимой кем-либо речью, а рождаются благодаря чуду. Отличие состоит лишь в том, что во второй главе есть начальная часть с длинным перечнем эпитетов Бодхисаттвы, а число гатх тринадцатой главы необыкновенно велико. Обе эти конструкции в общей последовательности глав, составляющих житийное повествование, выглядят ритуализированными вставками, которые выполняют определенную функцию. В то же время «внутреннее устройство» составляющих эти главы фрагментов также обусловлено текстовыми традициями, в том числе внешними по отношению к буддийской литературе.

Возвращаясь к теме «дворца», обратим внимание на эту статичную, сосредоточенную на подробностях картину, предстающую в его описании с его характерным ритмизирующим, монотонным стилем. Помимо понятной задачи создания торжественности момента, предшествующего решительному событийному сдвигу и освященного вмешательством сил из иных миров, это описание должно было обозначить то действительно статичное пространство вокруг главного героя, которое вот-вот разрушится. В первом случае ему предстоит переместиться с небес на землю, во втором — покинуть

мирскую жизнь в царской столице и удалиться «в лес»; оба перехода подразумевают резкое изменение статуса героя — небесное божество превращается в царевича, живущего в земном мире, затем царевич превращается в отшельника. Оба перехода должны были быть ритуально оформлены — так, сюжет «нисхождения с небес» в буддийской литературе и буддийском искусстве дает картину торжественного шествия в воздушном пространстве — Бодхисаттва в образе чудесного слона спускается с небес в сопровождении богов; по версии «Лалитавистары», слон совершает это путешествие в «драгоценном дворце», выстроенном богами. Бегство царевича из города Капилавасту также обставлено как ритуальное шествие с участием богов и часто представлено на изображениях. Для находящегося во дворце царевича предстоящий переход из состояния «в городе» к состоянию «в лесу» означал перемещение в принципиально иное пространство, издревле осмыслявшееся в древнеиндийской традиции как чуждое [Маламуд, 20..., с. 120–122], и таковой переход, предполагавший одновременно изменение статуса героя, требовал ритуального оформления и соответственно в литературном тексте должен был сопровождаться особыми знаками и событиями (об оформлении темы «перехода» в буддийском тексте см. тж. [Allon, 1997, p. 37])⁸. В тексте тринадцатой главы, которая призвана возвестить о самом начале перехода героя в иное пространство и иное качество, он отмечен ритуализированными действиями, исходящими из «надмирных» сфер («побуждающие гатхи») и предельно ясно очерченным городским, царским по статусу пространством (описание дворца). Главная идея этой главы связана с тем поворотным моментом, который предполагал переход из состояния «в миру», «в городе» к состоянию «в отшельничестве», «в лесу».

В конце тринадцатой главы эта идея «леса» подчеркнута — гатхи прерываются довольно большим прозаическим текстом. Здесь ясно обозначена оппозиция «дворец» — «лес». Сначала разъясняется поведение Бодхисаттвы во внутренних покоях дворца: речь идет о его неустанном стремлении к дхарме, которое реализуется, однако, через «подражание миру» и применение «искусности в средствах» — в то время, когда он предавался наслаждениям в дворцовых покоях, он сохранял при этом способность управлять свои сознанием. И теперь, стремясь к дхарме будд и понимая порочность «существования, объятого огнем, он «устремил взор к лесу», чтобы окончательно встать на путь, ведущий к просветлению.

Как можно видеть, конструкция «Лалитавистары» предлагает шаблон, на котором строится переход главного героя из одного состояния в другое, и этот переход предполагает как преобразование в иной облик, так и переход в буквальном смысле, перемещение. В первом случае это пребывание в небесном дворце, за которым должно последовать нисхождение на землю и жизнь в облике земного существа, во втором случае — пребывание во дворце царя Шуддходаны, за которым должен последовать «великий уход» (*abhiniṣkramaṇa*) и жизнь в облике подвижника. В эти моменты как будто усиливается взаимодействие Бодхисаттвы с буддами многочисленных миров, которые напоминают ему о неизбежности судьбы, о предначертанности событий, которые должны быть общими на жизненном пути всех будд прошлого, являвшихся в земной мир в разные эпохи. С помощью такого приема подчеркивается именно непреложность его судьбы, которая мыслится как «всвременная» (общая для будд всех времен) и по сути является вневременной. Соответственно введение в состав сутры этих промежуточных глав связано с общей концепцией «Лалитавистары», согласно которой будда представляет собой надмирное существо, лишь принявшее земной облик, действующее согласно идее локанувартаны — «подражанию обычаям мира», шаг за шагом исполняющее предначертанную роль, переходя от одного деяния к следующему, и потому эти деяния становятся значимыми для всех

⁸ «Горизонтальное пространство эпического мира — как пространство сюжетное — делится на две зоны. Одна из них — город/крепость, место героя. Другая — лес. Для героя лес — чуждое пространство. Именно поэтому он попадает туда лишь при определенных условиях, и само пересечение им границы, отделяющей город от леса, вырастает в сюжетно отмеченное событие» (Алиханова, 2008, с. 130).

внеземных миров. Такого рода «прослойки» между событийными главами создают и особого рода звучание этого житийного произведения, помещающего Будду Шакьямуни и его житие в центр мироздания, которое отзывается на каждое событие голосами вечно существующих будд. Так эти лишённые сюжета и, казалось бы, «украшающие», «оформительские» части житийного сочинения ставят его на определенное место в развитии буддизма.

Литература / References

Александрова Н. В., Русанов М. А., Комиссаров Д. А. Лалитавистара. *Сутра о жизни Будды. Рождение*. М., 2017 [Aleksandrova N., Rusanov M., Komissarov D. Lalitavistāra. *The Sutra of Buddha's Life. The Birth*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Александрова Н. В., Русанов М. А. Приметы рождения Бодхисаттвы в буддийской агиографии. «Поэтика перечней». Ya evaṃ veda... Кто так знает... Памяти Владимира Николаевича Романова. — *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*. Выпуск LXI. М., 2016. С. 25–52 [Aleksandrova N., Rusanov M. Omens of birth of the Bōdhisattva in Buddhist hagiography: “the poetics of the catalogs”. Ya evaṃ veda... Whosoever knows this... In memoriam Vladimir Nicolayevich Romanov. — *Orientalia et Classica. Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies*. Issue LXI. Moscow, 2016. Pp. 25–52 (in Russian)].

Алиханова Ю. М. *Литература и театр древней Индии*. М., 2008 [Alikhanova Yu. *Literature and Theatre of Ancient India*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Комиссаров Д. А. О двух родственных джатакаставах в «Лалитавистаре» и «Раштрапалапариприччасутре». *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 214–226 [Komissarov D. A. On the two genetically related jātakastavas from Lalitavistara and Raṣṭrapālaparipṛcchā-sūtra. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 214–226 (in Russian)].

Маламуд Ш. *Испечь мир. Ритуал и мысль в древней Индии*. М., 2005 [Charles Malamoud. *Cuire le Monde. Rite et pensée dans l'Inde ancienne*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Allon M. Style and Function. A study of the dominant stylistic features of the prose portions of Pāli canonical sūta texts and their mnemonic function. Tokyo, 1997.

Hirakawa Akira. *Buddhist Chinese-Sanskrit Dictionary*. Tokyo, 1997.

The Jātakāṭṭhakathā. Ed. by Dr. Mahavir Sharma. Vol. I. Nalanda, 1976.

Karashima Seishi. A Glossary of Dharmarakṣa's Translation of the Lotus Sūtra. *Bibliotheca Philologica et Philosophica Buddhica I*. Tokyo, 1998.

Komissarov D. A. On Jātakastava as a Kind of Buddhist Hymn. *International Journal of Buddhist Thought & Culture*. Vol. 29. No. 2 (December 2019). Pp. 151–169.

Mahāvastu Avadāna. Ed. by Dr. S. Bagchi. Vol. II. Darbhanga, 2003.

de Jong J. W. Recent Japanese Studies on the Lalitavistara. *Indologica Taurinensia XXIII–XXIV*. Torino. Pp. 247–256.

Mahāvastu Avadāna. Ed. by Dr. S. Bagchi. Vol. II. Darbhanga, 2003.

Oldenberg H. Über den Lalita Vistara. *Kleine Schriften. Teil 2*. Wiesbaden, 1967. P. 873–888 (first ed. Berlin, 1882. Bd. 2.2. Pp. 107–122).

Winternitz M. A History of Indian Literature. Vol. 2. Buddhist Literature and Jaina Literature. Translated by S. Ketkar and S. Kohn. Delhi, 1977 (first ed. Leipzig 1920).

Хокадзоно коити (外園幸一). *Раритависутара но кенкю* (Исследование «Лалитавистары» ラリタヴィスタラの研究). Токио, 1994.

Электронные ресурсы / Electronic sources

The SAT Daizōkyō Text Database. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/> (дата обращения: 06.09.2024).

ATTRIBUTES OF THE LADY ENVOYS AND THEIR DIPLOMATIC ETIQUETTE IN FERDOWSI'S SHAHNAMEH

© 2024

Mandana Tishehyar¹

Shahnameh is a precious historical document including details about the diplomatic relations between Iran and other outstanding governments in ancient times. In this wonderful volume, one can observe the diplomats' role in expanding political relations between governments. The present article addresses the small number of cases where lady diplomats were sent from one court to another. Here, ten lady envoys were found throughout the stories of *Shahnameh*. After reviewing the missions accomplished by each lady envoy and analyzing the events occurring in the stories, the author elaborates on the envoys' behaviour and how they carried out their missions. According to the study's results, although women were not commonly sent as envoys in those times, the diplomats identified in the *Shahnameh* stories completed their missions successfully. It can also be seen in all the stories that, without resorting to masculine behaviours, the lady diplomats did their jobs correctly and maintained their feminine character. Apart from the three main attributes of 'perspicacity, confidentiality, and peace-building', the envoys discussed in this article were characterized by wisdom, ingenuity, intelligence, knowledge of political affairs, eloquence, neatness, honesty, and awareness of diplomatic etiquette.

Keywords: Shahnameh, lady envoys, diplomatic etiquette, Sindokht

For citation: Tishehyar M. Attributes of the Lady Envoys and their Diplomatic Etiquette in Ferdowsi's Shahnameh. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 4. Pp. 118–131. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-118-131

ДАМЫ-ПОСЛАННИКИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ЭТИКЕТА В ПОЭМЕ «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ

Мандана Тишехьяр

«Шахнаме» — ценнейший исторический документ, содержащий подробные сведения о дипломатических отношениях между Ираном и другими известными государствами в древние времена. В этом замечательном произведении можно проследить роль дипломатов в расширении политических отношений между государствами. В данной статье рассматривается несколько историй, когда дамы-дипломаты отправлялись посланниками от одного двора к другому. Анализ «Шахнаме» выявил десять случаев направления женщин в качестве дипломатических посланниц. Рассмотрев миссии, выполненные каждой из них, и проанализировав события, происходящие в рассказах, автор подробно останавливается на поведении посланниц и на том, какие методы и приемы они использовали для выполнения своих миссий.

---

¹ Mandana Tishehyar, PhD, Faculty Member, Department of Regional Studies in ECO College, Allameh Tabataba'i University, Iran; mandana.tishehyar@gmail.com

Мандана Тишехьяр, кандидат наук, кафедра региональных исследований, ECO колледж, университет им. Алланы Табатабаи, Иран; mandana.tishehyar@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8171-6240

Согласно результатам исследования, несмотря на то, что в те далекие времена женщин нечасто отправляли в качестве посланников, дипломаты, о которых идет речь в рассказах «Шахнаме», успешно выполнили свои миссии. Во всех историях видно, что, не следуя нормам «мужского» поведения, женщины-дипломаты умело выполняли свою работу, демонстрируя женский характер. Помимо трех основных качеств — «проницательности, конфиденциальности и миролюбия» — посланникам, о которых пойдет речь в этой статье, были присущи мудрость, находчивость, ум, знание политических дел, красноречие, аккуратность, честность и осведомленность о дипломатическом этикете.

Ключевые слова: Шахнаме, женщины-посланники, дипломатический этикет, Синдохт

Для цитирования: Tishehyar M. Attributes of the Lady Envoys and their Diplomatic Etiquette in Ferdowsi's Shahnameh. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 118–131. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-118-131

Introduction

A part from being a science drawing on international laws and procedures to define different forms of communication between governments, diplomacy is an innovative art arising in diplomats based on their personality traits and behavioural and speech training. In other words, diplomacy is an art with the potential to make peace [Berridge, 2002, p. 5]. Although the modern-day sending of envoys and political representatives to other countries began with the creation of nation-states and such institutions as 'Foreign Affairs ministries', and diplomacy and diplomatic etiquette were presented in their modern sense, the relations between governments and the movement of envoys between different territories have a long history. By examining the diplomatic etiquette and relations prevailing in previous centuries, one would discover that political relations were defined according to the prevailing principles and values in each period and that the present-day customs and principles for diplomatic relations between governments are rooted in ancient traditions and values.

Since the establishment of the first governments in ancient times, knowledgeable people with experience in various positions were sent to other lands and courts as envoys and expanded the ties between kings and politicians. Today, 'ambassadors' are the highest-ranked representatives and political officials of every country sent to host countries or international organisations. The ambassadors' primary mission is to defend the rights of their fellow citizens and respective governments in the host country or institution [Zul-Ain, 1388]. In ancient times, this role was carried out by a person called the 'envoy' (in Persian *ferestadeh*). Although the envoys mostly did not have permanent residence in the host country and returned to their respective countries after a short period, their work resembled the modern-day ambassadors: to defend their fellow citizens and secure the interests of their respective governments.

The principles of contemporary consular and diplomatic relations were mostly defined in the Vienna Agreement (1815) and the Vienna Convention (1961), approved by numerous governments. Innumerable volumes have also been published in various languages on diplomatic etiquette and taught in many scientific institutes and universities worldwide. However, the diplomatic customs and ceremonies practiced by significant governments in the ancient times are still unknown, and, except for a few stories and reports, very little research has been conducted in this field. Therefore, re-reading ancient texts to get familiar with the envoys' attributes and diplomatic customs in ancient times can provide us with new hints about the procedures and trends currently practiced in diplomatic relations between countries and familiarise us with the ancient traditions in the relations between nations and governments.

One of the most famous ancient books, *Shahnameh* (Persian: شاهنامه, Romanised: *Šābnāme*, lit. 'The Book of Kings', pronounced [ʃɒːhɒːˈme]), also transliterated *Shahnama*, is a long epic poem written by the Persian poet Ferdowsi between 977 and 1010 CE. Consisting of some 50,000 'distiches'

(or couplets), *Shahnameh* is one of the world's longest epic poems. It relates mainly to the mythical and, to some extent, the historical past of the Persian Empire, from the creation of the world until the Muslim conquest in the seventh century.

Many countries and regions in the Persian cultural sphere including Iran, Republic of Azerbaijan, Afghanistan, Tajikistan, Armenia, South of Russia, Georgia, Turkey, Turkmenistan, Kazakhstan, Pakistan, Iraq, Kyrgyzstan, India, West of China and Uzbekistan celebrate this epic. The work is of central importance in the Persian language and culture, regarded as a literary masterpiece.

The book recounts the history of various kings and dynasties that came to power in different parts of the ancient world and examines the social, economic, and political relations between the people in those times. Apart from the official relations between governments, the *Shahnameh* has also dealt with the scientific, cultural, social, and economic relations between nations and its stories even shed light on peoples' common beliefs and values.

Drawing on Ferdowsi's *Shahnameh*, the present study has tried to investigate the attributes of lady envoys in ancient times. The study's central question is how the lady envoys in the stories of *Shahnameh* carried out their roles and how they defended the interests of the governments, nations, and officials they represented. The author chose *Shahnameh* as the corpus of the study because *Shahnameh* is one of the significant and precious ancient sources for identifying diplomatic etiquette and foreign relations between world powers in the ancient periods. However, political science and international relations scholars less frequently study *Shahnameh*, the name of which indicates its political orientation, and mostly literature and language researchers who focus more on the literary and historical aspects of the volume investigate it.

Despite numerous articles and books published in different languages on the topics of diplomatic etiquette and ambassadors and envoys' attributes, both in the area of diplomatic etiquette in the world today [Zul-Ain, 1400] and the valuable studies dealing with the analysis of historical texts [Eslami, 1392], women's role in promoting diplomatic relations is understudied. Moreover, notwithstanding a few studies dealing with diplomatic etiquette in the *Shahnameh* [Menshadi & Bahrami Einolghazi, 1393], they have not addressed the lady envoys' diplomatic missions either. Accordingly, it can be said that the present study provides a way to understand better women's role in the diplomatic relations between governments in ancient times.

Among the ten lady envoys mentioned in *Shahnameh*, only Sindokht, the queen of Kabulistan, has attracted researchers' attention and, in their writings, researchers have dealt with her personality traits, both from a psychological point of view [Famarzi Kaffash, 1392; Akbari & Masih Far, 1394; Rozatian, 1389], and from a political perspective [Valipour Hafshejani & Parsian, 1399; Afghani, 1360]. However, in most of these studies, Sindokht's role has been investigated more as a lady politician than an envoy [Yahyapour & Nowruzi, 1386; Shahsavari, 1394; Safinia, 1393].

The present research has tried to investigate the attributes of women sent to diplomatic missions in the stories of *Shahnameh*. Although some of these women had a minor role, and sometimes even their names were unknown, studying their practices as envoys is particularly important. In other words, as diplomacy is a public phenomenon and is pursued for the society's public good and securing the countries' interests, and given the fact that it is significantly different from private, family or political relations between rulers, one can argue that in most *Shahnameh* stories in which women were sent to missions as envoys, especially in the stories of Sindokht and the envoy from the city of Horum, it can be observed how the envoys prevented war and bloodshed and established peace and reconciliation between countries. However, since the main topic of this research is to examine the envoys' efforts to observe diplomatic etiquette in their behaviour and speech, the stories have been studied from the viewpoint of diplomatic

relations (with an emphasis on the public good) and private ties between the courts, seeing if the missions aimed to secure political or personal interests.

According to this research, the diplomatic relations existing in the analysed *Shahnameh* narratives can be explained in a classic or official diplomatic framework. Starting since antiquity by ancient governments, classic diplomacy was pursued realistically and through official channels. In classic diplomacy, diplomatic relations and dialogues were exchanged less obviously and behind closed doors. In this type of diplomacy, skilled and experienced diplomats assumed the primary responsibility. Thanks to their acute intelligence, individual talents, high bargaining power, political and cultural experience, and their familiarity with international history and law, the diplomats or envoys chosen for these missions fulfilled the goals and interests of their respective governments and leaders in the best way by pursuing classic diplomacy. In this type of diplomacy, diplomats or envoys usually visited a political leader in another territory on a specific, short-term basis, delivered a message or carried out a mission. In other words, the envoys were rarely sent on permanent missions, as observed nowadays. The diplomats usually enjoyed special rights and diplomatic immunities and were responsible for communicating between the parties [Wolpert, 2001, p. 75].

In this type of political relations between governments, it can be seen that, on the one hand, the host's hospitality and its respect for the envoy's rights were of particular importance. On the other hand, the envoy's behaviour, speech, clothing, exchanged gifts, and morals required them to have appropriate education and training so that skilled diplomats could carry out important missions [Campbell, 2001, p. 13]. The main point here is that, while trying to establish peace, the envoys had also to be responsible for the particular task of protecting the interests of their respective governments [Mesbah, 1393/2014, p. 14].

It should also be noted that in ancient times, envoys were mostly male figures, and only a small number of women could be seen who found the opportunity to carry out diplomatic missions and play the role of envoys. Therefore, although all the women who were sent to diplomatic missions in the *Shahnameh* stories successfully fulfilled their duties, the general trend of those times in the various lands mentioned in the *Shahnameh* was to send **men** to diplomatic missions. Therefore, it is not possible to specify a distinguishing feature for the periods when women could rarely find the chance to serve as envoys.

To investigate the attributes of lady envoys, the present research has chosen the stories of *Shahnameh*, regardless of the place to which the envoys belonged, the study intends to show what particular task the envoys fulfilled, how they were chosen, behaved, and performed the missions entrusted to them.

Moreover, to reveal these political constructions, especially in the area of foreign policy, the research has chosen an ancient historical text as its corpus and used *Annales School of historiography* as its framework. To this aim, the main features observed in the missions are first specified, and general accounts of the stories are provided in footnotes. Then, the missions conducted by each envoy are discussed, the envoy's behaviour and speech are analysed, the section is summarised, and the next section starts.

Among the various versions of the *Shahnameh*, this research has chosen to use the critical edition published by Djalal Khaleghi Motlagh. [Khalghi Motlagh, 1393] The edition has been prepared over thirty years by comparing the oldest *Shahnameh* manuscripts. According to several thinkers, writers, and historians, it is one of the world's most authentic versions of the *Shahnameh*²

A. Perspicacity

The art of diplomacy requires reasoning, unriddling, shrewdness, sharpness, and eloquence. All these features can be summarised in the single word 'perspicacity'. Considering politics as the science

² The author would like to express her gratitude to Rose Fazli, a Faculty Member at the Research Institute for Cultural and Communication Studies at Allameh Tabataba'i University, and Mandana Sajjadi, a faculty member of University of Tehran, for reading the latest draft of the article and helping the author to enrich the content with their valuable suggestions.

and art of making government efficient for improving the conditions, perspicacity is the means for implementing policies and planning to achieve desired goals. In the following two stories, an attempt has been made to show how perspicacious the lady envoys in the *Shahnameh* have been in implementing their desired policies and achieving their goals.

A-1. The Envoys Whom Rudabeh Sent to Zal³

In the story of Rudabeh and Zal, Rudabeh sent five of her handmaidens (nurses and maids), to go and deliver her love message to Zal. According to Ferdowsi, the handmaidens were kind, secretive, skilled, and wise. They tried to stop Rudabeh from marrying Zal and reminded her of the dangers of this union by enumerating Rudabeh's advantages. But when they faced Rudabeh's annoyance and insistence, they promised her they would do their best to attract Zal's interest and bring him to Rudabeh.

Seeing no choice but to carry out the mission of going to Zal, they dressed in beautiful clothes and, due to the mission's confidentiality, left the palace under the pretext of picking flowers and went to the orchard near Zal's camp. Rudabeh's envoys knew very well that to carry out their mission correctly, before telling Zal about their lady's attachment, they should behave so that Zal himself would be eager to meet Rudabeh. For the same reason, they cautiously asked Zal's soldiers and servants about him and his camp and spoke about their lady's virtues so that the news would indirectly arrive at Zal. Finally, they were perspicacious and gave messages to Ridak, Zal's servant, so he would tell Zal and motivate him to rush to meet them.

Then, the news of the messengers' arrival reached Zal, and his servants told him about the news they had heard about the beauty of Rudabeh. The interesting point to note here is Zal's manners in front of the envoys: Zal sent valuable gifts to Rudabeh and all five envoys and adequately performed the customs of welcoming the envoys. Knowledgeable diplomats are usually equipped with eloquence, intelligence, and promptness in reacting to others' speeches. In this story, the ladies are quite eloquent and prompt in reacting to others' speeches. In meeting and talking with Zal, they first showed respect to Zal. The ladies praised Zal's courage, knowledge, and beauty and spoke confidently about their lady, so Zal fell in love and asked them to take him to their lady and help him to meet Rudabeh.

In their meeting, although Zal had not trusted the envoys entirely and threatened that they would have deserved death if they had lied, they continued to praise their lady confidently. However, they played their role so well that, rather than expressing Rudabeh's plea to see Zal, they encouraged Zal to hurry to see Rudabeh. They even told him how he could throw his lasso on the battlements of palace walls and go to Rudabeh's palace. They then asked him to allow them to return to Rudabeh's Palace.

---

³ The story of Zal and Rudabeh: One day, Zal, a famous Persian warrior, traveled with his troops from Zabul, which was ruled by his father, Sam, to Kabul. Mehrab, the king of Kabul, went to see him. Zal was informed that Mehrab had a beautiful daughter named Rudabeh. After hearing from his father about Zal, Rudabeh fell in love with him. Then she asked her worshipers to go near Zal's camp and bring her news about Zal. The five worshipers went to pick flowers near Zal's camp, spoke to Ridak, Zal's servant, and gave him their message. Then they were taken to Zal, received Zal's message, and returned to Rudabeh with gifts. Then Zal chose a soft-spoken lady as the messenger between Rudabeh and him. In the meantime, Zal and Rudabeh's love story reached Manouchehr Shah, the king of Iran, and he sent a message to his commander, Sam, to attack Kabul, destroy the Mehrab family, which was a descendant of Zahhak, and prevent this union, lest an Arab family would rule over Iran again. When the news reached Mehrab, he decided to kill his daughter to get rid of this difficulty and keep his throne. In the meantime, Sindokht, Mehrab's wife and Rudabeh's mother, a wise and courageous woman, asked Mehrab to allow her to go to Sam's court in Zabul, on behalf of Mehrab, and talk to him to provide a basis for reconciliation. Then, Sindokht, as an envoy from Kabul's Shah, moved to Zabul with several gifts. In this travel, she could both prevent the war and bloodshed and make a pact with Sam that her daughter would marry Sam's son. In the end of this story and as a result of the marriage of Zal and Rudabeh, the famous Iranian warrior, Rostam, was born. What stands out more than anything else in the story is the role enacted by lady envoys in reducing enmity and establishing friendship and love between people and kings [Khaleghi Motlagh, 1393, vol. 1, pp. 97-158, verses 41-161].

Another feature of this mission was its confidentiality. Since it was late at night, the envoys returned to the palace by holding some flower bunches and deceiving the palace guard, bringing Zal's gifts and message to Rudabeh.

Finally, after returning to Rudabeh's palace and having told her of Zal's messages and the whole story, one of the envoys returned to Zal to give him good tidings that he could visit their lady.

In general, in this story, the envoys' attributes can be categorised as follows:

- The envoys were entirely trustworthy, secretive, and benevolent (it can be seen in Rudabeh's conversations with the envoys);
- The envoys were patriotic (they tried to stop Rudabeh from connecting with foreigners);
- They cared about their clothing (they dressed before going to Zal's camp);
- With their intelligence and eloquence, the envoys managed to visit the highest officials in their missions (In the conversation with Ridak, Zal's servant, they acted in a way they were finally able to meet Zal himself);
- The envoys knew the etiquette about how to meet officials (when meeting Zal, they first respected him and then started a conversation and returned home with his permission);
- The envoys took care of the interests of the lady of their homeland and motivated the other side to bond with her (this point can be seen in their conversation with Zal);
- They were self-confident (although Zal threatened them and then persuaded them, they did not lose themselves before his threats, nor did they stop pursuing their mission due to his persuasion);
- They were honest and well-spoken (in their conversation with Zal, while hiding the primary purpose of their mission, they did not utter any false words and used good words to persuade the other side and act according to their wishes);
- The envoys were satiated to the full (they did not lose heart after receiving the valuable gifts presented to them and their lady, and sought to reach their goal until the end of the mission);
- The envoys kept their mission confidential (when they went to Zal's camp, they acted as if they had gone there by accident; moreover, when returning to the royal palace, they did not tell the palace guard about their mission);
- And finally, the most crucial attribute of the five lady envoys was their pre-emption; that is, doing something to make the other party ask for something instead of asking it yourself. In other words, the envoys had perspicacity, the art that is characteristic of outstanding diplomats. Surprisingly, they knew the trick and were secretly happy to see their plans go smoothly.

A-2. Manijeh's Envoy Sent to Bijan⁴

In this story, Manijeh, a Turani princess, sent one of her handmaids as an envoy to Bijan, a young Iranian commander, to prepare the ground for their meeting. Manijeh's envoy was a good-looking, good-minded woman who was familiar with diplomatic etiquette and knew how to respect the other side before starting a conversation and conveying the message to Bijan without revealing the primary intent.

---

⁴ The story of Bijan and Manijeh: One day, a number of Armenians came to the court of Kay Khosrow, the famous Iranian king, and said their land, somewhere near the border of Iran and Turan, was full of boars, and their crops were destroyed. They asked Kay Khosrow for help, and he, from among his troops, sent Bijan, the son of the Commander-in-Chief Giv, along with another Iranian commander, Gorgin, to battle the boars. After killing the boars, Bijan went to Turan at the suggestion of Gorgin to watch the Turani women's festivity. Bijan went well-dressed to the festivity held near the residing place of Manijeh, the daughter of Afrasiab, the king of Turan. In the meantime, Manijeh saw him, who was a handsome young man, from inside the tent and sent her handmaid to Bijan to ask who he was and what he was doing there. Bijan asked Manijeh's envoy to help him go to his lady. The envoy played her role so well and introduced them to each other. In the end, after many difficulties and enduring several years of suffering, Bijan and Manijeh finally got married [Khaleghi Motlagh, 1393, vol. 1, pp. 639 to 869, verses 1 to 1279].

After introducing himself, Bijan asked the envoy to show favour and do something so that he could visit Manijeh. He promised to give the envoy several gifts instead. After returning from Bijan, the envoy said nice words about him, making Manijeh eager to meet him. After hearing the envoy's report, Manijeh sent her to Bijan again, and the envoy conveyed Manijeh's answer to Bijan so well that he immediately went with the envoy to Manijeh's tent.

In this story, the behavioural and speech characteristics of the envoy can be summarised as follows:

- The envoy played a crucial role in promoting the relations between the Turani princess and the Iranian commander. She could also succeed in completing her mission thanks to her soft-spoken words, intelligence, and good-minded behaviour;
- The envoy did not merely play the role of a messenger. She entered into a diplomatic dialogue to obtain the primary purpose of her mission and invite both sides to friendship and empathy.

B. Confidentiality

Apart from being a moral virtue, confidentiality has long been considered a fundamental principle for envoys carrying out missions. It is one of the significant milestones in diplomatic studies, and any diplomat sent to carry out a diplomatic mission is expected to keep the details of the mission confidential until the goal is achieved. The following stories show clear examples of how the envoys carried out their diplomatic missions with strict confidentiality.

B-1. Zal's Envoy to Rudabeh

In the second part of the story of Zal and Rudabeh, Zal sent an eloquent woman to deliver his message to Rudabeh. While delivering Zal's message to Rudabeh and taking Rudabeh's answer to Zal, the woman was arrested by Sindokht, Rudabeh's mother. Sindokht tried to force the envoy to tell her secret and purpose, but she resisted the pressure and did not reveal her secret. When Sindokht asked her what she was doing in her palace, the woman replied she had come to sell some ornaments to Rudabeh. When Sindokht asked her to show the goods, the woman said they were with Rudabeh. Sindokht asked how much she sold them, and the woman complimented that they were of no worth before Rudabeh! When Sindokht asked to see her money, the woman replied she would get the money for the goods tomorrow. Then, Sindokht doubted and threw her to the ground violently, forcing her to reveal her secret. Since the woman was silent, Sindokht called her daughter, Rudabeh, to clarify.

When Sindokht discovered that the woman was a messenger from Zal, she pretended nothing had happened and started to console her.

The major attributes of the woman who came to Rudabeh as an envoy from Zal can be summarised as follows:

- The envoy was eloquent, intelligent, loyal, and kept her purpose confidential;
- The envoy in this story had the necessary skills for diplomatic dialogue and persuading her audience. On the one hand, she fulfilled her mission correctly and conveyed Zal's message to Rudabeh. She did it so well that Rudabeh decided to send precious gifts to Zal;
- The envoy did not reveal her secrets. When she was in trouble, she tried to hide her purpose in various ways. The secret was only revealed when Rudabeh told the story to her mother;
- It is interesting that the envoys in this story enjoyed diplomatic immunity. When Sindokht found out that the woman was an envoy from Zal, she tried to alleviate the woman's sadness, apologised to her, and said that she would not have treated her harshly if she had known the woman was an envoy.

B-2. Malekeh's Envoy to Shapur⁵

In this story, the wet nurse of Malekeh, daughter of the King of Ghassan, acted as an envoy. She had a serious mission. At the climax of the war between the Iranian and Arab armies, while Iranians had besieged the Arab fortress for a month, Malekeh decided to send a message to Shapur, the Shah of Iran. In that situation, she found no one more secretive than her wet nurse.

In addition to entrusting her message to the envoy, Malekeh also entrusted her with the duty to conclude an agreement with the Shah of Iran. In fact, the envoy was in such a high position to make an agreement with the Shah of Iran on behalf of the Yemeni Princess.

After receiving the message, the wet nurse had to think of a way to accomplish the mission in that problematic situation. She had to risk her life because if the guards while leaving the fort caught her or in case someone saw her, she would undoubtedly be sentenced by the King to death for an act of treason. Therefore, she chose to pass through the fortress's gates and go to the enemy's army overnight.

Then, by promising to give jewels to the army commander, she found the chance to meet the Shah of Iran. At the beginning of the meeting, according to diplomatic etiquette, she showed respect to the Shah. Then she delivered her message in full and received the King's reply.

Apart from making an agreement with her and swearing that he would keep his agreement in that difficult situation, the King also followed the customs of accepting the envoy and presented gifts to her to dispatch to Malekeh. He also asked the envoy to convey his message to Malekeh in a way that a friendship would be established between them. As seen, even the other party trusted the envoy and asked her for help.

In the end, the envoy returned to the fort, delivered a full report of what she had seen and heard, and provided the basis for the cooperation of Malekeh and Shapur to open the fort's gates.

In general, the following characteristics can be observed in the behaviour and speech of the envoy in this story:

- Malekeh's envoy was a loyal and secretive lady who, thanks to her intelligence and accepting the difficulties of a diplomatic mission during a war, survived a calamity and completed her mission;
- The envoy knew how to communicate with authorities in the host country and prepare to meet the highest official in the other party;
- Being aware of diplomatic etiquette and appropriate behaviour in the presence of the political leader of the opposite country, the envoy conveyed her message correctly and completely and managed to influence the King's decision;
- The envoy was a benevolent person. Even after returning to her country, she sought to find a way to finalise the official talks and did not limit her mission to exchanging messages;
- She had a particular position and deserved to represent her respective leader and conclude an essential agreement with the other party;
- The most critical feature of the envoy was her secrecy, as she guarded the most important political and war secrets and completed the mission entrusted to her without revealing its confidential information.

---

⁵ The story of Malekeh and Shapur: when Shapur, the Sassanid King, sat on the royal throne as a child, a man named Tayer, leading the Tazi tribe named Ghassan, marched with a large army to Ctesiphon, and, after killing and plundering the Sassanid capital, took Shahpur's aunt, named Nusheh, as a captive. After a while, they had a daughter named Malekeh. Years after this event, Shapur, now a young and strong king, attacked the Ghassan land, located in the vicinity of present-day Yemen, in retaliation for what Tayer had done earlier, and besieged the fortress where Tayer and his troops resided. After a month, Malekeh asked her wet nurse to go to Shapur and tell him that Malekeh considers herself Iranian, of the same race as Shapur, belongs to the royal family, and is ready to help him open the gate of the fortress. Shapur welcomed the offer and promised to give a proper position to Malekeh to show his gratitude for her cooperation. In this way, Malekeh put her father and his soldiers into a deep sleep, opened the gates of the fortress, and helped Shapur to win over Tayer of Ghassan [Khaleghi Motlagh, 1393, vol. 2, pp. 421–426, verses 45–78].

C. Peacebuilding

Peacebuilding is an act to bring about agreement and understanding between the parties involved in a conflict. It is usually attained in a conciliatory manner and by providing the basis for better understanding between the parties. One of the duties of diplomatic officials is to reduce the tensions between parties and create the basis for the establishment of peace and reconciliation between nations by showing the parties' goodwill and reducing misunderstandings between them. The following stories show how lady envoys acted as peacekeepers and completed their diplomatic missions.

C-1. Queen Sindokht as a lady envoy

As we saw in the story of Zal and Rudabeh, after finding out that the two young personages loved each other, Manouchehr, the Shah of Iran, sent a message to Sam, Zal's father, and asked him to send an army to Kabul and kill Mehrab, who was a descendant of Zahhak. The news reached Kabul, and Mehrab, who accused his daughter of all the disasters, decided to follow the Arab customs and kill his daughter. However, Sindokht, Mehrab's wife and Rudabeh's mother, convinced him first to allow her to go as an envoy to Sam's court in Zabul, and try to establish a reconciliation between the two kingdoms.

From this moment, we have a readable story of Sindokht's diplomatic efforts to convince Sam to refrain from war and conclude a peace treaty. Although it was not customary in that era to send a woman, on behalf of a king, to visit another king, and given Ferdowsi's efforts to point to this by showing Zal's surprise at seeing Sindokht, it can be observed that Sindokht used her intelligence, eloquence, and shrewdness to achieve her goals. Sindokht's major characteristics as an envoy can be summarised as follows.

Sindokht was well acquainted with the subtleties of diplomatic etiquette and knew that an envoy's attractive appearance effectively reduced her stress and other adverse conditions. Therefore, she wore a formal, magnificent dress that signified her dignity and beauty. Then, she prepared the best gifts and took them to Sam's court.

Afterwards, she sat on a horse and moved in front of a caravan of companions and gifts from Kabul towards Sam's court in Zabul. In fact, the mission was so crucial that Sindokht herself went to Sam's court as Mehrab's envoy.

Before arriving in Zabul, she sent a few companions to convey the news of the arrival to an envoy from Kabul to Sam's court so they could prepare for their official reception. In other words, she entered the court of Sam in a decisive manner [Rezaeian, 1389, p. 1017].

After Sam allowed the envoy and her companions to meet him, she dismounted her horse, showed full respect to Sam, and offered all the gifts she had brought from Shah Mehrab to Sam. Well aware of the impact of gifts on the talk process, she tried to highlight the value of the gifts to Sam.

Sam was surprised to see so many valuable gifts and, according to Ferdowsi, asked himself why, despite such a remarkable amount of gifts, Mehrab had sent a woman as an envoy. It can be seen that sending a lady envoy was, at that time, an insult or an underestimation of the message and mission by the Shah who sent the lady envoy. However, Sindokht highlighted the importance of the message and her position by bringing numerous gifts from Shah Mehrab.

As soon as the gifts were accepted, Sindokht asked three lady companions to cast gems and rubies before Sam's feet, as was a custom at that time. As it can be seen, there were other women in her diplomatic delegation.

After completing the rituals, the companions of both sides left the hall, and the official conversation started. Sindokht began her speech with self-confidence and spoke clearly and eloquently. She told Sam how much she considered him a wise man as well as a mighty warrior who was able to win over his enemies. Then, she said to Sam that if Mehrab had a mistake, why should the people of Kabul be subjected to war

and bloodshed and their lands were destroyed? She said they were loyal to Sam and had never incurred enmities towards him. Then she warned Sam that the war and killing of innocents would displease God.

Sindokht conveyed her message to Sam in three parts; (1) she emphasised the wisdom, knowledge, and powers of the interlocutor; (2) she reviewed the existing conditions and proposed reconciliation and friendship; and (3) she asked Sam to refrain from violence and hatred.

Sam then asked Sindokht to tell him how her son, Zal, had visited and fell in love with Rudabeh and what qualities the girl had displayed which caused Zal to fall in love with her.

On the one hand, Sindokht was aware of Iranians' hatred towards Zahhak and his descendants; on the other hand, she was familiar with the warriors' loyalty to their pacts [Rezaeian, 1389, p.1018]. Accordingly, she first cautiously asked Sam to promise he would not harm her and her companions if she told him the story. Then, she warned that she was from a famous family and that if she was attacked, it would not remain unanswered. Therefore, while asking for diplomatic immunity, she also warned Sam from a position of power that if the envoys' diplomatic rights were not respected, Sam would receive a harsh response.

Sam shook hands with Sindokht and promised he would not harm her. It is one of the first cases in the stories of the *Shahnameh* where a ruler makes an agreement with an envoy from another land. It is also the first case of granting diplomatic immunity to envoys in the *Shahnameh*. The story can also be said to be the first official agreement, in the *Shahnameh* stories, between a man and a woman from two lands representing two governments.

Sindokht introduced herself and said that she was Zahak's descendant, Mehrab's wife, and mother of Rudabeh, the girl to whom Zal had lost his heart. She said, 'If you have any grudge or enmity with our royal family and think that because we are from the Zahhak lineage, we do not deserve to sit on the royal throne of Kabulistan, I am here, and you can order to kill me. But please do not harm the innocent people of my land.' As Sindokht had received Sam's promise that her life would be spared and as she knew that heroes would never break their promise, she tried intelligently to be honest and faithful to her promise and save her and her companions' lives. In this way, Sindokht aroused Sam's sense of altruism and stopped him from waging war on Kabulistan.

Observing such a wise and clear-sighted lady standing before him in full majesty and eloquence to protect the interests of her homeland's people and government (here Ferdowsi emphasises that Sindokht did not act in a manly manner, but with the characteristics of a powerful woman), Sam replied that he would keep his promise, refuse to march to Kabul, and agree to the union of Zal and Rudabeh. Therefore, Sindokht could achieve all she wanted with her measured, thoughtful behaviour and speech.

But the story did not end here. Sam then told her that he would like to see Sindokht's daughter. Sindokht followed diplomatic etiquette and invited Sam to go to the Kabulistan Palace as a guest. Having accepted the invitation, Sindokht first sent a swift-footed messenger to Kabul to inform Mehrab that the mission was accomplished.

Sindokht and the accompanying delegation spent that night in Zabulistan. On the second day, they went to revisit Sam. This time, knowing she was the queen of Kabulistan, the courtiers respected Sindokht and called her the 'Lord of the Ladies'. In their second meeting, Sindokht showed great respect for Sam once again and talked with him for a long time. Then, she followed diplomatic etiquette and asked Sam for permission to return to Kabul and prepare to host Sam and his son, Zal. Sam asked her to take his message to Shah Mehrab and presented Sindokht with a rich robe encrusted with jewels and the best belongings from his treasure. Moreover, Sam presented Sindokht with everything he had in Kabulistan, including the land, cattle, and other things. It shows Sindokht's success in that mission. At

the end of the visit, Sam and Sindokht shook hands again and made a new pact: Sam chose Sindokht's daughter to marry his son.

In the end, Sam sent two hundred brave men to accompany Sindokht to Kabulistan. While exchanging farewell, Sam assured Sindokht once more that there would be nothing to worry about and Kabul would remain safe.

Sindokht's achievements in her mission can be counted as follows:

- Sam promised to stop Shah Manouchehr from attacking Kabulistan;
- Sindokht received a well-deserved, rich robe and several other valuable gifts from Sam;
- Sam gave Sindokht all his property in Kabulistan as a present;
- A peace treaty was signed between them, so the fire of war and hatred would be extinguished afterwards;
- The union between Zal and Rudabeh was finalized [Shahsavari, 1394, p. 188].

In this story, the characteristics of the envoy who succeeded in creating peace can be summarised as follows:

1. Nice-natured and good-looking; 2. Happy and cheerful; 3. Brave and selfless; 4. Advice-giving and freethinking; 5. Familiar with travel etiquette; 6. Familiar with ceremonial etiquette; 7. Familiar with the political talks' etiquette; 8. Eloquent; 9. Honest; 10. Having dignity, equanimity, and modesty; 11. Wise; 12. Aware of the latest political affairs; 13. Prudent and thoughtful; 14. Intelligent and knowledgeable; 15. Skilled in finding the best solutions to problems [Faramarzi Kaffash, Esfand 1392, pp. 1352–1364].

In an article entitled 'Nice Words from Women in the *Shahnameh*', Kia analysed Sindokht's mission in protecting the interests of her homeland. In this article, she writes: "We believe that a faint outline of an old belief has been remembered in this scene, and that is the role played by women in protecting the city. In the sphere of such a belief, the real protector of the city is Sindokht and not Mehrab. Protecting Kabulistan is a part of the measures taken by the lady of the city. She followed the ancient custom in which mother goddesses were responsible for protecting the city and the nation. In matriarchal societies, women were in charge of defending their city, and Sindokht assumed the same position. Queen of Kabul did not visit Sam to ask him to marry his son to Sindokht's girl; she goes to save the city of Kabul from destruction" [Kia, 1371, pp. 65–66].

After all, Sindokht was an envoy with a beautiful face and character, the two features, which are the main requirements for every envoy (male or female) (see: [Yahyapour and Nowruzzi, 1386, p. 452]).

In this way, the lady envoy's tact and wisdom prevented a bloody war between the two lands, led to a marriage bond between Zal and Rudabeh, and resulted in the birth of Rostam, the legendary Iranian hero.

C.2- The Queen of Harum's Envoy to Alexander (or Sekandar)⁶

In this story, Alexander sends a letter to the Queen of Harum, declaring himself the king of Iran and Rome and issuing a commanding order from a position of superiority, demanding that they open the way for Alexander and his army to enter the city. The women of the city consult with one another and draft a firm yet composed response: 'Now that you boast of your military exploits, know that if you

---

⁶ The story of Alexander's arrival at the city of Harum: During Alexander's travels to various parts of the world, he and his army reached the region of present-day Caucasus. In this region, there was a city called Harum where all the inhabitants were women, renowned for their warrior skills. Alexander wrote a letter to the queen of the city, and a Roman philosopher delivered the letter. Having appraised the situation, they wrote a response and an envoy from the queen, along with ten other women, took the reply to Alexander, warning him that if he intended to seize the city, he would be defeated. Alexander responded once again with a letter, stating that his only goal was to visit the city and become acquainted with its people. Eventually, Alexander and his army were granted permission to enter the city, where they were warmly received, and they continued on their journey from Harum [Khaleghi Motlagh, 2014, pp. 313–317].

set foot in our city, thousands upon thousands of brave women will stand against you and fight. In case you lose the battle, everyone will mock you, and if you win, they will say Alexander can only triumph over women. However, if you wish to pass through our city in peace and friendship, we will gladly welcome you'.

In this way, while asserting the strength and capacities of the city's forces, the women of the city of Harum preserved the possibilities for dialogue and cooperation. Accordingly, instead of handing the letter to Alexander's envoy, they send an experienced woman, accompanied by ten other female riders, to deliver the message and negotiate with Alexander, ensuring that no assault would be launched on their city.

Having read the letter, Alexander wrote a softer response, stating that his visit was merely to gain better acquaintance with the people and their way of life. Ultimately, he and his army were granted permission to enter the city, and the women welcomed them with many gifts in a green location. The important points in this story are as follows:

- The woman envoy was eloquent, well-spoken, and knowledgeable about diplomatic techniques; She wore fine clothing and, as Ferdowsi describes, adorned herself with a crown and regal attire;
- Accompanying her was a diplomatic delegation consisting of ten noble female riders;
- When they approached Alexander's army slowly and confidently, Alexander observed the protocol for receiving major envoys, sending forces to greet them;
- Apart from delivering the letter, the renowned and distinguished woman spoke of the bravery and fighting spirit of the women of her city. She then reminded Alexander that even if he entered the city by force, defeating an army of women would not bring him any honour.

Thus, it can be seen that, firstly, although Alexander's army far outnumbered the women of Harum, the female envoy first spoke of the courage and capabilities of her peers. Secondly, she did not consider attacking the city to be a significant achievement for Alexander. And thirdly, she invited him to enter the city peacefully and be hosted by them. Of course, her wisdom proved effective, and the guests entered the city and soon after departed for another land without any harm befalling them or their city.

CONCLUSION

This research investigated the attributes of ten ladies whose stories are brought in Ferdowsi's *Shahnameh*. Among the envoys, seven were skilled servants or handmaidens from the court; one was a queen, one was a commander, and the tenth one's (the lady Zal sent to Rudabah) relationship was unknown.

Moreover, in eight cases, the envoys were mandated by women to visit men, and in two cases, they were sent by men (Mahrab and Zal). It should also be noted that in other *Shahnameh* stories where women are on the throne, men are sent on missions as envoys in several cases.

To the three major characteristics of lady envoys in the *Shahnameh*, namely the attributes of perspicacity, confidentiality, and peacebuilding, we can add wisdom, eloquence, political knowledge, skillfulness, intelligence, loyalty to the interests of the person on whose behalf they are mandated, beauty, good manners and appearance, knowledge the current state of affairs, honesty, and familiarity with the diplomatic etiquette.

Besides, in these stories, we face a type of female diplomacy and politics characterised by a female discourse. The principal manifestation of such discourse can be found in the "preparatory measure" (both in behaviour and speech) they take in advance of their conversations. It seems that the focus on these preparatory measures was sometimes a sort of dominance of the margin over the text. Evidently, in the socio-historical period where *Shahnameh*'s stories took place, women were mostly marginalised from

political relations, and the same marginality characterised their minds, language, and politics and was the key to their success in carrying out diplomatic missions.

The lady envoys did not try to show masculine behaviour or use feminine appearances to accomplish their missions. Instead, they exercised grace and competence, did not move away from their feminine nature, and tried to finalise their missions. Other parties also respected the envoys' appropriate speech and behaviour, sometimes even choosing them as their advisors, and asked them for help in advancing their talks, achieving mutual goals, or signing peace and friendship treaties with other lands.

To categorise the diplomacy used by these envoys according to the classifications used nowadays, it can be said that they performed their missions in the form of traditional diplomacy [Bijani, Bahman and Esfand 1384], where the envoys had only to be responsible before the King. The public rarely monitored their performance, and diplomatic relations were often carried out secretly and in the form of a limited flow. In these stories, the envoys' central mission was to exchange messages and conduct official talks with other parties. They had enough power and authority to negotiate, make agreements, establish peace, or instigate wars. Therefore, people with high qualifications and trusted by kings were chosen to carry out diplomatic missions.

In this way, it can be concluded that drawing on ancient Iranian stories and myths, Ferdowsi's *Shahnameh* provides a perfect model to understand the various functions and characteristics lady envoys had in their diplomatic missions. This understanding can be effective in defining diplomatic relations between governments in the world today.

Библиография / References

- Berridge C. R. *Diplomacy theory and practice*. New York, 2002.
- Campbell B. Diplomacy in the Roman World. *Diplomacy and Statecraft*. 2001. Vol 12. No. 1. Pp. 1–22.
- Farāmāzi Kaffāsh. Analysis of Sindokht's character in the *Shahnameh*. *Proceedings of the Seventh Conference in Persian Language and Literature Studies*, held by the Scientific Association of Persian Language and Literature. Hormozgan University, 1392/2013. Pp. 1352–1364.
- Ruzātiān S. M. Analysis of Sindokht's behavioural reactions in *Shahnameh* according to the Moreno Theory. *Proceedings of the sixth conference in literary studies*, 1389/2010. Pp. 1006–1021.
- Wolpert A. The Genealogy of Diplomacy in Classical Greece. *Diplomacy and Statecraft*. 2001. № 12. No. 1. Pp. 71–88.
- Afghāni A. M. *Sindokht*. Tehran, 1360/1981 (in Persian).
- Akbari A., Masihfar F. Barrasi-ye ab'ād va jāyegāh-e zan dar Shāhnāme-ye Ferdowsi. *Motāle'āt-e Irāni*. 1394/2015. № 14(28) [Akbari A., Masihfar F. Investigation of the Women's Attributes and Position in Ferdowsi's *Shahnameh*. *Motāle'āt-e Irāni*. 1394/2015. No. 14 (28) (in Persian)].
- Bigdelou M., Vejdāni F. Gozinesh, paziresh va vizhegi-hāye ferestādeh dar Shāhnāme-ye Ferdowsi. *Research in Persian Language and Literature*. 1393/2014. № 32. Ss. 1–25 [Bigdelou M., Vejdāni F. Selection, reception, and attributes of envoys in Ferdowsi's *Shahnameh*. *Research in Persian Language and Literature*, 1393/2014. No. 32. Pp. 1–25 (in Persian)].
- Bijani M. Diplomāsi dar gozar-e zamān. *Political and Economic Information*. 1384/2005. № 2. Ss. 118–130 [Bijani M. Diplomacy in various times. *Political and Economic Information*. 1384/2005. No. 2. Pp. 118–130 (in Persian)].
- Eslāmi R. Teknikhā-ye Diplomātik-e Ebn-e Farah. *Pazhubesh Name-ye Irani-e Siasat-e Beinolmelal*. 1392/2013. № 1(2). Ss. 1–22 [Eslāmi R. Iban Farah's Diplomatic Techniques. *Pazhubesh Name-ye Irani-e Siasat-e Beinolmelal*. 1392/2013. No. 1(2). Pp. 1–22] (in Persian)].

Motlagh Djalāl Khāleghi (ed.). Ferdowsi A. *Shahnameh*. Tehran, 1393/2014 [Motlagh Djalāl Khāleghi (ed.). Ferdowsi A. *Shahnameh*. Tehran, 1393/2014 (in Persian)].

Habibzad G. Avvalin safir-e zan dar Irān. *Iran*. 1383/2004. S. 4 [Habibzad G. The first lady envoy in Iran. *Iran* (Newspaper). 1383/2004. P. 4 (in Persian)].

Kia. Kh. *Sokhanān-e sezāvār-e zanān dar Shāhnāmeḥ*. Tehran, 1371/1992 [Kia. Kh. *Women's eloquent speech in the Shahnameh*. Tehran, 1371/1992 (in Persian)].

Menshādi M., Bahrāmi Einolghāzi V. Ādāb-e sefārat va ā'in-e mozākere dar Shāhnāmeḥ. *International Politics Quarterly*. 1393/2014. № 2(2). Ss. 117–134 [Menshadi M., Bahrāmi Einolghāzi V Ambassadorship and negotiation etiquette in the *Shahnameh*. *International Politics Quarterly*. 1393/2014. No. 2(2). Pp. 117–134] (in Persian)].

Mesbāh E. Diplomāsi-e kelāsik va takvin-e ān dar Irān. *Politics Quarterly*. 1393/2014. № 1(4). Pp. 4–18 [Mesbah E. Classic diplomacy and its evolution in Iran. *Politics Quarterly*. 1393/2014. No. 1(4). Pp. 4–18 (in Persian)].

Safiniā N. *Zanān-e Shāhnāmeḥ dar tarāzu-ye dāvāri: Sindokht-e kheradmand*. Tehran, Hurafarid, 1393/2014 [Safiniā N. *Shahnameh women's judgements: the wise Sindokht*. Tehran, 1393/2014 (in Persian)].

Shahsavāri M. Negaresh-i bar diplomāsi-e zanān dar Shāhnāmeḥ bā bazkhani-e do dāstān az do zane siyasat-pishe be nāmhā-ye Sindokht va Gordieh. *Interpretation and Analysis of Texts in Persian Language and Literature*. 1394/2015. № 7 (23). Ss. 179–199 [Shahsavāri. M. A review of women's diplomacy in the *Shahnameh* by re-reading two stories related to two political women named Sindokht and Gordieh. *Interpretation and Analysis of Texts in Persian Language and Literature*. 1394/2015. No. 7 (23). Pp. 179–199(23) (in Persian)].

Valipour Hafashjani Sh., Pārsian Z. Barrasi-ye jāyegāh-e ejtemā'i-ye Sindokht, Rudābeh, Tahmineh va Gordāfarid dar Shāhnāmeḥ-ye Ferdowsi. *Ghand-e Parsi: Specialised Journal in Persian Language and Literature*. 1399/2020. № 3 (6). Ss. 44–63 [Valipour Hafashjani Sh., Pārsian Z. Analysis of the Social Status of Sindokht, Rudābeh, Tahmineh, and Gordāfarid in Ferdowsi's *Shahnameh*. *Ghand-e Parsi: Specialised Journal in Persian Language and Literature*. 1399/2020. No. 3 (6). Pp. 44–63 (in Persian)].

Yahyāpour M., Nowruzi M. Barrasi-e tatbighi-e simā-ye zanan dar Shāhnāmeḥ-ye Ferdowsi va Jang-o Solh-e Tolstoy. *Humanities Quarterly*. 1386/2007. № 54. Pp. 443–462 [Yahyāpour M., Nowruzi M. A comparative study of women's appearance in Ferdowsi's *Shahnameh* and Tolstoy's *War and Peace*. *Humanities Quarterly*. 1386/2007. No. 54. Pp. 443–462 (in Persian)].

Zul-Ain P. *Hoghub-e konsuli*. Tehran, 1388/2009 [Zul-Ain P. *Consular law*. Tehran, 1388/2009 (in Persian)].

Zul-Ain P. *Adab va tashrifāt-e diplomatic*. Tehran, 1400/2021 [Zul-Ain P. *Diplomatic etiquette*. Tehran, 1400/2021 (in Persian)].

АКАДЕМИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В КАИРЕ: РУКОВОДЯЩИЙ СОСТАВ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2024

А. А. Блинов¹

Настоящая работа является продолжением цикла статей, посвященных ведущим организациям-регуляторам арабского языка на Арабском Востоке. В первой части статьи автором рассматривается руководящий состав Каирской академии арабского языка, в которой сменилось девять президентов на протяжении без малого ста лет ее существования. Каждому из них отведен отдельный раздел для краткой характеристики его знаковых достижений и успехов на данном поприще. Во второй части статьи освещаются актуальные проблемы, стоящие перед Каирской академией в настоящее время. Значительный интерес в данном контексте представляет текущая деятельность Академии, в том числе снижение количества частных школ, где ведется преподавание на иностранных языках в отрыве от арабо-мусульманского наследия, борьба с включением диалектных единиц в литературные тексты и языком Интернет-форумов, чатов и SMS — так называемым «арабизи», освоение современного терминологического аппарата и поиск адекватных эквивалентов для обозначения новых реалий науки и техники. В частности, здесь на конкретных примерах показаны способы адаптации неологизмов к строю арабского языка, пути их вхождения в повсеместный оборот и причины непринятия некоторых из них широкой общественностью. Особое место в статье также отведено проекту всеобъемлющего исторического словаря, в котором прослеживаются изменения значений арабских слов с древнейших времен и до наших дней.

Ключевые слова: арабский язык, Академия арабского языка в Каире, Каирская академия, арабский мир, Таха Хусейн, Ибрагим Мадкур, Шауки Дайф

Для цитирования: Блинов А. А. Академия арабского языка в Каире: руководящий состав и современное состояние. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 132–140. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-132-140

ARABIC LANGUAGE ACADEMY IN CAIRO: MANAGEMENT AND CURRENT STATUS

Andrey A. Blinov

This paper continues a series of articles focused on the leading Arabic language regulators in the Arab world. In the first part of the paper, the author reviews the management of the Arabic Language Academy in Cairo spanning nine presidents for almost 100 years of existence. Each of them is covered in a separate section, which gives a brief description of their signature achievements and successes on this position. The second part of the paper highlights current problems that the Cairo Academy faces today. The current activities of the Academy are also of

---

¹ Блинов Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; progrock1@yandex.ru

Andrey A. Blinov, PhD(Linguistics), Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; progrock1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9694-8706

considerable interest within the scope of this paper, including the reduction of private schools teaching in foreign languages in isolation from the Arab-Muslim heritage, combating the inclusion of dialectal units in literary texts and the language of Internet forums, chats and SMS, the so-called “Arabizi”, the absorption of modern terms and search for adequate equivalents to denote the new scientific and technical realities. In particular, the specific examples show methods to adapt neologisms to the Arabic structure, ways of their popularization and reasons for the public dismissal of some of them. The paper also places emphasis on the project of the comprehensive historical dictionary that traces back changes in the meaning of Arabic words from ancient times to present day.

Keywords: Arabic language, Arabic Language Academy in Cairo, Cairo Academy, Arab world, Taha Husein, Ibrahim Madkur, Shawqi Daif

For citation: Blinov A. A. Arabic Language Academy in Cairo: Management and Current Status. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 132–140. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-132-140

Руководящий состав Академии арабского языка в Каире

Современная структура руководства Академии арабского языка в Каире была сформирована после выхода Закона № 14 в 1982 г., который установил ее состав правления, состоящего из президента, его заместителя, генерального секретаря и еще четырех членов². Согласно новому закону, они избирались большинством голосов раз в четыре года из числа действующих академиков. При этом пребывание президента во главе Академии ограничивалось двумя четырехлетними сроками, в то время как ранее период президентства в Каирской академии был ненормированным.

За время существования Академии арабского языка в Каире сменилось девять президентов, каждый из которых оставил свой заметный след в ее истории.

1. Мухаммад Тауфик Рифаат (1870–1944) — первый президент Академии арабского языка в Каире, который до этого назначения занимал различные государственные должности в египетском правительстве, включая, в частности, посты министра просвещения, министра транспорта и министра иностранных дел. Он слыл большим знатоком арабского языка и преклонялся перед красотой арабской литературы. Рифаат участвовал в работе комитета философских и общественных наук и выступал со вступительным словом при открытии большинства сессий Академии, а также при приеме новых членов организации. Он отвечал за административно-хозяйственную деятельность Академии вплоть до своей смерти в 1944 г.

2. Ахмад Лютфи ас-Саййид (1872–1963) — египетский мыслитель и философ, сторонник движения возрождения и просвещения в Египте. Он был одним из основоположников Академии арабского языка в Каире и стал ее вторым президентом в 1945 г. Ахмад Лютфи ас-Саййид являлся автором многочисленных философских трактатов и перевел важнейшие книги Аристотеля на арабский. Его влияние в научных кругах Египта было настолько велико, что известный египетский писатель и общественный деятель Аббас аль-Аккад (1889–1964) назвал его «поистине Платоном арабской литературы». Ахмад Лютфи ас-Саййид также призывал использовать египетский диалект вместо арабского литературного языка, будучи поборником египетского национализма в противовес панарабизму. Если верить книге Мухаммада аль-Хусейни «Корифей Академии арабского языка», то во время президентства ас-Саййида в Академии организация «Свободные офицеры», пришедшая к власти после революции 1952 г., предложила ему стать президентом Египта, однако он отказался.

3. Таха Хусейн (1889–1973) — третий президент Академии арабского языка, избранный на эту должность после смерти Ахмада Лютфи ас-Саййида в 1963 г. Он потерял зрение еще в раннем

² Подробнее об административной структуре Академии см. [Блинов, 2023, с. 193–196].

детстве, однако это не помешало ему стать одним из наиболее влиятельных египетских интеллектуалов XX в., сыграв огромную роль в становлении современного арабского литературного движения. Его взгляды и убеждения и по сей день продолжают вызывать споры на Арабском Востоке, а вышедшая из-под его пера автобиография «Дни» считается классическим произведением арабской литературы.

4. Ибрагим Мадкур (1902–1996) — египетский лингвист и филолог, профессор Египетского университета, общественный и политический реформатор, сменивший Таху Хусейна на посту президента Каирской академии арабского языка после его смерти в 1973 г. Ибрагим Мадкур был впервые выбран членом Академии в 1946 г., когда ее состав был расширен до 40 человек. Он вошел в число 10 новых участников, за которыми закрепилось прозвище «славная десятка». Церемонию приема новоприбывших проводил доктор Ахмад Амин, а вступительную речь от их имени произнес именно Мадкур, радуя за достижение идеального арабского языка. Сначала он трудился в комитете философских и общественных наук и комитете «Большого словаря», где значительно ускорил лексикографическую работу, а затем был избран в правление Академии, став ее секретарем в 1959 г., генеральным секретарем в 1961 г. и президентом в 1974 г.

Ибрагим Мадкур отвечал за выпуск трех изданий «Среднего словаря», а также «Словаря коранической лексики», написав к ним предисловие. Помимо этого он заведовал публикацией терминологических сборников, которые считаются важнейшей составляющей арабизации университетского образования в различных областях знаний, и содействовал развитию культурного обмена между Академией и ведущими научными организациями арабского мира. Его научная деятельность была настолько многогранна, что, начиная с 24-го выпуска, практически ни один номер журнала Академии не обходился без его статьи или исследования.

Кроме того, Мадкур написал несколько книг, включая две книги об Академии арабского языка в Каире. Первая из них — «Академия арабского языка за 30 лет: прошлое и настоящее» — прослеживает хронологию развития Академии в научно-техническом и правовом аспектах, начиная с ее возникновения и заканчивая моментом выхода книги. Вторая книга — «С бессмертными», выпущенная по случаю пятидесятилетнего юбилея Академии, описывает ее историю в более широком разрезе; отдельное место в книге отведено разделам, касающимся языковой ситуации в Египте до издания указа об основании Академии в 1932 г., а также характеристике других лингвистических академий и Союза академий арабского языка, во главе которого встал Мадкур, когда вступил в должность президента Каирской академии. Во второй части книги приведены приветственные и прощальные речи, произнесенные ученым во время приема и проводов в последний путь членов Академии соответственно³. В период его президентства Академия добилась невероятного успеха в распространении своих публикаций, особенно словарей и лексикографических пособий, что позволило ей укрепить связи с мировыми и местными научно-культурными центрами.

5. Шауки Дайф (1910–2005) — пятый президент Академии арабского языка в Каире, занявший этот пост в 1996 г., прославленный арабский литератор и лингвист, который также являлся членом Дамасской академии арабского языка, почетным членом Иорданской и Иракской академий арабского языка и удостоился множества премий, включая Государственную премию за выдающиеся заслуги (1979), Международную премию короля Фейсала в области арабской литературы (1983) и Премию Мубарака по литературе (2003). Он написал свыше 50 книг, среди которых выделяется монументальная работа «История арабской литературы», ставшая трудом всей его жизни и охватившая свыше 15 веков развития арабской прозы и поэзии, начиная с периода джахилии и заканчивая современной эпохой.

---

³ См. подробнее: [Madkūr, 1964, 1981].

6. Махмуд Хафиз (1912–2011) — прославленный арабский ученый, первый египтянин, получивший докторскую степень по энтомологии, и второй египтянин, совмещавший посты президента Академии арабского языка (2005–2011) и Египетской научной академии после Тахи Хусейна. Впервые Махмуд Хафиз был привлечен к работе в Академии в 1956 г., когда начал сотрудничество с одним из ее членов, Назиром Бекком, для перевода некоторых терминов на арабский язык, а затем стал экспертом Академии в 1964 г. Впоследствии Хафиз принимал участие в деятельности различных комитетов Академии, провел десятки исследований в области лексикографии и успешно завершил арабизацию нескольких тысяч терминов в составе комитетов биологических, сельскохозяйственных, химических и фармацевтических наук. Ученый также неустанно защищал арабский язык от нападков и обвинений в том, что тот не способен эффективно осваивать современные научные понятия, называя эту критику ложью и призывая продолжать усилия по арабизации науки, в частности медицины. Он также неоднократно предупреждал о растущем разрыве между новыми поколениями и классическим арабским языком, объясняя это повсеместным распространением иностранных школ, не заинтересованных в его массовом использовании. Он умер в 2011 г. через неделю после пожара в Каирской академии, ставшего результатом уличных демонстраций и столкновений между демонстрантами и полицией в Каире.

7. Хасан Махмуд аш-Шафии (1932) — исламский богослов и философ, седьмой президент Академии арабского языка в Каире и первый член университета «Аль-Азхар», занявший эту должность. Он опубликовал свыше 10 книг по различным исламским дисциплинам, риторическому искусству, суфизму, таухиду⁴ и т. д., а также был награжден Международной премией короля Фейсала за служение исламу в 2022 г. (вместе с бывшим президентом Танзании Али Хасаном Мвиньи).

Хасан аш-Шафии вошел в состав Каирской академии в 1994 г. и возглавил ее в 2012 г. после смерти предыдущего президента Махмуда Хафиза. По прошествии двух четырехлетних президентских сроков он в третий раз стал президентом Академии, однако вскоре был отстранен от должности решением министра высшего образования Халеда Абдель Гаффара под предлогом того, что одно и то же лицо не могло занимать этот пост более двух президентских сроков. Вместо аш-Шафии президентом Каирской академии был назначен Салах Фадль, который до этого проиграл ему на выборах. Некоторые источники предполагают, что таким образом руководство страны отомстило аш-Шафии из-за его политической позиции после переворота 2013 г. в Египте, во время которого тот резко осудил местные власти за разгон манифестантов, заявил о своем полном неприятии любого кровопролития и призвал политические партии к благоразумию.

8. Салах Фадль (1938–2022) — восьмой президент Каирской академии арабского языка, занимавший этот пост с 2020 по 2022 г., который до этого являлся главным редактором журнала Египетского института исламских исследований и заведующим кафедрой арабского языка в Университете Айн-Шамс. Впервые он вошел в состав Академии в 2003 г., заменив умершего лингвиста Бадави Табану. Фадль снискал общее признание как автор многочисленных работ в области литературной критики, поэтического дискурса и переводоведения.

9. Абдель Ваххаб Абдель Хафиз (1937) — египетский микробиолог и бывший ректор Университета Айн-Шамс, который был назначен президентом Академии арабского языка в Каире в марте 2023 г. после смерти Салаха Фадля. Он являлся членом Академии с 2012 г., представляя доклады на заседаниях комитета биологии и сельского хозяйства, а также входил в состав комитетов геологии, нефти и экологии. Кроме того, Абдель Хафиз был членом правления Каирской академии. Он подготовил сельскохозяйственную энциклопедию объемом свыше 1000 страниц в сотрудничестве с профессором Мухаммадом Али Ахмадом (специалистом Академии) и получил Премию

---

⁴ Исламский догмат о единственности и единстве Аллаха.

Университета Айн-Шамс за выдающиеся заслуги и Государственную премию за выдающиеся заслуги в области сельскохозяйственных наук в 1997 г.

Современная деятельность Каирской академии

Что касается современной деятельности Академии арабского языка в Каире, то основное беспокойство ее членов, если судить по записанным в разные годы интервью с президентами Академии, вызывает преподавание на иностранных языках, организованное в отрыве от арабо-мусульманского наследия. По мнению академиков, обучение иностранным языкам в школах начинается слишком рано — до того, как учащиеся успеют впитать арабо-мусульманские ценности и ознакомиться с грамматическими правилами и языковыми трудностями, что наносит непоправимый ущерб арабскому языку. Также члены Академии указывают на существование более 250 западных школ в Египте, которые осуществляют обучение на иностранном языке, начиная с детского сада. Это приводит к возникновению чувства пренебрежения к арабскому языку среди молодежи, особенно в свете представления о том, что быстрое овладение иностранным языком способно обеспечить ей прибыльную работу в международной компании и помочь продвинуться вверх по социальной лестнице. Академия также неодобрительно относится к ситуации, сложившейся в крупнейших университетах Египта, где до сих пор на некоторых факультетах (например, медицинском, инженерном или фармацевтическом) обучение ведется исключительно на английском языке. Согласно недавно проведенным исследованиям, 75% учителей медицинского факультета в каирском университете Каср аль-Айн отказываются преподавать на арабском языке и только 2% согласны на это.

Другой проблемой, привлекающей внимание Академии, является двойственность арабского языка, включающего в себя как классические литературные формы, так и нелитературные диалектные единицы. Академики стремились к устранению подобной двойственности с самого основания Академии, упрощая застывшие клише для отражения современных реалий, с одной стороны, и совершенствуя разговорные обороты — с другой, что было успешно реализовано, в частности, рядом ведущих арабских писателей, экспериментировавших с так называемым «средним» языком, который вобрал в себя определенный набор наддиалектальных единиц, характерных для большинства обиходно-разговорных языков. При этом краеугольным вопросом всегда оставалась устойчивость нормы арабского языка, которой отдавался абсолютный приоритет. В настоящее время Академия даже учредила специальный фонд на основе частных пожертвований для поощрения лучших ведущих, журналистов, газет и каналов, прославляющих красоту арабского литературного языка и избегающих просторечных выражений, которые оскорбляют язык Священного Корана и нарушают его чистоту и сакральность.

Особое недовольство Академии связано с вывесками на арабских магазинах и в общественных местах, которые оформляются с помощью иностранных слов, записанных арабскими буквами, что, с точки зрения академиков, ведет к порче арабского языка и возникновению языковых отклонений. Члены Академии также встревожены языком рекламных объявлений, публикуемых в средствах массовой информации, которые часто размещаются только на иностранном языке, а иногда на местном диалекте. В связи с этим в 2017 г. Каирская академия даже направила в министерство юстиции Египта законопроект, запрещающий газетам публиковать слова на египетском диалекте. Чужеродные элементы стремительно проникают и в язык Интернет-форумов, чатов и SMS — так называемый «арабизи», представляющий собой запись арабских слов и выражений при помощи латинского алфавита, цифр и диграфов и являющийся неотъемлемым атрибутом общения арабской молодежи в настоящее время. Все это, согласно взглядам членов Академии, ставит под угрозу неделимость и единство арабского литературного языка.

В современных условиях также сохраняют свою значимость процессы арабизации новых терминов, избавления от ненужных и неправильно построенных конструкций и подчинения иноязычных заимствований грамматическому строю арабского языка, которые становятся еще более актуальными в свете недостаточной материальной поддержки со стороны государства, что вынуждает Академию искать возможности для коммерциализации результатов своего труда, насчитывающих свыше 30 различных словарей по важнейшим научным дисциплинам. Кроме того, правление Академии стремится модернизировать свои направления деятельности и перейти от консервативных методов работы к новым перспективным областям, таким как прикладная лингвистика, создание лексических баз данных, составление электронных словарей и компьютерное распознавание речи. Также было предложено учредить Национальный институт перевода на базе Каирской академии, чтобы ее ученые оставались в курсе последних событий на мировой научной арене.

Помимо этого, важнейшим направлением деятельности Академии остается работа на терминологическом поприще, которая проявляется как в устранении терминологического разнобоя, так и составлении терминологических справочников — так называемых «книг слов и выражений». Они содержат новые термины, разрешенные к использованию Академией, и публикуются уже на протяжении многих лет комитетом слов и выражений, входящим в ее состав, который занимается адаптацией терминов неарабского происхождения либо рассматривает случаи появления новых значений у общеарабских терминов. Последние из таких терминологических справочников, четвертая и пятая часть, были выпущены с разницей в семь лет — в 2010 и 2017 гг.

При этом любое слово проходит три этапа рассмотрения в Академии: комитет слов и выражений получает исследование от одного из академиков или экспертов, аккредитованных исключительно при этом комитете, изучает его и представляет на утверждение в совет, объединяющий всех членов Академии. В случае его утверждения советом слово выносится на голосование во время ежегодного конгресса Академии по арабскому языку.

Тем не менее не все слова, зарекомендовавшие себя у академиков, входят в повсеместный обиход и пользуются поддержкой местных жителей. Так, например, известны случаи, когда Академия пыталась откровенно навязать слово *marnah* вместо заимствования *tilfāz* «телевизор», образовав его от не слишком распространенного глагола *ranā* «смотреть пристально», однако не встретила понимания у широкой общественности. Другим интересным примером стало одобрение Академией сразу двух слов для обозначения телефона: *misarrab* и *hātif*, причем образованы они были от глаголов с прямо противоположным значением — *sarra* «шептать, секретничать» и *hatafa* «кричать, восклицать». Примечательно, что неологизм *misarrab* так и не стал общеупотребительным на Арабском Востоке, хотя и присутствует, например, в словаре Х. К. Баранова.

Впоследствии именно Каирская академия также осуществляла подбор эквивалентов для обозначения понятия «мобильный телефон». В марте 2001 г. она утвердила следующие слова, имеющие значение «средство связи (телефон), которое его владелец носит повсюду с собой и использует для отправки и получения сообщений (устных и письменных)»: *maḥmūl*, *naqqāl*, *ḡawwāl* и *mūbayl*, однако эти варианты были впервые опубликованы только в четвертой части «Книги слов и выражений» в 2010 г., т. е. лишь спустя девять лет после их официального признания и четыре года после их ввода в обращение в государственных учреждениях Египта. Подобная медлительность Академии в обнародовании своих решений неоднократно подвергалась критике в Египте и за его пределами.

Как правило, Каирская академия предлагает арабоязычные соответствия для распространенных заимствований из других языков, чаще всего из английского, однако не все они способны успешно заменить уже укоренившиеся в сознании египтян обороты. Так, в 2016 г. Академия одобрила использование слов *wasmah* и *tawsīm* вместо *hāštāḡ* «хештег», однако они до сих пор имеют

ограниченное хождение в Египте. То же произошло и со словом *ġanūsah*, которое Академия предложила вместо заимствования *ġandar* «гендер». Тем не менее оно так и не приобрело популярность — по всей видимости, из-за схожести термина *ġanūsah* с *ġinsiyyah* «национальность» и *ġins* «пол».

Особый интерес Академии привлекла социальная сеть «Фейсбук» (запрещена в России): в стремлении арабизировать ее название академики сформулировали новое слово для ее обозначения *fusbuk*, образовав его по модели *fuʿlul*, несмотря на наличие арабоязычного названия *fāysbūk*, присвоенного самой компанией. Академия также представила целый ряд производных от *fusbuk* слов: *al-fusbukiyyu* (мн. ч. *al-fusābakah*) — «относящийся к Facebook»; *fasbaka* — «распространять любой текст или изображение через Facebook»; *fasbakah* — «процесс общения через Facebook или его использования»; *al-mufasbak* — «текст или публикация, распространяемые через Facebook»; *al-mufasbik* — «взаимодействующий с Facebook путем отправки и получения сообщений». Тем не менее в данном случае нельзя не отметить, что, игнорируя широко используемое заимствование *fāysbūk*, Каирская академия все больше и больше отдаляется от текущей действительности. Кроме того, это решение было опубликовано только через три года после его принятия — в 2017 г., а также спустя 13 лет после основания самой компании, что еще раз указывает на чрезмерную задержку Академии с оглашением принятых ею решений.

В некоторых случаях Каирская академия даже допускала неточности в обозначении новых понятий. Так, слово *nāsūh* «факс» было образовано от слова *nasaha* «копировать», однако основная функция факса заключалась в отправке скопированного. Это слово постепенно утратило актуальность вместе с постепенным выходом из употребления факса⁵.

Исследователи зачастую расходятся во мнении, являются ли решения Академии рекомендательными или обязательными. В новых частях «Книги слов и выражений» обычно используется формулировка «разрешает», а функция Академии заключается в том, чтобы предлагать арабскому обществу новые слова, а не навязывать их, хотя в 2018 г. она внесла законопроект, обязывающий министерства руководствоваться терминологией, утвержденной Академией.

Еще одним важнейшим проектом Каирской академии, который она реализует совместно с другими академиями, входящими в Союз академий арабского языка, является разработка всеобъемлющего исторического словаря, в котором прослеживаются изменения значений арабских слов с древнейших времен и до наших дней. В отличие от общих и узкоспециальных словарей он увековечивает арабо-мусульманское наследие и имеет огромную научную ценность, описывая историю становления арабской лексики, происхождения корней и семантических преобразований путем систематического документирования важнейших текстов, стихотворений и свидетельств на основе доступных письменных источников, раскрывающих этапы развития арабского языка и его культурную значимость на протяжении многих столетий. Это результат исследования трансформаций, произошедших с арабским лексическим фондом более чем за 17 веков, включая не только описание способов и мест образования слов, но и изучение языка южно- и североарабских (самудских, сафаитских и т. д.) записей. Каждое слово здесь рассматривается лексикографами и лингвистами начиная с доисламского (через призму джахилийской поэзии) и исламского периода (посредством анализа Корана, хадисов, раннесредневековой литературы времен Омейядов и Аббасидов) и заканчивая современной эрой (проза, поэзия, литература, наука и техника).

Идея этого проекта родилась еще в 1932 г., когда вышел королевский указ об открытии Каирской академии, в котором составление исторического словаря декларировалось в качестве одной из первоочередных целей данного директивного органа, регламентирующего функционирование

⁵ Wā'il A. Maġma'ū l-qāhirah wa taḥaddiyātu l-luġati l-ʿaṣriyyah. Orient XXI. 2019. URL: <https://orientxxi.info/magazine/article3385> (дата обращения: 12.12.2022).

арабского языка, хотя Академия, несомненно, понимала тщетность любых попыток собрать обширный языковой материал для подготовки такого всеобъемлющего словаря, отражающего все стадии эволюции арабского языка и преобразования его семантики, в ближайшем будущем из-за недостаточности ресурсов и слабой финансовой поддержки со стороны государства. Подобная работа, безусловно, с самого начала виделась делом нескольких десятилетий и даже веков, поэтому этот многообещающий проект был предан забвению и заброшен на долгое время — до тех пор, пока через 84 года его не возродил эмир Султан бин Мухаммад аль-Касими, основав для реализации данной идеи Академию арабского языка в Шардже в 2016 г.

Составление крупнейшего словаря арабской лексики за всю историю потребовало не только разработки четкой программы поиска необходимых слов и выражений и выделения корней в древних и современных источниках с использованием вновь открывшихся возможностей искусственного интеллекта, но и формирования комитетов, способствующих внедрению такой программы в академиях арабского языка, в состав которых вошло около 300 лингвистов, экспертов и исследователей со всего арабского мира.

В 2020 г. вышло пилотное издание восьми первых томов «Исторического словаря», которое после дополнительной сверки и редакторской правки было дополнено еще восемью томами в 2021 г. Окончание работы, проводимой под чутким покровительством эмира Шарджи, намечено на 2026 г., объем словаря составит без малого 70 томов. Говоря о значимости «Исторического словаря арабского языка» для всего арабского мира, президент Академии арабского языка в Каире Салах аль-Фадль отметил, что данный гигантский проект не столько ограничивается поддержкой арабо-мусульманского наследия и анализом предыдущих исторических этапов развития арабского языка, сколько закладывает основу для продолжения этих титанических усилий в будущем, чтобы идти в ногу со временем, озаменованным информационной революцией, ради обогащения арабского языка плодами предстоящего культурного развития за счет объединения неустанных усилий со всеми академиями арабского языка, что позволит арабскому языку встать в один ряд с живыми языками мира и снова превратиться в язык науки, искусства и красоты.

Другим знаменательным событием в жизни Каирской академии стало вхождение в ее состав первой женщины, профессора факультета литературы Каирского университета Вафы Мухаммад Камаль, в 2014 г. Это случилось впервые за 80 лет существования Академии, несмотря на то что первые женщины были приняты в состав Дамасской и Иракской академий арабского языка за 15 лет до этого, а сама Вафа Камаль стала членом-корреспондентом Дамасской академии еще в 2002 г. Она была избрана действующим членом Каирской академии благодаря наличию богатого опыта и продвинутых навыков в области лексикографии, фонетики, грамматики, социальной и компьютерной лингвистики.

В 2013 г. Каирская академия удостоилась Премии короля Фейсала за служение исламу, которая была присуждена отделу арабского языка и литературы в номинации «Усилия, приложенные научными учреждениями или частными лицами при составлении арабских словарей» по случаю 80-летнего юбилея Академии⁶.

* * *

Ниже приводится фонетическая транскрипция арабских букв на латинской графической основе с добавлением ряда дополнительных диакритических знаков.

---

⁶ Mağma'u l-luğati l-'arabiyyah li-l-qāhirah. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

Транскрипция, используемая в работе:

<i>Согласные звуки</i>		
ب — b	ز — z	ق — q
ء — ’	س — s	ك — k
ت — t	ش — š	ل — l
ث — ṯ	ص — ṣ	م — m
ج — ġ	ض — ḍ	ن — n
ح — ḥ	ط — ṭ	ه — h
خ — ḫ	ظ — ḏ	و — w
د — d	ع — ‘	ى — y
ذ — ḏ	غ — ġ	
ر — r	ف — f	

Гласные звуки

Краткие:	Долгие:
a, i, u	ā, ī, ū

Литература / References

Блинов А. А. Академия арабского языка в Каире: комитеты и административная структура. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3 (25). С. 184–198 [Blinov A. A. Arabic Language Academy in Cairo: Committees and Administrative Structure. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2023. No. 3 (25). Pp. 184–198 (in Russian)].

Madkūr I. *Mağma‘u l-luġati l-‘arabiyyah fī šalāsīna ‘āman, 1933–1962: māḍihi wa ḥādiruhu*. Al-qāhirah: al-hay’atu l-‘āmmah li-šu’ūni l-maṭābi‘i l-‘amīriyyah, 1964.

Madkūr I. *Ma‘a l-ḥālidiin. Mağma‘u l-luġati l-‘arabiyyah fī ‘idihī l-ḥamsīniyy*. Al-qāhirah: al-hay’atu l-‘āmmah li-šu’ūni l-maṭābi‘i l-‘amīriyyah, 1981.

Mağma‘u l-luġati l-‘arabiyyah li-l-qāhirah. URL: <http://www.arabicacademy.org.eg> (дата обращения: 14.09.2022).

Wā’il A. *Mağma‘u l-qāhirah wa taḥaddiyātu l-luġati l-‘aṣriyyah*. *Orient XXI*. 2019. URL: <https://orientxxi.info/magazine/article3385> (дата обращения: 12.12.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-141-151

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АСПИРАНТУРЫ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА (1920–1930-е гг.)

М. М.-Б. Харунова, Р. Ш. Харунов¹

В 1921 г. был образован Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) — уникальное учебное заведение, в котором учились тысячи граждан из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Обучение иностранных студентов являлось составной частью геополитической и экономической стратегии Советской России, которая втягивала в орбиту своей внешней политики новые территории. КУТВ ставилась задача подготовки советских и партийных работников, близко знакомых с нуждами, интересами, бытом и психологией населения. Именно они должны были составить ряды национальной интеллигенции, адаптировать и донести до своих народов идеи социализма и претворить в жизнь начала советского и коммунистического строительства.

В 1927 г. в качестве научной лаборатории в КУТВ была организована Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП). Ассоциация создала солидную научную базу по изучению экономики, культурного строительства и истории национальных республик СССР и зарубежных стран. В этом же году при НИАНКП была образована аспирантура с целью подготовки преподавателей для КУТВ, партийных, научных работников и педагогов для советского и зарубежного Востока. Для успешного решения политических задач нужны были кадры высшей квалификации со знанием языков, способные заниматься научно-исследовательской деятельностью.

На первом этапе, с 1927 по 1932 г., в период становления института аспирантуры формировались основные принципы обучения, шел количественный рост числа аспирантов. На втором этапе, с 1933 по 1938 г., из-за ужесточения идеологических установок и академических требований число аспирантов резко сократилось. Несмотря на трудности, в конце 1930-х гг. первые выпускники аспирантуры получили звания доцентов и стали преподавателями дисциплин по языкам, истории и экономике стран Азии и Африки. Из их числа вышли известные ученые, стоявшие у истоков советского востоковедения.

Ключевые слова: Коммунистический университет трудящихся Востока, аспирантура, подготовка научных кадров

Для цитирования: Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш. Деятельность аспирантуры в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1920–1930-е гг.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 141–151. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-141-151

---

¹ Харунова Марианна Монге-Байыровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; ondar18@mail.ru

Marianna M.-B. Kharunova, PhD(Hist.), Senior Researcher, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ondar18@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9011-2262

Харунов Рамиль Шатмуратович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Кызыл; ramar33@mail.ru

Ramil Sh. Kharunov, PhD(Hist.), Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Kyzyl; ramar33@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7940-5972

ACTIVITIES OF THE SCHOOL OF POSTGRADUATE STUDIES AT THE COMMUNIST UNIVERSITY OF THE TOILERS OF THE EAST (1920-1930)

Marianna M.-B. Kharunova, Ramil Sh. Kharunov

1921 saw the opening of the Communist University of the Toilers of the East (KUTV), a unique educational establishment to train thousands of nationals of the countries of Asia, Africa, and Latin America. The training of international students was an integral part of geo-political and economic strategy of Soviet Russia aimed at drawing new territories in the orbit of its foreign policy.

1927 saw the founding, as an academic laboratory, of the Scientific Research Association for the Study of National and Colonial Problems (NIANKP). The association laid the solid academic foundation for the studies of economy, cultural uplift, and history of ethnic republics of the USSR and foreign countries. Still in 1927, a school of postgraduate studies was opened at the NIANKP, which was entrusted with an important task of training academic and teaching staff for soviet republics of central Asia and oriental countries.

There were two stages in the development of the school of postgraduate studies: the 1927–1932 stage witnessed a growth in the number of postgraduate students, then, at the second stage, from 1933 through 1938, due to ideological attitudes and academic requirements tightening, the number of postgraduates decreased sharply. In the late 1930s, the first graduates from the postgraduate studies were awarded the rank of associate professors and joined the faculty at the KUTV.

The net result is that the school of postgraduate studies fulfilled its purpose: its graduates became lecturers in languages, history and economy of Asian and African countries, imminent scholars who pioneered the Soviet oriental studies.

Keywords: Communist University of the Toilers of the East, school of postgraduate studies, training of academic staff

For citation: Kharunova M. M.-B., Kharunov R. Sh. Activities of the School of Postgraduate Studies at the Communist University of the Toilers of the East (1920–1930). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 4. Pp. 141–151. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-141-151

Введение

Советская власть во многом поспешно отказалась от значимых достижений дореволюционной России, особенно в области науки и образования. Декретом Совнаркома РСФСР от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учёных и высших учебных заведений Российской Республики» были отменены ученые степени и сломана система подготовки высококвалифицированных кадров через обучение в аспирантуре [Романовская, 2021, с. 28]. В качестве альтернативы использовались различные «суррогаты» подготовки кадров: всевозможные курсы лекторов, практика закрепления талантливых студентов при кафедрах и пр. Высшее образование в советском государстве нуждалось в нормативном регулировании, которое постепенно формировалось с середины 1920-х гг.

Во многом поворотным для решения проблемы подготовки научных кадров стал 1925 г., в котором при Президиуме Государственного ученого совета Наркомпроса была создана Комиссия по подготовке научных работников во главе с известным историком-большевиком, выпускником Московского университета Михаилом Николаевичем Покровским. Созданная комиссия должна

была осуществлять контроль за работой отборочных комиссий, утверждать кандидатуры «аспирантов, подготавливающих к научной работе», и их отчеты [Никуленкова, 2016, с. 26].

Официально институт аспирантуры был учрежден «Положением о порядке подготовки научных работников при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях», утвержденным Народным комиссариатом просвещения РСФСР (Наркомпрос) в июне 1925 г. [Цеховой, 2012, с. 111]. С этого года подготовка научно-педагогических кадров стала более организованной и единой, а советская аспирантура — важнейшей из форм их воспроизводства.

Коммунистический университет трудящихся Востока

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика образовалась на территории бывшей Российской империи и состояла из целого конгломерата субъектов, в том числе национальных республик, которые разительно отличались по социально-экономическому развитию.

Успешное национально-государственное строительство могло быть обеспечено только при условии активного участия коренного населения во всех преобразованиях, но низкий уровень грамотности на восточных окраинах зачастую приводил к непониманию или к негативному восприятию социалистических идеалов.

Согласно положениям из резолюции X съезда РКП (б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (март 1921 г.) ставилась задача подготовки для окраин советских и партийных работников, близко знакомых с нуждами, интересами, бытом и психологией населения. Именно они должны были составить ряды национальной интеллигенции, адаптировать и донести до своих народов идеи социализма и претворить в жизнь начала советского и коммунистического строительства.

Для ускоренной интеграции народов в советскую государственность форсированными темпами проводилась политика укрепления государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям, а также развитию действующих на родных языках суда, администрации, хозяйственных органов. Работа партийных и советских учреждений в национальных республиках требовала глубоких знаний местных условий, для этого нужно было создать специальную школу партийных и советских работников для «трудящихся окраин восточных республик».

Важным фактором было и то, что к 1921 г. надежды на мировую революцию в европейских странах не оправдались, эпоха «сабельных походов» закончилась, а для раздувания «мирового пожара» требовалась длительная и кропотливая работа по воспитанию новой элиты. Вектор революционной борьбы сместился на Восток — большие планы связывались с Китаем, Индией, Персией [Шашкова, Шпаковская, 2018, с. 708].

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 21 апреля 1921 г. принял постановление об учреждении Университета трудящихся Востока при Народном комиссариате по делам национальностей для подготовки политработников из среды трудящихся восточных автономных республик и автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств. Этому постановлению предшествовало создание еще в 1920 г. при Коммунистическом университете им. Свердлова Восточного сектора для подготовки кадров для национальных республик Советского Востока. Позднее, в 1922 г., был создан Иностраннный сектор для подготовки специалистов из зарубежных стран.

И. В. Сталин в 1925 г. четко сформулировал цель КУТВ, которая состояла в том, чтобы выковать настоящих революционеров, способных выполнить очередные задачи освободительного движения колоний и зависимых стран не за страх, а за совесть. В том же выступлении он отметил

две основные линии работы университета: подготовка кадров для советских республик Востока и подготовка специалистов для обслуживания революционных потребностей трудящихся масс колониальных и зависимых стран Востока.

Руководство СССР прекрасно понимало важность борьбы за умы. Помимо военной подготовки к «мировой революции» первостепенное значение придавалось формированию национальной интеллигенции для разных государств в учебных заведениях Советского Союза. Обучение иностранных студентов являлась составной частью геополитической и экономической стратегии.

Первое социалистическое государство шло к грядущей мировой революции и тягивало в орбиту своей внешней политики новые территории. Уже к сентябрю 1921 г. КУТВ принял 600 студентов.

В период деятельности КУТВ (1921–1938) тысячи зарубежных студентов, в том числе и будущие руководители государств и партий, получили политическое образование в университете. Подготовленная элита, придя к руководству, должна была привязать политическую и экономическую системы своих стран к политике Советского Союза [Харунов, Харунова, 2022, с. 217].

Открытие аспирантуры КУТВ

Главной проблемой для работы университета являлась нехватка кадров со знанием восточных языков. Учитывая исключительную трудность с преподавательским составом, ЦК партии принял меры по организации при КУТВ с 1 января 1922 г. курсов для подготовки преподавателей физики, химии, математики, биологии и географии. На одногодичные курсы поступило 57 человек — представители 17 национальностей [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 26].

В последующем был создан лекторский курс с двумя отделениями: общественным и естественно-математическим. Параллельно с целью подготовки преподавателей для КУТВ работала семинарская группа, в которую входили наиболее квалифицированные студенты [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 31].

Отсутствие специализированной учебной литературы и проработанной методики обучения заставило КУТВ с первых дней его существования поднять вопрос о научной работе в университете. В «Известиях КУТВ» за 1921 г. № 1 есть строки: «... нами уже сделаны первые организационные шаги по созданию Ассоциации Востоковедения. Сконструирован временный президиум Ассоциации, выработан проект положения, привлечены некоторые специалисты — востоковеды» [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 47].

Очень интересную информацию помещает журнал «Историк-марксист» в томе первом за 1926 г. об организации «Научно-исторической группы при КУТВ». Группа образовалась 31 января 1925 г. и провела ряд собраний как организационного, так и научного характера. В ее работу стремились вовлечь не только преподавателей-историков, но и студентов, некоторые из них вошли в состав бюро группы. Для характеристики этой стороны деятельности студентов интересно привести фрагмент «Декларации научно-исторической группы» — обращения к студентам КУТВ: «Научно-историческая группа при КУТВ ставила перед собой задачу по организации работы студентов, которые должны были собирать материалы, обрабатывать их и передавать в бюро научно-исторической группы. Эти доклады, сообщения, корреспонденции и заметки должны были обсуждаться на общих собраниях членов группы, печататься в трудах университета, обрабатываться, переводиться на национальные языки и служить великому делу нашего общего освобождения от гнета капитала» [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 49].

С осени 1925 г. появилось течение за организацию исследовательского института по Востоку при КУТВ, причем в первую очередь образовалась группа зарубежных восточников (при иностранной группе КУТВ).

В феврале 1926 г. по инициативе историков был поставлен вопрос о расширении работы на советский Восток и на общем собрании преподавателей различных специальностей он был решен положительно. В 1927 г. в качестве научной лаборатории организована Научно-исследовательская ассоциация при КУТВ. В этом же году была образована аспирантура и стал издаваться журнал «Революционный Восток» [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 33]. Первые кадры, 12 человек, привлеченные к работе по Востоку, большей частью составили выпускники Института красной профессуры (ИКП) [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 50]. Перед аспирантурой стояла сложная задача — подготовить партийных, научных работников и педагогов для советского и зарубежного Востока [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 148. Л. 20]. Необходимо было выстроить систему подготовки аспирантов, которая включала изучение языков и научно-исследовательскую деятельность.

Процесс обучения в 1927–1932 гг.

Первый набор в аспирантуру на 1927–28 учебный год насчитывал 13 человек. За пять лет работы аспирантура выросла более чем в 10 раз. Очень показательны цифры количества аспирантов по годам: 1927–28 гг. — 13 аспирантов; 1928–29 гг. — 18; 1929–30 гг. — 50; 1930–31 гг. — 103; 1931–32 гг. — 173 аспиранта [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 53]. Так как работа аспирантуры была новым направлением для КУТВ, университет воспользовался опытом других вузов, которые начали подготовку научных кадров ранее. Своими методическими материалами поделились Государственная Академия художественных наук и Государственная Академия истории материальной культуры [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 166. Л. 3, 11]. В сентябре 1927 г. были приняты «Основы подготовки аспирантов» при КУТВ, закреплено требование, чтобы с начала учебного года каждый аспирант прикреплялся к секторам университета по Советскому или Зарубежному Востоку.

Согласно «Основам», подготовка аспирантов включала в себя работу на семинарах (доклады, рефераты, обсуждение), участие в заседаниях ассоциации и ее секций, научные командировки, изучение иностранных языков, педагогическую практику и защиту диссертации.

В течение первого года подготовки аспирант должен был составить под руководством своего научного руководителя план четырехлетней работы в ассоциации. Первый год подготовки носил характер учебной проработки проблем и литературы с целью углубления марксистской установки аспиранта на материале, возможно более связанном с его специальностью. Со второго года подготовки аспирант переходил к исследовательским занятиям по специальности, закрепляя навыки работы с научными источниками. Четвертый год аспирантуры посвящался завершению диссертации (научно-исследовательской монографического типа работы по специальности), которая должна была докладываться на публичном заседании Ассоциации после одобрения секцией и Президиумом по письменному заключению индивидуального руководителя [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 165. Л. 21].

В годы становления аспирантской группой заведовал Мансуров. В архиве сохранился список первых аспирантов КУТВ, поступивших в 1927–28 учебном году: 1. Али-Языджи Идрис, историк; 2. Гатуев Константин, историк; 3. Дзилихов Георгий, экономист; 4. Мамедов Мирза, ленинист; 5. Сидорин Константин, экономист; 6. Соловьев Леонид, экономист; 7. Фатахутдинов Зуфар, экономист; 8. Эльчибаев Айдуш, экономист; 9. Погоев Абубекир, экономист; 10. Гиясов, историк; 11. Насиб, экономист; 12. Файк, экономист; 13. Фоншон, экономист [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 166. Л. 2].

С годами аспирантская группа переросла в институт аспирантуры при НИАНКП с целью подготовки теоретически подкованных партийных работников для коммунистических партий стран Зарубежного Востока и высококвалифицированных работников для различных областей социалистического строительства национальных областей и республик, преподавателей вузов, комвузов и научно-исследовательских учреждений Советского Востока.

Институт аспирантуры состоял из четырех отделений: экономического, исторического, историко-партийного и отделения философии, причем экономическое, историческое и философское отделения делились на секции Советского и Зарубежного Востока. Секции по истории ВКП(б) и ленинизма специализировались по странам Советского Востока, а секция Коминтерна — по изучению стран Зарубежного Востока.

При аспирантуре НИАНКП было образовано одногодичное подготовительное отделение, обучавшее рабочих и крестьян восточных национальностей для поступления на основные отделения Института. Помимо этого была организована заочная подготовка. От поступающих требовался двухлетний стаж партийной, советской и другой руководящей работы. Правила приема публиковались в печати, где указывался контингент вновь принимаемых в институт, из которых 40% отводилось на секции Советского и 60% — на секции Зарубежного Востока.

Аспиранты второго и третьего курсов вели педагогическую работу, при этом педагогическая нагрузка не должна была превышать 8 часов в декаду. Учебный год устанавливался на 9 месяцев, с сентября по июнь, с месячным перерывом на зимние каникулы. Кроме методологических семинаров, аспиранты проходили семинары по стране специализации и изучали один западноевропейский и один восточный языки. Подготовка аспирантов предусматривала обязательные и необязательные лекционные курсы и предметы: источниковедение, техника научно-исследовательской работы, высшая математика и статистика.

В зависимости от уровня подготовки и целей аспирантам секции Зарубежного Востока по прохождении второго курса предоставлялась заграничная командировка продолжительностью до года и более по определению Президиума НИАНКП.

Выпускники аспирантуры НИАНКП получали право преподавания в вузах, комвузах и ведения работы в научно-исследовательских учреждениях соответствующей специальности, о чем Президиум НИАНКП делал соответствующее представление в УК ЦИК СССР.

Согласно условиям приема в аспирантуру на 1930–31 учебный год обучение было рассчитано на четыре года. Аспиранты обеспечивались общежитием и стипендией в размере 175 руб. в месяц. От каждого поступающего требовалось знание одного из восточных или европейских языков. Желаящие поступить должны были представить следующие документы: 1. Командировку и рекомендацию ЦК нацкомпартий, краевых и областных комитетов ВКП(б); 2. Заявление с указанием адреса; 3. Краткую автобиографию; 4. Справку о партстаже и социальном положении; 5. Копию воинского документа; 6. Заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья; 7. Печатные работы (если были в наличии). В заявлении должна была указываться тема вступительной работы и страна, по которой будет работать аспирант.

Допущенные мандатной комиссией к испытаниям должны были представить письменную работу на тему, ранее согласованную с учебной частью аспирантуры. Поступающие на все отделения аспирантуры экзаменовались по философии, политической экономии, истории партии и ленинизму, истории народов СССР и истории Запада. Аналогичные требования были и к приему на подготовительное отделение [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 218. Л. 6–7].

В целях оказания дополнительной помощи поступавшим на 1 курс основного и подготовительного отделений и выявления уровня их академической подготовки с 1 июля по 1 сентября организовывалась учебно-проверочная конференция с проведением семинаров и консультаций.

Все вновь принимаемые проходили через мандатную комиссию, которая и решала вопрос о зачислении в аспирантуру, исключение из этого правила допускалось только для членов братских партий [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 218. Л. 1–2].

По результатам набора на 1930–31 учебный год было принято 24 чел. на первый курс и 13 чел. на подготовительное отделение. Всего к 1 ноября 1930 г. в аспирантуре обучалось 103 чел. (рабочие — 20; крестьяне — 34; служащие — 49), из них 70 чел. на секциях Зарубежного Востока [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 218. Л. 40–41].

Как правило, аспирант в первый год начинал изучать только один европейский язык, со второго года приступал к изучению одного восточного языка (языка выбранной страны) [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 218. Л. 59].

Аспиранты распределялись по специализации, которая выбиралась окончательно в начале первого курса, после чего никаких переводов не допускалось. Знание языка страны являлось необходимым условием пребывания в аспирантуре. Если к концу первого семестра второго курса аспирант не овладевал языком страны специализации настолько, чтобы вести научно-исследовательскую работу, то он исключался из аспирантуры.

По окончании второго курса аспиранту предоставлялась научная командировка в регион или страну по специализации. На третьем курсе аспирант готовился для работы при кафедре в качестве научного работника и писал работу научно-исследовательского характера [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 227. Л. 105–106].

Согласно «Общим установкам» к учебному плану на 1931–32 учебный год вся организация учебы в аспирантуре НИАНКП должна была вести к дальнейшему «овосточиванию» и углублению специализации по стране, которая проводилась с первого курса. Несколько иначе был выстроен учебный план философского отделения, который предусматривал подготовку специалистов, знающих идеологию Востока. Здесь шла работа по дисциплине (исторический материализм, диалектический материализм) и специализация по проблеме (ислам, конфуцианство и пр.) [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 218. Л. 62].

С 1927 по 1932 г. произошел значительный рост института аспирантуры, как количественный (с 13 чел. в 1927 г. до 173 чел. в 1931 г.), так и качественный (углубление работы методических семинаров, изучение стран и т. д.). Проводились семинары по изучению стран Зарубежного Востока. Например, по Японии руководителем семинара был Я. И. Волк (Япония); по Индии — Г. И. Сафаров; Персии — А. Б. Дубсон; Турции — З. Френкен; арабским странам — Авигодор [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 213. Л. 27].

Процесс обучения в 1933–1938 гг.

В 1931–1932 учебном году работа аспирантуры протекала в штатном режиме. С начала 1932–1933 учебного года начались проблемы, связанные с частой сменой руководства. В секторе «А» (Зарубежный сектор) сменились три руководителя: Конецкий, Котельников, Зеликсон. Без всякой преемственности каждый, приступая к работе, начинал все заново. При этом в учебных планах было совершенно проигнорировано страноведение.

Во время зимних экзаменов в 1932–1933 учебном году выяснилось, что часть аспирантов не соответствовала новым установкам аспирантуры, и значительное их количество было

откомандировано. Фактически был поставлен вопрос о закрытии аспирантуры [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 148. Л. 20–21].

Помимо этого, сказалась и внутриполитическая ситуация в стране, когда после проработки статьи Сталина в журнале «Пролетарская революция» и его речи «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» (23.06.1931 г.) в КУТВ вскрылись «явления неблагополучия в идеологическом состоянии среди отдельных преподавателей и аспирантов», по которым были приняты меры [РГАСПИ. Оп. 8. Д. 294. Л. 35].

Среди оставшихся аспирантов была проведена реорганизация и распределение по странам. После весенних экзаменов на итоговом собрании руководство оценило аспирантуру в основном как «здоровую и способную выполнять задачи», поставленные перед ней сектором «А». Пришли к выводу, что небольшая аспирантура при секторе «А» нужна, т. к. не хватало специалистов, знающих восточные страны и языки [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 148. Л. 22].

В конечном счете из всех аспирантов в секторе «А» было оставлено 7 чел.: Камран (страна специализации — Персия), Потехин (Африка), Метц (Тувинская Аратская Республика), Бялковская (Индия), Шварц (Индо-Китай, Турция), Шену (Япония, Корея), Певзнер (Китай) [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 148. Л. 25].

Согласно предложениям по организации аспирантуры в зарубежном секторе КУТВ на 1933–34 учебный год ввиду острого недостатка преподавательских кадров было решено произвести подбор аспирантов из выпускников востоковедческих комвузов Ленинграда (институт им. А. С. Енукидзе) и Москвы (институт им. Н. Н. Нариманова) со сроком обучения в три года [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 142. Л. 3].

К середине 1933 г. были представлены новые условия и порядок комплектования аспирантуры сектора «А» КУТВ. Целевой установкой аспирантуры сектора «А» стала подготовка квалифицированных партийных кадров для секций Коминтерна, способных вести самостоятельную партийную теоретическую, а также педагогическую работу в зарубежных странах.

Согласно планам, в 1933–1934 учебном году должен был производиться набор в общем количестве 30–35 чел. на следующие секции: 1) индусская; 2) индо-китайская; 3) турецкая; 4) японская; 5) корейская; 6) палестинская и египетская; 7) внутренняя монгольская и тибетская; 8) синьцзянская; 9) негритянская; 10) внешне-монгольская; 11) алжирская; 12) танну-тувинская; 13) персидская [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–2].

К 1936 г. задачи аспирантуры были сформулированы более четко: подготовка преподавателей по экономике и истории страны и квалифицированных переводчиков со сроком обучения в 2 года. Было установлено всего два отделения — экономическое и историческое. Помимо учебной работы аспиранты должны были вести переводческую и преподавательскую работу (6 часов в шестидневку). На втором курсе аспиранты прикреплялись к преподавателям по стране и работали уже на правах ассистентов.

На весь период обучения отводилось 1680 часов классных занятий, 1270 часов самостоятельной работы, 510 часов переводческой или педагогической работы. Помимо намеченных часов занятий ввиду слабого знания русского языка в помощь аспирантам вводились консультации: на первом курсе — 180 часов, на втором курсе — 160 часов [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 251. Л. 47–48].

К сожалению, в архивных материалах среди списков аспирантов редко упоминаются полностью фамилия, имя, отчество. В связи с секретностью сведений об обучающихся многие указываются по партийным и учебным псевдонимам, поэтому установить дальнейшую судьбу аспирантов после окончания КУТВ очень сложно. Мы представим собранную из открытых источников информацию о судьбе нескольких аспирантов одного из последних наборов.

Согласно сведениям о составе аспирантов-зарубежников, в НИАНКП на 13 июня 1936 г. числилось тринадцать человек: Бронштейн Фаина Анатольевна, Горина Елизавета Борисовна (ассистент японского кабинета НИАНКП), Иванов Евгений Владимирович (ассистент японского кабинета НИАНКП), Иванов Михаил Васильевич (ассистент японского кабинета НИАНКП), Френкель Дина Михайловна (ассистент японского кабинета НИАНКП), Сирияченко Владимир Георгиевич, Мельц Валерия Густавовна, Шапиро Хеля Давыдовна, Новиков Яков Зельманович, Певзнер Яков Александрович (один из лучших аспирантов, отличник учебы), Аболенас Владимир Иосифович (ассистент японского кабинета, один из лучших знатоков японского языка НИАНКП), Капелович Владимир Андреевич, Файнберг Яков Миронович [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 214. Л. 8–12].

Певзнер Яков Александрович (1914–2003) стал одним из крупнейших российских японоведов, советский и российский экономист, к. э. н. (1941), д. э. н. (1961). Автор ряда книг, посвященных анализу экономики современной Японии и теоретическим проблемам экономики капитализма. В 1941–1942 гг. по направлению работал в Китае, возглавлял представительство «Совэкспортлеса». С 1945 г. занимался научно-исследовательской деятельностью сначала в Институте мирового хозяйства и мировой политики, с 1956 г. — в Институте мировой экономики и международных отношений, затем в Центре Азиатско-Тихоокеанских исследований Института мировой экономики и международных отношений; кавалер орденов Трудового Красного Знамени (СССР), «Священного сокровища» III степени (Япония, 1994)².

Файнберг Яков Миронович родился 26 апреля 1886 г. в Минской губернии. Окончил в 1920 г. Государственный институт медицинских знаний, работал в Московском городском отделе здравоохранения старшим инспектором³. Во время Великой Отечественной войны был мобилизован Первым Московским коммунистическим военным госпиталем. Врач-хирург, в звании военврача 2-го ранга Я. М. Файнберг служил на должности начальника военно-санитарного поезда № 215, погиб 16 октября 1941 г. под Ленинградом. Отец крупнейшего физика-теоретика, специалиста в области теории элементарных частиц и квантовой теории поля, члена-корреспондента РАН Владимира Яковлевича Файнберга⁴.

К числу тех, кто попал под репрессии, относятся В. И. Аболенас и В. А. Капелович. Аболенас Владимир Иосифович (1905–1937) был арестован 26 октября 1937 г. 19 ноября Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР приговорен к высшей мере наказания (ст. 58–1а, 6 УК РСФСР), расстрелян 24 ноября 1937 г.⁵

Капелович Владимир Андреевич (Хван Ха Уэн), (1907–1938), кореец, родился в Корее, в провинции Хамген-Пукдо в крестьянской семье. Работал слесарем завода «Борец». Также обвинен в контрреволюционной деятельности, расстрелян 20 января 1938 г. Реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда СССР 11 мая 1957 г.⁶

На 16 марта 1938 г., к моменту закрытия КУТВ, при НИАНКП числилось всего 15 аспирантов.

Заключение

13 января 1934 г. было принято Постановление СНК СССР от № 79 «Об ученых степенях и званиях», которым вводилась двухступенчатая система ученых степеней — кандидата наук

² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Певзнер,_Яков_Александрович (дата обращения: 30.09.2024).

³ URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=278716> (дата обращения: 30.08.2024).

⁴ URL: https://vk.com/wall-42787479_1355 (дата обращения: 30.08.2024).

⁵ URL: <https://arch2.iofe.center/case/1555> (дата обращения: 30.08.2024).

⁶ URL: [https://ru.openlist.wiki/Капелович_Владимир_Андреевич_\(1907\)](https://ru.openlist.wiki/Капелович_Владимир_Андреевич_(1907)) (дата обращения: 30.08.2024).

и доктора наук. Ученые звания устанавливались трех видов: ассистент (в высших учебных заведениях) или младший научный сотрудник (в научно-исследовательских учреждениях); доцент (в высших учебных заведениях) или старший научный сотрудник (в научно-исследовательских учреждениях); профессор (в высших учебных заведениях) или действительный член научно-исследовательского учреждения.

Этим же постановлением создавалась высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при ЦИК Союза ССР, которая принимала решения о присуждении степени доктора наук и звания профессора [Романовская, 2021, с. 29].

Квалификационная комиссия Управления Университетов и Научно-исследовательских учреждений НКП РСФСР рассматривала дела на присуждение ученой степени кандидата наук, доцентского звания и звания старшего научного сотрудника, прошедших оценку специалистов через соответствующие ученые комитеты.

Первыми ученые звание профессора и степень доктора наук получили уже заслуженные преподаватели КУТВ. В феврале 1935 г. ВАК НКП утвердил Ф. Е. Тележникова в звании профессора по кафедре исторического материализма. В июне 1935 г. П. А. Миф был утвержден в ученой степени доктора экономических наук без защиты диссертации. В ноябре 1935 г. Б. П. Торгашев постановлением Квалификационной комиссии при Ученом комитете ЦИК СССР был утвержден в звании профессора экономической географии [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 250. Л. 1, 17, 21].

В этом же году Квалификационная комиссия Управления Университетов и Научно-исследовательских учреждений НКП РСФСР рассматривала дела на присуждение звания доцента, которое было присвоено выпускникам аспирантуры КУТВ. В феврале 1935 г. после предварительного рассмотрения в профильном социально-экономическом комитете утвержден доцентом по экономике Индии К. А. Михайлов (выпускник аспирантуры КУТВ 1932 г.). В июне 1936 г. утвержден на звание доцента по русскому языку Н. А. Мышкин, доцента по кафедре колониальных и зависимых стран — Ф. Д. Гапченко-Сталина (выпускница аспирантуры КУТВ 1932 г., специалист по Индии), и. о. доцента по колониальным и зависимым странам с обязательной защитой диссертации — Г. И. Ильинский (выпускник аспирантуры КУТВ 1932 г., специалист по Персии), доцента по кафедре колониальных и зависимых стран — Е. П. Мышкин (выпускник аспирантуры КУТВ 1932 г., специалист по Японии), доцента по кафедре колониальных и зависимых стран — Б. А. Цой-Шену (специалист по Корее) [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 250. Л. 3, 5, 16].

В декабре 1935 г. Г. Г. Хачатуров (выпускник аспирантуры КУТВ 1933 г.) утвержден и. о. доцента по политической экономии с обязательством в течение двух лет защитить кандидатскую диссертацию [РГАСПИ. Оп. 1. Д. 250. Л. 75].

Уже к 1936 г. большинство научных работников НИАНКП составляли выпускники собственной аспирантуры.

Первые защиты диссертаций на соискание степени кандидата наук среди выпускников аспирантуры состоялись значительно позднее, в 1940-е гг., уже после ликвидации КУТВ (1938). Среди них Яков Александрович Певзнер, один из основателей отечественной школы по изучению политики и экономики Японии. В 1944 г. Хамид Мухамедзянович Сейфулин успешно защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Краткий очерк по истории Тувинской Народной Республики».

Несмотря на то, что аспирантура КУТВ существовала в условиях сложной внутриполитической обстановки в стране, ее выпускники стали преподавателями и исследователями истории, экономики, языков стран Зарубежного Востока, учеными, стоявшими у истоков советского востоковедения.

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Russian State Archive of Socio-Political History]. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 110. РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 142.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 148.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 214.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 250.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 1. Д. 251.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 165.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 166.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 213.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 218.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 227.

РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 8. Д. 294.

Литература / References

Никуленкова Е. В., Скворцов В. Н. Поиски новых форм подготовки научных кадров в советской России в 1920-е гг. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2016. № (4–2). С. 21–30 [Nikulenkova E. V., Skvortsov V. N. The search for new forms of training of scientific personnel in Soviet Russia in the 1920s. *Bulletin of A. S. Pushkin Leningrad State University*. 2016. No. (4–2). Pp. 21–30 (in Russian)].

Романовская О. В. Правовой режим государственной системы научной аттестации: поиск исторических основ. *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2021. Т. 9. № 2 (34) С. 24–33. URL: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307–9525 (Online) [Romanovskaya O. V. Legal regime of the state system of scientific attestation: the search for historical foundations. *Electronic scientific journal «Nauka. Society. State»*. 2021. T. 9. No. 2 (34). Pp. 24–33. URL: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307–9525 (Online) (in Russian)].

Харунов Р. Ш., Харунова М. М.-Б. Причины создания Коммунистического университета трудящихся Востока в 1921 г. *Мир Центральной Азии-V: Сборник научных статей*. Улан-Удэ, Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2022. С. 215–217 [Kharunov R. Sh., Kharunova M. M.-B. The reasons for the establishment of the Communist university of the toilers of the East in 1921. *The World of Central Asia-V: Collection of scientific articles*. Ulan-Ude, Novosibirsk: Siberian Branch of RAS, 2022. Pp. 215–217 (in Russian)].

Цеховой Н. П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности. *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 362. С. 11–115 [Tsekho-voy N. P. Organisational and legal design of the system of Soviet postgraduate studies: main stages and peculiarities. *Bulletin of Tomsk State University*. 2012. No. 362. Pp. 111–115 (in Russian)].

Шашкова О. А., Шпаковская М. А. Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. *Вестник архивиста*. 2018. № 3. С. 704–716 [Shashkova, O. A., Shpakovskaya M. A. The communist university of the toilers of the East (KUTV): its Establishment under the Comintern in 1920–1930s. *Arbivist Bulletin*. 2018. No. 3. Pp. 704–716 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-152-154

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. В. ПОПОВА «ОТ ВОЙНЫ К МИРУ:
ПОЛВЕКА ПРАКТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ»
(М.: МГИМО- УНИВЕРСИТЕТ, 2023. 295 с.)**

© 2024

В. В. Наумкин¹

Рецензия на книгу мемуаров видного российского дипломата и ученого-арабиста, явившегося очевидцем и участником многих драматических событий истории арабских стран (Северный Йемен, Йеменская Арабская Республика, Ливия, Тунис, Сирия) и сочетающего личные воспоминания с научным анализом ближневосточных проблем, а также политики СССР / России в регионе.

Ключевые слова: Ближний Восток, Йеменская Арабская Республика, Ливия, Тунис, Сирия, Израиль, российская дипломатия

Для цитирования: Наумкин В. В. Рецензия на книгу В.В. Попова «От войны к миру: полвека практической дипломатии» (М.: МГИМО-Университет, 2023. 295 с.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 152–154. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-152-154

**REVIEW OF “FROM WAR TO PEACE: PRACTICAL DIPLOMACY IN HALF
A CENTURY” BY V. V. POPOV (MOSCOW: MGIMO UNIVERSITY, 2023, 295 p.)**

Vitaly V. Naumkin

A review of the memoir book by a prominent Russian diplomat and Arabist scholar, who had been a witness of and participant in many dramatic events in Arab history (North Yemen, Yemen Arab Republic, Libya, Tunisia, Syria). The book combines personal reminiscences with an analysis of the Near East problems as well as the policies of the USSR / Russia in the region.

Keywords: Near East, Yemen Arab Republic, Libya, Tunisia, Syria, Israel, Russian diplomacy

For citation: Naumkin V. V. Review of “From War to Peace: Practical Diplomacy in Half a Century” by V. V. Popov (Moscow: Mgimo University, 2023, 295 p.). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2024. No. 4. Pp. 152–154. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-152-154

---

¹ Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН, Москва; director@ivran.ru

Vitaly V. Naumkin, Full Member of RAS, President of Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; director@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9644-9862

Эту книгу легко читать. Жанр научных мемуаров становится все более популярным. Тем более что автор — известный российский дипломат и ученый в недавнем прошлом, посол МИД РФ по особым поручениям, специальный представитель Президента РФ по связям с Организацией Исламская Конференция и другими международными исламскими организациями. Сотрудник МИД СССР и РФ с 1967 по 2007 год. Занимал должности посла СССР и РФ в Северном Йемене, а затем в Йеменской Арабской Республике, Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии и Тунисской Республике. Кандидат исторических наук. Автор монографий «Персидский залив в планах и политике Запада» и «Ближний Тунис». Принимал участие в многочисленных международных конференциях, в том числе в качестве главы делегации РФ.

Автор добавляет живые краски, описывая сложные зигзаги исторического процесса на Ближнем Востоке.

Как откровение принимаются неизвестные подробности двух арабо-израильских войн 1967 и 1973 годов.

По мнению автора, разгром Израилем сразу трех арабских государств — Египта, Сирии и Иордании был воспринят в Москве как удар по всему национально-освободительному движению Ближнего Востока. В этой связи, бесспорно, заслуживает внимания вывод В. В. Попова о том, что эти события фактически явились прологом к распаду Советского Союза через 24 года.

Вместе с тем приводимые детали многочисленных советско-египетских контактов говорят о том, что Москва искренне стремилась помочь Каиру преодолеть тяжелые последствия июньской войны.

Особый интерес представляет подробное изложение связей Советского Союза с Сирией во время войны 1973 года. Для меня это было исключительно полезно, поскольку на базе рассказа автора о контактах с сирийцами мы вместе с моим коллегой В. А. Кузнецовым опубликовали большую статью об этой странице истории Ближнего Востока. Драматические события 1973 года и перипетии выправления ситуации после войны могут служить хорошим подспорьем для молодых дипломатов: знания и упорный труд всегда приносят хорошую отдачу (В. В. Попов за работу в Сирии был награжден медалью «За трудовую доблесть»).

На меня большое впечатление произвела глава о развитии ситуации в Йемене, тем более что вместе с автором я принимал самое активное участие в политической жизни этого южноаравийского государства (В. В. Попов отдал многие годы именно Йемену — 4 года в качестве советника-посланника в Народно-Демократической Республике Йемен, а затем 4 года в качестве посла СССР в Северном Йемене и несколько месяцев в качестве посла в Объединенном Йемене). Его роль в развитии сотрудничества нашего государства с обоими Йеменами не подлежит сомнению.

Хотел бы обратить внимание на эпизоды, подчеркивающие эффективность и гуманизм советской дипломатии. Жена автора — Марина Васильевна Попова, также сотрудник посольства — активно работала с йеменскими женщинами и оставила след в их душе. Примечательно, что несколько лет назад одна из этих женщин посетила Москву и возложила цветы на могилу Марины Васильевны, похороненной на Новодевичьем кладбище, — в книге помещены фотографии этого действия.

Много нового и любопытного читатель может узнать об отношениях Советского Союза, а затем России с арабскими странами в последние 50 лет.

Значительная часть мемуаров посвящена описанию наших связей с мусульманским миром: рассказ, полный драматических деталей, об истории реализации личной инициативы президента

В. В. Путина о присоединении Российской Федерации к Организации исламского сотрудничества, объединяющей 57 государств.

В монографии содержится подробное изложение изменения нашей позиции в отношении исламской религии. Автор аргументированно описывает близость российской (евразийской) цивилизации и исламского мира. Нас объединяют много общих ценностей — в этом плане исламская цивилизация может быть ближе к нам, чем другие. Сегодня это проявляется и в политике — Саудовское Королевство и ОАЭ достигли договоренности с Россией об объемах добычи нефти и цен на нее. Москва вместе с Тегераном и Анкарой добилась перевода сирийского конфликта на рельсы урегулирования.

Военная помощь России Сирии в 2015 году сыграла решающую роль в разгроме радикального Исламского государства.

Страницы, посвященные отношениям с Ливией, показывают деструктивную роль тогдашнего министра иностранных дел Козырева в ухудшении наших связей с этим африканским государством.

Особый раздел касается этапов сближения России и Белоруссии после развала Советского Союза и личных усилий автора по укреплению дружеских отношений между нашими странами (за это он, кстати, был награжден Орденом Дружбы народов).

Несколько глав посвящены изложению непростых событий вокруг принятия тезиса о том, что представляет собой наша цивилизация. Делается вывод о том, что Российская цивилизация — отдельная, самостоятельная цивилизация наряду с китайской, индийской и др. Это является важным вкладом в теорию формирования и развития мировых цивилизаций.

Автор приводит убедительные доводы в пользу того, что российская цивилизация должна называться не европейской и не православной, а евразийской. В настоящее время этот вывод особенно актуален, ибо Запад или «золотой миллиард» пытается навязать свою волю другим цивилизациям.

Книга помогает четче понять нынешний расклад сил в мире, яснее осознать сущность происходящих сейчас процессов.

Можно с уверенностью сказать, что книга привлечет внимание не только специалистов, но и тех людей, которых интересует современная история. Уверен, что у книги будет многочисленная читательская аудитория.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И БУДУЩЕЕ ПАКИСТАНА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ P. HOODBHOY
“PAKISTAN: ORIGINS, IDENTITY AND FUTURE”
(LONDON AND NEW YORK: ROUTLEDGE, 2023. 454 p.)**

© 2024

В. Я. Белокреницкий¹

Монография известного пакистанского автора П. Худбхой вызывает значительный интерес. Автор анализирует широкий круг вопросов, связанных с генезисом, развитием и будущим Пакистана — государства, появившегося на политической карте мира в 1947 г. в результате раздела Индии с одновременным освобождением ее от колониального господства Англии. Книга освещает большое количество тем по истории, религии и политической системе многонаселенной страны (пятой в мире по населению), известной ныне как Исламская Республика Пакистан. В рецензии отмечается прогрессивный и либеральный характер взглядов автора на социально-экономические и культурно-исторические процессы, его критика идеологий исламского и индусского национализма. Особое внимание уделено трактовке автором «теории двух наций», на базе которой «отец-основатель» М. А. Джинна вел борьбу за создание Пакистана и которая до сих пор остается основой государственной идеологии. Читателя заинтересует глава о понимании жителями Пакистана своей идентичности и о месте в нем ислама. В рецензии отмечается игнорирование автором фактора территориальности при подходе к вопросу о базовых свойствах национального государства.

Ключевые слова: Пакистан, идентичность, теория двух наций, М. А. Джинна

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Происхождение, идентичность и будущее Пакистана. Рецензия на книгу P. Hoodbhoy “Pakistan: Origins, Identity, and Future” (London and New York: Routledge, 2013. 454 p.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 155–161. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-155-161

**ORIGINS, IDENTITY, AND FUTURE OF PAKISTAN.
A REVIEW OF: “PAKISTAN: ORIGINS, IDENTITY, AND FUTURE”
(NEW YORK AND LONDON: ROUTLEDGE, 2023. 454 p.) BY P. HOODBHOY**

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

The monograph of the well-known Pakistani author P. Hoodbhoy is of considerable interest. The author examines a wide range of issues related to the genesis, development and future of Pakistan, a nation-state that appeared on the political map of the world in 1947 as a result of the partition of India with its simultaneous liberation from the colonial rule of England. The book covers a big amount of topics on history, religion, and political

---

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru
Vyacheslav Y. Belokrenitsky, D.Litt. (Hist.), Professor, Chairman, Centre for the Study of Countries of Near and Middle East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8471-928X

system of the populous country (fifth most populous in the world), now known as the Islamic Republic of Pakistan. The review notes the progressive and liberal character of the author's views on socio-economic and cultural-historical processes, his criticism of the ideology of Islamic and Hindu nationalism. Particular attention is paid to the author's interpretation of the "theory of two nations", on the basis of which its "founding father" M. A. Jinnah struggled for the creation of Pakistan and on which the state ideology of Pakistan is still based. The reader should be interested in the chapter on the understanding by Pakistanis of their identity and the place of Islam in it. The review notes that the author ignores the factor of territoriality while approaching the issue of nation-state basic features.

Keywords: Pakistan, identity, theory of two nations, M. A. Jinnah

For citation: Belokrenitsky V. Y. Origins, Identity, and Future of Pakistan. A Review of: "Pakistan: Origins, Identity, and Future" (New York and London: Routledge, 2023. 454 p.) by P. Hoodbhoy. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 155–155. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-155-161

Книга Первеза Худбхой [Hoodbhoy, 2023] примечательна во многих отношениях. Она является одной из последних по времени выхода в свет большой монографией, посвященной Пакистану, стране с необычной судьбой, неясными корнями и неопределенным будущим. Автор книги, опубликованной одним из солидных западных издательств левой ориентации, хорошо известен у себя на родине в Пакистане. Любопытно, что он не является историком или политологом по основной и первой своей профессии. Он физик, окончил Массачусетский технологический институт (МТИ) и долгое время преподавал физику в Исламабадском университете. Правда, уже в 1980-х годах он начал совмещать свою преподавательскую работу с исследованием проблем государства и религии в Пакистане. Кроме того, он стал известным публицистом, выступая с острой критикой установившихся в стране порядков. С этих сугубо критических позиций написана и рецензируемая книга, которая представляет особый интерес в связи с продолжительным внутривнутриполитическим кризисом в стране.

Как вытекает из названия, работа посвящена генезису Пакистана, проблемам его идентичности и будущего. При этом глава, посвященная грядущим временам, — наименьшая по размеру, так как о будущем, отмечает автор, писать гораздо труднее, чем о прошлом. А начинается он с далекого прошлого, с эпохи задолго до того, как появилась теория двух наций, индусов и мусульман, под флагом которой возник Пакистан. Пафос первой части книги состоит в опровержении популярных ныне идей *хиндутвы* об исконности индусов и санскритской культуры на пространстве Южной Азии. «Мать Индия, — пишет он, — не была девственницей», она испокон веков подвергалась многочисленным нашествиям и переселениям. Ближе к историческим временам сложилось население цивилизации долины Инда, после ее упадка жители смешались с ариями, пришельцами с Запада, установившими контроль первоначально над Северной, а потом и всей Индией. На юге полуострова Индостан сложилась южная часть древнего населения при некотором участии народов Индского бассейна. В этой информации автора нет ничего принципиально нового, но он подкрепляет ее ссылками на получившие недавно популярность работы генетиков, изучающих ДНК древних людей [Ibid., p. 21–26]. Ссылаясь в том числе и на известных индийских специалистов, таких как Ромила Тхапар, автор подчеркивает ложность построений индусских националистов, которые корень зла видят во вторжении мусульман и разрушении ими исконных индусских святынь. Столь же резко П. Худбхой критикует и исламских националистов, связывающих все лучшее и достойное внимания в истории Индии с проникновением туда мусульман и установлением господства на большей части ее территории мусульманских династий. На пике этого господства, в империи Великих Моголов, падишахи (Акбар, Джahanгир, Шах Джahan) отличались большой

толерантностью в отношении индуизма и заключали брачные союзы вне своей религиозной среды. Подчеркивая укорененность ислама и мусульман в Индии, их культурную связь с Персией, а династическую — с Афганистаном, автор отмечает, опять же не выходя за рамки общеизвестного, но опираясь на ряд новых работ, выполненных, как правило, пакистанскими и индийскими историками, что она стала нарушаться с конца XVII в.: на доктринальном уровне — с проповедей Шейха Ахмада Сирхинди, а на практическом — с политики последнего могущественного императора Аурангзеба. В следующем столетии ислам в Индии подвергся «очищению» под влиянием реформаторской деятельности Шаха Валиуллы и его сына Шаха Абдул Азиза, а в XIX в. реформация приняла (уже в присутствии на субконтиненте англичан) воинствующие формы очистительной борьбы, развернутой под влиянием аравийских ваххабитов Ахмад Ханом Барелви (1786–1831) и его последователями [Ibid., p. 68–70].

Повествуя о британском периоде в истории Индии, автор солидаризируется с теми авторами, которые, как это сделал индийский политический деятель и историк Шаши Тхарур [Tharoor, 2016], подчеркивают грабительский характер колониального господства, особенно чувствительный в отношении Бенгалии. Сильный урон понесла привилегированная при Моголах верхушка мусульман, представители благородного сословия *ашрафов*, которые в книге фигурируют под термином *ашрафийя*. С 1830-х годов именно мусульмане стали терять позиции в административно-судебном аппарате вследствие замены персидского языка английским. Интересно, что Худбхой соглашается с теми, кто видит причины отставания мусульман от индусов и представителей некоторых других религиозных общин в приобщении к научным знаниям и требованиям, установленным британцами, в самих мусульманах, в их приверженности традициям, превознесении ислама и абсолютизации его истин, косности и нежелании постигать новые знания. Велико было среди *ашрафийя* отторжение от английского языка. Некоторые ортодоксы прибегали к специальным очистительным действиям после употребления английского. Между тем, как утверждает авторитетный пакистанский лингвист и историк Тарик Рахман, никакой фетвы, запрещающей изучение языка колонизаторов, не было, но в отдельных районах обширной Индии могли существовать частные инициативы на этот счет. В книге отмечается, что в 1871 г. в Бенгалии с примерно равным по численности индусским и мусульманским населением на всех ступенях административной лестницы большинство составляли англичане, за ними следовали индусы и лишь затем с огромным отставанием мусульмане. Из 485 чиновников местного происхождения в Бенгальском президентстве мусульманами были только 19. Похожим было положение в ряде других областей Индии, в частности в Мадрасском президентстве. Известным исключением была ситуация в Соединенных провинциях Ауда и Агры, где мусульмане не отставали от индусов по уровню общего образования, но и там они неохотно брались за изучение технических и прикладных наук, выбирая не инженерные, а гуманитарные специальности [Ibid., p. 58–64].

Этот мотив будет повторяться в книге неоднократно, и не случайно среди трех деятелей, которых автор отнес к основателям Пакистана и которым посвящена вторая часть книги, наибольшие его симпатии вызывает сэр Сайед Ахмад Хан (1817–1898). Во второй половине XIX в. он был наиболее крупным просветителем-модернистом среди мусульман, влиятельным поборником того, чтобы они овладели всей полнотой современных знаний, прежде всего естественнонаучных и технических. При этом он сочетал эти убеждения с религиозными представлениями и стал основателем в 1875 г. Мусульманского англо-восточного колледжа в Алигархе, недалеко от Дели, который после Первой мировой войны преобразовался в оплот мусульманского модернизма — Алигархский университет².

² Подробный анализ философских взглядов и просветительской деятельности Сайеда Ахмад-хана в нашей литературе см. в классическом исследовании Л. Р. Гордон-Полонской [Гордон-Полонская, 1963, с. 116–143].

Наиболее критично П. Худбхой относится ко второму основателю Пакистана — Мухаммаду Икбалу (1877–1938). Он отдает должное величию Икбала как поэта, особенно высоко оценивая его поэтическое творчество на урду и отмечая, что стихи на персидском страдают некоторой сухостью и искусственностью. Вслед за многими другими авторами, писавшими об Икбале, автор выделяет несколько периодов в творчестве и практической его деятельности как поэта, проповедника и политика. Первый период приходится на время до пребывания Икбала в Европе, учебы в Англии и Германии в начале XX в., второй — на годы после возвращения оттуда вплоть до рубежа 1920–30-х годов и последний связан с оставшимися годами жизни, посвященными проповеди обособления мусульман Индии и их особой судьбы. Автор книги беспощаден в оценке Икбала как философа, выступая против того, чтобы даже называть его таковым. Классический труд М. Икбала «Реконструкция религиозной мысли в исламе», вышедший в Англии в 1934 г., он считает беспомощной критикой плохо понятых им произведений передовой западной научной и философской мысли с целью утверждения тезиса, что ислам есть выражение высшей мудрости, которая предвосхитила и теорию А. Эйнштейна об относительности, и другие открытия в различных научных областях [Ibid., p. 116–118]. Худбхой полагает, что Икбал недаром написал свой единственный труд на мировоззренческую тему на английском. Отстаивая в ней панисламистские идеи, он апеллировал к образованной аудитории. Выбор языка, малопонятного для большинства индийских *улемов* — мусульманских священнослужителей, позволил ему отгородиться от их критики и в то же время поставил на недоступный им пьедестал.

Убежденность в положении об исламе как о полном и всеохватном знании сблизила мировоззрение М. Икбала на последнем этапе его творчества и политической деятельности с позициями исламистов, в частности, Абул Ала Маудуди (1903–1979). Икбал был знаком с Маудуди, который становился в конце 1930-х годов известным благодаря трудам на урду и политической борьбе под лозунгом превращения Индии в «страну мусульман» (*дар ул-ислам*), но отнесся к нему пренебрежительно. Это не помешало распространению в Пакистане, особенно со времени правления генерала-исламиста М. Зия уль-Хака (1977–1988), представлений о большом совпадении взглядов Икбала и Маудуди. Тогда же Икбал потеснил М. А. Джинну на алтаре единственного основателя Пакистана, превратившись в «духовного отца» страны [Ibid., p. 177–179].

Такая трансформация в официальной таблице о рангах произошла уже после распада первого, единого Пакистана, возникшего в 1947 г. Худбхой, кстати, указывает на удивительный факт ликования, с которым встретили создание Пакистана мусульмане Бенгалии, слезы и восторги по этому поводу, очень скоро сменившиеся горьким разочарованием, которое привело к распаду страны, состоявшей из Восточного и Западного Пакистана, на Бангладеш и Пакистан в нынешних границах. Это событие, казалось бы, ознаменовало провал теории двух наций, автором которой был *Каид-и-азам* («Великий вождь») Мухаммад Али Джинна (1876–1948), поскольку оно опровергало постулат о существовании в Индии нации индусов и нации мусульман. Оказалось, что единства веры недостаточно для формирования одной идентичности, нация мусульман распалась на две, а в Индии осталась община мусульман, примерно равная по численности населению как Пакистана, так и Бангладеш.

Теории двух наций (ТДН) П. Худбхой придает особое значение, не без основания полагая, что она явилась источником многих зол и испытаний, которые выпали на долю мусульман Южной Азии. Среди них огромное количество беженцев (14–15 млн в преддверии и сразу после раздела в августе 1947 г. (в эту цифру не включен мало упоминаемый в литературе исход миллиона мусульман из соседней с Бенгалией провинции Бихар осенью 1946 г.), большое число погибших, изувеченных, потерявших семью, родных, средства к существованию людей.

Автор задается вопросами: а справедлива ли ТДН и стоил ли раздел такой цены? Вопросы надо считать смелыми для пакистанца, поскольку благотворность распада Индии и ТДН продолжают оставаться главными концепциями в преподавании истории страны в школах и университетах, они лежат в идейной основе длящегося десятилетиями противостояния с Индией. Правда, в литературе на английском языке сомнения в ТДН и разделе не являются редкостью, пакистанская интеллигенция знакома с ними. Некоторые хорошо известные ей авторы, такие как Аейша Джалал, утверждают, что Джинна вовсе не хотел раздела [Jalal, 1985]. Она исходит при этом из известных фактов о том, что в самый канун раздела Джинна вел деловые переговоры о приобретении в отходящей к Индии территории недвижимости и сохранении за ним принадлежащего ему имущества, в первую очередь особняка в Бомбее, который он очень любил³. В споре о намерениях Джинны Худбхой на стороне тех, кто доказывает, что он не только хотел, но и всеми силами добивался раздела, однако не имел четких представлений, что за этим последует. Он, возможно, полагал и неоднократно публично утверждал, что между частями разделившейся страны установятся мирные, дружественные отношения, а меньшинства в той и другой части не пострадают. В этом своем предвидении (реальном или притворном) Джинна оказался неправ, тогда как главный его оппонент среди мусульман Индии Маулана Абул Калам Азад (1888–1958), один из руководителей Индийского национального конгресса и первый министр образования суверенной Индии, был прав, утверждая, что судьба меньшинств будет достаточно трагичной [Hoodbhoy, 2023, p. 182–184].

П. Худбхой полагает, что беды Пакистана коренятся в том, что страна, как выражаются в современной литературе, была «недостаточно вообразена». У политического соперника Джинны Дж. Неру было представление о том, какой он хотел видеть независимую Индию — демократической, светской, современной. Джинна всю жизнь придерживался близких к этому убеждений, но на последнем этапе своей жизни и деятельности стал более серьезно относиться к религии и той роли, которую она играет в политике. Как считает автор рецензируемой монографии, Джинна до конца жизни не определился с тем, каким он желал бы увидеть Пакистан, в публичных выступлениях периода борьбы за его создание он называл его и мусульманским, и исламским, и светским государством. Такая неясность позволяла привлечь в лагерь сторонников Пакистана различные силы, от левых до правых. Худбхой отмечает, что успеху Мусульманской лиги на выборах в центральные и провинциальные учредительные собрания зимой 1945–46 г. способствовала поддержка, которую оказали ей видные представители сословия потомственных хранителей святых гробниц (*саджада нашин*). Опираясь на известное исследование американца Д. Гилмартина [Gilmartin, 1988] о расширении базы Лиги в сельской местности провинций с мусульманским большинством, прежде всего провинции Панджаб, автор книги показывает своеобразие позиции Джинны и его соратников из Лиги, которая состояла в явном уходе от ответа на вопрос, каким будет Пакистан. Такая тактика принесла успех, но сказалась на судьбе образованного с ее помощью государства. Худбхой образно сравнил ТДН с плацентой, которая необходима для рождения человека. Отыграв свою роль в рождении Пакистана, ТДН должна была быть отброшена, а она до сих пор служит основой государственной идеологии.

Третья часть книги посвящена «послеродовым травмам» Пакистана (*postnatal blues*). Среди них автор книги выделяет две — проблемы Восточной Бенгалии и Белуджистана. Трактовки и той, и другой не отличаются особой новизной. Автор использует свой набор фактов и свидетельств, но их оказывается, на наш взгляд, недостаточно, чтобы пролить яркий дополнительный свет на травму, которая уже завершилась распадом единого Пакистана в 1971 г., и на ту, что находится еще в стадии нескончаемого глубокого кризиса.

³ См. об этом [Суворова, 2022, с. 188–189].

В следующей части своей монографии Худбхой ставит пять острых вопросов: стоил ли раздел 1947 г. той цены, за которую пришлось за него заплатить, в чем состоит идеология Пакистана, почему бы Пакистану не стать исламским государством, почему он стал преторианским, в чем идентичность пакистанцев и что означает быть им? Обсуждению каждого из вопросов, к некоторым из которых автор уже приступал, он посвящает отдельную главу. Предлагаемые ответы сводятся к тому, что цена раздела была слишком высокой, а сам он не был неизбежным; главное в идеологии Пакистана — противостояние Индии, ее стремлению расчленить и поглотить Пакистан; потому-то и нужны армия и силы безопасности, ядерное оружие и особая роль вооруженных сил в политической системе, делающая их подобными преторианской гвардии в Римской империи.

Более подробно остановимся на ответе об исламском государстве. Автор указывает, что Коран не содержит ничего (молчит) в отношении государства и управления им. Во времена Пророка, утверждает автор, арабский язык не имел даже слова для обозначения государства. Модель «государства Медины», которую разрабатывают некоторые современные теологи, в частности, живущий в Канаде пакистанец Тахир аль-Кадри, имеет своим прототипом заключение мира между различными по вере племенами, проживавшими близ Медины. Вторую модель исламского государства предложил Маудуди, а третью — применяют на практике афганские талибы. Все модели, по мнению автора книги, носят регрессивный и неподходящий для Пакистана характер. Тем не менее к исламизации политической системы страны приступали дважды. Первую попытку предпринял Зия уль-Хак, вторую — Имран Хан. Если об эксперименте генерала, начатом в конце 1970-х годов, хорошо известно, то о попытке Имрана, занимавшего пост премьер-министра в 2018–22 гг., знают меньше. В книге перечисляются нововведения, появившиеся при нем в Пакистане с целью приблизить страну к идеалу «государства Медины» (*рийясат-е-Медина*). Автор критически характеризует эту сторону политики И. Хана, полагая, кстати, что она сыграла наибольшую роль в разногласиях между ним и военными и привела в конце концов к его отставке [Hoodbhoy, 2023, p. 415–416].

Что касается идентичности пакистанцев, то, как следует из ответа автора на этот вопрос, ислам играет в ней по-прежнему значительную роль. Он приводит данные опроса, проведенного Британским советом в Пакистане в 2009 г., по которому три четверти опрошенных в отношении своей идентичности на первое место поставили ислам и только 14% — Пакистан. В 2012 г. опрос среди пользователей интернета показал сходные результаты: 49% ощущали себя в первую очередь мусульманами, и лишь 28% — пакистанцами. Впрочем, и опросы в Турции дали не слишком отличающиеся результаты — более 40% опрошенных ассоциировали себя прежде всего с религией и только около 30% — с государством. Приводимый автором разнообразный материал в главе, посвященной идентичности, убеждает в том, что ситуация в Пакистане ненамного отличается от положения в других мусульманских странах или даже в Индии, где 68% опрошенных заявили, что принадлежность к индуизму существенно важна для того, чтобы чувствовать себя индийцем [Ibid., p. 356–358].

В пятой, заключительной, части работы автор затрагивает вызовы, перед которыми стоит Пакистан, идеологические эксперименты, к которым прибегали правящие режимы после образования страны в ее сегодняшних границах, т.е. с 1971 г., и обсуждает возможности найти замену ТДН. Нужно признать, что эта часть книги вызывает известное разочарование. Стандартный набор вызовов (катаклизмы глобального климата, взрыв населения, угрозы ядерной войны с Индией и нового раскола страны) сменяется характеристикой четырех идеологических этапов, которая мало что добавляет в уже нарисованную картину пакистанской истории, и завершается наброском новой государственной идеологии, призванной заменить ТДН. Перечислим постулаты этой идеологии, говорящей о благих пожеланиях и прогрессивных взглядах автора: покончить с легализованной

дискриминацией религиозных меньшинств, распределить богатства страны, раскрепостить женщин, уделить внимание к проблеме Кашмира, вернуть армию в бараки и т.п.

Заканчивая, отметим, что книга П. Худбхой, без сомнения, заслуживает внимания. Она пополняет длинный ряд серьезных монографических исследований по истории и современным проблемам Пакистана. Работа при этом несет отпечаток индивидуальности автора. В начале рецензии мы уже коснулись темы профессии и профессиональной судьбы пакистанского физика и лирика. Отметим в конце еще одну его черту. По происхождению, как видно из текста книги, он хаджа-исмаилит из Синда. Таким образом, он не принадлежит к суннитско-панджабскому большинству жителей страны. С этим в известной мере связана, как кажется, его критика работы другого видного представителя левой идеологии — Айтсаз Ахсана, который попытался обосновать в качестве базой для Пакистана, не связанной только с исламом, идею нации людей Индского бассейна [Ahsan, 2001]. Характеризуя достаточно популярную в Пакистане его книгу, П. Худбхой называет ее концепцию малоубедительной и выражающей интересы приверженцев панджабского национализма [Hoodbhoy, 2023, p. 351–353]. Между тем, по нашему мнению, акцент на близости исторических судеб и культуры народов Индского региона мог бы лечь в основу представлений о корнях Пакистана. Характерно, что территориальный аспект не нашел какого-либо отражения в рецензируемой монографии. Не исключено, что это в какой-то мере объясняется тем, что хаджа-исмаилиты относятся к числу исключительно мало связанных с территорией исламских сект. Они проживают, помимо Пакистана, и в Индии, и в Англии, и в Африке — словом, разбросаны по всему миру. В то же время одной из кардинальных характеристик современной нации-государства является признанная международным сообществом территория, а вокруг территориального вопроса идут споры и разгораются конфликты. Игнорирование этого обстоятельства не позволяет автору противопоставить ТДН идеологию одной нации, сплоченной ради достижения всех тех целей, о которых он упоминает в заключении.

Литература / References

- Гордон-Полонская Л. Р. *Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана*. М., 1963 [Gordon-Polonskaya L. R. *Muslim Currents in the Social Thought of India and Pakistan*. Moscow, 1963 (in Russian)].
- Суворова А. А. *Разум и чувства. Личная жизнь Мохаммеда Али Джинны*. М., 2022 [Suvorova A. A. *Mind and Feelings. Private Life of Mohammed Ali Jinnah*. Moscow, 2022 (in Russian)].
- Ahsan A. *The Indus Saga and the Making of Pakistan*. Lahore, 2001 (Sixth Edition).
- Gilmartin D. *Empire and Islam. Punjab and the Making of Pakistan*. Berkeley, 1988.
- Hoodbhoy P. *Pakistan: Origins, Identity and Future*. New York and London, 2023.
- Jalal A. *The Sole Spokesman: Jinnah, the Muslim League and the Demand for Pakistan*. Cambridge, 1994.
- Tharoor S. *An Era of Darkness. The British Empire in India*. Delhi, 2016.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л. А. ВАСИЛЬЕВОЙ
«ПРИЧУДЫ ЛЮБВИ. ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ МИРА ТАКИ МИРА»
(М.: ИВ РАН, 2023. 263 с.)**

Е. Ю. Ванина¹

Рецензия на монографию, посвященную творчеству великого поэта урду Мира Таки Мира (1723–1810) и реконструирующую историческую обстановку, в которой он творил, его биографию, мировосприятие, специфику поэтического языка, а также восприятие творений Мира современниками и потомками.

Ключевые слова: Мир Таки Мир, литература урду, газель, маснави, мирийат, бейт

Для цитирования: Ванина Е. Ю. Рецензия на монографию Л.А. Васильевой «Причуды любви. Жизнь и поэзия Мира Таки Мира» (М.: ИВ РАН, 2023. 263 с.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 4. С. 162–164. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-162-164

**REVIEW OF “WHIMS OF LOVE. LIFE AND POETRY OF MIR TAQI MIR”
BY L. A. VASILYEVA (MOSCOW: IOS RAS, 2023, 263 p.)**

E. Yu. Vanina

Review of the book that explores the works of the great Urdu poet Mir Taqi Mir (1723–1810) and reconstructs the historical surroundings, biography, worldview, specificities of poetical language, as well as the perception of Mir's poetry by his contemporaries and the succeeding generations.

Keywords: Mir Taqi Mir, Urdu literature, ghazal, mathnawi, miriyat, beyt

For citation: Vanina E. Yu. Review of “Whims of Love. Life and Poetry of Mir Taqi Mir” by L. A. Vasilyeva (Moscow: IOS RAS, 2023. 263 p.). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 4. Pp. 162–164. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-162-164

Эта книга в равной степени интересна и историкам, и филологам. Автору удалось в полной мере совместить «жизнь», то есть жизнеописание поэта на фоне исторических событий, и «поэзию», т. е. анализ творчества. Считается, что газель — жанр, в котором важны скрытые смыслы, аллюзии, игра слов, метафоры: все, что угодно, только не реальная жизнь поэта и общества, к которому он принадлежал. Попытка «приземлить» газель, ассоциировать ее с реальностью чревата для исследователя опасностью впасть в грубый социологизм и грубый

---

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; eug.vanina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7992-3013

историзм, превратить поэзию, которой столетиями восхищаются миллионы людей, в излияния бездельников — эротоманов и пьяниц (так и на самом деле оценивали классиков урду некоторые чересчур рьяные обличители «старой» поэзии во славу «новой», «естественной»²). Л. А. Васильева счастливо избежала такой опасности. Она подробно рассказывает об эпохе Мира и его окружении потому, что именно на этой почве сформировался поэт, не ищет прямых исторических и социальных мотивов, но с успехом позволяет читателю услышать и голос эпохи, и воззрения великого поэта.

Эпоху эту долгое время зарубежные и отечественные исследователи однозначно рассматривали как мрачное и страшное время всеобщей деградации, когда после распада империи Великих Моголов возникшие на ее обломках государства повели нескончаемые войны между собой, в которые тотчас же вмешались европейцы, открывшие, при деятельной помощи эгоистичной туземной знати, путь к колониальному порабощению страны. Согласно этой концепции, погибла не только великая империя, но и ее культура, так что, по ставшему классическим высказыванию крупнейшего индийского историка, «индийского Ранке» Джадунатха Саркара (1870–1958), «...индо-персидская цивилизация, выросшая под сенью делийских падишахов, и новая индусская культура, развившаяся при *пешвах*³, были обе мертвы к концу XVIII в. Их позитивная энергия умерла, их безжизненные трупы разлагались, распространяя гниение по всей стране...» [Sarkar, 1950, v. IV, p. 347–348]. И только с конца XX в. этот стереотип стали пересматривать как историки⁴, так и филологи, начавшие активно исследовать и переводить ту самую литературу XVIII в., и прежде всего — на урду, которую прежде считали «упаднической». Л. А. Васильева — филолог, но ее труд предоставляет историкам обильную пищу для размышлений, ибо, с одной стороны, поэзия и автобиографическое сочинение Мира наполнены реалиями и настроениями всеобщего упадка, кризиса старых порядков, разрушения привычного образа жизни, но с другой — демонстрируют не «безжизненные трупы», а живое общество, в котором развивалась культура и активно осмысливались явления окружающего мира.

Большой удачей автора является предпринятая в монографии реконструкция черт характера Мира, исследование его поэзии как личностной, несмотря на все традиции и догмы газельного самовыражения. Лирический герой и его возлюбленная — обязательные элементы лирики на урду, но автор убедительно показывает, насколько гений поэта и неординарность его характера взламывают панцирь поэтической рутины, обнажая живое, трепещущее чувство и подлинный чувственный опыт. Л. А. Васильева филигранно разбирает выразительные средства, позволявшие Миру, подлинному виртуозу языка, проявить одновременно верность традиции и удивительное новаторство, аристократизм и демократизм, позволившие поэту навеки остаться для любящих стихи на урду близким человеком, добрым знакомым, просто «Миром-сахибом». Не будучи литературоведом, я всегда с опаской относилась к анализу средств поэтического выражения, но здесь с интересом читала, как автор пытается раскрыть секрет великой «простоты» языка прославленного поэта; за нее Мира, как и Пушкина, критиковали, но именно умение выразить сложность чувств и мыслей языком обычного человека и делало поэзию обоих гениальной. Особое внимание исследовательница уделяет звучанию, звуковой технике, музыке стихов Мира: ведь, согласно культурной традиции субконтинента, их не столько читали, сколько декламировали особым распевным образом и слушали на поэтических собраниях — *мушаирах* или просто в компании ценителей.

Важно, что в монографии Мир показан глазами современников и потомков. В последнее время, анализируя произведения литературы, изобразительного и других искусств, исследователи

² См. подробнее [Васильева, 1997].

³ *Пешвы* — династия правителей Маратхской конфедерации.

⁴ См., например, [Washbrook, 2001; Alavi, 2002; Marshall, 2003].

все чаще затрагивают проблемы восприятия того или иного шедевра, те социальные и эстетические смыслы, которые в него вкладывает аудитория — при жизни творца и в последующие времена; причем нередко эти смыслы далеки от замысла самого автора, а подходы его современников и потомков во многих случаях кардинально различаются. Л. А. Васильева вписала Мира в историю литературы урду и убедительно показала, какой отклик имела и до сего дня имеет его поэзия в среде как литературоведов, так и читающей публики. Книга раскрывает перед читателем не только Мира, но и «миристику» (такой термин я сочинила по аналогии с «пушкинистикой»). Одни исследователи видят поэзию Мира пессимистической, трагической, исполненной личной и вселенской боли, другие находят в ней дерзкий и амбициозный нрав, гордость (и вполне обоснованную) своим талантом, насмешливость, чувственность... Как многие литературные гении, Мир любим, почитаем, но недостаточно известен и мало понят.

Автору не удалось разрешить все загадки, связанные с жизнью и творчеством Мира, но это и невозможно, как и в случае с любым великим поэтом. Зато удалось написать яркую и оригинальную книгу, раскрывающую важнейший пласт литературы и, шире, культуры Южной Азии.

Литература / References

- Alavi S. (ed.). *The Eighteenth Century in India*. Delhi, 2002.
- Marshall P. (ed.). *The Eighteenth Century in India: Evolution or Revolution*. Delhi, 2003.
- Sarkar J. *Fall of the Mughal Empire*. Vol. I–IV. Calcutta, 1950.
- Washbrook D. Eighteenth Century Issues in South Asia. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2001. Vol. 44. No. 3. Pp. 372–383.
- Васильева Л. А. *Благонравный мятежник. Алтаф Хусейн Хали — поэт-просветитель мусульманской Индии конца XIX — начала XX в.* М., 1997 [Vasilyeva L. A. *The Well-Behaved Rebel. Altaf Husain Hali, an Enlightener Poet of the Muslim India, End of the Nineteenth — Beginning of the Twentieth Century*. Moscow, 1997 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-165-175

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БАРТОЛЬДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(24–26 АПРЕЛЯ 2024 г.)**

© 2024 **А. Д. Васильев, Ю. И. Дробышев, О. М. Курникова, Д. М. Тимохин**¹

В настоящей статье представлен обзор Международной научной конференции «Бартольдовские чтения», которая состоялась 24–26 апреля 2024 г. в очно-дистанционном формате. Данное научное мероприятие проводилось на базе Института востоковедения РАН и было организовано Отделом истории Востока при информационной поддержке *Orientalia Rossica*. По сложившейся традиции для «Бартольдовских чтений» в 2024 г. была выбрана общая проблематика, а именно — «титул» во всем его многообразии на Востоке. При этом перед участниками был поставлен широкий круг вопросов, связанных с формированием, использованием и эволюцией титула на Востоке: «титул и статус: соотношение обоих понятий в культуре народов Востока», «визуализация титула на Востоке», «эволюция титула и его значения в письменных памятниках и эпиграфике», «религиозное содержание титула и его трансформация», «титлатура в среде кочевых и оседлых народов», «титул в культуре и искусстве Мезоамерики». В работе конференции приняли участие более 80 человек из различных регионов и городов Российской Федерации, а также из Армении, Казахстана, Туркмении и Узбекистана, что свидетельствует о большом интересе к заявленной тематике.

Международная научная конференция «Бартольдовские чтения» была открыта приветственными выступлениями руководства Института востоковедения РАН и президента Российского государственного гуманитарного университета, академика РАН Е. И. Пивовара. В течение трех дней работы конференции было заслушано 80 докладов отечественных и зарубежных специалистов, чьи выступления проходили в рамках тематических секций: «Региональное измерение титула и титулатуры», «Национальная и этническая история титула», «Титул и титулатура в национальных и политических обществах Северного и Южного

---

¹ Васильев Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, DSc (Hist.), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-2947-4413

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; altanus@mail.ru

Yuliy I. Drobyshev, PhD (Hist.), PhD (Biology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; altanus@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9318-4560

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.kurnikova@ivran.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; o.kurnikova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9593-8912

Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. Timokhin, PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9093-5269

Кавказа», «Титул и титулатура в тюрко-монгольском мире», «Титул и титулатура на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке», «Титул и образ власти локальной цивилизации Дальнего Востока», «Титул и титулатура в цивилизациях Мезоамерики», «Титул и титулатура в культуре Древнего Востока», «Титул и титулатура Ирана, Афганистана и Индии». Все участники конференции подчеркивали значимость сохранения традиции «Бартольдских чтений» и отмечали необходимость дальнейшего проведения этой конференции в действующем тематическом формате.

Ключевые слова: Бартольдские чтения, титул, востоковедение, письменные памятники, эпиграфика

Для цитирования: Васильев А. Д., Дробышев Ю. И., Курникова О. М., Тимохин Д. М. Международная научная конференция «Бартольдские чтения» (24–26 апреля 2024 г.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 165–175. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-165-175

INTERNATIONAL CONFERENCE “BARTHOLD READINGS” (APRIL 24-26, 2024)

Alexander D. Vasilyev, Yuliy I. Drobyshev, Oxana M. Kurnikova, Dmitry M. Timokhin

This article presents an overview of the International Scientific Conference “Barthold’s Readings”, which was held on April 24–26, 2024. This scientific event was held at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and was organized by the Department of Oriental History with the information support of *Orientalia Rossica*. According to established tradition, a common theme was chosen for the “Barthold’s Readings” in 2024, namely, the “title” in all its diversity in the East. At the same time, the participants were posed a wide range of questions related to the formation, use and evolution of the title in the East: “title and status: the relationship between both concepts in the culture of the peoples of the East”, “visualization of the title in the East”, “evolution of the title and its meaning in written monuments and epigraphy”, “religious content of the title and its transformation”, “titulature among nomadic and sedentary peoples”, “title in the culture and art of Mesoamerica”. The conference was attended by over 80 participants from various regions and cities of the Russian Federation, as well as from Armenia, Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan, which indicates a great interest in the stated topic. The international scientific conference “Barthold’s Readings” was opened with a welcoming speeches by the leadership of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the President of the Russian State Humanitarian University, Academician of the Russian Academy of Sciences E. I. Pivovar. During the three days of the conference, 80 reports were presented by domestic and foreign experts, whose presentations took place within the framework of thematic sections: “Regional Dimension of Title and Titulations”, “National and Ethnic History of Title”, “Title and Titulations in National and Political Societies of the North and South Caucasus”, “Title and Titulations in the Turkic-Mongolian World”, “Title and Titulations in the Near and Middle East and North Africa”, “Title and Image of Power of the Local Civilization of the Far East”, “Title and Titulations in the Civilizations of Mesoamerica”, “Title and Titulations in the Culture of the Ancient East”, “Title and Titulations of Iran, Afghanistan and India”. All conference participants emphasized the importance of preserving the tradition of the “Barthold’s Readings” and noted the need to continue holding this conference in the current thematic format.

Keywords: Barthold’s Readings, title, oriental studies, written monuments, epigraphy

For citation: Vasilyev A. D., Drobyshev Y. I., Kurnikova O. M., Timokhin D. M. International Conference “Barthold Readings” (April 24–26, 2024). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 165–175. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-165-175

В период с 24 по 26 апреля 2024 г. в Институте востоковедения РАН состоялась Международная научная конференция «Бартольдские чтения», которая была организована Отделом истории Востока при информационной поддержке *Orientalia Rosica*. Организаторы конференции предложили в качестве общей проблематики для данного научного мероприятия тематику «**титул**» во всем его многообразии на Востоке, что должно было способствовать объединению усилий специалистов, чьи научные интересы связаны с различными регионами Востока и различными историческими периодами. В результате на участие в работе конференции было подано свыше 80 заявок, и подавляющее большинство из подавших их смогли принять участие в работе конференции в очном или дистанционном формате. Участники конференции представляли исследовательские и учебные заведения не только Российской Федерации, но и Армении, Казахстана, Туркмении и Узбекистана. На конференции были представлены Институт востоковедения РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана, Институт евразийских и межрегиональных исследований (ИЕиМИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт российской истории РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (УрФУ), Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Восточный факультет СПбГУ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Дагестанский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, МГИМО МИД РФ, Институт восточных рукописей РАН, Тюменский государственный университет, «Узбекско-китайский институт имени Конфуция» при ТГУВ, Казанский (Приволжский) федеральный университет, АНО «Большая Российская Энциклопедия», Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа общественных наук, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Национальный архив Республики Казахстан, Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Национальная библиотека им. А. З. Валиди Республики Башкортостан, Калмыцкий научный центр РАН, Саяно-Шушенский филиал Сибирского федерального университета, Университет Адам (Бишкек), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Дальневосточный федеральный университет.

В ходе конференции обсуждались следующие ключевые вопросы, обозначенные ее организаторами уже в информационном письме:

- Титул и статус: соотношение обоих понятий в культуре народов Востока;
- Визуализация титула на Востоке;
- Эволюция титула и его значения в письменных памятниках и эпиграфике;
- Религиозное содержание титула и его трансформация;
- Титулатура в среде кочевых и оседлых народов;
- Титул в культуре и искусстве Мезоамерики.

Международная научная конференция «Бартольдские чтения» была открыта 24 апреля 2024 г. приветственными выступлениями академика РАН, д. и. н., научного руководителя Института востоковедения РАН В. В. Наумкина, академика РАН, д. и. н., директора Института евразийских и межрегиональных исследований РГГУ, президента РГГУ Е. И. Пивовара, д. и. н., директора ИВ РАН А. К. Аликберова, к. и. н., зам. директора ИВ РАН Н. Г. Романовой и д. и. н., зав. Отделом истории Востока ИВ РАН А. Д. Васильева.

В рамках пленарного заседания выступили д. и. н., в. н. с. Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН А. В. Беляков с докладом «Между Золотой Ордой и Московским царством: инвеститура в постордынском мире», д. и. н., в. н. с. Института востоковедения РАН А. Ю. Быков с докладом «Трансформация содержания и восприятия казахских титулов «хан» и «султан» в XVIII — нач. XX вв.», д. и. н., в. н. с. Института востоковедения РАН Б. У. Китинов с докладом «Титул “хан” у калмыков: особенности получения», к. и. н., в. н. с. Института востоковедения РАН С. Е. Сидорова с докладом «Салюты, ордена, звания: британские стратегии обретения союзников в колониальной Индии» и доктор культурологии, в. н. с. Института востоковедения РАН П. А. Куценков с докладом «Визуализация власти вождя у догонов (Республика Мали)».

После проведения пленарного заседания продолжилась работа участников конференции в следующих секциях: **«Региональное измерение титула и титулатуры»**, **«Национальная и этническая история титула»**, **«Титул и титулатура в национальных и политических обществах Северного и Южного Кавказа»**, **«Титул и титулатура в тюрко-монгольском мире»**. Работу первой секции открыл доклад В. Л. Толстых «Территориальные титулы на Востоке», в котором автор обратил внимание на ряд особенностей приобретения территориальных титулов в странах Востока. В свою очередь выступление А. И. Губаревой «Титулы у женщин-правительниц на Ближнем Востоке в Средние века» было посвящено сравнительно редкому явлению в странах мусульманского Востока, а именно женщинам-правительницам и тем специфическим формам титулов, которые ими использовались по данным мусульманских источников.

Третий доклад в этой секции — И. Л. Измайлова «Тюркская и мусульманская титулатура в Волжской Булгарии X–XIII вв.: традиция и ее трансформация» привлек внимание слушателей к эволюции титулатуры правителей Волжской Булгарии. Выступающий подчеркнул тот факт, что с 920-х гг. правители Булгарии титуловались как эмиры. Одновременно с этим титулом вся другая социальная титулатура оставалась, видимо, тюркской. Военная элита называлась йори / чури, а люди, выполнявшие различные повеления правителя, носили титул илчи.

Следующий докладчик — Э. Г. Сайфетдинова обозначила свое выступление темой «Титул и статус ордынского переселенца мамлюкского эмира Кусуна ас-Саки (1302–1342)». В частности, было отмечено, что титул и геральдика, связанная с именем эмира Кусуна ас-Саки, сохранена на некоторых архитектурных памятниках Каира, относящихся к эпохе правления мамлюкских султанов. Л. Ф. Байбулатова в своем докладе «Титулатура Шейбанидов в “Таварих-и гузида Нусратнаме”» отметила, что в переводной и оригинальной частях данного произведения можно проследить титулатуру Шейбанидов, которая изменялась в зависимости от событийной канвы; также в нем прослеживается противопоставление титулов Шейбанидов с титулами Тимуридов.

И. П. Глушкова выступила с докладом «Ранжирование духовной безупречности, или Как в индуизме многозначное слово *sant* стало религиозным титулом», в котором, в частности, отметила влияние западных миссионеров, испытывавших трудности с переводом и использовавших сходное по звучанию английское *saint* вместе с правилами употребления этого титула в отношении носителей канонизированной святости в христианстве применительно к не имеющему канонических установок индуизму.

Ф. Ш. Сибатов в своем выступлении «Бий как титул в истории башкирского народа» рассказал, что в экономическом плане бии были крупными землевладельцами и собственниками скота, а в военные время они возглавляли войска. Тематическим продолжением стал доклад Ю. В. Псянчина «Анвар Закирович Асфандияров — исследователь института тарханства у башкир», в котором автор рассмотрел научное наследие выдающегося ученого и отдельно — работы по истории

института тарханства. Завершил работу секции **«Региональное измерение титула и титулатуры»** доклад «Турахан: титул или антропоним?», в нем А. Г. Салихов указал на то, что, по мнению ряда историков, название Турахан является не антропонимом, а титулом «торе» («тюра»), обозначающим не правящих потомков Чингиз-хана.

Работа секции **«Национальная и этническая история титула»** была открыта докладом В. В. Прудникова «Титулы сельджукских правителей в норманнской исторической традиции XI–XII вв.», в котором автор акцентировал внимание на том, как норманнские хронисты воспринимали мусульманские политические структуры на Востоке и какие параллели проводили. Следующий доклад Б. С. Дугарова «Гэсэр как эпический титул и его происхождение» обратил внимание слушателей на проблему происхождения имени эпического воина-правителя — Гэсэр и производных от него форм титулатуры. Доклад А. В. Мрачковой «Тюрк Шахи: титул и этническая принадлежность» был посвящен сравнительно малоизученной династии, правившей на территории современного Афганистана в раннее Средневековье, используемой ими титулатуре и ее происхождению.

А. А. Столяров в своем выступлении «Изменения титулатуры бенгальских правителей с VIII по XIII в.» проследил эволюцию титулатуры бенгальских правителей за более чем пять столетий истории региона. Также истории Индии был посвящен следующий доклад Н. А. Железновой «“Что в имени тебе моем?»: титулы “бхаттарака” (bhaṭṭāraka) и “шрипуджя” (śrīpūjya) в джайнизме как форма социально-религиозной адаптации». В нем автор обратил внимание на то, что появившиеся в XIV в. титулы «бхаттарака» (bhaṭṭāraka — букв. «почитаемый, знаток») и «шрипуджя» (śrīpūjya — букв. «почтенный, почитаемый»), ранее отсутствовавшие в религиозной иерархии джайнов, обозначали выбранных в качестве главы общины, живущих постоянно в монастыре-матхе или при храме аскетов монашеского или полумонашеского статуса. В следующем выступлении А. О. Захарова «Национальный герой Индонезии (Pahlawan Nasional Indonesia): к истории титула» была проанализирована история присвоения титула от учреждения до наших дней.

Третья секция, которая начала работу в первый день конференции «Бартольдские чтения», — **«Титул и титулатура в национальных и политических обществах Северного и Южного Кавказа»** — проходила преимущественно в онлайн-формате и была открыта докладом В. О. Бобровникова «Титулы Халифата на юге Российской империи (Дагестан) XVIII — начала XX вв.: культурный перевод, значения и исторический контекст», в котором автор обратил внимание на использование титулов Арабского халифата VII–XII вв. на юге Российской империи, а именно в Дагестане в XVIII — начале XX в. Следующий доклад З. Ш. Закарияева был посвящен видам и значению титулов в арабоязычной эпиграфике Дагестана. Выступление Г. Ж. Мхитарян «Эволюция титула мелика в Восточном Закавказье в XVIII — начале XIX в.» продемонстрировало слушателям эволюцию указанного титула в регионе, начиная с VII–VIII вв. и вплоть до 20-х гг. XIX в.

Доклад Ф. А. Полчаевой «Титул как элемент государственности в дагестанских государственных образованиях» был посвящен проблеме происхождения дагестанских титулов и их роли в политической культуре. В выступлении Ш. М. Хапизова на тему «Сословные титулы Аварского нуцальства (царства Сарир) согласно местным письменным источникам» автор подчеркнул, что выявление и исследование местных письменных источников XV–XIX веков позволило заметно обогатить перечень титулов, употреблявшихся в Аварском нуцальстве (рахъан — «представитель свиты», кИлгъилав — «принц, преемник правителя», батІрикІ — «представитель знати», чІухІби — «судья», чаландар — «комендант крепости», гІел — «судебный исполнитель», магъуш — «глашатай», чукъа — «рядовой дружинник», майиндур — «руководитель военного ведомства, главный военачальник нуцальства» и т. д.).

Завершил работу секции доклад И. А. Чмилевской «Карабудахкентские ‘адаты и титулы их акторов», в котором автор на основании анализа рукописи из Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН выделил многие соционимы и титулы, которые могли бы представлять интерес для историков, исследующих социальную структуру Дагестана в указанный период. Среди них: ал-ахрар (араб. букв. «свободные»), ал-амир ал-кабир (араб. букв. «главный правитель»), ас-султан (араб. «властитель»), ал-умара’ (араб. «правители»).

Завершала работу первого дня конференции секция **«Титул и титулатура в тюрко-монгольском мире»**, которую открыл выступлением на тему «Титулы предводителей печенегов и “подарочные наборы” для них в византийском трактате “Об управлении империей”» А. С. Щавелев. В нем докладчик особое внимание уделил упоминанию в трактате одного из «великих архонтов» кангарской фемы Ги́ла Куркут, который носил такое же имя, как и один из центральных героев тюркского эпоса — «дед Коркут». В названии этой фемы читается тюркский титул йула: в трактате разъясняется, что это слово является титулом и переводится на греческий как «судья».

Доклад Ю. И. Дробышева «Титул “гурхан”: к вопросу о влиянии киданьской политической культуры на кочевников» предложил слушателям обратиться к истории формирования монгольской государственности, а точнее — к проблеме адаптации монголоязычными номадами киданьского титула «гур-хан». С этой проблематикой был отчасти связан и совместный доклад В. А. Беляева, В. Н. Настича и С. В. Сидоровича «Малик арам йинал карач — неизвестный титул гурхана Елюй Даши?» В нем авторам удалось показать, что титулы малик арам йинал карач на литых монетах китайского типа (т. н. «прото-караханидских») и ал-хакан малик арам йинал карач — на чеканенных медных дирхамах исламского облика с именем халифа ал-Муктафи (1136–1160) относятся именно к Елюй Даши — первому правителю кара-китайского государства.

В рамках данной секции В. В. Тишин представил два доклада (один в соавторстве с Б. З. Нанзатовым), первый из которых был посвящен проблеме изучения древнетюркской титулатуры: в нем автор обосновывает, что набор и содержание титулов варьировались в зависимости от конкретного историко-культурного контекста. Во втором докладе «Шугожун: к интерпретации личного имени бурятского деятеля в русскоязычных источниках XVII в.» авторы утверждают, что данное личное имя связано с титулом, зафиксированным в письменных памятниках в формах *seüse*, *se’üse*, *sigüsi*, *sigüse*, этимологически связываемым с китайским сяо-сы 小厮 ‘маленький слуга’, ‘челядинец’.

Выступление Н. И. Храпунова было посвящено Крымскому ханству и носило название «О передаче крымских титулов в записках путешественников XVIII века». Завершил работу секции доклад Д. М. Усмановой «’Ваисовский Божий полк староверов-мусульман’: к вопросу о титулатуре ваисовцев на рубеже XIX–XX вв.», в котором была сделана попытка проследить истоки происхождения тех или иных титулов, их употребление и трансформации в начале XX столетия.

Второй день конференции был открыт работой секции **«Титул и титулатура на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке»**. Первым с докладом на ней «Мутассарифы и санджак-беи: к вопросу развития административного аппарата в Османской Сирии (1864–1914)» выступил И. Р. Лученков. Этот доклад был посвящен изучению вопросов структурного развития титулатуры высшей османской администрации четырех арабских вилайетов, составляющих историко-культурное пространство Сирии: Дамасского, Бейрутского, Алеппского и Деир-эз-Зорского в период после административно-территориальной реформы 1864 г. вплоть до начала Первой мировой войны.

И. Р. Прохоров в докладе «Изменение полномочий обладателей султанских титулов в казахской степи после реформы М. М. Сперанского “Устав о сибирских киргизах” 1822 г.» постулировал, что использование титула «султан» с новым смысловым наполнением оказалось жизнеспособным

и позволило достичь поставленных реформой целей — установления реальной российской власти на территории Среднего жуза.

В сообщении С. С. Вдовина «Титул “вазир” при хивинском дворе в XIX — начале XX в.: некоторые наблюдения» автор отметил следующий сюжет: в Хивинском ханстве вазиром титуловались лица, занимавшие разные посты при дворе государя в тот или иной период. В результате отсутствие четкой регламентации полномочий многих должностей и зависимость их от конкретной политической ситуации приводили к возвышению одних чиновников и утрате влияния у других. Так, к середине XIX в. в качестве вазира стал восприниматься кушбеги, а в начале XX в. этот статус обрел и ясаулбаши. Приведенная автором доклада информация позволяет расширить представления как об особенностях функционирования политической системы Ливии эпохи М. Каддафи, так и проблем титулатуры и политического лидерства в политической культуре и практике политического управления арабских стран Северной Африки во второй половине XX — начале XXI вв.

Х. А. Мирзоев посвятил свой доклад следующей проблематике: «Должность мухтасиба и его влияние на городское пространство». Основная мысль доклада заключалась в том, что мухтасиб играл весьма существенную роль в функционировании городского пространства, регулируя справедливое соотношение между общими и частными интересами горожан. Доклад С. Д. Агдаева «Титул “хан” и его статус в туркменском обществе XIX в.» вновь вернул слушателей в среднеазиатский регион, а сам автор справедливо отметил тот факт, что роль и положение хана в туркменском обществе — частая и в то же время окончательно не решенная научная проблема. Завершил работу секции доклад А. Д. Васильева «Титул в дипломатической переписке правителей Центральной Азии с османскими султанами (конец XVIII — середина XIX вв.)», в котором говорилось о религиозно-политическом значении титула для правителей Центральной Азии, важности титула в установлении легитимности местных правителей и роли инвеституры турецкого султана.

Работа конференции во второй день продолжилась секцией «**Титул и титулатура в тюркомонгольском мире**», которая была открыта сообщением С. А. Угдыжекова «Титулатура кыргызов VI–XIII вв.», в котором автор подчеркивал, что критерий происхождения, связанный с системой родства, лег в основу выделения особенно престижных статусов и в воинско-дружинной среде. Следующий доклад Т. М. Калининой «Титулы и роли шада и бека в Хазарии» был посвящен двум титулам в истории Хазарского каганата, один из которых, «шад», был заменен вторым, «бек», и не исключено, что бек отстранил от власти шада, выступив против узурпации власти и претендуя на управление государством вместо шада.

Доклад Д. М. Тимохина «“Тайангу из Тараза”: о некоторых особенностях передачи мусульманскими авторами титулатуры кочевых народов Дешт-и Кыпчака» был посвящен анализу упоминаемого многими мусульманскими историками эпизода в истории взаимодействия кара-китаев и Хорезма. Кара-китайский полководец был сначала союзником, а затем противником хорезмшаха, однако его имя, Тайангу, как отмечал докладчик, — вовсе не имя собственное, а титул. Следующий выступающий — А. В. Аксанов обратил внимание слушателей на историю завоевания Казанского ханства. Его сообщение «“Казанская история” о природе царского титула» показало слушателям, что автор данного сочинения отвечал на вопрос: почему завоевание Казанского юрта давало право Ивану IV на царский титул?

Доклад И. А. Фукалова «Сакральность титулов в басмыльских идикутствах в X–XI вв.» вновь вернул слушателей к событиям раннесредневековой истории Центральной Азии. Главным выводом автора стало признание наличия у басмыльских племен в IX–XI вв. ярко выраженной сакрализации власти, основывающейся на тюркско-тенгрианской традиции, четко следующей установке «Тенгри-Кут-Каган». Следующим стало выступление И. Г. Коноваловой на тему «Титул

русских князей “каган”», в котором она рассмотрела особенности употребления титула «каган» в международной практике применительно к древнерусским князьям в арабских, персидских, латинских, греческих и древнерусских источниках IX–XII вв. Завершил работу секции доклад И. М. Миргалеева «Большие и малые ханы в Золотой Орде и в постордынских политиях: титул или звание?»

Финальной секцией второго дня работы конференции стала «**Титул и образ власти локальной цивилизации Дальнего Востока**», заседание которой открыл докладом «О титулах иностранных правителей в китайской историографии эпох Юань и Цин» А. Ш. Кадырбаев. Выступающий подчеркнул, что китайская историография указанных эпох отражала политическую практику взаимоотношений Китая с другими государствами и народами, хотя в годы правления монгольской династии Юань и маньчжурской династии Цин Поднебесная фактически находилась под властью иностранных завоевателей, тем не менее последние восприняли традиционную китайскую доктрину взаимоотношений с внешним миром, что наглядно проявилось в их титулатуре.

В сообщении «Семантика художественных образов эпохи модерна в искусстве Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв.» Е. О. Графовой были рассмотрены художественные образы цветов, ставшие геральдическими символами визуализации титула на Дальнем Востоке. Следующий выступающий Г. А. Погосян в своем докладе «Вопрос существования системы титулования у религий в Корее и развитие их социального статуса с периода трех государств и до начала периода династии Чосон» рассмотрел развитие социального статуса религий на Корейском полуострове начиная с периода трех государств и до начала периода династии Чосон, в контексте чего главное внимание было уделено развитию системы титулования у представителей религий.

Н. О. Сорокин обратил внимание слушателей на использование титула в дипломатической переписке на примере династии Мин и сёгунов Асикага в XIV–XV вв. Доклад Д. В. Дубровской «*Хуахужэнь* династии Цин (1644–1912) и его отличие от *хуажэнь*, *хуацзя* и *хуаши*» был посвящен титулатуре придворных художников маньчжурской династии Цин (1644–1912) в Китае и отличию придворного титула хуахужэнь (画画人, «человек, пишущий картины») от хуажэнь (画人, «рисующий человек»), хуацзя (画家, «художник») и, наконец, хуаши (画士, «художник-чиновник»).

Сравнительно широкую проблематику затронул доклад Р. М. Зиганьшина «Взаимоотношение титулов, статусов и полномочий правителя и полководца в древнем Китае». Системе присвоения монархом аристократических титулов и почетных званий в Древнем Китае, которая представляла собой феодальную иерархическую «лестницу», устанавливаемую монархами разных династий для упрочения своей власти и регулирования отношений внутри правящего класса, был посвящен доклад С. А. Насировой «Система титулов в Древнем Китае». Завершил второй день работы конференции доклад С. Н. Шаповаловой «Фигуры дракона Куй, символика династии Шан. Древний Китай», в котором была раскрыта гетерогенность и идентичность зооморфных образов, а также высказано предположение о том, что традиция изображения трех различных видов фигур Куй в эпоху Шан-Инь (1554–1046 г. до н. э.), вероятно всего, указывает на социальный статус владельца.

Последний день работы конференции «Бартольдские чтения» был открыт заседанием секции «**Титул и титулатура в цивилизациях Мезоамерики**», на котором первым докладом стало выступление А. И. Давлетшина на тему «Титул дружинника в текстах древних майя». В докладе была предложена интерпретация титула *zu-u-ajaw-te?* как “воин” и “дружинник (такого-то)”; под “военачальником” предполагается понимать термин *u-ajaw-te?-aj* “тот, у кого воины”. Следующим докладчиком был Д. Д. Беляев, и тема его выступления — «Ранг и должность: к проблеме типологии титулов знати в обществе майя классического периода (I тыс. н. э.)». Выступающий отметил, что иероглифические тексты майя содержат очень большое число титулов и эпитетов царской и нецарской знати, среди которых им предлагалось выделить две основных категории — титулы

ранга и титулы должностей, — а также критерии отнесения титулов к той или иной категории. В свою очередь С. В. Вепрецкий в докладе «Проблема титула *Huxte' Tuun* в иероглифических текстах Калакмуля (штат Кампече, Мексика)» подчеркнул, что в надписях древних майя классического периода часто встречаются топонимические титулы, среди которых выделен топоним *Huxte' Tuun*. В докладе были рассмотрены примеры записи данного топонима в титулах и предложена их интерпретация по контексту.

И. Ю. Демичева в сообщении «Трон и правитель в майяской терракоте I тыс. н. э. в сплетениях прямых и обратных связей» справедливо обратила внимание на то, что титулатура носителей власти в цивилизации майя классического периода реконструируется прежде всего по эпиграфическим данным. Однако представления о правителях и их наследниках могут быть существенно расширены в результате использования таких предметов материальной культуры, как терракотовые статуэтки I тыс. н. э., чему и был посвящен ее доклад. К материальной культуре также обратилась и Д. Д. Осипова в своем докладе «Динамика изменения титулатуры правителей Тонины (VI–X вв. н. э.) и ее отображение в монументальном искусстве». Она подчеркнула, что главной целью доклада является представление о титулатуре правителей, находящихся на западной границе мира майя. Выступление А. В. Сафронова «Титул *uajawte'* и его место в ранговой системе царств майя Западного региона» было посвящено титулу *uajawte'* (йахавте), который имел военные функции и был связан с завоеваниями земель рядом царских династий региона. Затем в VI в. по мере сложения территорий царств майя эти военачальники приобретают функции местных администраторов и становятся основой для формирования полноценных княжеских линиджей к VII в.

Доклад Д. С. Секачевой «Придворный титул T 353:750 (Kn 271:721) в надписях Паленке (Чиapas, Мексика)» поведал слушателям о том, что в монументальных текстах древних майя нередко встречается придворный титул, записанный иероглифическим знаком в виде головы птицы в завязанной узлом повязке. Данный титул обозначал особую придворную должность, о чем свидетельствует существование абстрактного существительного, образованного при помощи суффикса *-il*. Для обозначения инаугурации в текстах используется глагол *chumwaan* («он воссел»), который чаще применяется для описания воцарений *chumwaan ti ajawlel*, но также для описания вступления в должность представителей дворцовой администрации. Завершил работу секции доклад С. А. Хохряковой «Титулатура паломников пещерного комплекса Нах-Тунич (Гватемала) позднего классического периода», который был посвящен редким титулам и должностям паломников майя позднего классического периода.

Секция «**Титул и титулатура в культуре Древнего Востока**» была открыта докладом Э. В. Рунга «Титул “фраматар” в династии Ахеменидов», где был рассмотрен титул «фраматар», который встречается в царских надписях Ахеменидов на древнеперсидском и применяется как неофициальный титул царей этой династии, поскольку он не входил в официальную титулатуру Ахеменидских монархов. Сообщение М. А. Бажатарник «К вопросу об интерпретации эламского титула *likame gišakki*» продемонстрировало, что автор выступил в поддержку альтернативной трактовки значения данного титула как «великий в правлении» (букв. «во владении/власти великий/величайший»), что, в свою очередь, заставляет переосмыслить выводы о его политическом подтексте.

Выступление О. Л. Габелко «“Нестандартные” титулы эллинистических царей: несколько case-studies», в котором на основе преимущественно данных эпиграфики и нумизматики были проанализированы некоторые отклонения от формулы «царь такой-то» (+ «сын царя такого-то»), связанные с особенностями как самопрезентации царей, так и их восприятия извне (партнерами или противниками). Следующий доклад В. А. Большакова «Супруга бога — рука бога — почитательница бога»: к вопросу о корреляции титулов и функций их обладательниц в Египте эпохи Нового

царства — Позднего периода», в котором автор поделился своими соображениями о том, что одновременное присутствие указанных титулов в официальном протоколе фиванских жриц Амона Третьего Переходного — Позднего периодов позволяет сделать вывод о том, что эти титулы отражали различные аспекты сакральной роли их носительниц в культуре Амона.

Затем прозвучало выступление Д. А. Изосимова «О должности “начальник полей” в Саисское время», из которого слушатели узнали, что в системе царской администрации Саисской эпохи (664–526 гг. до н. э.) присутствовали сановники, отвечавшие за контроль и учет земельных наделов Египта. Эти вельможи носили титул «начальник полей» (imy-r ANt; mḡ AN.t), который был известен еще в период Древнего и Среднего царств. Закончил работу секции доклад А. А. Попова «Нумизматические памятники Греко-Бактрии и индо-греческих правителей как иллюстрация эволюции царской титулатуры», в котором автор отметил, что в совокупности нумизматические источники позволяют проследить эволюцию царской титулатуры в этих державах, заполнить исторические и культурные лакуны, возникающие при изучении сочинений античных авторов, эпиграфики, других памятников письменности.

Третий день конференции «Бартольдские чтения» завершился работой секции «**Титул и титулатура Ирана, Афганистана и Индии**», которая была открыта докладом И. А. Семенова «Особенности и роль титула шах в поэме “Шахнаме”». Докладчик отметил, что шах в «Шахнаме» является символом добра, который следует принципам зороастризма, заботится о своих подданных и храбро сражается против врагов. Это отражается во всех трех частях «Шахнаме»: мифологический, исторической и легендарной. Д. Е. Мишин в своем выступлении «Титул правителя арабских племен сасанидского Омана» отметил, что сведений о сасанидском Омани очень мало, но известно, что Джайфар, последний правитель арабских племен этой области, перед ее вхождением в состав Арабского халифата носил титул царя. В этом следует видеть элемент политики Сасанидов, которые присваивали титулы царей подчиненным им правителям, в том числе и арабским.

В совместном докладе Р. Ю. Почекаева и И. А. Мустакимова «Титулы и эпитеты везира монгольского Ирана по документам конца XIII–XIV вв.» была предпринята попытка анализа ряда средневековых источников, в которых упоминаются такие титулы и эпитеты, — официальных документов и исторических сочинений, в частности «Переписки» Рашид ад-Дина, «Дастур ал-катиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани, «ат-Тариф фи-л-мусталах аш-шариф» Ибн Фадлаллаха ал-Умари, «Дополнения к собранию историй Рашида» Хафиза Абру.

В следующем выступлении Д. В. Возчикова «Воображаемые титулы правителей Южной и Юго-Восточной Азии в венецианских травелогах второй половины XVI в.» рассматривались принципы функционирования воображаемых титулов государей «Восточных Индий» в травелогах венецианских купцов Чезаре Федеричи (1587) и Гаспаро Бальби (1590) о Южной и Юго-Восточной Азии. В докладе «Афганский джезайл: огнестрельное оружие и репрезентация титула» А. И. Купалов-Ярополк представил традиционное огнестрельное оружие народов Афганистана — джезайл — в качестве предмета визуализации титула.

В докладе З. А. Джандосовой «О некоторых высших религиозных титулах в Афганистане XVIII–XIX веков (Садозайская и Баракзайская династии)» были рассмотрены три высших религиозных титула, существовавших в Дурранийском государстве и унаследованных Баракзайской монархией. Завершил работу секции доклад А. Э. Багировой «Формирование, использование и эволюция титула у курдов Турции и Персии с XVI по XX в.», в котором автор рассмотрел проблемы формирования, использования и эволюции титулов у курдов Турции и Персии как государств, между которыми произошел раздел исторического ареала расселения курдского народа в период с XVI по XX в.

Завершая работу конференции, ее участники отметили высокий научный уровень прозвучавших докладов и глубину состоявшихся дискуссий, поблагодарили организаторов мероприятия и выразили надежду на то, что следующие «Бартольдовские чтения» будут организованы по тематическому принципу, что участники посчитали весьма продуктивной формой проведения этого научного форума. Как показала практика, прошедшая 24–26 апреля международная научная конференция «Бартольдовские чтения» стала важной площадкой для обмена мнениями специалистов, чьи научные интересы связаны с разными эпохами и регионами Востока, конструктивного диалога и местом выработки новых научных идей.

О БУДДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В МОНГОЛИИ

© 2024

С.-Х. Д. Сыртыпова¹

Статья представляет собой обзор международной буддологической конференции, состоявшейся 26–28 августа 2024 г. в Улан-Баторе с участием ученых, священнослужителей и верующих из 16 стран. На конференции затрагивались проблемы буддийского вероучения, священных текстов и религиозной жизни, социальные, внутри- и внешнеполитические проблемы буддийских стран, культурная роль буддизма.

Ключевые слова: буддизм, Монголия, буддология, буддийские тексты, монастыри, религиозная жизнь

Для цитирования: Сыртыпова С.-Х. Д. О буддологической конференции в Монголии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 176–178. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-176-178

ON THE BUDDHIST STUDIES CONFERENCE IN MONGOLIA

S-H. D. Syrtyпова

Review of the International Buddhist Conference that took place in Mongolia, 24–26 August 2024. Scholars, priests, monks and devotees from 16 countries participated. Discussions centered on the problems of Buddhist teaching, holy texts and religious life, social, internal and external problems of the Buddhist countries, cultural role of Buddhism.

Keywords: Buddhism, Mongolia, Buddhist studies, Buddhist texts, ritual, monasteries, religious life

For citation: Syrtyпова S-H. D. On the Buddhist Studies Conference in Mongolia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 4. Pp. 176–178. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-176-178

26–28 августа 2024 г. в Улан-Баторе прошла международная конференция «Исследования монгольского буддизма». Организаторами выступили Монгольский государственный университет (МонГУ), Буддийский центр монастырь «Гандантэгченлин», Международная ассоциация монголоведов при поддержке Института политологии, международных отношений и социального управления МонГУ, буддийский монастырь «Зуун хурээ Дашчойхорлин», Музей-дворец Богдо-хана, Музей-храм Чойжин-ламы.

В работе конференции приняли участие 67 человек: ученые, священнослужители и верующие из 16 стран мира: Монголии, России, Индии, Бутана, КНР, Тайваня, Мьянмы, Южной Кореи, НДРК, Японии, Вьетнама, Таиланда, Венгрии, США, Чехии, Швейцарии, 61 из которых выступали очно, остальные представили доклады онлайн.

---

¹ Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ssyrtyпова@ivran.ru

S-H. D. Syrtyпова, D. Litt (Hist.), leading researcher, Institute of Oriental Studies, Moscow; ssyrtyпова@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-7239-4454

Торжественное открытие и пленарное заседание проводились в соборном храме (монг. цогчен-дуган) Батцаган главного буддийского монастыря страны Гандантэгченлин, где гостей приветствовал настоятель монастыря Хамбо-лама, геше-лхарамба, досточтимый Жавзандорж Дуламрагчаа, было зачитано приветственное послание Президента Монголии Ухнаагийн Хурэлсуха с выражением поддержки и пожеланием успехов. Профессор МонГУ С. Янжинсурэн выступила с содержательным докладом «Буддология Монголии: сегодня и завтра». Начало планомерного научного изучения истории распространения буддизма у монголов доктор С. Янжинсурэн связывает с деятельностью Зава Дамдина (1867–1937), известного ученого, философа и просветителя, который в своей «Золотой книге» (монг. Алтан дэвтэр) изложил историю и классифицировал периоды распространения учения Будды в Монголии. Результаты социологических исследований о состоянии религии в стране за последние две декады лет наглядно в графиках, таблицах и схемах показали динамику социальных страт, обнаружив увеличением количества религиозных организаций западных христиан при сокращении числа их прихожан и общее доленое увеличение количества буддистов.

Второй доклад пленарного заседания — «Вклад монгольских лам в историю преемственности университета Наланда» был представлен гавж-ламой монастыря Гандантэгченлин С. Гантумуром, который подчеркнул, что изучение духовного наследия и произведений великих Нагарджуны, Арьядэвы, Васубандху, Дигнаги, Дхармакирти, Шахьяпрабхи, Чандракирти, Шантидэвы, Харибхадры и других индийских ученых включено в программы монгольских буддийских монастырей, и более того, к началу XX века монгольские авторы создали немало комментаторских работ на произведения вышеназванных индийских авторов по пяти разделам: логика, праджняпарамита, мадхьямика, абидхарма, виная.

Презентации докладчиков были поделены на 4 секции: 1. Буддийские знания и тексты; 2. История буддизма в Монголии: воплощения (тиб. sprul sku, монг. qutuktu qubilgad), ученые, монастыри, ритуал; 3. Буддизм, государство, право, международные отношения; 4. Современная ситуация и тенденции. Заседания секций проходили в конференц-залах просторного нового здания библиотеки МонГУ, оснащенного современным акустическим и видеоборудованием, в комфортном режиме, во время дискуссий предоставлялась возможность более подробного знакомства с предметом исследований докладчиков. К сожалению, такой режим не позволяет охватить вниманием все доклады по интересующим нас проблемам и вопросам. В некоторой степени это можно компенсировать изучением тезисов, которые были изданы до начала конференции в книжном формате. Поэтому мы можем отметить наиболее яркие моменты.

Например, любопытный факт обнаружил известный монгольский ученый Т. Отгонбаяр, научный сотрудник Института языка и литературы АН Монголии, в своем докладе «Обзор буддийской литературы, переведенной с монгольского языка на тибетский». Дело в том, что монгольский буддизм относится к ветви т. н. северного буддизма или буддизма Ваджраяны, канонический и образовательный язык которого преимущественно, если не тотально тибетский. И это несмотря на то, что монголы перевели весь блок канонической литературы Кангьюра (тиб. bka' gyur монг. ganjuur, «Слово Будды») к 1629 году² и Тенгьюра (тиб. bstan gyur, монг. danjuur, комментарии

² Первое дошедшее до нас издание Ганджура на монгольском языке датируется 1629 г., оно было издано рукописным способом в 113 томах, вероятно, в нескольких экземплярах. Один из них в 1883 г. был приобретен А. М. Позднеевым и ныне хранится в библиотеке Восточного факультета СПбГУ. Второе известное нам издание относится к периоду деятельности императора Канси (Сюань 1654–1722), он инициировал ревизию рукописной версии в 1718–1720 гг. и переиздание ксилографическим способом.

к «Слову Будды») к 1749 году³, начало монгольских переводов достоверно относится к рубежу XIII–XIV веков. Тем не менее в течение многих столетий, вплоть до наших дней многие монгольские авторы продолжают творить свои произведения на тибетском языке, почитая его священным. Перевод монгольских сочинений предпринимался самими авторами на тибетский, очевидно, с целью сделать эти книги достоянием широкой буддийской общественности своего времени, потому что тибетский язык оставался языком общения выпускников буддийских университетов.

Весьма интересный для исследователей истории монгольского буддизма доклад представила профессор Нирмала Шарма, зам. директора Международной академии культуры Индии из Нью-Дели: «Знаменитый тантрический скульптурный комплекс Фэйлайфэн в Ханчжоу: одна из крупномасштабных буддийских работ, осуществленных под патронажем монголов». Пещерный комплекс Фэйлайфэн — один из крупнейших буддийских памятников на территории КНР, где в известняковых скальных породах высечено большое количество буддийских скульптур. Начало комплексу было положено в эпоху Сун (960–1279), значительная часть скульптур создана во времена правления монгольских императоров Юань (1271–1368). Работы проходили по заказу Хубилай-хана (1215–1294), контролировал исполнение знаменитый неварский мастер Анико (1245–1306). Индийский ученый также сообщила, что примерно в это же время, около 1300 года, наряду со скульптурным комплексом Фэйлайфэн по повелению Хубилай-хана было отпечатано ксилографическим способом два экземпляра буддийской Трипитаки, тома которой проиллюстрированы буддийскими изображениями, позднее были включены в китайский и тангутский варианты канона и так сохранились до наших дней. Таким замысловатым образом сохранилось влияние монголов на буддийскую историю, — говорит Н. Шарма. Судя по фотографиям в презентации профессора, эстетика и характер скульптурных образов вполне соответствуют эстетическим и мировоззренческим предпочтениям монголов.

Институт востоковедения РАН представляли два исследователя: д. и. н., в. н. с. Отдела Кореи и Монголии С. Л. Кузьмин (онлайн) с докладом «Монгольский буддизм: традиции и вызовы современности»; очно выступила д. и. н., в. н. с. Отдела сравнительного культуроведения С.-Х.Д. Сыртыпова с докладом «Анuttара йога тантра в Монголии: на примере произведений Г. Дзанабазара (1635–1723)».

Несомненно, буддологические исследования становятся все более специализированными и углубленными; авторы не только обобщили свой многолетний опыт, но представили много новых открытий, подробностей, вскрыли ранее не известные материалы и факты, позволяющие воссоздавать более объективную картину прошлого, а также лучше прогнозировать перспективы и планы дальнейших работ.

³ Полное издание на монгольском языке канонизированного свода комментариев (Данджур) на проповеди Будды (Ганджур) подготавливалось и осуществлялось с 1742 по 1749 г. при императорском дворе в Пекине, свод состоял из 225 томов на 18016 листах. Специально для унифицированного использования терминов в 1742 г. был создан тибето-монгольский словарь «Источник мудрецов» (монг. merged garaqu-yin oron).

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ ИЗРАИЛЕВЕДЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧТЕНИЯ ИМЕНИ А. Е. БОВИНА»

© 2024 **А. А. Новикова, Е. А. Якимова, Д. А. Голубев, М. А. Горбачева¹**

В настоящей статье представлен обзор IV Международной израилеведческой научной конференции «Чтения имени А. Е. Бовина», организованной Отделом изучения Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН в смешанном формате 21–23 октября 2024 г. Отмечается актуальность тематики события, совпавшего по времени с годовщиной атаки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последующим началом операции ЦАХАЛ «Железные мечи» в секторе Газа. Авторами дана краткая характеристика мероприятия, на котором выступили почетные гости, представляющие российскую и израильскую стороны, а также 40 докладчиков из ключевых научных и образовательных учреждений Российской Федерации, Республики Беларусь, Великобритании и Израиля, включая как известных ученых, так и молодых специалистов. Приведены основные тезисы выступлений и дискуссий, прозвучавшие в рамках девяти последовательных заседаний, проходивших на протяжении трех дней. Отмечена публикация материалов аналогичной конференции 2023 г. Отдельное внимание в статье уделяется формату традиционной для Бовинских чтений молодежной секции, в ходе которой студенты ведущих вузов России не только получили возможность апробации своих научных исследований, затрагивающих различные аспекты израилеведения и иудаики, но и смогли лично пообщаться с ведущими специалистами по своей теме. По итогам мероприятия констатируется интерес специалистов из различных областей знаний к изучению связанной с Израилем проблематики, а также потенциал межрегионального и международного сотрудничества на базе ежегодных Чтений им А. Е. Бовина Института востоковедения РАН.

Ключевые слова: Израиль, А. Е. Бовин, внешняя политика, палестино-израильский конфликт

Для цитирования: Новикова А. А., Якимова Е. А., Голубев Д. А., Горбачева М. А. IV Международная израилеведческая научная конференция «Чтения имени А. Е. Бовина». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 179–188. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-179-188

---

¹ Новикова Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Москва; a.a.novikova@ivran.ru

Anna A. Novikova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, a.a.novikova@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-4950-0802

Якимова Елизавета Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Москва; e.yakimova@ivran.ru

Elizaveta A. Iakimova, PhD (Hist.), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, e.yakimova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-7609-2261

Голубев Данила Алексеевич, лаборант-исследователь Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, аспирант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва; danilagolu8ev19@gmail.com

Danila A. Golubev, researcher assistant, Institute of Oriental Studies RAS, PhD student, IAAS Moscow State University, Moscow; danilagolu8ev19@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4036-088X

Горбачева Маргарита Алексеевна, лаборант-исследователь Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Москва; gorba4ewa.marg@yandex.ru

Margarita A. Gorbacheva, laboratory assistant researcher Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; gorba4ewa.marg@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7427-939

IV INTERNATIONAL ISRAEL STUDIES CONFERENCE “BOVIN READINGS”

**Anna A. Novikova, Elizaveta A. Iakimova, Danila A. Golubev,
Margarita A. Gorbacheva**

In this paper, we present a review of IV International scientific conference on Israel studies “Readings named after A. E. Bovin”, organized by Department of Israel and Jewish Communities Studies of Institute of Oriental Studies RAS, held in mixed format on October 21–23, 2024. Topicality of this event that coincided with the first anniversary of HAMAS attack on Israel on October 7, 2023, and the ensuing operation “Swords of Iron” in Gaza. Authors give a brief overview of the conference where esteemed guests have made an appearance, representing Russian and Israeli sides, as well as 40 participants from key scientific and educational institutions from Russia, Belarus, UK and Israel, including famous researchers and young specialists. We publish short summaries of the presented reports and the following discussions that were made within nine consecutive sections during three days. We also mention publication of materials from the previous conference of 2023. Particular attention in this paper is paid to the format of traditional “Bovin Readings” youth section where students of leading Russian universities not only gain an opportunity to approbate their research concerning various aspects of Israel and Jewish communities studies, but also present a chance to personally discuss matters with leading researchers of their chosen topics. According to the results of the conference, we state an increase towards Israeli topics among specialists of other sciences and research fields, as well as a potential of inter-regional and international cooperation based on annual Bovin Readings of Institute of Oriental Studies RAS.

Keywords: Israel, A.E. Bovin, foreign policy, Israeli-Palestinian conflict

For citation: Novikova A. A., Yakimova E. A., Golubev D. A., Gorbacheva M. A. IV International Israel Studies Conference “Bovin Readings”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 4. Pp. 179–188. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-179-188

21–23 октября 2024 г. на базе Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН прошла IV Международная научная израилюведческая конференция «Чтения имени А. Е. Бовина».

В качестве главной темы IV Бовинских чтений были определены последствия террористического нападения на Израиль, совершенного боевиками ХАМАС 7 октября 2023 г., и последовавшей за ним операции ЦАХАЛ «Железные мечи». Несмотря на то, что акцент был сделан на рассмотрении воздействия этих событий на внутривосточную ситуацию, социально-экономическую обстановку в Израиле и его положение на международной арене, тематика представленных на конференции докладов охватывала и более фундаментальные вопросы, касающиеся израильского стратегического планирования и прогнозов развития ситуации на Ближнем Востоке в целом.

В рамках трех дней работы конференции было проведено девять тематических секций, среди которых была также представлена молодежная секция. Это стало отличной возможностью для студентов и аспирантов апробировать свои исследования и получить рецензию куратора из числа сотрудников Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН.

Конференция проводилась в смешанном (очном и дистанционном) формате. Участников приветствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в Российской Федерации С. Гальперин (онлайн) и Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Государстве Израиль А. Д. Виктор (онлайн). Приветствие заместителя министра иностранных дел

России, специального представителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки М. Л. Богданова зачитал заведующий Отделом Израиля и еврейских общин ИВ РАН В. Ю. Смирнов. Работу IV Международной научной израилеведческой конференции «Чтения имени А. Е. Бовина» торжественно открыл директор ИВ РАН А. К. Аликберов.

В общей сложности с результатами своих научных исследований на конференции выступили 40 докладчиков, среди которых — представители ИВ РАН, ИМЭМО РАН, ИСК РАН, МГИМО, ИСАА МГУ, НИУ ВШЭ, Дипломатической академии МИД РФ, СПбГУ, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Томского государственного университета, Федерации еврейских организаций и общин «ВААД», иностранные участники из Белорусского государственного университета (Беларусь), Ариэльского университета (Израиль), Университета Лидса (Великобритания), а также независимые эксперты.

К открытию был опубликован Сборник статей по материалам III израилеведческой научной конференции «Чтения им. А. Е. Бовина» [Израиль — 75 лет: между прошлым и будущим, 2024] общим объемом 18,65 учетно-издательских листов, многие авторы которого приняли участие в мероприятии 2024 г.

Первая секция была посвящена остроактуальным вопросам обстановки в регионе и перспективам мирного разрешения палестино-израильского конфликта. Ее модератором стала научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН Е. А. Якимова. Заседание открыла научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Л. М. Самарская с докладом «Шесть часов вечера после войны: как Израиль видит послевоенное урегулирование». Специалист подробно описала существующие в израильских военно-политических кругах подходы к организации систем управления и безопасности в секторе Газа по окончании войны «Железных мечей», а также ответила на вопросы аудитории о достижимости целей военной кампании и их расширении с учетом начавшейся в сентябре 2024 г. операции ЦАХАЛ «Стрелы Севера» против ливанской шиитской группировки «Хизбалла».

Следующий докладчик — старший научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН И. В. Масюкова в сообщении на тему «Израиль в секторе Газа (2023–2024 гг.): гуманитарный кризис — что дальше?» остановилась на проблемах населения палестинского анклава с продовольствием и доступом к медицинским услугам, а также оценила потери и материальный ущерб от конфликта. В докладе «Трехэтапный план Байдена по урегулированию конфликта в Газе» научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады им. Г. А. Арбатова А. С. Дербенев рассмотрел деятельность американской администрации по достижению режима прекращения огня и освобождению заложников в качестве посредника между Израилем и ХАМАС. Аспирант Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН М. С. Зубовский в выступлении «7 октября 2023 г. как новая точка отсчета в ближневосточном конфликте» сосредоточился на значении войны между Израилем и ХАМАС для перспектив регионального процесса мирного урегулирования.

Вторую секцию дня модерировала ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН Т. В. Носенко. Заседание она начала с краткого обращения к участникам конференции, в котором отметила необходимость расширения научной дискуссии в российском израилеведении с учетом вступления российско-израильских отношений в новый этап на фоне роста конфликтности Ближнего Востока.

С первым докладом секции выступил заведующий Отделом Израиля и еврейских общин ИВ РАН В. Ю. Смирнов. Он осветил подробности визита израильского премьер-министра Ицхака Рабина в Россию в апреле 1994 г., представив новые архивные материалы, ранее не использованные

в отечественной науке. В. Ю. Смирнов обозначил данный визит как своеобразный символ новой эпохи в российско-израильских отношениях, преодолевших предыдущие декады напряженности и определенной враждебности. Было отмечено, что улучшение российско-израильских отношений стало результатом работы не только политических и дипломатических деятелей, но и общественных и научных акторов, без чьих усилий данный визит был бы невозможен.

Во время второго доклада, представленного Л. Р. Городецким, ведущим специалистом Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН, было открыто обсуждение предшествовавшего визиту И. Рабина ухудшения советско-израильских отношений. Легитимация понятия «сионизм» и развернувшийся вокруг него дискурс в советской общественно-политической среде, а также зеркальная реакция на этот дискурс в Государстве Израиль стали одним из факторов «охлаждения» взаимодействия между двумя государствами. Вопрос миграции и алии, регулярно поднимавшийся в рамках данного дискурса, также усложнял возможность позитивного и продуктивного взаимодействия.

Контекстуализируя перспективы развития российско-израильских отношений на современном этапе, аспирант Томского государственного университета Саид Хаваринеджад выступил с докладом о влиянии палестино-израильского конфликта на российско-иранские отношения. Докладчиком было отмечено, что усиление контактов между Москвой и Тегераном может нести негативные последствия для российско-израильских отношений, что повысит дальнейшую напряженность на Ближнем Востоке, но, тем не менее, может привести к консолидации блоков по политическим интересам в регионе.

Завершающим докладом секции стало выступление старшего архивиста ФЕОР — Ваад С. А. Чарного о реакции населения России на операцию «Железные мечи». С. А. Чарный констатировал широкий спектр реакций населения страны на события в секторе Газа — от поднятия флагов в поддержку той или иной стороны конфликта до погромов. Важно, что докладчик отметил, что самую негативную реакцию проявили те регионы страны, которые были подвергнуты массовой пропагандистской атаке, нацеленной на радикализацию мусульманского населения России; наиболее радикальный пропагандистский контент был внедрен в российское медиапространство внешними акторами, стремящимися использовать палестино-израильский конфликт для раскола российского общества.

Последнюю секцию первого дня конференции, посвященную отношениям Израиля и США, модерировала старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Л. Р. Хлебникова. Выступая перед участниками конференции, она указала на сложность построения внешнеполитических связей Израиля на современном этапе и выразила надежду на то, что исследования будут продолжаться в динамичном ключе.

Первым в секции стал доклад главного научного сотрудника Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН Т. А. Карасовой, представившей подробный анализ текущего состояния американо-израильских отношений. Т. А. Карасова отметила, что выстраивание этих отношений затрудняют выборы на пост президента США, намеченные на ноябрь 2024 г., а также продолжающаяся интенсификация эмоциональной напряженности заявлений, звучащих от представителей обоих государств. Также было подчеркнуто, что правительство Б. Нетаньяху испытывает определенные сложности с построением диалога с членами Демократической партии США, а также выражает озабоченность ростом праворадикального крыла Республиканской партии, включающего в себя антиизраильских акторов и политиков.

Продолжая дискуссию об американо-израильских отношениях, Г. И. Царегородцева, старший научный сотрудник ИСК РАН им. Г. А. Арбатова, отметила наступление своеобразного

«Судного дня», в результате которого взаимодействие Вашингтона и Иерусалима может как выйти на новый уровень, так и оборваться. Г. И. Царегородцева представила участникам конференции результаты исследования, предполагающие несколько сценариев возможного развития американо-израильских отношений с учетом деградации горизонтальных связей между двумя государствами под влиянием нескольких внешнеполитических факторов.

А. В. Юрк, независимый эксперт, продолжил обсуждение американо-израильских отношений, проведя авторский анализ вызовов и возможностей их развития на основе данных политических платформ двух главных партий США и реакций на них израильских политических деятелей. Доклад обозначил неоднозначные оценки палестино-израильского конфликта со стороны как демократических, так и республиканских институций, несмотря на единую точку зрения на ХАМАС и «Исламский джихад» как на террористические организации. В рамках обсуждения данного доклада было отмечено, что американская сторона, заинтересованная в скором прекращении текущего витка противостояния, стремится к сохранению максимально благоприятных отношений с Израилем, но не имеет реальных предложений по деэскалации. По результатам развернувшейся после выступления А. В. Юрка дискуссии было высказано предположение, что американо-израильские отношения находятся в стадии взаимного пересмотра, что, впрочем, не является сигналом к их потенциальному ухудшению.

Завершающим докладом секции и всего первого дня конференции стало выступление старшего научного сотрудника Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН А. А. Новиковой. Участникам конференции было представлено исследование о росте антисемитских настроений среди североамериканской молодежи, основанное на изучении студенческих протестов в США и Канаде в поддержку Газы и палестинцев. В рамках данного доклада было отмечено, что еврейскому сообществу в Северной Америке фактически насаждается новая идентичность, что поддерживается как массовостью выступлений, так и эскалацией дискриминационной риторики некоторых участников студенческого протестного движения. Был поднят вопрос о трансформации американо-израильских отношений с учетом того, что данные тенденции будут иметь длинный жизненный цикл и могут повлиять на результаты президентских выборов.

Второй день конференции открыла традиционная для Бовинских чтений историческая секция, провела которую главный научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН Т. А. Карасова. С докладами выступили заведующий кафедрой востоковедения Томского государственного университета В. П. Румянцев, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского А. А. Корнилов, ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин А. Е. Локшин, а также аспирант Ариэльского университета (Израиль) Б. Борохович. Участники секции рассмотрели широкий круг вопросов — от дипломатических усилий первого президента Израиля Х. Вейцмана до деятельности «Комитета Меридора», а также провели аналогии между предшествовавшими витками эскалации регионального конфликта и войной «Железных мечей».

Вторая секция дня «Израиль и палестинцы» модерировалась старшим научным сотрудником Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН А. А. Новиковой, отметившей важность продолжения изучения палестинского народа и палестинской политики, особенно в контексте нерешенности вопроса о создании и функционировании Палестинского государства и текущего конфликта в секторе Газа.

Первым докладом секции стало выступление Т. В. Носенко, ведущего научного сотрудника Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН, представившей анализ текущих точек зрения и проектов от израильских интеллектуалов и общественных деятелей по взаимодействию

и сосуществованию с палестинцами. Т. В. Носенко констатировала, что в рамках общественной дискуссии точки зрения на палестино-израильские отношения имеют более широкий охват проблемы и фокусируются на тех аспектах, которые на данный момент не всегда попадают во внимание израильского правительства. Тем не менее также было указано, что построение бинарной системы «мы – они» является ярко выраженной частью данного дискурса, что, несомненно, затрудняет сближение двух сторон и негативно влияет на перспективу сотрудничества.

Е. Ю. Усова, старший научный сотрудник Отдела Израйля и еврейских общин ИВ РАН, продолжила дискуссию анализом конфликтогенных факторов в исторической ретроспективе, демонстрируя затяжной характер палестино-израильского противостояния. В рамках данного доклада особое внимание было уделено аксиологическим конфликтогенным факторам, в т. ч. религиозным, а также идеологическим убеждениям, препятствующим формированию продуктивного диалога между израильтянами и палестинцами.

Продолжая дискуссию о палестинской идеологии, доцент Белорусского государственного университета Д. Л. Шевелев сфокусировался на современном состоянии палестинской теологии освобождения и ее презентации внешнеполитическим партнерам как Израйля, так и Палестины. Было указано, что в данном процессе заметную роль играют религиозные лидеры и академические интеллектуалы, чаще всего полагающиеся на нарративный критический метод презентации палестинских проблем формирования гражданского общества и национальных институтов. В рамках развернувшейся после доклада дискуссии отмечалось, что представленные ключевыми акторами палестинской теологии освобождения методы преодоления палестино-израильского конфликта обладают большим разнообразием по сравнению с предложениями палестинских официальных деятелей, но многие из них также являются негативными с точки зрения Израйля.

Участники Чтений им. А. Е. Бовина детально проанализировали влияние эскалации ближневосточного конфликта на восприятие Израйля дружественными и недружественными странами, рассмотрев в рамках состоявшейся из двух частей секции «Израиль и внешний мир» реакцию зарубежных политических кругов, общественности, включая местное еврейское население, а также СМИ на динамику региональных событий и действия израильской стороны. В первой части заседания, получившей в программе мероприятия название «Израиль и Европа», выступили пять докладчиков. Модерировал секцию к. ист. н., доцент, проректор по кадровой политике МГИМО (У) МИД России В. М. Морозов.

Первый докладчик — приглашенный специалист университета Лидса (Великобритания) М. Пенгилли вызвала интерес аудитории, представив исследование по малоизученной в российском и зарубежном израилеведении теме «Упреждающее управление и оборонная экосистема военного времени: идеи из Израйля для Оборонительного союза ЕС». В выступлении «Особые отношения Израйля и ФРГ в условиях войны «Железных мечей»» научный сотрудник Отдела Израйля и еврейских общин ИВ РАН Е. А. Якимова кратко описала состояние двусторонних отношений государств с момента их установления до 7 октября 2023 г. В основной части доклада автор более подробно исследовала заявления представителей правительства, коалиционных и оппозиционных партий Германии, посвященные Израйлю, на разных этапах эскалации, охарактеризовала частоту и ключевые вопросы повестки дня нескольких раундов общения министра иностранных дел ФРГ А. Бербок с израильским руководством, а также коснулась сотрудничества стран в международных судебных институтах.

Различные аспекты восприятия палестино-израильского противостояния во Франции были раскрыты аспирантом Отдела Израйля и еврейских общин ИВ РАН Н. С. Беловым и преподавателем факультета международных отношений Белорусского государственного университета (БГУ)

Л. Н. Манцевич. В фокусе внимания первого докладчика оказалась французская еврейская община, в среде которой Н. С. Беловым констатировалась неоднородность взглядов на операцию ЦАХАЛ в секторе Газа. Л. Н. Манцевич рассмотрела вопрос в исторической ретроспективе, подчеркнув, что нынешний виток эскалации в очередной раз продемонстрировал восприимчивость французского общества к ближневосточной проблематике, что повлияло на итоги состоявшихся в 2024 г. выборов в Европарламент и Национальное собрание.

В завершение данного блока выступила специалист по ведению проектов Центра международных исследований БГУ Н. Б. Квернадзе. В сообщении на тему «Интерпретация событий 7 октября в странах Скандинавии» на основе заявлений политиков и публикаций в СМИ автор предприняла попытку выявления специфики опыта Дании, Швеции и Норвегии, отметив влияние на позицию последней «процесса Осло».

Во втором блоке секции «Израиль и внешний мир», получившем название «За пределами Запада», были заслушаны специалисты по Азии и Арабским странам. Модератором секции вновь стала Т. В. Носенко. Особое внимание участников конференции привлекло выступление ведущего научного сотрудника Центра индийских исследований ИВ РАН В. П. Кашина «Диалог Индия — Израиль и события в секторе Газа». Докладчик кратко раскрыл исторические особенности сотрудничества, дал аргументированную оценку позиции Индии в отношении актуальных событий в секторе Газа, а также поделился интересными фактами об изучаемом государстве и его еврейской общине. Продолжил тему преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО А. А. Микаелян, в сообщении которого на тему «Израиль и Азия после 7 октября 2023 г.» была дана развернутая характеристика азиатского вектора внешней политики Израиля с акцентом на Японию и КНР.

Докладчики из Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН раскрыли особенности отношения к Израилю представителей Ближнего Востока и Северной Африки. По теме «Политика Саудовской Аравии в период войны в Газе: трудный выбор» выступила ведущий научный сотрудник ЦАИИ Е. С. Мелкумян, констатировавшая значимость внимания КСА к гуманитарной составляющей конфликта. Научный сотрудник ЦАИИ, заместитель декана Восточного факультета ГАУГН Г. В. Лукьянов в сообщении «Реакция арабских государств Северной Африки на эскалацию палестино-израильского конфликта после 7 октября 2023 года» подчеркнул существенное воздействие на позицию указанных игроков сопутствующих факторов противостояния, негативно отражающихся на региональной и международной безопасности.

Первая секция третьего дня конференции была посвящена вопросам социально-экономической ситуации в Израиле. Модератор — ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН А. В. Федорченко во вступительном слове к началу секции отметил важность исследования влияния боевых действий последнего года на экономику Израиля, оценки возможности ее противостояния последствиям конфликта. Он подчеркнул разнообразность тематики докладов и их новизну в отечественной историографии.

А. В. Федорченко открыл секцию докладом, посвященным теме развития экономики Израиля во время обострения конфликтов и роли сектора ОПК. С 1970-х гг. научно-технологический уровень ОПК был достаточно высок. Военная промышленность стала одним из локомотивов развития экономики Израиля. По мнению ученого, созданные и апробированные в ходе фаз обострения арабо-израильского конфликта амортизаторы позволяют преодолеть последствия военных действий. Заключительную часть выступления А. В. Федорченко посвятил перспективам развития сектора ОПК и израильской экономики. Он отметил, что в долгосрочной перспективе может сложиться ситуация, схожая с развитием событий после 1973 г., когда экономика Израиля постепенно

вошла в фазу замедленного роста. Положительные стороны нынешней ситуации заключаются, по мнению докладчика, в возможном стимуле экономического роста и выравнивании торгового баланса путем использования статуса качественного производителя в секторе ОПК на мировом рынке. В дискуссии после доклада приняли участие Е. Ю. Усова и В. Ю. Смирнов с вопросом об оттоке иностранных инвестиций. Докладчик А. В. Федорченко отметил межотраслевой характер современной экономической системы и неоднозначность прогнозирования.

Со следующим докладом на тему «Израильский опыт милитаризации экономики: ССВУ анализ» выступила независимая исследовательница А. С. Гогонина. Она оценила сильные стороны ОПК Израиля, а также осветила историю формирования основных компаний на рынке. Отдельное внимание было уделено компании «Рафаэль», ее высоким затратам на НИОКР, а также комплексной системе, позволяющей сочетать гражданское и военное производство. А. С. Гогонина обратилась к тезису, развитому А. В. Федорченко, о возможности привлечения иностранных инвестиций и развития торговли в сфере ОПК ввиду увеличения статуса данного сектора в Израиле. Положительную сторону конфликта докладчик видит в создании более независимого милитаризованного корпуса. Помимо уже упомянутой сложности привлечения иностранных инвестиций и внешних партнеров на этапе эскалации боевых действий исследователь обратилась к проблеме дуализма развития экономической системы с высокой долей технологий и инноваций. По ее мнению, в данных условиях экономика может стать более уязвимой с замедлением экономической диверсификации.

В дискуссии после доклада приняли участие гости и лаборант-исследователь Отдела Израиля и еврейских общин Д. А. Голубев с вопросом о возможном возвращении баланса наукоемкого и менее технологичного производства при потенциальном увеличении доли последнего на рынках стран Африки и Юго-Восточной Азии. А. С. Гогонина заметила, что изменение структуры экспорта не является краткосрочной целью и будет зависеть от приоритетов страны.

Следующим выступающим был лаборант-исследователь Отдела Израиля и еврейских общин, аспирант ИСАА МГУ Д. А. Голубев. Свое сообщение он построил вокруг влияния конфликтов в истории государства Израиль на этнические экономики. Докладчик рассмотрел особенности развития этнических экономик израильских арабов, филиппинцев и эфиопских евреев во время фаз обострения арабо-израильского конфликта. Он подчеркнул наличие механизмов внутреннего производства у арабской общины, способных нивелировать негативные последствия эскалации конфликта, и потенциал развития данной инфраструктуры у эфиопских евреев. В части исследования, посвященной прогнозированию развития этнических экономик, Д. А. Голубев продемонстрировал возможность использования ротационных сберегательных и кредитных ассоциаций и общинного производства в укреплении социально-экономического положения на примере других этнических экономик в эпоху внутренних и внешних шоков.

С завершающим докладом в секции выступил аспирант Отдела Израиля и еврейских общин А. С. Ларионов. В самом начале своего выступления он подчеркнул, что результаты проведенного им исследования о помощи экономике инноваций, стартапам и венчурным фондам со стороны государства оказались очень позитивными. Безусловно, в последний год появились и тревожные тренды. Так, инвестиции стали перетекать из гражданских секторов в сферу кибербезопасности, а финансирование малых инновационных компаний сократилось в пользу стартапов на поздних стадиях развития. Докладчик подробно рассказал о мерах государственной поддержки инноваций последних 30 лет. Отдельное внимание А. С. Ларионов уделил государственным программам и фондам, созданным после событий 7 октября 2023 г. с целью поддержки инноваций страны. Он детально рассмотрел план правительства по помощи индустрии и ожидаемые результаты в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В завершение своего доклада он подчеркнул, что, несмотря

на активную фазу конфликта, Израиль продолжает привлекать инвесторов, а технологическая экосистема страны остается независимой от обстоятельств, одной из самых устойчивых в мире.

Важной частью финального дня конференции стала традиционная для «Чтений имени А. Е. Бовина» молодежная секция. В ее рамках начинающим исследователям предоставляется трибуна для апробации своих работ, а также они имеют возможность получить комментарии опытных специалистов по интересующей тематике. Модератор данной секции — лаборант-исследователь Отдела Израиля и еврейских общин, аспирант ИСАА МГУ Д. А. Голубев во вступительном слове подчеркнул важность подобного формата и обратной связи для студентов, решивших выступить на конференции.

Первым докладчиком стала магистрантка ИКВИА НИУ ВШЭ Ю. А. Маккаева. В своем выступлении она рассматривала репрезентацию трагедии 7 октября 2023 г. и дальнейших событий последнего года в творчестве израильской поэтессы мизрахит Ади Кейссар. Докладчик акцентировала смелость и готовность поэтессы к критике, а также важность отражения конфликта в ее произведениях. Ю. А. Маккаева остановилась на нескольких стихотворениях, на примере которых рассмотрела роль еврейской культурной традиции. После дискуссии с комментарием выступила рецензент Ю. А. Маккаевой, лаборант-исследователь Отдела Израиля и еврейских общин М. А. Горбачева. Она высоко оценила проделанную исследовательницей работу, однако указала на необходимость более глубокого и комплексного анализа культурного фона и опыта А. Кейссар, оказавших на нее воздействие.

Следующим докладчиком была студентка Дипломатической академии МИД РФ В. Ю. Завадская, обратившаяся к теме влияния арабо-израильского конфликта на электоральные циклы в Израиле. Первую часть выступления исследовательница посвятила описанию политической и партийной системы в Израиле, в то время как вторая часть была сконцентрирована вокруг оценки докладчиком политического кризиса в стране. Она также прокомментировала общественные выступления после событий 7 октября 2023 г. Доклад вызвал бурную дискуссию со стороны сотрудников Отдела Израиля и еврейских общин, прокомментировавших его и высказавших рекомендации для улучшения и развития исследования. Рецензент — главный научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Т. А. Карасова констатировала необходимость внесения корректировок и изменений в работу В. Ю. Завадской для возможности дальнейшей публикации.

Студентка факультета международных отношений Белорусского государственного университета Е. С. Рунцо свой доклад посвятила концепции «превентивной войны» в истории обострений арабо-израильского конфликта. Она представила авторскую оценку метаморфозы обращения Израиля к данной стратегии с момента основания, а также причины данных изменений. Помимо исторической ретроспективы Е. С. Рунцо дала прогнозы и охарактеризовала шансы потенциального обращения к данной стратегии в будущем. После дискуссии с комментариями и рекомендациями выступила ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Т. В. Носенко. Рецензент прокомментировала неоднозначность заключений исследовательницы, отметив потенциал исследования для публикации при проведении более глубокого анализа типологии и выбора стратегий ведения масштабных боевых действий.

Магистрантка ИСАА МГУ Ю. С. Никулина представила результаты исследования, посвященного формированию общественного мнения о положении советских евреев в Израиле в 1967–1991 гг. по материалам израильской прессы. Докладчик рассмотрела особенности отражения основных событий, имевших место в жизни советского еврейства, в израильских СМИ. Также важной частью сообщения стало формирование общественного мнения об условиях жизни евреев СССР. Доклад Ю. С. Никулиной вызвал бурную продуктивную дискуссию. Рецензент, старший научный

сотрудник Отдела И. В. Масюкова, высоко оценила проделанную исследовательницей работу, но также предоставила подробные комментарии о возможном улучшении источниковой базы для потенциальной публикации.

Финальным докладчиком секции и всей конференции стал студент Томского государственного университета Н. И. Морозов, обратившийся к истории еврейской общины Томской области. Автор осветил основные события, оказавшие влияние на развитие еврейской общины, прежде всего в XIX и XX вв. Н. И. Морозов отметил неоднозначность политики Российской империи в отношении еврейской общины, а также негативные последствия погромов во время революции 1905 г. Рецензент — ведущий научный сотрудник Отдела А. Е. Локшин высоко оценил проделанную работу, представив необходимые источники и темы для расширения исследования с последующей возможностью публикации.

В заключение В. Ю. Смирнов и члены оргкомитета выразили благодарность всем участникам и гостям мероприятия.

IV Чтения им. А. Е. Бовина продемонстрировали устойчивый интерес к исследованию Израиля не только со стороны профильных специалистов, но и представителей других направлений, а также молодежи. Количество докладчиков и широта рассмотренных вопросов показали потенциал межрегионального и международного взаимодействия ученых, интересующихся данной проблематикой.

Литература / References

Израиль — 75 лет: между прошлым и будущим. Сборник статей по материалам III израилюведческой научной конференции «Чтения им. А. Е. Бовина» (Москва, 16–18 октября 2023 г.). Отв. ред. Д. А. Марьясис, С. Г. Мелконян, Е. А. Якимова. М., 2023 [Israel — 75 years: between the past and the future. Collection of articles of the III International Scientific Israeli Studies Conference “Bovin Readings” (Moscow, October 16–18, 2023). Ed. D. A. Maryasis, S. G. Melkonyan, E. A. Yakimova. Moscow, 2023 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-189-194

ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ В ИСТОРИИ ВОСТОКА. ВВЕДЕНИЕ К ЭКСПЕРИМЕНТУ ПО СОЕДИНЕНИЮ

© 2024

И. П. Глушкова¹

Введение фиксирует интерес последних десятилетий к профессии «писателей» (scribes) и предлагает краткий экскурс в идею «соединенной истории» и «секретарскую проблематику», предваряя блок из пяти статей. Секретари, писцы, адъютанты, референты и др. населяли все сферы, где требовались коммуникативная вербализация и письменная регистрация происходящего, и в этом смысле их деятельность создала особое — канцелярское — отражение действительности. Владевшие пером и доверием своего хозяина, они зафиксировали канувшее в Лету, но в значительной степени благодаря их усилиям история стала дисциплиной, обретя ресурсы для конструирования сюжетов. Любая культура и эпоха могут представить собственные, связанные с «секретарской» деятельностью образцы, факты и легенды, но длительное время те, кто занимался вербальным производством и фиксацией, не привлекали отдельного внимания. Вывод из тени таких персонажей, секретарствовавших при известных акторах, не только выявляет невидимые механизмы исторических сдвигов, но и реконструирует процесс функционирования культурных норм в повседневности и чрезвычайных обстоятельствах.

Ключевые слова: «соединенная история», «эпоха секретарей», канцелярские профессии, слуга и хозяин, универсальность, уникальность, архивы, посредники

Для цитирования: Глушкова И. П. Личный секретарь в истории Востока. Введение к эксперименту по соединению. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 189–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-189-194

PERSONAL SECRETARY IN THE HISTORY OF THE EAST. AN INTRODUCTION TO THE EXPERIMENT IN CONNECTING

Irina Glushkova

The introduction captures the academic interest of recent decades towards the profession of “writers” (scribes) and offers a brief survey of the idea of “connected history” and of “secretarial theme”, thus inviting to a block of five articles to follow. Secretaries, scribes, adjutants, referents, etc. had been essential to all spheres with requirements for communicative verbalization and written recording of events in progress. In this sense, their production created a special — clerical — reflection of reality. Wielding a pen and enjoying the trust of a master, they recorded what had since sunk into oblivion, but largely thanks to their efforts, history became a discipline, gaining

---

¹ Глушкова Ирина Петровна, доктор исторических наук, г.н.с. Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; iri_glu@hotmail.com
Irina Glushkova, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Department of History of the East, Institute of Oriental Studies RAN, Moscow; iri_glu@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-3715-5722

resources for the construction of itself. Any culture and epoch can present its own samples based on facts and legends related to “secretarial” involvement. However, for a long time those who were engaged in verbal production and conservation did not attract special attention. Getting out of the shadow such characters who had served as secretaries to renowned actors discloses not only the invisible mechanisms of historical shifts but also reconstructs the process of functioning of cultural norms in everyday life and emergency circumstances.

Keywords: “connected history”, “the age of secretaries”, clerical professions, servant and master, versatility, uniqueness, archives, agents

For citation: Glushkova I. Personal Secretary in the History of East. An Introduction to the Experiment in Connecting. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 189–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-189-194

Если взглянуть в «историю Востока» через концепцию «соединенной истории» (connected history) [Subrahmanyam, 1997], понимая ее не только как территориальную неразмежеванность, а шире — через поиск общих парадигм, то пример «секретарства» окажется чрезвычайно убедительным. Наш эксперимент расширяет геополитические и временные ограничения, «соединяя» персонажей из разных регионов (Монгольская империя, Тибет, Индия [Махараштра], Британская Индия [Бенгалия] и Турция). При общей точке обзора личный секретарь (письмоводитель, помощник, адъютант, ассистент, регент, фаворит и пр.), т. е. максимально приближенная к условному «хозяину», одаренная способностью к надлежащему изложению мыслей и наделенная заместительными функциями фигура оказывается неотделимой от великих поворотов в истории Востока, случающихся в рутине повседневности. Сам «предмет» изучения, т. е. «личный секретарь», нередко встает вровень со своим нанимателем и в некоторых случаях удостоивается судьбоносных дефиниций «секретаря собственной государственности», «вершителя судеб», «культурного героя» и т. д. Например, выходцы из канцелярской элиты Тататунг («Уйгур Тататунг и перс Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави: личные секретари непримиримых врагов — „Потрясателя Вселенной“ Чингисхана и последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны») и Баладжи Авджи («Баладжи Авджи: письмоводитель–царетворец. К 350-летию восшествия на трон чхатрапати Шиваджи–махараджа, основателя государства маратхов») признаются создателями национальных алфавитов. Беспрецедентный диапазон полномочий и даже их превышение демонстрирует регент Сангье Гьяцо, при Далай-ламе ставший «владыкой всех светских и духовных дел Тибета» («Дипа Сангье Гьяцо (1653–1705) как секретарь Далай-ламы») и длительное время утаивавший смерть патрона. А Меррик Шо («Меррик Шо: дворец, слуги и репутация генерал-губернатора Бенгалии») и Мухиддин-бей («Адъютант Его Превосходительства Паши: Мухитдин-бей и его мемуары об Энвер-паше»), вопреки хронологической и пространственной разьединенности, будучи носителями военной культуры, совпадают в проявлении наивысших образцов лояльности и готовности принять удар на себя в социально разных, но одинаково важных политических контекстах.

* * *

Эта профессия возникла в глубокой древности и была широко распространена — на разных уровнях ответственности и компетенции — как на Востоке, так и на Западе. Автором одного из первых европейских пособий по «секретарству» — *Il segretario* (1594) — стал итальянский поэт Джованни Баттиста Гварини. В этой сфере он обладал собственным опытом, в том числе дипломатического свойства, и превозносил искусство сложения писем, вытекающее из глубоких познаний в изящной словесности: «Секретарь должен быть умным и обладать разносторонним, воспитанным

и совершенным во всех отношениях стилем с богатым запасом слов и обилием форм и со своим пером уметь делать то же, что Протей делал со своим телом, придавая ему всевозможные очертания и варьируя их в зависимости от необходимости» (цит. по [Dover, 2016, p. 3]).

Через три столетия «секретарство» в его более заземленном варианте — как воспроизводимое явление массового масштаба — оказалось в фокусе управленческих стратегий. основополагающие требования к этой должности подытожило чрезвычайно популярное, теперь уже признанное «культурной ценностью» руководство *The Private Secretary: His Duties and Opportunities* [Kilduff, 1916]. Напоминая о римском императоре Аврелиане (272–275) и его секретарях, Эдвард Джон Килдафф объясняет: «Слово „секретарь“ имеет общее происхождение со словом „секрет“, поскольку оба происходят от латинского *secretus*, что означает частный, секретный, относящийся к частным или секретным делам. Отсюда и появилось определение секретаря как человека, которому доверены частные или секретные дела; конфиденциальный офицер или сопровождающий; доверенное лицо. Вторичное определение слова „секретарь“ следующее: человек, который ведет переписку, ведет протоколы и т. д. для другого или других лиц; в отношении отдельного лица, корпорации, общества или комитета; и кому поручено общее ведение бизнеса, возникающее в результате или требующее такой переписки, ведение таких записей и тому подобное» [Kilduff, 1916, p. 1]. Руководство содержит рекомендации на все случаи жизни, а в заключении — на 25 страницах — Килдафф суммирует обязательные для секретаря качества. Книга завершается разделом «Хорошее здоровье», поскольку автор считает здоровье «ценным деловым качеством»: секретарь «должен быть энергичен, он должен быть бодр. Из двоих — секретаря и работодателя — секретарь должен быть более активным... Если секретарь поймет, что такие качества, как расторопность, сговорчивость, тактичность, инициативность, сосредоточенность, во многом зависят от хорошего здоровья, то он, скорее всего, будет стремиться поддерживать свое собственное в хорошем состоянии. Должность личного секретаря подразумевает... абсолютно непрерывную работу. Изю дня в день, обычно в течение трехсот шестидесяти пяти дней в году, он присутствует как помощник своего работодателя. Чтобы выдерживать тяжелую работу и постоянное напряжение, секретарь должен обладать физической выносливостью. Обладая такой выносливостью, он может выполнять больший объем работы для работодателя. Человек с плохим здоровьем не может полностью отдаваться работе. Хорошее здоровье — одно из важнейших условий успешности личного секретаря» [Ibid., p. 316–317].

«Секретарство», таким образом, как вид персоналистского обслуживания демонстрирует особые, даже чрезмерные, требования к этой номенклатуре, отвечающей нон-стоп за организацию жизненного пространства и времени нанимателя. В отличие от узкопрофильного обслуживания (повар, камердинер, кастелянша, горничная и т. д.) «секретарская» должность подразумевает универсальность и в ряде случаев уникальность исполнителя, привносящего в деятельность нанимателя собственный потенциал. Например, Махадев Десаи, юрист и литератор, четверть века прослуживший у идеолога индийского национально-освободительного движения М.К. (Махатмы) Ганди, помимо ведения дневников и корреспонденции, стенографирования и редактирования застилал за Ганди постель, готовил на керогазе гороховую похлебку, приводил в порядок одежду, составлял расписание передвижений и маршрутов, принимал гостей и пр. Биография Махадева, написанная его сыном, предваряется словами самого Ганди: «На вопрос, какое наилучшее качество было у Махадева, я бы ответил — его способность обращаться в Ноль, если того требовала ситуация» [Desai, 1995, p. xix]. Когда сопровождавший Махатму почти в двухгодичном заточении преданный секретарь скоропостижно скончался (1942), Ганди, по словам очевидцев, изумленно повторял: «Махадев, вставай же, Махадев...», а потом объяснил: «Не было такого, чтобы он мне не повиновался. Я был уверен, что услышь он эти слова, он бы отринул смерть и встал» (цит. по [Ibid., 4]). Статья

по случаю 70-летия индийской независимости историка Рамчандры Гуха в ведущей газете *Hindustan Times* была озаглавлена «Ганди сделал Индию, Махадев Десаи сделал Ганди» [Guha, 2017].

К слову, самым первым секретарем Махатмы, еще в бытность его адвокатом в Южной Африке, была Софья Шлезин, уроженка Российской империи, выпускница Университета мыса Доброй надежды. Ганди бесконечно доверял ей, перекладывая на ее плечи самые разные обязанности, и по прошествии десятка лет писал в автобиографии, что «[р]аботая, она не имела покоя ни днем, ни ночью». Он вспоминает слова посетившего его в Йоханнесбурге известного индийского реформатора Г. К. Гокхле: «Я редко встречался с жертвенностью, чистотой и бесстрашием, которые увидел в мисс Шлезин. Среди ваших товарищей по работе она, по моему мнению, занимает первое место» [Ганди, 1959, с. 252]. Покидая в 1915 г. Южную Африку, Ганди уговаривал ее последовать за ним в Индию, но она осталась, на всю жизнь сохранив связь со своим работодателем. Нет сомнения, что любая культура и эпоха богаты на своих «десаи» или «мисс Шлезин», и вывод из тени персонажей, секретарствовавших при известных акторах, выявляет не только невидимые механизмы исторических сдвигов, но и реконструирует процесс функционирования культурных норм в повседневности и форс-мажоре.

* * *

Несмотря на консенсус о древности секретарской профессии, одни историки называют «эпохой секретарей» XVI век, другие переносят эту дефиницию в следующее столетие, а третьи отдают пальму первенства XVIII веку. Эпонимичное введение в коллективный труд² Пол М. Довер начинается утверждением: «На протяжении всей Евразии раннее Новое время было эпохой секретарей. Их фигуры, хотя и не всегда известные под этим конкретным словом, стали общественно заметными: стило в руке и среди бумаг, они были хранителями институтов, стремившихся запечатлеть мир в письменной форме» [Dover, 2016, p. 1]. Обособление этой группы в качестве маркера «эпохи» подтверждает ее удельный вес, плотность и общественную значимость с учетом влияния на репутацию хозяина, который «столь хорош, сколь хорош советчик» [Ibid., p. 4].

Сдвиг на Восток — в его разнообразных манифестациях, например, в направлении индо-персидского дискурса и фигуры *мунши*, фарсиязычного писца и секретаря, — подтверждает, во-первых, важность «соединения» культурно-территориальных миров, а во-вторых, указывает на условность хронологической привязки: «...[Н]екотрые [исследователи] могли бы сказать, что восемнадцатый век, возможно, был веком писца в истории Южной Азии. Но циники могут возразить, а какой до этого не был? Писцы (scribes) существовали задолго до этого и будут существовать потом, даже после появления печати; но [именно] в этом столетии они разошлись — более или менее повсеместно — по всему субконтиненту, чтобы обрести поистине многообразие качеств и использовать свое профессиональное писательство как отправную точку для завоевания новых горизонтов»³ [Alam, Subrahmanyam, 2012, p. 397]. Безусловно, повсеместность писцов не означает, что все они

² *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World* вместе с Введением состоит из 13 глав, две из которых посвящены Ирану и Индии в XVII в. Этот том также содержит обширную библиографию по вопросам «секретарства» и «писательства» (scribal practice) в целом. Семантическое поле scribe фигурирует в англоязычной историографии как гипероним, обладающий широким диапазоном референтов: «писец», «писарь», «переписчик», «книжник», «грамотей», а также «писатель», «хроникер», «журналист», «секретарь» и др.

³ Глава «The Eighteenth-Century Historiography and The World of the Mughal Munshi» под названием «The Making of a Munshi» ранее публиковалась в журнале *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East* (2004, vol. 24, no. 2) и простимулировала дальнейший интерес к «секретарско-писцовой» тематике. Алам и Субрахманьям также указали на предшественников, благодаря которым они сами пришли к практически незатронутой тематике о роли *mushis*, *kanakkuppillais*, *karanams* и пр. — это тройка индийских историков из Джадунатха Саркара, С. Нурула Хасана и Номана Ахмеда Сиддики и два западных — Франк Перлин и К. Э. Бэйли [Alam, Subrahmanyam, 2012, p. 398].

были секретарями, а те, кто таковыми считались, также весьма отличались друг от друга. Однако нередко именно личный секретарь по стечению обстоятельств или по утвержденной номенклатуре одновременно оказывался «государственным», а в общественном сознании становился им, осуществляя не без помощи заинтересованных субъектов посмертный «взлет».

Под непосредственным воздействием работ Алама и Субрахманьяма в южноазиатском секторе определился своего рода «писательский вектор» с использованием разных критериев, охватываемых пространств и временных рамок — от миграций профессиональных групп [O’Hanlon, Washbrook, 2010; Vendell, 2018] до конкретных портретов выдающихся представителей и/или целых семейств [Kinra, 2015, 2016; Vendell, 2020; Глушкова, 2023] и установления значений каждого канцелярского термина — вплоть до графической завитушки — при реконструкции смешанных бюрократических практик мусульман и индусов [Deshpande, 2023]. Эти и другие труды лишили «секретарей» анонимности: они обрели имена, биографии, клановую и групповую принадлежность, а их внутрипрофессиональная категоризация, положение в обществе, способы вознаграждения, конкретная роль в жизнедеятельности патрона обеспечили объем плоскостному измерению, в котором эти «делатели истории» (history makers) отсутствовали. На авансцену истории вышли не монархи и не субалтерны: «Все... наше внимание было сосредоточено на конкретном наборе примеров, которые отражали опыт и субъектность не крестьян и не аристократов, а преимущественно тех, кто находился в середине и обладал талантом к письменному высказыванию. То, к чему мы пришли, вряд ли можно считать историей снизу, но в то же время — это совсем не то, как если бы мы смотрели [из положения] у подножия трона» [Alam, Subrahmanyam, 2011, p. 484]. Некоторые «элитные» канцеляристы оставили дневниковые записи и собственные автобиографии в контексте проживаемого исторического периода; другие воспели хозяев и изобрели их родословные, застолбив себе место в укреплении власти и полномочий своих работодателей; третьи заархивировали огромное эпистолярное наследие вместе с сочинениями по овладению «секретарским» трудом и зависимым от него механизмом управления на разных уровнях; четвертые были превознесены потомками, и новая мифология заложила основу под такой, а не другой, интерпретацией национальных историй; пятые оставили свои подписи на несметном количестве судебных, фискальных и земельных документов, многие из которых до сих пор остаются непрочитанными. Наконец, те же *мунши*, *читнисы* — письмоводители и подобные профессионалы, в дополнение владевшие несколькими языками, стали в разных частях Южной Азии посредниками между региональной властью — будь то Моголы, преемники государства маратхов или другие правители местного уровня — и Ост-Индской компанией, тем самым внося существенный вклад в ее живание в культурно-территориальные реалии. Созданные ими разножанровые пособия по освоению профессии в переводах на английский играли значительную роль в формировании исходного колониального понимания того, что являлось нормой и практикой предыдущих режимов. Это происходило в тот решающий момент, когда агенты Ост-Индской компании еще находились на начальной стадии освоения азов управления перешедшими под их контроль территориями, что снова выдвигает «соединенную историю» как методологически полезный прием.

Секретари, писцы, адъютанты, референты и др. населяли все сферы, где требовались коммуникативная вербализация и письменная фиксация происходящего, и в этом смысле их деятельность создала особое — канцелярское — отражение действительности. Владевшие пером и доверием своего хозяина, они зафиксировали канувшее в Лету, но в значительной степени благодаря их усилиям история стала дисциплиной, обретя ресурсы для конструирования сюжетов. В *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World* Довер сетовал, что помимо двух образцов из исламского Востока [Kinra, 2015; Mitchell, 2015] на фоне множества примеров из христианской Европы

не удалось добавить запланированных сюжетов из Китая и Османской империи. При этом он был далек от того, чтобы «подгонять друг под друга яблоки и апельсины», но считал полезным «выявить важные области совпадения, точки соприкосновения и генеалогию изменений, общие для главы тома, а также то, что они предлагают в отношении ведения государственного управления раннего Нового времени» [Dover, 2016, p. 9]. Наши задачи в проведении эксперимента по «соединению» конкретных историй из истории Востока были скромнее, но «мы хотя бы попробовали», чтобы убедиться в перспективности этого направления.

Литература / References

Ганди М. К. *Моя жизнь*. М., 1959 [Gandhi M. K. *An Autobiography or The Story of my Experiments with Truth*. Moscow, 1959 (in Russian)].

Глушкова И. П. Из архивов М. Р. Джаякара. Часть I. Един во всех лицах: безотказный секретарь требовательного работодателя. *Восточный архив*. 2023. № 48. С. 57–70 [Glushkova I. P. From the archives of M. R. Jayakar. Part I. The same one for all jobs. A failsafe secretary for a demanding master. *Oriental Archive*. 2023. No. 48. Pp. 57–70 (in Russian)].

Alam Muzaffar, Subrahmanyam Sanjay. *Writing the Mughal World: Studies on Culture and Politics*. New York, 2012.

Desai Narayan. *The Fire and the Rose [Biography of Mahadevbbai]*. Tr. By Chitra Desai. Ahmedabad, 1995.

Deshpande Prachi. *Scripts of Power. Writing, Languages Practices, and Cultural History in Western India*. Ranikhet, 2023.

Dover Paul M. 1. Introduction: The Age of Secretaries. Dover Paul M. (ed.). *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World*. Edinburgh, 2016. Pp. 1–15.

Guha Ramchandra. Gandhi made India, Mahadev Desai made Gandhi. *Hindustan Times*. 13.08.2017 [https://www.hindustantimes.com/columns/Gandhi-made-india-desai-made-gandhi/story-pzU3tEGwLPjKtCwmPFcNjK.html] (accessed: 11.04.2023).

Kilduff Edward Jones. *The Private Secretary: His Duties and Opportunities*. New York, 1916.

Kinra Rajeev. *Writing Self, Writing Empire: Chandar Bhan Brahman and the Cultural World of the Indo-Persian State Secretary*. Oakland, California, 2015.

Kinra Rajeev Kumar. The Learned Ideal of the Mughal Wazir: The Life and Intellectual World of Prime Minister Afzal Khan Shirazi (d. 1639). Dover Paul M. (ed.). *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World*. Edinburgh, 2016. Pp. 177–205.

Mitchell Colin. Reconsidering State and Constituency in Seventeenth-Century Safavid Iran: The Wax and Wane of the Munshi. Dover Paul M. (ed.). *Secretaries and Statecraft in the Early Modern World*. Edinburgh, 2016. Pp. 206–234.

O'Hanlon Rosalind, Washbrook David (eds). *Munshis, Pandits and Record-Keepers: Scribal Communities and Historical Change in India. Special Issue. The Indian Economic & Social History Review*. 2010. Vol. 47. No. 4.

Subrahmanyam Sanjay. Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early Modern Eurasia. *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. Iss. 03. Pp. 735–762.

Vendell Dominic. *Scribes and the Vocation of Politics in the Maratha Empire, 1708–1818*. Dissertation, submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2018.

Vendell Dominic. The Scribal Household in Flux: Pathways of Kayastha Service in Eighteenth-Century Western India. *The Indian Economic & Social History Review*. Scribal Service People in Motion: Culture, Power and the Politics of Mobility in India's Long Eighteenth Century, c. 1680–1820. 2020. Vol. 57. No. 4. Pp. 535–566.

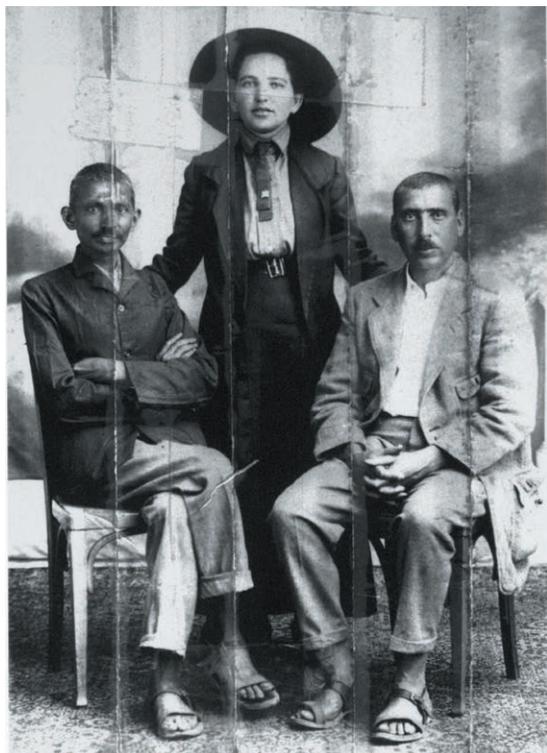

Илл. 3. Фото после заключительного заседания конференции на берегу р. Тоолы

Иллюстрации к статье:

И. П. Глушкова. Личный секретарь в истории Востока. Введение к эксперименту по соединению

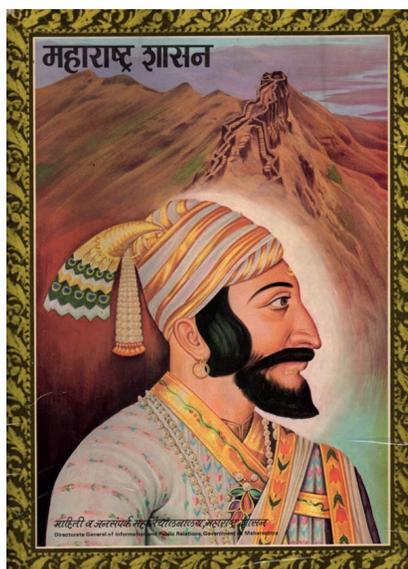
Илл. 1. Первый секретарь М.К. Ганди Соня Шлезин, будущий Махатма (слева) и его соратник Герман Калленбах в Южной Африке

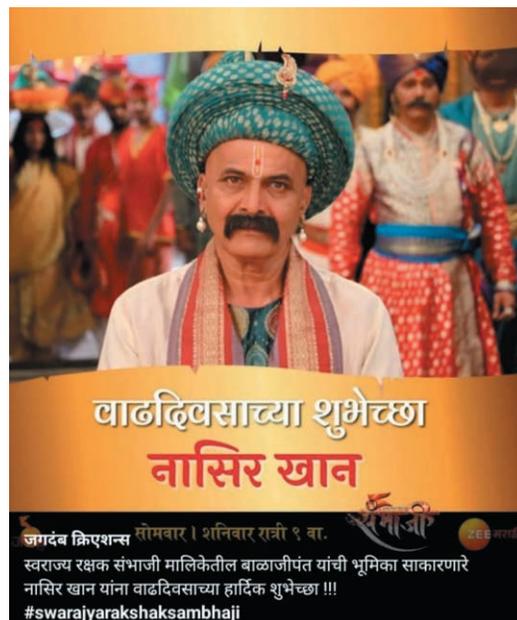
Илл. 2. Махадев Десаи, секретарь-на-все-случаи-жизни, и Махатма Ганди

Иллюстрации к статье:

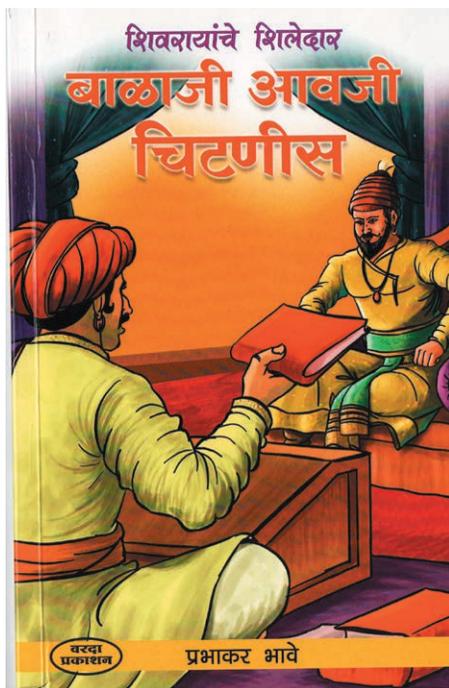
И. П. Глушкова. Баладжи Авджи: писмоводитель-царетворец. К 350-летию восшествия на трон чхатрапати Шиваджи-махараджа, основателя государства маратхов

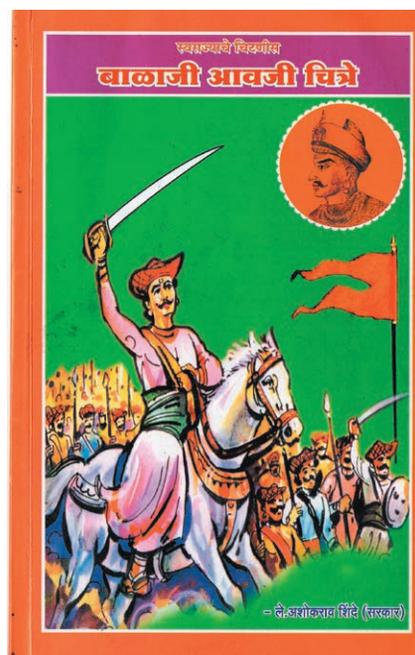
Илл. 1. Основатель государства маратхов чхатрапати Шиваджи-махарадж. Изображение на сувенирном адресе Департамента информации и связей с общественностью правительства Махараштры (из коллекции автора)

Илл. 2. Насир Кхан, исполнитель роли Баладжи Авджи в телесериале «Самбхаджи, защитник свараджа» (веерная рассылка поздравления актеру с днем рождения)

Илл. 3. Обложка брошюры «Солдат Шив-раджа Баладжи Авджи Читнис»

Илл. 4. Обложка брошюры «Секретарь собственной государственности Баладжи Авджи Читре»

Илл. 5. На фоне великого Шиваджи: выступление премьер-министра Нарендры Моди на предвыборном митинге в штате Махараштра.

Источник: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/maharashtra-assembly-election-how-pm-narendra-modi-amit-shah-invoke-shivaji/articleshow/71630091.cms>

Илл. 6. Владелец магазина с обрамленной компьютерной графикой «Коронация чхатрапати Шиваджи-махараджа»: в центре картины напротив трона — Баладжи Авджи (фотография автора)

**УЙГУР ТАТАТУНГ И ПЕРС ШИХАБ АД-ДИН МУХАММАД АН-НАСАВИ,
ЛИЧНЫЕ СЕКРЕТАРИ НЕПРИМИРИМЫХ ВРАГОВ —
«ПОТряСАТЕЛЯ ВСЕЛЕННОЙ» ЧИНГИСХАНА И ПОСЛЕДНЕГО
ХОРЕЗМШАХА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ**

© 2024

А. Ш. Кадырбаев¹

Статья посвящена личным секретарям владык Востока — уйгура Тататунга, основателя монгольской письменности, приближенного Чингисхана, и перса Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави, приближенного наиболее непримиримого врага Чингисхана — последнего шаха Хорезма Джалал ад-Дина Манкбурны. Оба сыграли заметную роль в средневековой истории Евразии. Их значимость заключается в том, что они оставили описание важнейших событий, связанные с деятельностью своих правителей.

Ключевые слова: монгольское нашествие, Хорезм, Монгольская империя, уйгур Тататунг, Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, Джалал ад-Дин Манкбурны

Для цитирования: Кадырбаев А. Ш. Уйгур Тататунг и перс Шихад ад-Дин Мухаммад ан-Насави, личные секретари непримиримых врагов — «потрясателя Вселенной» Чингисхана и последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 195–201. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-195-201

**YIGHUR TATATUNG AND PERSIAN SHIHAB AD-DIN AN-NASAVI,
PERSONAL SECRETARIES TO IMPLACABLE ENEMIES — GENGIZ KHAN
‘THE WORLD SHAKER’ AND JALAL AD-DIN MANKBURNY, THE LAST SHAH
OF KHWARIZM**

A. Sh. Kadyrbaev

The article discusses the historical roles of the personal secretaries to the famous rulers of the East — Tatatung the Uyghur and Shihab ad-Din Muhammad an-Nasawi the Persian, who served the great Mongol ruler Genghis Khan and the last Shah of Khwarizm, Jalal al-Din Mankburny, respectively. The deeds of both personal secretaries played an important role in the world history during Mongolian conquests in the thirteenth century as recorders of the actions of their powerful patrons. That is why the actions and life of personal secretaries to Gengiz Khan and Jalal ad-Din deserve special attention.

Keywords: Mongolian invasion, Khwarizm, Mongolian Empire, Uighur Tatatung, Shihab ad-Din Muhammad an-Nasavi, Jalal ad-Din Mankburny

---

¹ Кадырбаев Александр Шайдатович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kadyr_50@mail.ru
Alexander Sh. Kadyrbaev, D. Litt (Hist.), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kadyr_50@mail.ru

For citation: Kadyrbaev A. Sh. Yighur Tatatung and Persian Shihab ad-Din an-Nasavi, Personal Secretaries to Implacable Enemies — Gengiz Khan “The World Shaker” and Jalal ad-Din Mankburny, the Last Shah of Khwarizm. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 195–201. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-195-201

Интересна роль людей, ставших личным секретарями Темучина Чингисхана, основателя мировой Монгольской державы, и последнего шаха Хорезма Джалал ад-Дина Манкбурны, самого достойного противника «Потрясателя Вселенной». Звезда карьеры первого личного секретаря Чингисхана уйгура Тататунга взошла в то время, когда в ходе борьбы за власть на степных просторах Центральной Азии, а именно в Монголии, между предводителями наиболее крупных союзов кочевых центральноазиатских племен — улусов — определился победитель в лице Чингисхана, сумевшего консолидировать власть в своих руках и создать Монгольское государство, ставшее фундаментом будущей мировой Монгольской империи, самой большой по своему территориальному охвату в истории человечества. Следует отдать должное Чингисхану: несмотря на то, что он не был грамотным и образованным человеком, тем не менее, кроме природного ума, обладал глубокой внутренней силой, что и позволило ему выйти на первые роли в ходе создания Монгольского государства. Он был не только способным военачальником, но и управленцем на государственно-административном поприще, сумевшим сплотить ранее разрозненную кочевую вольницу силами созданной им так называемой военно-административной системы управления кочевым обществом, нацеленной на создание великой империи путем завоевательных походов, что ему одному без команды единомышленников и соратников было бы невозможно осуществить. Среди его ближайших соратников можно было видеть людей самого различного этнического и конфессионального происхождения, причем не только представителей кочевых племен и народов, но и выходцев из оседлых обществ, даже тех, кто еще вчера служил его врагам [Allsen, 1976, p. 8–10].

Одним из таких людей и был уйгур Тататунг, по-китайски Та-та-тун-а, личный секретарь Чингисхана, жизнеописание которого приводится в разделе «Лечжуань» — биографии в «Юань-ши» («Истории [монгольской династии] Юань», которая стала первым по времени источником, где сообщается о заимствовании монголами уйгурской письменности. Сведения, содержащиеся в монгольских летописях по этому поводу, также прямо или косвенно восходят к «Юань-ши». Текст «Юань-ши» гласит: «Та-та-тун-а — вэйур (уйгур. — *А.К.*). Он был умным и мыслящим человеком, был искусен в своем владении словом. Он глубоко изучил письменность своей страны. Правитель найманов Даян-кехань (Даян-каган. — *А.К.*) из-за его учености уважал его и по этой причине велел ему распоряжаться золотой печатью (его улуса) и цянью гу — деньгами и хлебом, т. е. взиманием податей. Используя золотую печать, Та-та-тун-а контролировал дела (в улусе). Когда Тайцзу (Чингисхан. — *А.К.*) разгромил найманов и их государство погибло, Та-та-тун-а забрал печать и бежал. Вскоре он был задержан (монголами). Тайцзу при разговоре с ним сказал: „Подданные и земли Даян-кеханя все теперь мне принадлежат. Ты куда и зачем забрал печать?“ Та-та-тун-а ответил: „Хранение печати — это было моим долгом как слуги (Даян-кеханя). Я хотел сохранить ее (даже ценой своей жизни), я не мог сделать по-другому и намеревался вернуть ее прежнему владельцу“. Тайцзу сказал о нем: „Он преданный и воспитанный человек!“ И еще задал вопрос, с какой целью использовалась данная печать. Ответ был таков: „Ее использование служило подтверждением (подлинности ханского указа), когда собирали налоги и назначали людей на должности“. Император оценил это и распорядился сделать Та-та-тун-а членом своей свиты. Затем в любой ситуации, когда издавались высочайшие повеления императора, стала использоваться печать. А Та-та-тун-а,

согласно распоряжению императора, как и прежде, был ответственным за нее. Как-то император спросил его: „Каков твой уровень знания письменности своей страны?“ Та-та-тун-а ответил и рассказал все, что знал. Его ответ понравился государю, и он распорядился, чтобы „(Та-та-тун-а) обучал наследника трона и детей монгольской знати писать на своем (монгольском) языке, используя уйгурское письмо“. Когда Тайцзун (Угэдэй-хан, сын Чингисхана. — *А.К.*) вступил на трон, был приказ пожаловать ему (Та-та-тун-а) в императорском дворце драгоценный камень, золото, одежду за то, что возглавлял охрану государей. Отдельно наградили пайцзой (символом государственной власти и полномочий. — *А.К.*) его жену (т. е. Та-та-тун-а) Ухэли (Огуллик. — *А.К.*), бывшую молочной матерью наследника трона Халачаэра (Карачара. — *А.К.*). В это время ему (Та-та-тун-а) постоянно дарили подарки. Та-та-тун-а пригласил всех своих сыновей и сказал: „Ваша мать за то, что кормила грудью наследника трона, всегда получает драгоценные подарки. Вы и другие при получении подарков как должны реагировать? Подарки в первую очередь получают принцы (т. е. члены семьи Чингисхана. — *А.К.*). А после этого вы можете получать“. Император (Угэдэй-хан. — *А.К.*) услышал эти слова и в его присутствии сказал: „Мной данные подарки, в первую очередь, предоставляются принцам. А во сколько можно оценить честность человека, исходя из такого понимания?“ Впоследствии Та-та-тун-а постоянно выражалось уважение. Он умер от болезни. На 3 году Чжи-Да (...) был пожалован титулом да-фу — сановника и вдогонку стал „яньмынь-цзюнь-гуном“ — „благородным князем“. У него было четверо сыновей. Старшего звали Юхумиши. Следующего звали Лихуньмиши, третьего сына звали Сулохай (Соргай), четвертого — Тумань. Юхумиши был достойным и доблестным. Юхумиши во время бунта Хуньдухая с войсками сына Харачаэра, которого звали Токта, участвовал в подавлении этого мятежа. Погиб в бою. Лихуньмиши был физически сильным человеком... Когда (Лихуньмиши) вернулся, император позвал (его) предстать пред ним... Наградил его золотом и приказал быть готовым служить в охранной гвардии. Сулохай наследовал должность своего отца. Как и раньше было ему приказано... служить хуан-тайцзы — наследнику трона Харачаэру. Шицзу (Хубилай-хан, внук Чингисхана. — *А.К.*) вступил на трон. Вызвал предстать перед ним их мать. Приказал объединить охранную гвардию. Высочайшим указом послал (сыновей Та-та-тун-а) в Ляодун. (Сулохай) умер. Был пожалован титулом „яньмынь-цзюнь-гуном“ — „благородным князем“. Его сын Абишихэ (Абишка) стал пинчжан-чжэнши (комиссаром по умиротворению. — *А.К.*) в походном управлении Шаньси» [«Юань-ши», 1958, цзюань 124, с. (1446)27398–27399(1447)].

Как видно из жизнеописания Тататунга в «Юань-ши», он был личным секретарем правителя улуса найманов Даян-хана, врага Чингисхана, где отвечал за функционирование его государственной канцелярии. Причем был предан своему найманскому сюзерену до конца, и это было должным образом оценено его новым покровителем в лице Чингисхана, поскольку преданность своему повелителю была тем качеством человека, которое монгольский владыка высоко ценил даже у своих противников. Поэтому неудивительно, что он обрел в Тататунге верного слугу, ставшего его личным секретарем. Также Чингисхан оценил полезность Тататунга в своем строительстве монгольского государства еще на раннем этапе его развития, когда с расширением его владений и увеличением числа подданных нужен стал государственный аппарат с канцелярией, и роль письменности для управления государством являлась необходимым условием для его успешного функционирования, как можно видеть из текста приведенной выше биографии Тататунга [Кара, 1972, с. 24].

Интересно отметить, что Чингисханом была заложена традиция, когда личными секретарями монгольских великих ханов и их наследников трона, а также молодой монгольской знати и членов семьи Чингисхана в Монгольской империи назначались уйгуры. К тому же прерогатива быть учителями и наставниками монгольской знати предоставлялась образованным уйгурам, что было подтверждено в 1271 году официальным указом внука Чингисхана Хубилай-хана, монгольского

великого хана и императора Юаньской империи — монгольского государства, в состав которого после распада единой Монгольской державы вошли Китай, Монголия, Тибет, Корея, Маньчжурия и Восточный Туркестан.

Таким образом, Чингисхан заложил традицию, когда уйгуры, первым из которых был Тататунг, являлись как бы культуртрегерами в Монгольской империи и в государствах, образовавшихся на ее руинах после ее распада — Чагатайском Улусе, Улусе Джучи (Золотой Орде), Улусе ильханов Хулагуидов и в империи Юань — монгольском государстве в Восточной Азии. Здесь важно отметить, что личный секретарь «Потрясателя Вселенной» уйгур Тататунг стал основоположником письменности для монгольского языка. Именно на ней этот язык функционировал не только в эпоху монгольских завоеваний и монгольского владычества в Евразии в XIII–XIV в., но и в последующие столетия вплоть до 20-х годов XX в. Т.е. уйгурская письменность, внедренная Тататунгом, обслуживала весь монголоязычный мир в течение семи веков, хотя и в реформированном виде. Таким образом, Тататунг стоял у колыбели письменности монгольских народов, когда уйгурское письмо служило монгольскому языку гибким инструментом закрепления самых разных образцов письменных памятников — от судебных записей Шики-Хутухту-нойона, приемного сына Чингисхана, до стихотворений современного монгольского поэта Д. Нацагдоржа, от не дошедшей до нас средневековой монгольской «Алтан дэптер» («Золотой книги») до новых книг Монголии 30-х годов XX в. [Там же, с. 51]. Тататунг предоставил Чингисхану важный инструмент государственной организации, и благодаря прежде всего его деятельности средневековая уйгурская письменность в империи Чингисхана, вероятно, была прочно введена в государственный оборот уже к началу великих монгольских завоеваний XIII в., свидетельством чего являются обращения монгольских владык к воевавшим с ними правителям других государств [Там же, с. 18].

Под стать Тататунгу был личный секретарь последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, самого непримиримого и достойного врага «Потрясателя Вселенной», перс, выходец из Хорасана Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, с 1224 г. назначенный *катиб ал-инша* — личным секретарем хорезмшаха и занимавший этот пост вплоть до смерти своего повелителя в 1231 г. в горах Курдистана. Хотя эту должность ан-Насави принял, по его словам, неохотно, поскольку был смущен тем, «что эта должность с непрерывно поступающими доходами», и данное обстоятельство характеризует его нравственный и моральный облик. Судя по обязанностям, которые выполнял ан-Насави, он происходил из потомственной чиновничьей семьи, из среды служилой знати государства Хорезмшахов и был близок с рядом видных представителей правящей верхушки. Перед тем, как стать личным секретарем хорезмшаха, ан-Насави с 1219 г. сражается с монгольскими завоевателями, сначала в Хорасане, а затем поступает на службу к Джалал ад-Дину, в 1224 г. возвратившемуся в Хорезм из похода в Индию. Став личным секретарем Джалал ад-Дина, он попадает в центр бурных военных и политических событий, когда государство шахов Хорезма стояло на краю гибели под натиском монгольских войск Чингисхана. Ан-Насави сопровождает своего повелителя в походах на монголов, составляет грамоты и дипломатические документы, тем более что владеет арабским и фарси, выполняет наиболее ответственные поручения хорезмшаха как чрезвычайный посол. Несколько раз ан-Насави бывал и в ставке монголов, где на дипломатическом поприще добился весомых результатов в переговорах с ними. Его деятельность получила высокую оценку Джалал ад-Дина. То, как относился Джалал ад-Дин к ан-Насави, и та степень доверия, которое он ему оказывал, наглядно видны из случая, когда ан-Насави назначили заместителем в городе Насы с условием, что он останется при хорезмшахе, а управление городом и округой возложит на своего *наиба*. Свидетельством культурного уровня ан-Насави, помимо знания языков, являлось и то обстоятельство, что он изучил начала традиционных наук и был знаком с диванами многих арабских и персидских

поэтов. Сочинение ан-Насави пестрит именами арабских и персидских поэтов, а сам он охотно цитирует их произведения.

Ан-Насави являлся убежденным врагом монгольских завоевателей и сознавал необходимость борьбы с ними, к тому же ему были чужды мысли об их непобедимости. Еще находясь в крепости Хурандиз в Хорасане, в своем родовом имении, когда готовился к обороне крепости от монголов, он выпроводил из своих владений чрезмерно пугливого хорезмийского вельможу Низам-ад-Дина ас-Самани. «Я сделал это с неодобрением скрытым, даже явным, — писал позднее ан-Насави, — и удивился трусости, в которую впали столпы и вельможи державы» [Шихаб ад-дин ан-Насави, 1973, с. 103]. Для ан-Насави его патрон, султан Джалал-ад-Дин Манкбурны, — опора ислама в борьбе с «неверными» монголами и олицетворение мощи государства Хорезмшахов, хотя факты и события, излагаемые ан-Насави, свидетельствуют о том, что султан и его приближенные действовали, в сущности, теми же методами, что и противная им сторона. Однако следует отдать ан-Насави должное как летописцу: он в отличие от большинства мусульманских авторов эпохи монгольских завоеваний, например, Ибн-ал-Асира, свободен от идеализации своего повелителя и не особенно возвеличивает (меньше, чем можно было бы ожидать) миссию Джалал-ад-Дина как противника Чингисхана [Буниятов, 1963, с. 143–145].

Но перипетии войны разлучили хорезмшаха со своим личным секретарем за два месяца до гибели Джалал ад-Дина Манкбурны в горах Курдистана. Спустя 10 лет после этого Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, уже находясь в сирийском городе Халебе (Алеппо), приступил к составлению «Жизнеописания султана Джалал ад-Дина Манкбурны», которое успел завершить до своей смерти в 1249 г. Этот исторический труд и поныне является бесценным историческим источником по истории народов Центральной Азии, Ирана, Афганистана, Азербайджана, Месопотамии, Сирии, Малой Азии [Шихаб ад-Дин ан-Насави, 1973, с. 16–20].

Первым на сочинение ан-Насави обратил внимание французский ученый Д'Оссон, автор известной четырехтомной «Истории монголов», который пишет, отмечая важность излагаемого ан-Насави материала, что он «подробно рассказывает о том, что видел сам или что происходило в его время в Персии ... Написанный им труд содержит массу интересных данных ...» По мнению французского ученого, труд ан-Насави внушает большее доверие, чем, скажем, сочинение персидского историка Джувеини, которое подверглось редакции в угоду «изысканному слуху» его повелителя [D'Ohsson, 1852, р. XII–XVI]. Интересна рецензия на труд ан-Насави востоковеда В. В. Розена, подчеркнувшего, что сочинение ан-Насави «есть настоящий первоисточник для того небольшого, но важного по событиям периода, который оно обнимает», где ан-Насави «рассказывает о современных ему событиях или как очевидец и деятель, принимавший выдающееся участие во многих из них, или же со слов очевидцев. Это придает его рассказам особое значение и особый интерес ... а для данной эпохи Мухаммед Несавий (ан-Насави. — *А.К.*) даже единственный в своем роде» [Розен, 1892, с. 383]. Академик РАН В. В. Бартольд считал сочинение ан-Насави одним из трех основных источников по истории монгольского нашествия в целом (наряду с Ибн-ал-Асиром и Джувеини) [Juvaini Ata-Malik, 1997]. Он подверг сведения, приводимые ан-Насави, строгому критическому анализу и уточнил хронологию событий. Труд ан-Насави стал для исследований В. В. Бартольда источником ценнейших сведений [Бартольд, 1963, с. 86, 460–530]. Американский ученый Клод Каэн в своих работах подчеркивает, что история последних дней государства Хорезмшахов более известна, чем его ранняя история, и этим мы обязаны талантливому рассказчику в лице ан-Насави — личного секретаря последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны [Cahen, 1962, р. 672].

Это «Жизнеописание» — едва ли не единственное сочинение по истории Центральной Азии, стран Кавказа, прилегающих к ним областей Персии и Афганистана в эпоху нашествия

Чингисхана, вышедшее из-под пера противника монгольских завоевателей. К тому же это сочинение в большей своей части основано на личных воспоминаниях ан-Насави как очевидца и участника происходивших событий. Причем для тех из них, что имели место в 1225–1231 годах, свидетельства ан-Насави являются наиболее авторитетными, поскольку он находился в их центре и располагал разнообразной информацией. Лишь в отдельных случаях, когда ан-Насави внимал слухам, распространенным в его окружении, его сведения отражают обобщенную официальную версию, взгляд на которую формировался в канцелярии последнего шаха Хорезма. Но таких сообщений у ан-Насави немного, и, как показывают приведенные выше отзывы, достоверность сообщений ан-Насави следует оценивать весьма высоко. Ан-Насави связывали не только официальные, но и теплые личные отношения со своим повелителем, когда он не терпел какого-либо покушения на авторитет своего патрона, о чем свидетельствует его неудовольствие относительно поведения хорезмийского вельможи Шарафа ал-Мулька, который посмел во время приема послов султана ар-Рума Алад-Дина Кейкубада говорить о нуждах Джалал ад-Дина и о том, что тот после смерти своего отца не владел ничем, кроме своего меча [Шихаб ад-Дин ан-Насави, 1973, с. 203].

Тататунг и Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, казалось бы, находились «по разные стороны баррикад», поскольку правители, коим они служили не «за страх, а за совесть, не щадя живота своего», были друг с другом в непримиримой вражде, тем не менее при сопоставлении этих, без сомнения, выдающихся личностей и ученых зримо выходит на первый план то, что их роднит. В средние века на Востоке — как мусульманском, так и немусульманском традиционная историография отводила первую роль монархам — великим ханам, падишахам, и соответственно история понималась прежде всего как арена деятельности исключительно государей — коронованных особ. Тем не менее очевидно, что место правителей в историческом процессе зачастую обусловлено деятельностью личных секретарей, каковыми и были наши герои Тататунг и Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, которые на страницах исторических трудов запечатлели для истории их деяния. Но главное состоит в том, что личные секретари восточных владык сохранили для потомков память об историческом прошлом во всем его многообразии — как трагедии, так и успехи и достижения.

Литература / References

Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения*. Т. 1. М., 1963 [Bartold V. V. *Turkestan during Mongol invasion.-Compositions*. Vol. I. Moscow, 1963 (in Russian)].

Буниятов З. М. О критическом издании «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» Шихаб ад-Дина Мухаммада ан Насави. *Известия АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук*. 1963. № 5. С. 149–160.

Кара Д. *Книги монгольских кочевников*. М., 1972 [Kara D. *The Books of Mongolian Nomads*. Moscow, 1972 (in Russian)].

Кара Д. Уйгуро-монгольские литературные связи. *Литературные связи Монголии*. М., 1981 [Kara D. Uighur-Mongolian literary connections. *Literary connections of Mongolia*. М., 1981 (in Russian)].

Розен В. *Рецензия на: Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mankoberti, prince du Kharezm par Mohammed en-Nasawi*. Texte arabe. *Записки Восточного отдела Императорского Русского археологического общества*. Том VI. СПб., 1892. С. 383–383.

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалалал ад-Дина Манкбурны*. Перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973 [Shihab ad-Din an-Nasavi. *The Description of Life of Djalal ad-Din Manrburni*. Translation from Arabian by Z. M. Bunyatov. Baku, 1973 (in Russian)].

«Юань-ши» (История династии Юань). *Серия Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории)*. Пекин–Шанхай, 1958 [Yuan-shih. *The History of dynasty Yuan, -seria Soyin- bonaben, er-shih-si-shih (24 dynastic histories)*. Peking–Shanghai, 1958 (in Chinese)].

Allsen T. *The Mongol Grand Qans and the Uighurs of Turfan in the 13th Century. Paper presented to Conference of Multistte Relations in East Asia. 10–13 centuries*. Philadelphia, 1976.

Cahen C. *The Turks in Iran and Anatolia before the Mongol invasion. A History of Crusades*. Vol. VII. Philadelphia, 1962.

D'Ohsson. *Histoire de Mongols depuis Tchingiz-Khan jusqu'à` Timour-bey ou Tamerlan*. T. I. Amsterdam, 1892.

Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. of the Text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, Introduction and Bibliography by D.J.O. Morgan. Manchester, 1997.

ДИПА САНГЬЕ ГЪЯЦО (1653–1705) КАК СЕКРЕТАРЬ ДАЛАЙ-ЛАМЫ

© 2024

Б. У. Китинов¹

Статья посвящена деятельности *дипы* (*депа*, *дэси*, *десрида*) Сангье Гьяцо (1653–1705), человека с незаурядными данными и уникальной судьбой, видного ученого, политика и дипломата. Фактически он был первым министром при Далай-ламе, отвечая буквально за все сферы внутренней и внешней политики Тибета. Его компетентность и активность настолько соответствовала ситуациям и процессам, что он обращался за советами к Далай-ламе в крайне редких случаях. Вообще же он исполнял множество обязанностей, к которым можно отнести и секретарские. Именно они позволяли ему организовывать время и встречи Далай-ламы, готовить документы и распоряжения. Он был ключевой фигурой во взаимодействии с ойрато-монгольским миром и цинскими правителями Китая и смог осуществить крайне деликатную операцию — сохранить на много лет информацию о кончине Далай-ламы Пятого и воспитать его перевоплощенца, Далай-ламу Шестого.

Деятельность *дипы* Сангье Гьяцо наиболее рельефно выделяется, если сопоставлять ее с активностью его предшественника Соднама Чойпела, первого *дипы*, поэтому соответствующее внимание уделено и этому видному тибетскому деятелю первой половины XVII в.

Ключевые слова: *дипа*, Сангье Гьяцо, Соднам Чойпел, Далай-лама, секретарь

Для цитирования: Китинов Б. У. Дипа Сангье Гьяцо (1653–1705) как секретарь Далай-ламы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 202–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-202-210

DIPA SANGYE GYATSO (1653–1705) AS SECRETARY OF THE DALAI LAMA

Baatr U. Kitinov

The article analyzes the activities of *Dipa* (*Depa*, *Desi*, *Desrid*) Sangye Gyatso (1653–1705), a man with extraordinary abilities and of a unique destiny, a prominent scientist, politician and diplomat. In fact, he was the first minister, being responsible for literally all areas of domestic and foreign policy. His competence and activity were so consistent with situations and processes that he turned to the Dalai Lama for advice on extremely rare occasions. In general, he performed many duties, which included very special one — the secretarial. This position allowed him to organize the time and meetings of the Dalai Lama, to prepare documents and orders. He was a key figure in interaction with the Oirat-Mongol world and the Qing rulers of China, and was able to carry out an extremely delicate mission — to conceal the information about the death of the Fifth Dalai Lama for many years and to educate his reincarnation, the Sixth Dalai Lama.

---

¹ Китинов Баатр Учаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitinov@mail.ru

Baatr U. Kitinov, D. Litt. (Hist.), Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kitinov@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4031-5667

The activity of *Dipa* Sangye Gyatso stands out most clearly when compared with the activity of his early predecessor Sodnam Choipel, the first *Dipa*, therefore appropriate attention is paid to this prominent Tibetan figure of the first half of the eighteenth century.

Keywords: *Dipa*, Sangye Gyatso, Sodnam Choipel, Dalai Lama, secretary

For citation: Kitinov B. U. *Dipa* Sangye Gyatso (1653–1705) as Secretary of the Dalai Lama. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 4. Pp. 202–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-202-210

Введение

Сангье Гьяцо (1653–1705) отличился буквально во всех значимых сферах политики, управления и даже медицины Тибета. Им совместно с Далай-ламой составлялись предписания и руководства для лидеров монгольских народов, он принимал участие в написании особого тибетского закона, в котором отразились произошедшие в Стране Снегов перемены. Речь идет об акте, известном как *Mchod yon nyi zla zung gi kbrims yig* (Закон двойности, одаряемого и дарителя, солнца и луны) [Китинов, 2024, с. 313]. Он является составителем важных трактатов по астрологии и астрономии, в частности, таких трудов, как астрологические трактаты «Вайдурья-карпо» («Белый берилл») и «Вайдурья-онбо» («Голубой берилл»), историки его знают еще и как автора биографии Далай-ламы Пятого Лобсанга Гьяцо, более известной как «Четвертый том Автобиографии Далай-ламы Пятого» [Sangs rgyas, 1999]. В этой связи следует отметить, что, хотя Сангье Гьяцо обычно не называют в историографии секретарем Далай-ламы, именно его близкое знакомство с тибетским лидером позволило написать такую книгу о своем патроне, что специалисты уверенно именуют ее как дополнительный, четвертый том к автобиографии Далай-ламы. Безусловно, имея в виду специфические условия Тибета, сложно сопоставлять функции секретаря, как это понимается в условиях европейского делопроизводства, с подобными при всевластии Далай-ламы, но аналогии уместны.

Официально титул Сангье Гьяцо звучал как *дипа* или *десрид*, иногда переводимый как «регент». В. Д. Шакабпа указывает на обширную сферу деятельности *дипы*: «Регент (*rgyal tshab* или *sde srid*) выполняет все обязанности как в религиозных, так и в политических делах, как и Далай-лама, до тех пор, пока новое воплощение Далай-ламы не сможет взять на себя ответственность» [Shakabpa, 2010, p. 79].

Сфера обязанностей Сангье Гьяцо действительно была обширна: к 13 основным должностям со временем добавилась позиция чиновника, ответственного за жертвоприношения, и еще три другие. Основной у него была управленческая работа, которая позже, при распределении сферы его работы другим чиновникам, охватила такие сферы, как деятельность министров, полководцев, судей, начальников уездов, служителей храмов, посланников с императорскими указами и др. [Vod mi'i, 2002, p. 32].

Сама история *дипы* Далай-ламы насчитывает чуть более 60 лет — она началась в 1642 г., когда Далай-лама Пятый Нгаванг Гьяцо возглавил Тибет и был назначен первый *дипа*, и фактически завершилась в 1705 г., когда пятый *дипа* Сангье Гьяцо был обезглавлен. Это был исключительный период в истории Тибета, когда его политика формировалась не только (а временами и не столько) Далай-ламой, но и его *дипой*.

Первый *дипа* Соднам Чойпел

Первым *дипой* на службе у Далай-ламы был Соднам Чойпел (обычно до занятия поста *дипы* в 1642 г. называемый приближенным Далай-ламы), чьи заслуги перед школой Гелук в первой половине XVII в. были чрезвычайно велики.

Первый значительный политический успех он обрел в конце 1620-х годов, когда провел удачные переговоры близ озера Кукунор (северо-восток Тибета) с двумя сыновьями тумэтского правителя Холочи — Гуру Хунтайджи и Лхацун Лобсан Тензин Гьяцо. В результате эти монгольские правители во главе своих войск прибыли в Тибет на помощь Гелук в 1619–1621 гг. [The Autobiography, 1969, p. 3]. За успешное выполнение возложенных на него поручений Соднам Чойпел был поощрен резиденцией в Ганден Пходранге [Ngag dbang, 2012, p. 50]. Тогда же он отыскал «перерожденца» Четвертого Далай-ламы, Пятого Далай-ламу.

Искусство проводить переговоры обусловило в начале 1635 г. очередную поездку Соднама Чойпела, но уже к ойратам (в регион Тарбагатая), во главе посольства от руководства Гелук для выпрашивания помощи ввиду давления со стороны кармапинцев, управлявших Цзаном, западно-тибетским регионом [Kitinov, Lyulina, 2023, p. 178]. Почему выбор пал на ойратов? На этот вопрос вполне исчерпывающий ответ дал известный историк XVIII в. Сумба-хамбо: в то время «из среды находящихся в Монголии многих племен олетские (то есть ойратские. — Б.К.) ханы придерживались только одной религии Цзонхавы» [Пагсам-джонсан, 1991, с. 46].

По согласованию ойратских лидеров с Соднамом Чойпелом Гуши-хан повел свои войска, состоявшие из ойратов-хошутов, из места своей временной ставки (горы Тарбагатая) к озеру Кукунор, где в начале 1637 г. были разгромлены силы монгольского тайджи Цогто, сторонника Карма Текйонг Вангпо, правителя (*дипы*) Цзана, возглавлявшего школу Кармапа красношапочная. Однако, когда Гуши-хан не остановился на достигнутом и пошел маршем в восточный Тибет, в провинцию Кхам, Далай-лама обратился с вопросами к Соднаму Чойпелу. И тут раскрылось, что тот самостоятельно принял решение о необходимости разгрома хошутами сил правителя Кхама, который якобы угрожал войти в союз с цзанским *дипой* ради уничтожения Гелук.

Далай-лама был против продолжения военных действий, которые уже принесли немало страданий людям. В итоге бурного обсуждения было решено, что силы Берийского лидера Кхама Донье Дордже необходимо подавить, но далее Гуши-хану следует возвращаться к себе в Кукунор. Его армии запрещено подчинять себе Цзан. Соднам Чойпел был не согласен с такой постановкой, так как он считал, что армия Цзана таит в себе угрозу продолжения давления на Гелук и что Тибет нуждается в единой политической власти. В итоге Далай-лама написал письмо Гуши-хану, где потребовал от него прекратить военные действия после подчинения Бери и не двигаться в Цзан. Однако гонец перед отправлением с этим письмом к хошутам имел встречу с Соднамом Чойпелом, от которого получил устные указания для Гуши-хана [Dhondup, 1984, p. 21]. В итоге Гуши-хан двинул свои войска в Кхам, где через год боев смог подчинить себе этот важный тибетский регион и пленить Донье Дордже, который вскоре был казнен. Ламы различных тибетских школ, бывшие у него в заключении, были освобождены.

В «Автобиографии» Далай-ламы Пятого отмечено следующее событие, имевшее место в период пребывания Гуши-хана в Лхасе в начале 1638 г.: «Чой-йон совместно обсудили вопрос, касающийся помощи управлению на землях халха и ойратов в вопросе пропаганды (учения), и решили послать (туда) Дархан-нангсо и Гедун Даргье. Правитель предложил мне посетить Сог-юл, и по причине особенных отношений (с ним) я принял приглашение» [Ngag dbang, 2012, p. 156]. Под чой-йон (система «наставник — милостынедатель») Далай-лама подразумевал не себя и Гуши-хана,

но Соднама Чойпела и хошутского лидера. Также здесь подчеркивается факт особых отношений между хошутским и тибетским лидерами.

Через три года, в начале 1641 г., в дни празднования фестиваля «монлам ченмо» Гуши-хан вновь посетил Лхасу, где встретился с Далай-ламой, который заявил, что хану теперь, по окончании боевых действий, следует вернуться домой. К его изумлению, Гуши-хан ослушался указания и направился с войсками в Цзан. Далай-лама вызвал к себе Соднама Чойпела, и тут выяснилось, что Чойпел дал секретные указания хану захватить Цзан. Несмотря на требования Далай-ламы остановить продвижение хошутских войск в западный Тибет, Соднам Чойпел резонно ответил, что уже нельзя остановить войска союзников, поскольку цзанский *дипа* уже предупрежден. Тут во время споров Далай-ламе принесли письмо от Гуши-хана с просьбой вызвать Панчен-ламу из монастыря Ташилумпо в Шигацзе, расположенного в Цзане, поскольку им как защитой мог воспользоваться Текйонг Ванпо. Чойпел предложил написать письмо ламе, что Гуши-хан якобы направляется в Кукурнор, но две его супруги хотят получить благословение от Панчена и ждут его в Лхасе. Письмо вскоре было доставлено к Панчен-ламе, но к тому времени *дипа* Цзана уже знал о нависшей над ним опасности и просил ламу убедить хана не нападать на него. Панчен встретился с ханом, но тот отказался остановиться и продолжил наступление. Вместе с ним в арьергарде двигался и Соднам Чойпел [Dhondup, 1984, p. 23].

В целом Цзан был покорен довольно скоро, но цзанский *дипа* укрылся в крепости Таши Жинон и оттуда наносил ойратам чувствительные удары. Когда стало ясно, что подчинить этот укрепленный пункт будет непросто, Соднам Чойпел бросился к Далай-ламе просить посредничества между сторонами, на что лама припомнил ему самоуправство и инициативу начать войну с цзанцами. Стало ясно, что нет иного выхода, кроме как закончить войну победою, поскольку Далай-лама заявил, что он не останется в Лхасе под властью цзанцев, если те победят [Ngag dbang, 2012, p. 186].

В январе 1642 г. монастырь-крепость Таши Жинон была взята штурмом, *дипа* с ближайшим окружением пленены. Торжественная церемония возведения на престол Далай-ламы состоялась 13 апреля 1642 г. там же, в форте Шигацзе (подробнее об этом: [Shakabpa, 2010, p. 347–348]).

На церемонии утверждения правления Далай-ламы первым министром (*диной*, также называемым в историографии регентом), как отмечалось выше, был назначен Соднам Чойпел (занимал должность до 1659 г.), чьи усилия в военном разрешении кармапинско-гелукпинского конфликта были высоко оценены и кому хошуты доверяли. Это была устраивающая все стороны фигура, кроме того, сам *дипа* нуждался в поддержке хошутов.

В «Краткой политической истории Тибета» Гуру Таши, написанной в 1813 г., указано: «Начиная с регента Соднам Рабдана... и Гуши Тензин Чогьяла... форма правления была известна как отношения покровителя и священника, и они выполняли все управляющие и царские функции. Его Святейшество Всезнающий Великий Пятый продвигал религиозную деятельность, как во времена Пхагпа... и все тибетское царство управлялось в мире, объединяя солнце и луну религии и политики» [Dan, 1991, p. 341]. Здесь также показателен особый момент — религия, определенная как солнце, а политика — как луна даны неразрывно связанными между собой, что следует охарактеризовать как сущностную черту истории и политики не только у тибетцев, но и у ойратов. Также следует отметить особенную роль *дипы*, способствовавшего «объединению солнца и луны религии и политики».

Важная роль *дипы* (указан ниже как *дэва*) была отмечена и европейскими путешественниками (в отношении последующего *дипы*, в 1661 г.): «Тангут — великое татарское царство... Его король называется дэва... Его лицо было смуглым, а одежда была полностью похожа на одежду ламы», — писали иезуиты Альберт де Дорвилль и Йохан Грубер (Kircher, 1986, p. 63). Далее они

отмечают: «В этой стране два короля, первый из которых отвечает за надлежащее управление делами страны. Его называют дэвой... Другой король отстранен от суеты всех посторонних дел и наслаждается отдыхом в тайных уединениях своего дворца. Ему поклоняются как божеству не только местные жители, но и все подданные правители Тартарии, которые добровольно совершают к нему паломничество. Они обожают его как истинного и живого Бога. Они даже называют его Вечным и Небесным Отцом и поклоняются ему многими дарами, которые привыкли дарить ему» [Kircher, 1986, p. 65].

После смерти Чойпела *дипой* в 1660 г. стал Принле Гьяцо, который скончался в начале 1668 г. Далай-лама сам занимался светскими делами до осени 1669 г., когда он отправил гонцов к хошутам в Кукунор для консультаций по кандидатуре нового *дипы*. Им стал Лобсан Тхудоб, которого сменил Лобсан Джинпа, а в 1679 г. последнего сменил его племянник Сангье Гьяцо.

Дипа Сангье Гьяцо

Правление Сангье Гьяцо как регента по ряду показателей вполне можно сопоставить с периодом управления Тибетом первого *дипы* — Соднама Чойпела, находившиеся между ними три *дипы* не оставили заметного следа в истории страны. Как и первый *дипа*, Сангье Гьяцо выделился как замечательный управленец и администратор, но также отметился и в сфере, обычно присущей секретарям: он фиксировал все события, записывая имена, даты, действия, организовывал встречи Далай-ламы и др. [Sangs rgyas, 1999, p. 279–280, 285, 290 и др.]. В частности, можно отметить такой пассаж из его книги: «В дальнейшем, для поклонения хранилищу нашей веры, нашего персонального божества (Пятого Далай-ламы), ради всех семи отделов почитания, я распорядился написать 15 больших изображений Далай-ламы» [Sangs rgyas, 1999, p. 350].

Основные события, где полностью проявился талант *дипы*, имели место после кончины Далай-ламы в начале 1682 г. Речь идет о событиях, случившихся в связи с активизацией внешней политики Джунгарского ханства при правлении Галдана, пришедшего там к власти в 1671 г. Галдан в детстве был отправлен на учебу в Тибет, и неудивительно, что он мог консультироваться со своими тибетскими наставниками, в первую очередь с *дипой*, вместе с которым он учился.

У джунгаров были сложные взаимоотношения с восточными монголами [Kitinov, 2020]. Причин такому положению дел было немало, но основная, значительно ухудшившая их взаимодействие, нашлась вполне соответствующая: проявленное неуважение к посланнику Далай-ламы на объединенном съезде монгольских правителей в 1686 г. в местечке Хурэн-Бэлчир, имевшем место под патронажем цинского императора Канси.

Вскоре после съезда Галдан с целью выяснения ситуации направил в Халху своего брата Дорчжичжаба с небольшим отрядом, но отряд был разгромлен, а Дорчжичжаб убит. Так появился повод к военным действиям против монгольского Тушэту-хана. Галдан весной 1688 г. с тридцатитысячным войском перешел через Хангай и вторгся в Халху. Началась ойрато-халхаская война. Войска Тушэту-хана были разбиты, огромная территория Халхи быстро переходила под контроль Галдана.

Официальная история династии Цин «Цин шилу» приводит слова Галдана, обвиняющего Тушэту-хана и его брата Дзэбцун-дамба *хутухту*, возглавлявшего халхаское буддийское духовенство, в убийстве Дзасакту-хана, другого монгольского правителя, и своего младшего брата. Реакция императора была примирительной: «Тушэту-хан и другие оставили клятвы о союзе, убили Цзасакту-хана, напали на ойратов, убили младшего брата Галдана Дорчжи-Чжаба. Это целиком их вина. Необходимо отправить людей с повелением Далай-ламе и приказать ему отправить известного

Великого ламу вместе с министрами, которых предоставит трон, для переговоров с представителями Галдана и Тушэту-хана» [Китинов, Цян, 2018, с. 84].

Также император в январе 1689 г. обращается к Далай-ламе: «Галдан относится с большим почтением к твоим, лама, законам и принципам. И потому, если ты также пошлешь туда послов, чтобы они приказали двум государствам впредь навечно прекратить вооруженную борьбу, то и твое и мое основное желание — вызволять запутавшихся и опекать попавших в беду — будет удовлетворено. Если ты, лама, будешь посылать туда послов, то их можно будет направить совместно с моим посольством» ([Китинов, Цян, 2018, с. 84–85]; [Мартынов, 1978, с. 145]).

В декабре 1689 г. Шамбалин-хамбо передал Канси пожелание Далай-ламы отдать Тушэту-хана и *хутухту* Галдану, при этом гарантировал им жизнь. Император заподозрил Далай-ламу в поддержке джунгаров: «Если сейчас схватить Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту и отдать их Галдану, то значит, мы поддерживаем одну из сторон. Куда тогда приведут мои и твои страстные устремления, чтобы ойраты и Халха жили в мире и согласии? ... Я отказываюсь верить, что те слова, что мне передал Шамбалин-хамбо, принадлежат тебе, лама. Если это твой совет, то почему ты не предоставил детальный доклад? Я очень сомневаюсь» [Китинов, Цян, 2018, с. 85]. К тому времени Далай-ламы не было в живых уже 7 лет, все его функции взял на себя *дипа* Сангье Гьяцо.

Канси не мог отвлечься на Галдана, так как нарастали обострения между Цинской империей и Россией на Дальнем Востоке. Император был вынужден пойти на мирные переговоры с Россией, закончившиеся подписанием Нерчинского договора 27 (29) августа 1689 г. Хотя граница между государствами не была четко обозначена, в целом пограничные споры были урегулированы. Такой документ был крайне важен для Цинов: он позволял начать войну с джунгарами.

Так началась цинско-джунгарская война. Летом 1696 г., после окончательного разгрома Галдана и допроса пленников, Канси узнал, что Далай-ламы, скорее всего, уже много лет нет в живых. Он отметил в своих записях: «... странная история, что Далай-лама, в действительности, уже мертв более девяти лет... и что дипа... сокрыл это и заставил Панчен-ламу присоединиться к себе, и что они выпустили фальшивое предсказание от имени Далай-ламы: “К Галдану придет успех, если он пойдет на восток”» [Aris, 2015, p. 114]. Но, не будучи до конца уверенным, он в июне 1696 г. направил своего представителя в Лхасу, одновременно указывая Сангье Гьяцо на его возможную вину:

«Вы скрыли известие о паринирване Далай-ламы, самовольно действовали от его имени и спровоцировали мятеж Галдана... На первый взгляд дибба исповедует учение Цонкапы, но на самом деле он тайно вступил в сговор с Галданом и обманывал Далай-ламу и Панчен-ламу, нарушая тем самым учение Цонкапы... Я не виню Далай-ламу, князей и ханов Куконора. Теперь я отправляю послов в место проживания [в покой] Далай-ламы. И если он жив, то мой посол встретится с ним лично, чтобы обсудить договоренности с Галданом согласно моим планам. Я не могу уделить внимание всем мирским делам, однако если дибба обманет моего посла и не разрешит ему встретиться с Далай-ламой, то я не смогу с этим фактом смириться» [Китинов, Цян, 2018, с. 87].

Император допускал связь активности Галдана с «обманом» *дипы*. Император писал *дипе*: «Ты говорил моим послам про Четырех олетов (ойратов), что они якобы являются у тебя защитниками веры и покровителями. Как я могу спокойно смотреть на то, что ты призываешь Четырех олетов и просишь их помогать тебе?» [Джамбадорджи, 2005, с. 123]. *Дипа* встретился с представителями императора и заявил, что Далай-лама скончался еще в начале весны 1682 г. и уже имеется его очередное воплощение. Более подробную информацию он пообещал представить через своего посланника. В конце 1696 г. (либо в начале 1697 г.) к императору с двумя письмами от него прибыл Ныматан Шабдрунг-хутухту, на аудиенции в Пекине сообщивший Канси, что Далай-лама Пятый скончался еще 16 годами ранее и уже есть его 15-летнее воплощение Цаньян Гьяцо (1683–1706).

Канси был крайне недоволен, но согласился с просьбой отложить объявление об этом до осени 1697 г., хотя и потребовал сообщить эту новость всем ойратам [Aris, 2015, p. 114–115]. До тех пор, пока *дипа* не получил эту, в целом скорее положительную, нежели отрицательную, реакцию императора, он в страхе возможного вторжения маньчжурских либо монгольских войск приказал совершать службы, в том числе с использованием ритуалов *бонпо* и их магических «бомб» (*btso*) [Aris, 2015, p. 115].

Летом 1703 г. новым хошутским «царем» (гьялпо) Тибета стал Лхавзан, праправнук Гуши-хана. Ему противостоял Сангье Гьяцо, фактически в одиночку руководивший Тибетом в период после Далай-ламы Пятого, сумевший добиться ослабления в стране хошутского влияния и противостоять Лхавзану.

Закат славы *дипы*

Когда пятый Далай-лама скончался в 1682 г., Сангье Гьяцо надеялся сохранить авторитет и преданность Великому Пятому. Он считал, что в таком случае можно будет продолжать получать внешние потоки финансирования и всякой помощи, способствовать гармонии между монголами и китайцами в приграничных районах и контролировать тибетское правительство [Shakabra, 2010, p. 381].

Если появлялись посетители, которые требовали встречи с Далай-ламой, то роль последнего исполнял Депа Трерап, монах из Намгьял, личного монастыря Далай-ламы, который внешне был похож на Далай-ламу и был того же возраста. Что касается церемоний и ритуалов, в которых Далай-лама обычно принимал участие, то они проводились, как и прежде.

Могущество *дипы* было столь масштабным, что когда его проинформировали о рождении особенного ребенка 23 (28) марта 1683 г. в Мон-юл (Таванг) на границе с Бутаном, он обратился за предсказаниями к ламам и божествам о подлинности инкарнировавшегося, не особо беспокоясь о тайне смерти Далай-ламы [Shakabra, 2010, p. 385]. Проведенные с ребенком тесты показали необходимые для *дипы* результаты — это могло быть перевоплощение Пятого Далай-ламы. Вместе с тем все окружение семьи новорожденного, включая его родителей, предполагало, что ребенок был воплощением ламы Дингпоче, потому что тайна смерти Далай-ламы Пятого хорошо скрывалась от посторонних. С трехлетнего возраста мальчик, будущий Шестой Далай-лама Цаньян Гьяцо, жил в изоляции, в окружении лишь нескольких преданных *дипе* человек, занимавшихся его обучением и воспитанием.

Однако последовавшая позже духовная политика и практика молодого Далай-ламы вызвала противодействие со стороны ряда видных лам, выступавших за «чистоту» учения Гелук и составивших ему мощную оппозицию. В основном это были представители известных монастырей Дрепунга и Серы, которые обратились за помощью к хану Лхавзану; последний тоже был недоволен всемогуществом *дипы* и отказом Цаньяна Гьяцо от обетов несколькими годами ранее.

Сангье Гьяцо был вынужден уйти в отставку, поставив на свое место сына — Нгаванг Ринчена. Тем не менее отношения между экс-*дипой* и Лхавзаном обострились. *Дипа* попытался отравить Лхавзана, однако благодаря снадобьям тот оправился и продолжил давление на него. В начале 1705 г. на одном из собраний в Потале, возглавлявшимся Цаньяном Гьяцо, было решено, что хан и *дипа* должны покинуть Лхасу. Лхавзан внешне согласился с требованиями монахов, но сам, продвигаясь в сторону своих соплеменников в Кукунор, собрал войско и с ним вернулся в Лхасу. В решающем сражении армия Сангье Гьяцо была разбита, *дипа* схвачен в плен и увезен в крепость Гонкар, где 6 сентября 1705 г. по указанию Церинг Таши, жены Лхавзана, он был казнен.

Что касается дальнейшего развития института Далай-лам, то после смерти Пятого Далай-ламы, казни Сангье Гьяцо и затем гибели Цаньян Гьяцо он перешел под контроль гелукпинской иерархии и кардинально изменился. Его политическая власть была ограничена, изменилась и соответствующая ритуальная система. Все это привело к тому, что институт Далай-лам стал почти исключительно гелукпинской структурой. Без большой натяжки можно считать, что роль *дипы* Сангье Гьяцо в таких трансформационных процессах была более чем значительной.

После смерти Сангье Гьяцо Лхавзан стал полновластным правителем Тибета. *Дипа* Нгаванг Ринчен был смещен со своего поста и направлен к цинскому двору, который определил ему поселение на северо-востоке империи.

Ойраты-джунгары, захватившие Тибет в 1717–1720 гг. и свергнувшие власть Лхавзана, утвердили должность, в чем-то аналогичную должности *дипы* — *секйонг*. Однако с их изгнанием цинскими войсками в 1720 г. институт *дипы* был окончательно ликвидирован. В Тибете в качестве исполнительного органа был создан совет *калонов* (министров) — *кашаг* во главе с Соднамом Гьялпо, подчинявшимся командиру расквартированных в Лхасе цинских войск. В *кашаг* вошли четыре *калона*.

После смерти 22 марта 1757 г. Калсана Гьяцо, Далай-ламы Седьмого, Цинами была воссоздана должность регента, но она звучала уже как *гьялцаб*, и ее мог занять только *тулку*, т. е. высокопоставленная инкарнация.

Заключение

Дипы при далай-ламах играли важную роль в истории Тибета, особенно это касается периода правления Пятого Далай-ламы. В то время было пять *дип*, из которых наиболее известным следует считать пятого, Сангье Гьяцо. Вместе с тем деятельность Сангье Гьяцо получает особые коннотации и смыслы, если также принимать во внимание время правления первого *дипы* Далай-ламы — Соднама Чойпела, сыгравшего ключевую роль в становлении власти Далай-ламы и школы Гелук в Тибете.

В историографии *дипы* традиционно именуется регентами, но *дипа* Сангье Гьяцо, не столько ввиду его множества функций, сколько из-за масштабов его деятельности, может быть назван еще и секретарем. Он действительно был лицом, приближенным к Далай-ламе, планировавшим его деятельность и фиксирувавшим все события. Более того — после кончины Далай-ламы он стал фактически исполнять некоторые функции своего бывшего патрона, в т. ч. осуществляя действия от его имени и контролируя делопроизводство. Разоблачение его незаконных действий маньчжурскими властями ненадолго уменьшило его влияние, он потерял власть в противостоянии с хошутским «царем» Тибета Лхавзаном. Последующая гибель Сангье Гьяцо фактически означала конец эпохи власти *дип* в истории страны, которые при Далай-ламе исполняли множество управленческих функций, в т. ч., благодаря близости к тибетскому лидеру, и секретарскую. Тибет все более вовлекался в зону влияния цинских властей, и подобные фигуры, обладавшие практически неограниченной властью и влиянием, более были не нужны. Поэтому весьма симптоматично, что аналогичная позиция была воссоздана императором исключительно для высокопоставленного инкарнированного ламы, пребывавшего под имперским контролем.

Литература / References

Джамбадорджи. Хрустальное зеркало. *История в трудах ученых лам.* М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 62–154 [Jambadorji. Crystal mirror. *History in the works of learned lamas.* Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2005. Pp. 62–154 (in Russian)].

Китинов Б. У. Лю Цян. Цинский источник о роли религии во взаимоотношениях между ойратами, Китаем и Тибетом. / Курапов А. А., Герасимиди Е. И., Алиева А. Н. (ред.). *Астраханские краеведческие чтения: сборник статей.* Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 82–90 [Kitinov B. U., Liu Qiang. Qing source on the role of religion in the relationship between the Oirats, China and Tibet. / Kurapov A. A., Gerasimidi E. I., Alieva A. N. (ed.). *Astrakhan local history readings: collection of articles.* Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich, 2018. Pp. 82–90 (in Russian)].

Китинов Б. У. *Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов.* М.: ИВ РАН, 2024 [Kitinov B. U. *Buddhism and the religious leaders of Tibet in the history of the Four Oirats.* Moscow: IV RAN, 2024 (in Russian)].

Мартынов А. С. *Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений.* М.: Наука, 1978 [Martynov A. S. *The status of Tibet in the 17th–18th centuries in the traditional Chinese system of political ideas.* Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. Пер. с тиб. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. М.: Наука, 1991 [*Pagsam-jeongsan: History and chronology of Tibet.* Transl. from Tibetan language, preface, commentary by R. E. Pubaev. Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Aris M. *Hidden Treasures and Secret Lives: A Study of Pemalingpa, 1450–1521, and the Sixth Dalai Lama, 1683–1706.* Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2015.

Bod mi'i kbrims mthun gzhung dga'ldan pho brang dbu brnyes nas lo 360 'khor ba'i bka' drin rjes dran dang ma ongs mdun bskyod kyi kba phyogs. Dharamsala: LTWA, 2002. Vol. 1 [*Towards the celebration of the 360th anniversary of the founding of the Central Government Ganden Phodrang* (in Tibetan)].

Dan M. A Brief Political History of Tibet by Gu-ru Bkra-shis. Ernst Steinkellner (ed.). *Tibetan History and Language: Studies Dedicated to Uray Géza on His Seventieth Birthday.* Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studie. Vienna: Universität Wien, 1991. Pp. 329–351.

Dhondup K. *The Water-Horse and Other Years. A History of XVII-th and XVIII-th Century Tibet.* Dharamsala: LTWA, 1984.

Kitinov Baatr U. Incarnations and the Spiritual Leaders as Subject and Object of the Political Activity of the Oirats and Kalmyks (mid. 17th — mid. 18th centuries). Birtalan A., Teleki K., Beres J. (eds.). *Aspects of Mongolian Buddhism 2. Mongolian Buddhism in practice.* Budapest: L'Harmattan, 2020. Pp. 87–97.

Kitinov B., Lyulina A. “Dzungar: Religion and Designation”. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 173–183.

Kircher A. *China Illustrata.* Transl. by Dr. Charles D. Van Tuyl. No place, 1986.

Ngag dbang blo bzang rgya mtsho mdzad. *Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang.* Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012. Vol. 3 [Wrapped in fine silk, the life of the Fifth Dalai Lama, Ngawang Lobsan Gyatso — The Autobiography of the Fifth Dalai Lama (in Tibetan)].

Sangs rgyas rgya mtsho. *Life of the Fifth Dalai lama.* Transl. by Zahiruddin Ahmad. New Delhi: Aditya Prakashan, 1999. Vol. IV.

Shakabpa T. W. D. *One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet.* Transl. and annot. by Derek F. Maher. Leiden, Boston: Brill, 2010. Vol. 1.

The Autobiography of the first Panchen Lama Blo-bzang-chos-kyirgyal-mtshan. 1567–1662. Ed. and intr. by Ngawang Gelek Demo. New Delhi, 1969 (in Tibetan).

**БАЛАДЖИ АВДЖИ: ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ–ЦАРЕТВОРЕЦ.
К 350-ЛЕТИЮ ВОСШЕСТВИЯ НА ТРОН
ЧХАТРАПАТИ ШИВАДЖИ-МАХАРАДЖА,
ОСНОВАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВА МАРАТХОВ**

© 2024

И. П. Глушкова¹

Слава основателя государства маратхов давно вышла за пределы маратхиязычного региона, где в XVII в. совершал ратные подвиги Шиваджи Бхосле, выходец из мелкоземельного воинского клана. Именно поэтому 350-я годовщина его коронации как *чхатрапати* Шиваджи–махараджа отмечается в Индии на общенациональном уровне. Наряду с созданием собственной политики и вкладом в возрождение индуизма ему ставят в заслугу защиту самобытности, т. е. противодействие любым формам инородного вмешательства в жизнь субконтинента. Его безупречный образ, в условиях антиколониального движения получивший повсеместное признание, неразрывно связан с возвышением плеяды его единомышленников — «солдат Шив-раджи» (*Śivrāyāñce śiledār*), какие бы посты при нем они ни занимали.

Баладжи Авджи Читре из касты профессиональных писцов и секретарей (чандрасения каястха–прабху) считается одной из главных «драгоценностей» в «гирианде» соратников Шиваджи. Искусный писемоводитель признан виртуозом в устранении преград на пути своего хозяина к высотам власти: он «посредничал» в общении Шиваджи с оберегающей его богиней Бхавани, участвовал вместе с ним в рейдах на портовые города, сопровождал его в ночных проверках на надежность крепостей, находился рядом, когда Шиваджи убивал биджапурского военачальника Афзал-хана, выручал хозяина из могольского плена. Он же обеспечил Шиваджи чистую родословную в качестве потомка Солнечной династии бога Рамы, утвердил его кшатрийский статус и заручился поддержкой авторитетного брахмана Гаги Бхата из священного Бенареса. Настоящая статья реконструирует этапы создания нарратива о Баладжи Авджи, «секретаре собственной государственности».

Ключевые слова: Индия, Махараштра, XVII век, государство маратхов, Шиваджи, Баладжи Авджи, секретарь–читнис, коронация, брахманы–читпаваны, чандрасения каястха–прабху, *бакхары*

Для цитирования: Глушкова И. П. Баладжи Авджи: писемоводитель–царетворец. К 350-летию восшествия на трон чхатрапати Шиваджи-махараджа, основателя государства маратхов. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 211–233. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-211-233

---

¹ Глушкова Ирина Петровна, доктор исторических наук, г.н.с. Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; iri_glu@hotmail.com
Irina Glushkova, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Department of History of the East, Institute of Oriental Studies RAN, Moscow; iri_glu@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-3715-5722

**BALAJI AVJI: A SCRIBE AND KING-MAKER.
ON THE 350TH ANNIVERSARY OF THE ENTHRONEMENT
OF CHHATRAPATI SHIVAJI MAHARAJ, A FOUNDER OF THE MARATHA
STATE**

Irina Glushkova

The fame of the founder of the Marathi state has long gone far beyond the limits of the Marathi-speaking region, the focal point of the 17th century feets of arms of Shivaji Bhosle, a native of a petty landlord and warrior clan. For that cause, the 350th anniversary of his coronation as Chhatrapati Shivaji Maharaj is celebrated nationwide in India. Along with formation of his own policy and contribution to the revival of Hinduism, he is credited with protection of his country authenticity by fighting against any form of foreign intervention. His impeccable image as shaped throughout the subcontinent at the times of the anticolonial struggle, is integrally linked with the rise of a galaxy of his like-minded “soldiers of Shiva Raja” (*Śivrāyāñce śiledār*), no matter what positions they held under him.

Balaji Avji Chitre from the caste of Chandraseniya kayastha prabhu of professional scribes and secretaries is considered one of the main “jewels” in the “garland” woven of Shivaji’s associates. This skilful clerk is recognized as a factotum in removing obstacles on his master’s path to the heights of power: he “mediated” in Shivaji’s communication with his protectress goddess Bhavani, participated along with him in raids on port cities, accompanied him in night scrutiny of fortresses, stayed there when Shivaji killed the Bijapur military commander Afzal Khan, helped his master escape from the Mughal captivity. He also provided Shivaji with a pure lineage as a descendant of the Solar Dynasty of the god Rama, confirmed his Kshatriya status and enlisted the support of the authoritative brahman Gaga Bhat from holy Benares. This article reconstructs the stages of composing a narrative about Balaji Avji, the “secretary of [the Marathas’] own statehood”.

Keywords: India, Maharashtra, 17th century, the Maratha state, Shivaji, Balaji Avji, secretary–chitnis, coronation, brahmans–chitpavans, chandraseniya kayastha prabhu, bakhars

For citation: Glushkova I. Balaji Avji: a scribe and king-maker. On the 350th anniversary of the enthronement of Chhatrapati Shivaji Maharaj, a founder of the Maratha state. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 211–233. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-211-233

Ни шиваджиана (совокупность произведений разных видов искусств, поющих славу чхатрапати Шиваджи-махараджу), ни шивадживедение (раздел истории, изучающий деятельность Шиваджи в контексте его эпохи и воздействие его образа на формирование национального этоса маратхов) не могли бы сложиться, если бы личные запросы и социальные устремления основателя маратхской государственности не обслуживала когорта личных секретарей. Им принадлежит заслуга в организации документооборота, сохранении архивов и непрерывном наращении письменных артефактов, ставших фундаментом для создания монументального памятника герою, заложенного им «маратхского царства» и его ближайшим соратникам. Вокруг некоторых из них вырос собственный нарратив, и Баладжи Авджи, чьей рукой начиная с 1650-х годов писалась большая часть исходящей от Шиваджи корреспонденции на маратхи, из слуги, неотступно следующего за хозяином, превратился в соратника, помощника, наперсника, «брата» и... оказался царетворцем.

Слуга знаменитого хозяина: посмертная фортуна

6 июня 2024 г. Махараштра завершила длившееся целый год празднование 350-летия со дня коронации Шиваджи Бхосле² (1627/30–1680). Выходец из клана мелких землевладельцев и наемных ратников, в XVII в. попеременно оказывавших военно-фискальные услуги правителям Деканских султанатов (Ахмадабад и Биджапур) и Моголам (Дели/Агра), великий маратх обрел легендарный ореол при жизни. Дальнейший ход истории, особенно с середины XIX в., когда в маратхязычном регионе, а затем и за его пределами «мелодия Шиваджи стала исполняться хором» [Samarth, 1975, p. 13], превратил стихийный нарратив о его взлете к власти в насыщенное эпическое полотно. Шиваджи, «бунтовщик» и «патриот», «предвестник национально-освободительного движения в Индии», стал героем *per se*, что сопровождалось его возвышением до позиций демиурга и небожителя, а сами мараты / махраты / мархатты, как звучал ранее этот этноним, обрели славу бесстрашных и упорных воинов. На фоне тотальной «шиваджизации» современных ландшафта и идеологии Махараштры и превращения маратхского лидера в фигуру национального масштаба избранные сподвижники из его ближайшего окружения также стали укрупняться и приобретать особый статус.

В 1674 г., в момент назначения Шиваджи самого себя *чхампанаму (chhatrapati)* — «обладателем [царского] зонта» — реальная территория, над которой он властвовал, располагалась в радиусе нескольких десятков километров по обе стороны Западных Гхатов / Сахьядри: к востоку от гряды в местности Мавал на Деканском плато и к западу на побережье Конкана. В XVIII в. экспансионистская политика *пешв* — первых министров, потеснивших потомков Шиваджи, привела к формированию своего рода политики, в дальнейшем названной Маратхской империей, которая контролировала большую часть субконтинента. После утраты в XIX в. субъектности в качестве доминирующей политической силы маратхи занялись поисками собственной идентичности и своей роли в истории региона, обретшего благодаря Шиваджи мировую известность. Князь Э. Э. Ухтомский, хроникер путешествия цесаревича Николая на Восток, взглядыываясь при подходе фрегата «Память Азова» к бомбейскому берегу в очертания «синеющих холмов отдаленья», писал о «прежних владениях мужественных и свободолюбивых маратов» [Ухтомский, 1893, с. 8]. А в момент приближения с противоположной стороны — изнутри Махараштры — к горной цепи угадывал места, где осуществлял первые ратные подвиги Шиваджи: «19 декабря [1890 г.] мы засветло наконец пересекаем знаменитые красотой своей Гхаты. [Великокняжеский] поезд карабкается вверх по крутизне, медленно спускается тут же около с довольно обрывистого склона, теряется в целом сонме сравнительно невысоких холмов, в зимнее время года отличающихся тусклостью зелени и вообще какою-то странною мертвенностью. Путешественники, бывавшие здесь в пору обильных дождей, напротив — в восторге от шума потоков, сбегающих в долины вдоль железнодорожной линии, от яркой листвы, обрамляющей тогда макушки и скаты гор, от радостного оживления, которым проникнута окрестность, выросшая и выдвинувшая на поприще исторической борьбы маратов-воинов, горцев-разбойников, но защитников независимой родины. Да, именно из подобной величественно-дикой глуши могли парить над остальной Индией гордые мечты бестрепетного „царя и воеводы“ Сиваджи! Его походы сопровождалось, конечно, опустошениями и кровопролитиями, что было вполне в духе времени и даже отчасти аналогично с характером войн на Западе. Тем не менее цель враждебного отношения к окружающим народностям (особенно при подчинении их исламу или влиянию корыстолюбивых европейцев) оправдывалась как протест крайне живучего и бодрого

² Это имя в старой историографии имеет разные варианты написания: Bhonsle/a, Bhosle/a и пр. О некоторых аспектах восприятия Шиваджи в новейшее время см. [Глушкова, 2002, 2004, 2005, 2012, 2014а, 2014б; Ванина, 2021].

индуизма. Вера в браминов, в религиозные начала, завещанные предками, в известного рода народную самобытность — вот что одушевляло маратов и создавало из них боевую силу, с которой приходилось — а, пожалуй, и еще придется, — считаться» [Там же, с. 91–92].

Представление о «вере в браминов» и в «религиозные начала, завещанные предками», несомненно, было очень «ориенталистским»: то и другое, скорее, разъединяли маратхов, и отчуждение между ними преодолевалось изобретательностью и весомым материальным вознаграждением. Баладжи Авджи Читре, *читнис / читнавис* (*ciṭṇīs / ciṭṇāvīs*, от перс. *nawīs*, «писатель») вошел в историю как Баладжи Авджи Читнис (по названию должности), Баладжи Авджи Прабху (по принадлежности к касте профессиональных писцов и секретарей *Cāndrasenīy kāyastha prabhu*, в современном обиходе сокращенной до маратхских слогов «ча-ка-прабху», *cākāprabhu*, или английской аббревиатуры «си-кей-пи», СКР), Баладжи Авджи Гхолкар (от Гхолавади, пожалованной кому-то из его предков деревни) и Бал-прабху Читнис. Помимо искусности в письмоводительстве, именно ему приписывается роль незаменимого умельца в устранении самых сложных, почти непреодолимых, ситуаций на пути своего хозяина к успеху: он «посредничал» в общении Шиваджи с оберегающей его богиней Бхавани, участвовал вместе с ним в успешных рейдах на портовые города, сопровождал его в ночных проверках на надежность крепостей, находился где-то рядом, когда Шиваджи убивал биджапурского военачальника Афзал-хана, выручал хозяина из могольского плена и, наконец, обеспечил ему чистокровную родословную как потомка Солнечной династии бога Рамы, добился признания его кшатрийского статуса и привлек авторитетного брахмана и законотворца Гагу Бхата из священного Бенареса для проведения утраченной в могольском окружении церемонии помазания на трон царя-индуса.

Слава Баладжи Авджи начала прирастать с конца XVII в., и в XXI в. он стал центральным героем популярных брошюр и романов, обработавших в духе историко-психологического «дописывания» дошедшие сведения из его жизни [Date, 1976a, 1976b; Bhav, б. д., Shinde-Sarkar, 2015]. При этом успешность его начинаний даже вынесена на обложку одного из изданий — «Удачливый Баладжи Авджи» (*Yaśvant Bālājī Āvji*) [Date, 1976b] — и постоянно тиражируется аудио- и видеоконтентом в интернете и постами в Фейсбуке (запрещен в РФ) в группах с многотысячным участием. К его прежним регалиям добавился новый титул — «секретарь собственной государственности» (*svarājyāce ciṭṇīs*) и расширенное — гонорифическое — написание его имени — «приверженный собственной государственности» (*savarājya niṣṭh śrī bālājī āvji ciṭṇīs*), а сам он стал воплощением наследуемых не только его прямыми потомками, но и всей кастой каястха-прабху таких добродетелей, как «верность службе» (*sevā ekāniṣṭhā*) и «преданность хозяину» (*svāmibhakti*). Приписываемые ему качества привели к приравнению его интеллекта к популярной в XVII в. в индоиранском регионе кривой сабле — *шамширу*, способной наносить сильный оттяжной удар (*samśerīsārkhā tallakh ciṭṇīs*), и к изобретению хвалебного эпитета — «внешняя душа» (*bahisth prāṇ*), что утверждает представление о полном единомыслии между слугой и хозяином. Также Баладжи получил соответствующие современной профессиональной номенклатуре наименования, расширяющие диапазон его ответственности, — «специальный ассистент» и «менеджер». Наконец, на волне популярных в 2010–2020-е годы ТВ-сериалов о Шиваджи и их сиквелов о Самбхаджи (1657–1689, старший сын) и Раджараме (1670–1700, младший сын)³ было «обнаружено» место, теперь маркированное скромной мемориальной постройкой — самадхи (*samādhi*), где в 1681 г., уже после смерти Шиваджи, по распоряжению неуравновешенного и жестокого Самбхаджи *читнис* был брошен под ноги обезумевшего слона.

³ Разделенные борьбой за трон отца, потомки Самбхаджи, продолжая использовать титул *чхатрапати*, укрепились в Сатаре, а Раджараме — в Колхапуре. В дальнейшем в связи с практикой усыновления и многочисленными интригами (среди прочих особенно отличилась вторая жена Раджараме — Тара-баи, впрочем, потом побежденная его третьей женой) кровная линия Шиваджи фактически прервалась, но титулатура (начиная с 1749 г. — «раджа») осталась за потомками обоих семейств и в Сатаре, и в Колхапуре.

Подобного рода посмертные памятники — от невысокой стелы до храмовых комплексов — материализуют историческую память Махараштры и утверждают именно такое, а не иное, ее наполнение.

***Бакхары*: траектория взлета**

В Махараштре главным источником информации об основателе государства маратхов и его соратниках, в том числе Баладжи Авджи, признают грандиозные памятники нарративной прозы — *бакхары* (*bakhar*)⁴ с описанием деяний Шиваджи, его предков и потомков, союзников и противников. Обнаружение новых рукописей — как более поздних, так и более ранних — и сопоставление разных версий одного и того же текста, выполненных под разных заказчиков, неизменно вели к яростным дискуссиям о смыслах слов, оценках поступков и — шире — о несоответствиях и умолчаниях в изложении событий. Старые копии с соответствующими жанру и традиции колофонами, качеством бумаги, каллиграфическими и грамматическими признаками, созданные при жизни Шиваджи или ближе к эпохе Шиваджи, считаются более достоверными. Именно *бакхары* стали основой для Эдварда Скотта-Уоринга и Джеймса Гранта-Даффа⁵, авторов первых «Историй махраттов» (1810 и 1826 соответственно). Оба нацеливались на удержание захваченных Ост-Индской компанией территорий и пытались понять, что «особенного» было в махратах, которых они считали главными соперниками. Скотт-Уоринг писал: «Когда-то махратты были могущественной нацией — их возвышение и падение могут несомненно стать предметом споров» и гордился тем, что опирается именно на *бакхары*: «[Б]ез всякого высокомерия я могу поставить себе в заслугу то, что был первым, кто представил читателю связанную историю махраттов, почерпнутую из первоисточников, о существовании которых до недавнего времени не было известно» [Scott Waring, 1810, pp. viii, x]; ему вторил Грант-Дафф: «Потребность в полной истории взлета, развития и упадка махраттов, наших непосредственных предшественников в завоеваниях, давно известна всем, кто знаком с делами в Индии; она [ощущалась] в такой степени, что стала общепризнанной: осознать до конца, каким способом мы обрели в этой части нашу обширную империю, мы не сможем, пока не получим желаемого» [Grant Duff, 1990, p. v]. Его непосредственным помощником, чьи интерпретации прошлого, а также чей вес в кругах «си-кей-пи» он нещадно эксплуатировал, был не кто иной, как Балвант-рав, прапраправнук Баладжи Авджи. Грант-Дафф писал: «Некоторые подлинники написаны рукой Баладжи Авджи, и я получил этому подтверждение, как будет упомянуто ниже, в другом месте» [Ibid., p. 89, fn*]. Но в «другом месте» он всего лишь пересказывает эпизод из одного из *бакхаров* о заговоре против Самбхаджи с вероятным участием Баладжи Авджи, что и привело к его казни. Только в сноске он подтверждает особое благоволение Шиваджи к своему письмоводителю, используя «оригинальный» документ о включении секретаря в совет министров (*aṣṭhapradhān*, «восьмерка главных»), от чего Баладжи отказался, и напоминает читателю, что это тот, чей почерк сохранен во множестве документов, «чему история премного обязана» [Ibid., p. 223, fn*]⁶.

⁴ Слово *bakhar* может быть метатезой араб. *khabar*, «новость», или производным от перс. *kheir*, *bakheir* «все хорошо». *Бакхары* сфокусированы на событиях политической истории «под заказчика» с добавлением множества сверхъестественных компонентов. В настоящее время насчитывается около 200 *бакхаров*, датируемых периодом XVII–XIX вв. Из них опубликовано около 50, большая часть рассказывает о Шиваджи.

⁵ Э. Скотт-Уоринг в 1800-х годах занимал пост младшего секретаря английского резидента при дворе *пешвы* Баджи-рава II в Пуне; Д. Грант-Дафф после окончательного поражения маратхов в 1818 г. стал резидентом в Сатаре при возведенном на трон англичанами потомке Шиваджи Пратапе Сингхе. Оба офицера владели маратхи и имели доступ к оригинальным документам.

⁶ Гаджанан Мехендале, автор фундаментальной биографии Шиваджи с опорой на массив документов, собранных за почти столетний период с момента написания первых работ [Mehendale, 2011], считает этот документ подделкой

По крайней мере пять *бакхаров*, несмотря на разночтения в рецензиях, включая их разные титулы, формируют фундамент, на который вынуждены опираться даже решительные противники этого жанра (как, например, не пользующийся признанием в Махараштре историк Могольской Индии бенгалец Джадунатх Саркар⁷):

1. «Сабхасадский бакхар» (*Śrī-Śiva-Prabhuce-Caritra*, 1694/1697) был создан по заказу Раджарама в Джинджи, крепости на территории современного Тамилнаду, осажденной могольскими войсками, где младший сын Шиваджи укрывался около десяти лет. Его автором называют Кришнаджи Ананта «Сабхасада», где последнее слово указывает на профессиональную принадлежность писателя к канцелярским регистраторам. «Сабхасад», как для краткости называют этот текст, считается наиболее достоверным из-за хронологической близости к периоду Шиваджи и единообразия стиля. В отличие от других текстов этого жанра, «Сабхасад» не изобилует мифологическими преувеличениями, но содержит информацию об административном устройстве при Шиваджи, жалованьях и пр. Баладжи Авджи Прабху Читнис числится среди фигур, являвшихся «опорой власти», хотя разные списки меняют состав и последовательность наиболее лояльных соратников. Согласно «Сабхасаду», идея о помазании на царство исходит от Гаги Бхата, отпрыска знаменитой династии Бхатов из священного Бенареса, а Баладжи присутствует на коронации, занимая вместе с братом место среди «помощников» лиц из министерского круга *аштханпрадхан* [Sane, n. d.; Sen, 1920].

2. «Бакхар в 91 раздел» (*Śrī-Śiva Chatrapatīcī 91 Kalmī Bakhar* или *Rairī bakhar* или *Marāṭhī samrājyācī choṭī bakhar*, 1685–1735) начал писаться около 1685 г. хроникером Даттаджи Вакнисом из окружения Шиваджи, но в середине следующего века с грубейшими ошибками, вставками и утратой связанности был обработан неким Кхандо Анаджи Малкаре [Chitnis, 2012, pp. 40–41]. Опубликованные в разные годы великими маратхскими историками-архивистами В. К. Радзаве, К. Н. Сане и Д. Б. Параснисом копии вместе с английским переводом 1806 г. «райгадского манускрипта» в исполнении лейтенанта Э. Д. Фриссела⁸ и переводом Саркара на английский персидского варианта этого текста (из Британской библиотеки) были собраны под одной обложкой В. С. Вакаскаром, историком из Бароды, в десятилетие полного расцвета шивадживедения [Wakaskar, 1930]. Составитель расположил одни и те же разделы (в случае их наличия в тех или иных копиях) друг за другом, что облегчило обнаружение разночтений, в частности, упоминаний Баладжи Авджи при перечислении эскорта Шиваджи.

3. «Шри-Шива-дигвиджай (Шива Победоносный)» (*Śrī-śiv-digvijay*, 1718), самый объемный *бакхар*, приписывается Кхандо Баллалу Читнису, второму сыну Баладжи Авджи, личному секретарю и Самбхаджи, и Раджарама. Вследствие неограниченных заимствований из «Бакхара в 91 раздел» и «Читниса» (см. ниже) вкупе с разгулом воображения большинство исследователей считают его подделкой, составленной не ранее 1818 г. (а никак не в 1718 г.) кем-либо из «си-кей-пи»: текст перевозит касту и ее участие в достижении «собственной государственности», а также изобилует подвигами ее членов как самых верных соратников Шиваджи. Именно здесь излагается детальная генеалогия клана Читнисов, воспеваются героизм Баладжи Авджи и он объявляется

и придерживается мнения, что почерк Баладжи не идентифицирован (личная корреспонденция от 09.03.2024). Такого же мнения придерживается Анурадха Кулкарни, составитель двухтомника переписки Шиваджи [Kulkarni, 2015, 2019] (личная беседа, 12.01.2024).

⁷ Главным объектом исследования Саркара был император Аурангзеб (пр. 1658–1707), правление которого описано им в пятитомнике «История Аурангзеба» (1912–1924). Книга «Шиваджи и его времена» [Sarkar, 1919, 1929, 1952] появилась как побочный продукт основной темы, поскольку значительную часть своей жизни Аурангзеб как раз боролся с Шиваджи и маратхами и последнюю четверть века вплоть до своей кончины находился на территории Махараштры [Ванина, 2012].

⁸ Э. Д. Фриссел, также младший секретарь в Пунском резидентстве, ликвидировал нумерацию разделов и перевел текст в виде пересказа, назвав его *Account* [Frissel, 1885].

инициатором повышения статуса Шиваджи через интронизацию, организатором участия Гаги Бхата в вынесении вердикта о чистоте кшатрийского статуса Шиваджи и т. д., т. е. царетворцем.

4. «Читрагуптский бакхар» (*Citragupta bakhar*, 1760–1770) создан Рагхунатхом Ядавом Читре, потомком одного из братьев Баладжи Авджи и личным секретарем при наследнике Шиваджи из колхатурской линии. Помимо заимствований из «Сабхасада», автор сообщает подробности устройства секретариата в администрации маратхов и абсолютную незаменимость письмоводителей в обеспечении бесперебойных коммуникаций как внутри государства, так и вовне для поддержания внешних связей. Здесь Баладжи Авджи непременно оказывается рядом с *чхатрапати* в тех эпизодах, которые считаются ключевыми в жизни Шиваджи-основателя маратхской государственности, например, убийство им во время дипломатического рандеву Афзал-хана, биджапурского военачальника [Глушкова, 2012].

5. «Читнис», в оригинале «Семиглавное жизнеописание сиятельного Шивы-чхатрапати-махараджа» (*Śakakarte śrī-siv chatrapati mahārāj yāñce saptaprakaraṇātmak caritra*, 1810), принадлежит перу Малхара Рам-рава Читниса, праправнука Баладжи Авджи. Он занимал пост секретаря при Шаху-младшем (Шаху II), а его сын — Балвант-рав — стал помощником Гранта-Даффа. На основе этого *бакхара* уже при сыне Шаху-младшего сатарский резидент выстраивал «Историю махраттов», одновременно воспитывая Пратапа Сингха в духе лояльности к новой власти. *Бакхар* добавляет множество новых сведений о клане Бхосле и об отрочестве Шиваджи, что не находит подтверждения в других источниках. Самая большая глава 7 — «Помазание на царство» — полностью посвящена подготовке и проведению ритуалов коронации, в том числе деталям проксемического размещения присутствующих с выведением Баладжи на передний план — лицом к лицу (*sanmukh*) к хозяину — и оттеснением всех остальных на задний: ... *Лицом [к Шиваджи], чуть правее, письмоводитель Баладжи Авджи с письмом в руках, лицом [к Шиваджи], чуть левее, счетовод Чимнаджи Авджи с письмом в руках...* [Sane, 1924, p. 331]. Большинство из повсеместно доступных — буквально на улицах — современных репродукций этого сюжета, легко изменяемых и насыщаемых компьютерной графикой, транслируют именно такой визуальный нарратив⁹.

За исключением «Сабхасада», об авторе которого сведений нет, со второго по пятый *бакхар* были созданы членами касты «си-кей-пи», а три последних — *читнисами* из клана Читре. Занятый в колониальный период на разных академических должностях, Балкришна Атмарам Гупте назвал своих соплеменников «главными историками „периода маратха“¹⁰», иначе «золотой эпохи в истории Махараштры», длившейся с 1674 г., даты коронации Шиваджи, по 1818 г., даты капитуляции *пешвы* Баджи-рава II [Gupte, 1912, p. 37]. Знаменитый маратхский историк Говинд Сакхарам Сардесаи, брахман-кархаде, прослужившей более четверти века секретарем у Саяджи-рава Гайквада III, махараджи маратхского княжества Барода (на территории нынешнего Гуджарата), не уставал черпать из *бакхаров* и воспевать их авторов: «Все выходцы из клана Читнисов были непревзойденными писателями, чьи скопившиеся груды сочинений с невероятной силой потрясают воображение. Когда новости из отдаленных мест добирались до Сатары или Пуны и прочитывались там, некоторые из авторов превосходным стилем и толковостью сразу обращали на себя внимание, и их отбирали на более высокие должности» [Sardesai, 1933, p. 24]. Но даже полувековые дружба и сотрудничество

⁹ В отношении этого *бакхара* Саркар высказался однозначно (25.06.1923): «Малхар Рам-рав Читнис фальсифицировал историю маратхов, и Грант-Дафф пал его жертвой» (цит. по [Gupta, 1957, p. 146]).

¹⁰ Маратха (неизм. в отлич. от этнонима «маратх») — существительное, называющее воинскую касту, к которой в настоящее время принадлежит около 28% населения Махараштры, и соответствующее прилагательное. Во времена Шиваджи под маратха подразумевалось маратхиязычное население в целом, в первую очередь те, кто поддерживал Шиваджи. В дальнейшем среди маратха стали различать маратха-кунби — в основном земледельцев и маратха-кшатриев из 96 признанных в Махараштре кшатрийскими родов, среди которых Бхосле не числились. В ряде случаев «маратха» и «маратхи» взаимозаменяют друг друга.

между Сардесаи и Саркаром не могли изменить позицию бенгальца. Ближе к концу собственной жизни, наконец, освоив маратхи и заново прочитав «Шри-Шива-дигвиджай», в письме к Сардесаи (23.01.1947) Саркар подтвердил свое неприятие *бакхаров* как источников: это — «современное варево (сопсостіон) для прославления прабху». На этом он не останавливается и продолжает (19 и 20.08.1947): «Это болтанка, придуманная каким-нибудь старым сплетником-прабху, знающим санскрит, но не читающим таварихи¹¹, для возвышения семей каястха как наивеличайших и наипреданнейших помощников Шиваджи. Меня тошнит от такого рода пропагандистской литературы... Какой-то недавний идиот-прабху состряпал эту чушь во славу прабху, служивших у чхатрапати» (цит. по [Gurta, 1957, p. 255, 258, 259]).

Брахманы vs все остальные (*brāhmaṇetar*)

Из-за профессиональной подвижности «си-кей-пи» относят к мигрирующим в поисках достойного вознаграждения сообществам. Их приход (из Северной Индии) в Махараштру, в районы по обе стороны Сахъядри — гористый Мавал и прибрежный Конкан — ориентировочно датируется концом XIV в. Они нанимались на должности, связанные с бумажной работой, т. е. включались в ряды бюрократов любого уровня — от регистраторов межевания в деревнях и кладовщиков в крепостях до письмоводителей у местной знати и министров при деканских правителях-мусульманах. Положение прабху, как они предпочитают себя называть, отдаляясь от северных каястха, было социально неустойчивым: «Грамотность считалась их достоинством, но при этом они оставались слугами своих хозяев. Они охраняли подступы к власти преобладающим, и именно это вызывало предубеждение. Их мобильность и владение языками придавали им внерегиональный авторитет, но, как следствие, вынуждали признавать в них чужаков» [O’Hanlon, 2010, p. 564]. Они неизбежно вступали в деловую конкуренцию с брахманами, занятыми, помимо ритуала, в том же канцелярском регистре, и конфликт между теми и другими принимал характер кастовых споров — *граманья* (*grāmaṇya*): махараштранские брахманы считали «си-кей-пи» не кшатриями, взявшими в руки перо, а шудрами, представителями низшей *варны* в классической — четырехуровневой¹² — иерархии индуизма. За прабху не признавалось права на инициацию (*ирапауана* скр., *тий̄* маратхи), т. е. формализованное зачисление в «дваждырожденные» через приобретение знания путем изучения вед, произнесение ведийских мантр (*vedokta*) и ношение священного шнура. При обострениях противостояния и те, и другие отправляли запросы в брахманские собрания священных Пайтхана и/или Бенареса. Принимаемые там коллегиальные решения с вытекающими из них ритуальными и социальными последствиями могли быть для прабху частично благоприятны, о чем свидетельствует анализ санскритских источников [O’Hanlon, 2010; Deshpande, 2010], или полностью враждебны. Закрепленные в санскритских циркулярах, они какое-то время действовали, потом забывались, искажались или отменялись другими авторитетами, и антагонизм раскручивался на новый виток.

Имя Баладжи Авджи встречается как раз в контекстах *ведокты* и *граманьи*, как и имя Шиваджи в параллельно происходившей кастовой битве — брахманы Махараштры и его считали шудрой, а не кшатрием, и потому — вместе с более родовитыми воинскими кланами — противились его коронации. То есть у слуги и его хозяина проблемы социальной неустроенности оказались

¹¹ *Таварих* (мн.ч. от *tārīkh*, «дата») — политические хроники с рекомендациями по сохранению «идеального порядка» на персидском языке.

¹² В интерпретации махараштранских брахманов времен Шиваджи и позднее, в переживаемую *калиюгу* (*kaliyuga*), «эру упадка», кшатрии и вайшьи в Махараштре перевелись и остались только шудры (ремесленники и слуги), чьи религиозные нормы — *пуранокта* (*purāṇokta*) — определялись на порядок менее священными текстами пуран. То есть обществу навязывалась двухчленная структура — брахманы vs небрахманы.

общими, по поводу чего Саркар, к слову, сам каястха¹³, не преминул заметить: «Шиваджи остро чувствовал свое унижение от рук брахманов... Их настойчивое обращение с ним как с шудрой привело его в объятия Баладжи Авджи, предводителя каястха и еще одной жертвы брахманской гордыни» [Sarkar, 1952, p. 375]. Общим у них был и спаситель — знаменитый Гага Бхат, непревзойденный знаток четырех вед, шести шастр и прочих жанров священной литературы, чьи суждения по запутанным вопросам признавались как приговор. Его предки еще в XVI в. переселились из Пайтхана в Бенарес и надолго захватили интеллектуальный контроль над городом, превратив его в оплот махараштранской брахманской мысли, и роль Гаги Бхата в истории Махараштры следует признать судьбоносной.

Мадхав Дешпанде полагает, что отказ брахманов проводить обряд посвящения для старшего сына / сыновей Баладжи послужил триггером его обращения в Бенарес, в результате чего на свет явился трактат на санскрите «Светильник дхармы каястха» (*Kāyasthadbarmadīpa*), само наличие которого уже возвышало положение «си-кей-пи». В нем Гага Бхат удостоверяет высокое происхождение касты посредством ее мифологической привязки к пураническим (а не ведийским) источникам. Во время затеянного Парашурамой (шестая *аватара* бога Рамы) истребления кшатриев беременная супруга царя Чандрасена из Лунной династии укрылась от разгневанного воителя в обители мудреца-брахмана и выжила благодаря обещанию, что ее потомки будут держать в руках только перо и никогда меч [Deshpande, 2010, p. 99; Vendell, 2020, p. 538–539]. Тем самым Гага Бхат признал кшатрийские корни «си-кей-пи», хотя и символикou пишущего инструмента подвел их к брахманам. На этом основании он разрешил обряд инициации для возведения в ранг «дваждырожденных», но не изучение священных вед. В дальнейших дебатах этот нюанс был утрачен, и в течение несколько десятилетий в общественном мнении «си-кей-пи» фигурировали как полноценные кшатрии, пока в XVIII, XIX и XX вв. не случились новые взрывы *граманьи* и новые общественные скандалы.

Для коронации Шиваджи тот же Гага Бхат разработал «Процедуру царского помазания» (*Rājyābhiṣekapaddhati*)¹⁴ с включением ведийских мантр, что, во-первых, означало признание Шиваджи кшатрием [Deshpande, 2010, p. 98], а во-вторых, подразумевало, что недоистребленные Парашурамом кшатрии смогли продолжить свою линию. В трактате не прописывалась необходимость очистительных церемоний, хотя другие источники сообщают, что в преддверии коронации Шиваджи прошел и через инициацию, и через «правильные» ритуалы бракосочетания с некоторыми из своих жен (а через три месяца повторил всю коронацию уже по тантрической схеме). С другой стороны, все-таки проведенные подготовительные процедуры засвидетельствовали техническую возможность искупления и восстановления утраченного статуса [Ibid., p. 99]¹⁵. Однако несколько десятилетий спустя, уже после смерти авторитетного Кхандо Баллала¹⁶, когда наследственную должность *читниса* занял его сын Говинд Кханде-рав, ставший весомым игроком в условиях

¹³ Положение сходных каст в разных частях Индии определяется историей и микроклиматом конкретного региона. Каястхи Северной Индии и Бенгалии не были объектом столь уничижительного отношения со стороны брахманов, но и брахманы повсеместно никогда не оказывались в роли вершителей судеб целого континента, как это случилось с *пейвами* в XVIII в.

¹⁴ Дешпанде ссылается на публикацию этого текста в издании к 300-летию со дня коронации Шиваджи [Apte, 1974–1975]; в более ранней публикации в моем распоряжении титул звучит иначе — *Śrīśivārājābhiṣekprayog* [Bendre, 1960].

¹⁵ Васудев Ситарам Бендре объясняет, что древнеиндийский правовой канон требовал от потенциального царя безупречного происхождения и надлежащего исполнения прописанных ритуалов жизненного цикла, поскольку он приобретал власть над более высокой варной брахманов. Поэтому претендента на трон следовало до требуемого статуса возвысить, что и произошло в случае с Шиваджи, а официальная коронация послужила его общественному признанию как лидера маратхов [Bendre, 1960, pp. 12–14]. Однако фактически «канон» изобретался по ходу дела.

¹⁶ Вследствие фокуса на Баладжи Авджи богатая на героические события жизнь его сына Кхандо Баллала остается за рамками этой статьи.

перехода в XVIII в. власти от потомков Шиваджи к *пейшвам* [Vendell, 2020], противостояние вспыхнуло с новой силой. В XIX в. оно стало хроническим [Wagle, 1987], подпитываясь активной публикационной саморепрезентацией «си-кей-пи», и обострилось в XX в., как раз в момент создания собственно махараштранского нарратива и борьбы разных групп за присвоение Шиваджи, где грамотные и обладающие литературными навыками потомки Баладжи Авджи и члены его касты играли важную роль. К этому времени, в том числе благодаря запущенным в 1880-х годах как периодика «Источникам по истории каястха-прабху» (*Kāyastha prabhūcyā itihāsācī sādhanē*) и воспроизводству почерпнутых из *бакхаров* нарративов о том, как Баладжи Авджи самолично отправился в Удайпур за подтверждением кшатрийского статуса Шиваджи и даже сам изготовил необходимое генеалогическое древо, как он же, проделав путь на этот раз в Бенарес, не без труда уговорил Гагу Бхата не только вынести благоприятный вердикт относительно его хозяина, но и провести церемонию помазания и т. д. На каждый случай находились все новые свидетельства, включая «копии утраченных оригиналов» из личных закров разветвленной сети *читнисов*, освещив практически всюду, куда дошли маратхи. Этот бумажный вал полностью объясняет наделение Баладжи Авджи высоким эпитетом «секретарь собственной государственности» и — в наши дни — его продвижение как «специального ассистента» и «универсального менеджера», обеспечивающего пространство для бесперебойной жизнедеятельности своего нанимателя.

Бриллиант в «Гирлянде из драгоценных камней прабху»

«Гирлянда из драгоценных камней прабху. Первый букет» (*Prabburatnamālā. Pratham guch*, 1896) Сакхарам Ганеша Муджумдара представляет собой не что иное, как панегирик собственной касте. Автор сообщает, что «публикация стала итогом трудного поиска членов „си-кей-пи“ из Бароды и Пуны, чьи дома хранят архивы подлинной истории Махараштры» [Mujumdar, 1896, p. 5] и отдает дань уважения Шиваджи, чья эпоха славилась эффективной системой управления: несмотря на кастовые конфликты, культура общественных отношений была на высоте. Вследствие этого «у государства не подломилась ни одна из его опор», и «Гирлянда» документирует «одну из несущих конструкций исторического здания Махараштры», каковой являются выходцы из «си-кей-пи» [Ibid., p. 8]. Из 12 глав книги первая и последняя — общие; еще восемь — размером в 6–7 страничек каждая — описывают «драгоценные камни», сохраненные в памяти касты. Седьмая и десятая, героями которых является Баладжи Авджи (ум. 1681) и его сын Кхандо Баллал (ум. 1726), занимают 73 и 84 страницы соответственно.

Новой информации в главе о Баладжи нет: из *бакхаров*, преимущественно из текста «Шри-Шива-дигвиджай (Шива Победоносный)», приписываемого как раз Кхандо Баллалу, автор извлекает то, что считает нужным. Достоверность той или иной информации подтверждается именами прабху, «в момент написания книги» доставивших какой-то документ или вспомнивших рассказ от кого-то из стариков своего детства и т. д. В примечании длиной в две страницы Муджумдар цитирует «случайно принесенную» неназванным маратха (не «си-кей-пи»!) старую бумагу «с надорванным верхом», где подробно описывается личная удаля Баладжи по освобождению Шиваджи из-под «домашнего ареста» после его визита ко двору Аурангзеба (1666 г.) [Ibid., p. 143–144]¹⁷. Следствием «неожиданностей» подобного рода является усиление мотива неразрывного содружества основателя государства маратхов и его секретаря, чьи «сердца бились в унисон» (*doghāñce hṛday ekac hoīn*

¹⁷ Муджумдар сообщает, что скопировал ту часть «бумаги», которая относилась к Баладжи, и вернул документ владельцу. При этом автор называет не Агру, а Дели местом, куда на аудиенцию с могольским императором отправился Шиваджи, где был задержан и откуда совершил побег. В письмах из архивов Джайпура относительно пребывания Шиваджи в Агре и его побега имя Баладжи Авджи не упоминается [Sarkar, Sinh, 1963].

gele) [Ibid., p. 180]. Эта единение закрепляется терминами родства, привносящими в отношения хозяина и его слуги кровность и духовность: так, во время рейда в Раджапур, оценив каллиграфию Баладжи («сразу видно каястха!» [Ibid., p. 121]), Шиваджи принимает его на службу и просит разрешения у его матери называться ее «четвертым сыном» [Ibid., p. 125]; при посещении вероучителя и поэта Рамдаса¹⁸ последний дает наставление не только Шиваджи, но и Баладжи, тем самым соединяя их узами *гуру-бандху* (*guru bandhu*, «братьев-по-наставнику») [Ibid., p. 154].

Доминантой главы является пространственная соединенность Баладжи и Шиваджи: они практически не расстаются, и в любой ситуации, даже при подготовке побега Шиваджи из могольского плена, именно Баладжи показывает, как уместиться в коробе со сладостями, приготовленными для раздачи брахманам: именно таким образом Шиваджи с сыном удается перехитрить охрану [Ibid., p. 143–144]. В дальнейшем это дает повод для публичных высказываний Шиваджи: «Мое спасение из делийского плена произошло благодаря Баладжи Авджи» [Ibid., p. 148] и признаний, что секретарь достигал успеха в делах, непосильных для других. Баладжи не только «ремонтирует» временные и пространственные «поломки», но и выступает как наперсник и утешитель. Выказывая устойчивую неприязнь к мусульманской династии Сидди, при которой его отец Авджи Хари занимал пост министра и был по наговору казнен, он тем не менее подавляет в себе жажду мести и, напоминая Шиваджи пророчество Бхавани («Не достанется тебе Дзанджира» [Ibid., p. 129]), отговаривает его от нападения на неприступную морскую крепость и утешает: «Ваше погружение в тягостные раздумья истощает монолит нашего мужества¹⁹. Если бы вы меня спросили, я бы вам с любовью указал, что не стоит впадать в тревогу по мелочам» [Ibid., p. 131].

В «Гирлянде» Баладжи называет себя «слугой» (*cākar*), а автор утверждает, что хозяин ценит его советы и не скупится на похвалу. При этом Муджумдар использует любую — им же привнесенную — сентенцию для создания благоприятного образа «си-кей-пи» как тесного сообщества. Он подчеркивает превосходство каястха–прабху в умении излагать мысли и пропевает гимн чести в качестве непреложного закона касты, что определяет их профессиональную востребованность. Он уверяет, что преданные прабху без колебаний отдадут жизнь за того, кому служат, — будь то даже мусульманин, но ставят моральный кодекс касты выше произволения хозяина [Ibid., p. 132–134]. Когда Шиваджи предлагает Баладжи переманить своих соплеменников-письмоводителей из вражеского стана, что облегчило бы захват земель Сидди, и приманивает гостей, пожаловавших к Баладжи из Муруда²⁰, богатыми посулами, те отвечают: «Справедлив ли раджа или жесток, не определяется тем, что он дает слуге ту работу, которая ему (слуге) нравится, или ведет себя так, как ему (слуге) нравится. Мы не предадим, хотите победить — нападайте на нас бóльшим войском» [Ibid., p. 136]. На это Шиваджи отвечает: «Пока ваши люди есть в Биджапуре, Даулатабаде, Бедаре, Говалконде и других местах, эти маленькие вотчины устоят» и принимает решение поставить на ответственные посты во всех крепостях родственников Баладжи, а если не их, то членов касты «си-кей-пи», кому он доверяет лично²¹ [Ibid., p. 138, 139]. К этому автор присовокупляет попытки других правителей перекупить у Шиваджи непревзойденного, ведущего от победы к победе *муниши* (*munṣī*),

¹⁸ Рамдас — поэт-морализатор XVII в., популяризатор в Махараштре культа бога Рамы и его верного слуги обезьяны Ханумана.

¹⁹ В оригинале *dbairyameru*, где *meru* — «золотая гора» из индусской мифологии, расположенная в центре Вселенной, мировая ось.

²⁰ Муруд — прибрежное поселение напротив островной крепости Дзанджира, вместе с ней входил во владения династии Сидди.

²¹ Во главе каждой крепости стоял триумвират из маратха–*хавалдара* (*havāldār*, «комендант»), брахмана–*сабниса* (*sabnīs*, «счетовод-бухгалтер») и каястха–*каркханиса* (*kārkhānīs*, «хозяйственник»). В обязанности последнего входило заполнение амбаров, снабжение боеприпасами, поддержание и ремонт сооружений. Они приглядывали друг за другом, но подчинялись непосредственно Шиваджи.

т. е. *читниса*, на что хозяин отвечает: «В моей гирлянде одна к другой нанизаны тщательно подобранные бусины. Отдать эту — уйдет моя счастливая доля (*saubhāgya*)»²² [Ibid., p. 166].

Согласно «Гирлянде», Баладжи обладал обостренным чутьем на запрос момента (*bālājīcyā aṅgī kitī samaysucaktā*) [Ibid., p. 141], а размах его деятельности выходил далеко за рамки должности *читниса*: в качестве «дипломата» и «государственника» (*mutsaddi*) он излагал в письмах и депешах принципы политики Шиваджи, вел переговоры о мире, отслеживал козни чужеземцев (португальцев и англичан) в Гоа и Бомбее, рассылал соглядатаев по всему Декану и за его пределы [Ibid., p. 153, 163]. Он поклонялся только двум богам — «возведению собственной государственности» (*svarājyābhivṛddhi*) и «хозяину» (*svāmibhakti*) [Ibid., p. 180] и придумывал выход (*yukti*) из, казалось бы, неразрешимых ситуаций. Муджумдар считает, что Шиваджи добивался от Аурангзеба титула «раджа» по наущению Баладжи²³; и он же надомнил его, нарушив установленную в Могольской империи иерархию, собственнлично поднять свой статус до новоизобретенного *чхатрапати*, «обладателя [царского] зонта», что вызвало недовольство других воинских родов, не считавших Шиваджи ровней [Ibid., p. 158]. И это стало фоном, на котором брахманы запретили церемонию инициации для подросших сыновей Баладжи, выдвинув в качестве причины его нешкатрийское происхождение. Тем самым близость «братьев» оказалась и социальной, поскольку и слуга, и хозяин оказались причислены к шудрам. В этой ситуации Баладжи во всеулышание заявил: «Добьюсь и коронации, и инициации», что и осуществилось при поддержке Гаги Бхата, заручиться которой не удавалось никому, кроме универсального секретаря. Более того, к завершению церемонии инициации сыновей своего *читниса* Шиваджи собственной персоной пожаловал к нему в дом, а после своей коронации назначил верного соратника министром в *аштапрадхан*, от чего тот отказался, но закрепил за собой пост *читниса* в качестве наследственного, присовокупив к нему хорошо оплачиваемые должности *каркханиса* и *дзамниса*²⁴ [Ibid., p. 157–165].

По убеждению Муджумдара, возвышение Баладжи как конфеданта Шиваджи, его бесспорное влияние на хозяина вместе с успехами его сородичей на писарском поприще, откуда они теснили предоставлявших те же услуги брахманов, стали причиной лютой зависти и мстительной ненависти, получивших реализацию в грозном социальном оружии — *граманьях*. Эта тема провралась еще в *бакхарах*, фактически ставших единственной основой «Гирлянды», но начавшийся в последней трети XIX в. посмертный «взлет» Шиваджи существенно обострил борьбу за образ национального героя маратхов как «своего», и «си-кей-пи» решительно подняли на щит *читниса* Баладжи Авджи Читре, чтобы за столбить свой особый вклад в создание государства маратхов.

Вслед за маратхиязычной «Гирляндой» Баладжи Авджи удостоился отдельной статьи в престижном ежегоднике *The Indian Antiquary* с аудиторией как в Индии, так и в Европе. Автор статьи «си-кей-пи» Б. А. Гупте, на тот момент личный помощник директора Этнографической службы Индии (Г. Х. Рисли), сообразуясь с «ориенталистской» направленностью журнала, объявил *читниса* — «государственного секретаря Шиваджи» — создателем *моди* (*modī*, букв. «изломанный»), скорописного алфавита, использовавшегося для деловой переписки во времена формирования государства маратхов (и позднее): без его знания доступ к архивам на маратхи закрыт. Б. А. Гупте

²² По непонятной (для меня. — И.Г.) причине Муджумдар прибегает здесь к метафорам женского статусного благополучия: *saubhāgya + vatī*, «обладающая счастливой судьбой», т. е. живым мужем. И продолжает использовать символ замужества — *kumkū*, красную точку на лбу, запрещенную для несущей вредную энергетику вдовы: «Если отдать [бусину], то махараджа утратит кумку» (*yās dīlyāne mahārājācā kumkū nābīse bonār*).

²³ Муджумдар неверно датирует это событие 1672 г. (как, впрочем, и другие). Хотя Шиваджи называли «раджой» и раньше, до официального пожалования звания в 1667 г. [Mehendale, 2011, p. 571] это слово употреблялось гонорифически, а не как титул.

²⁴ *Дзамнис* (*jamnīs* или *jamenīs*) — сборщик налогов, служащий налогового департамента.

комментирует неверную характеристику *моди* под именем «мори» в Переписи 1891 г. как модификации персидского шрифта и не упускает случая уязвить постоянных оппонентов своей касты: «Современные брахманы Пуны, те, что со времен пешв²⁵, с их обычной жадностью до престижа, выдумали чисто мифическую традицию, согласно которой шрифт моди доставил с Ланки Хемадпант..., потому что каждый храм древней каменной постройки [в Махараштре] называют „хемадпанти“ и все, что существует с незапамятных времен или о чем сразу не удастся найти упоминания в исторических описаниях, также называют „хемадпанти“, доводя эту дефиницию до полной тарабарщины» [Gurte, 1905, p. 28]. Автор не называет ни одного источника информации, но объясняет это тем, что Баладжи, к поясу которого был привязан тубус с бумагой, пером и чернилами, всегда находился рядом с Шиваджи в полной готовности выполнять свои обязанности. Для быстрого написания он усовершенствовал шрифт *балбодх* (*bālbodh*)²⁶, убрав из него верхнее надчеркивание и привнеся визуальные элементы из графики персидского и южноиндийского телугу: этот «изломанный» вариант стал характеризоваться как «писарский изгиб» (*citnīsi vaḷaṅ*).

На статью Б. А. Гупте, сравнивая графемы *балбодха* и *моди*, ссылается норвежец Стен Конов, автор тома VII «Лингвистического обзора Индии», посвященного маратхи и вышедшего первым изданием в том же 1905 г. [Grierson, 1968, p. 20]. Без всякой ссылки «Баладжи Авджи, секретаря великого Шиваджи», называет изобретателем *моди* руководитель всего многотомного проекта ирландец Джордж Э. Грирсон в томе I, названном «Введение», но вышедшем как обобщающий материал в 1927 г. [Grierson, 1927, p. 142]. То есть имя *читниса* стало узнаваемым за пределами *бакхаров* и Индии и воспроизводится там и тут, хотя и без документального подтверждения, в связи с возросшим интересом к изучению *моди* в современной Махараштре.

«Гирлянда»²⁷ была использована как источник при описании Баладжи Авджи в разделе «Подношение луноподобного ожерелья (*candrabār*) [нашим] историческим личностям» в памятном «Сувенире», изданном в 1971 г. в честь Всеиндийского съезда чандрасения-каястха-прабху» [Smrutigranth, 1971]. Кое в чем статья поправляет источник — знакомство Шиваджи и Баладжи случилось не в 1649 г., а в 1656, когда и состоялся рейд на Раджапур; Шиваджи отправился на встречу с Аурангзебом не в Дели, а в Агру, куда Баладжи хозяина не сопровождал. В остальном же «Сувенир» воспроизводит панегирик из «Гирлянды», разделив его на две части — «Дипломатия Баладжи» и «Беспристрастность Баладжи». В финале, однако, прорывается напоминание о том, что «жестокий (*ugra*) Самбхаджи» не сумел воспользоваться потенциалом Баладжи, что стало трагедией всего «государства»²⁸, (под которой подразумевается переход власти в руки *пешв*): «Детство Баладжи прошло в бедах, и в руках безрассудного Самбхаджи его настиг вызывающий сердечную

²⁵ Зд. выпад против «пришлых» читпаванов, которых также по месту исхода из Конкана называют *коканстха* в отличие от «местных» — *дешастха*, чье происхождение связано с Деш, частью Деканского плато к востоку от Сахьядри. Хемадпант / Хемадри-пант — премьер-министр при династии Ядавов в Западной Индии в домусульманскую эпоху (вторая половина XIII в.).

²⁶ Так в Махараштре называют шрифт *деванагари*, ранее бывший в ходу только для фиксации религиозных текстов, но в 1930-х годах повсеместно вытеснивший из употребления *моди*.

²⁷ Помимо «Гирлянды» упоминается поэма «Светильник рода Читре» (*Citrvaṃśadīp kāvya*), мною не обнаруженная, и несколько брошюр популярного типа. «Луноподобное» украшение на шею составляется из золотых звеньев в виде месяца с вставленным в центр фрагментом в форме полной луны. Эта символика подчеркивает кшатрийское происхождение касты, отождествляющей себя с царем Чандрасеном из Лунной династии.

²⁸ Эпитет *ugra*, означающий целый стусок отвратительных свойств (ужасный, лютый, свирепый и т. д.) явно отправляет к 3-му тому восьмитомника «Маратхское государство / правление» Сардесаи с подзаголовком «Жестокий Самбхаджи (*Ugra Sambhāji*)». Впоследствии множество популярных в Махараштре романов, фильмов и сериалов «отмывали» старшего сына от этого позора, обнаруживая «неполадки» в поведении самого Баладжи в период противостояния Самбхаджи и Раджарама. Вина за нанесение ущерба репутации старшего сына Шиваджи возлагалась на авторов *бакхаров*, т. е. тех же «си-кей-пи».

боль конец. Искусство собирать бриллианты было ведомо Шиваджи, а у обладающего необузданным характером Самбхаджи было умение швырять их под ноги слону» [Ibid., p. 9], как он и поступил с Баладжи Авджи, заподозрив его в заговоре в пользу наследования престола Раджарамом.

И, конечно, весьма влиятельным в Махараштре промоутером как *бакхаров* в целом, так и «Гирлянды» стал чрезвычайно плодовитый Сардесаи. В первой же книге восьмитомника «Маратхское государство / правление» (*Mārāṭhī riyāsat*) с охватом периода от «взлета» Шиваджи до прихода в 1707 г. на трон его внука Шаху знаменитый «государственник» (*riyāsatkār*) ссылается, помимо прочих источников, на «Гирлянду» и выделяет отдельный раздел под заголовком «Польза от кампании», имея в виду рейд на Раджапур под контролем Сидди, во время которого состоялось «приобретение» Баладжи Авджи, ранее служившего писцом в местной конторе, как своего рода трофея: «С той поры читнис был рядом, чем бы Шиваджи не занимался, и многое из того, что нам известно, мы узнали из писем, написанных его рукой» [Sardesai, 1915, p. 204]. Незадолго до смерти он издал «Родословные исторических родов», где проследил деятельность потомков Баладжи Авджи вплоть до 1908 г. [Sardesai, 1957, p. 40].

Парадоксальный поворот в борьбе за национального героя

В предисловии к трехтомной «Новой истории маратхов», усовершенствованной более чем через 30 лет версии маратхиязычного восьмитомника «Маратхское государство / правление» (*Mārāṭhī riyāsat*), Сардесаи обосновал неотвратимость ревизии представлений о прошлом: «Исторические исследования в нашей стране достигли в нынешнем столетии феноменального успеха, что привело к существенным изменениям в целях исторического подхода. Кроме того, глубокие социальные сдвиги, формирующие новое мировоззрение²⁹, а также вал исследований и критики в этой области, как и в других, понуждают нас к изложению новой точки зрения» [Sardesai, 1946, p. 2]. К этому он добавил, что маратхи знают и понимают свой край лучше других, но не уточнил, что это «понимание» напрямую связано с различными социальными, религиозными, территориальными, этническими и прочими маркерами. Занявший самое почетное место в умах и душах маратхов Шиваджи в XX в. стал объектом разнузданных кастовых баталий, а его секретарь — инструментом и аргументом в сильной вспышке антибрахманского движения, остающегося и по сей день важным фактором социально-политического климата Махараштры.

В 1907 г. бомбейский преподаватель К. А. Келускар, один из лидеров «небрахманов», под патронатом колхатурской линии издал 600-страничный труд — «Биографию чхатрапати Шиваджи-махараджа, украшения кшатрийского рода» (*Kṣatriyikulāvataṅga chatrapatī Śivājī mahārāj yāñce caritra*). Он опирался на все *бакхары* скопом и прописывал в тот или иной судьбоносный момент присутствие рядом с Шиваджи не министров-брахманов и родовитых маратха, а писца Баладжи Авджи [Keluskar, 1907]. Вскоре после этого с резкой подачи Радзваде, главы пунской исторической школы, в спорах о *ведокте* и *граманьях* начался новый раунд. При подготовке к публикации «Светильника дхармы каястаха» брахман-читпаван в свойственной ему жесткой манере воскресил отрицание кшатрийского статуса «си-кей-пи», напомнив, что Гага Бхат всего лишь избежал недвусмысленной формулировки, разрешающей прабху использовать ведийские мантры. «Новую интерпретацию старого санскритского труда времен Шиваджи» он зачитал на ежегодной конференции «Общества исследователей индийской истории» (*Bhārat itihāsa samśodhak maṇḍal*), им же в 1910 г. и основанного в Пуне (а потом и опубликовал в ежегоднике «Общества» [Rajwade, 1916]). Вопреки гневным крикам «Прекратить! Сядьте на место!» он выступления не прервал, что привело

²⁹ Безусловно, речь шла о завершении колониального этапа и обретения Индией самостоятельности (1947 г.).

к немедленному исходу историков-«си-кей-пи» не только с заседания, но и из «Общества» и учреждения ими «Исторического исследовательского общества чандрасения-каястха-прабху» [Khan, 1935, p. 48 fn.].

С жестким отпором, перешедшим в нападение на происхождение самих читпаванов и их «псевдобрахманство»³⁰, выступил «си-кей-пи» Кешав Ситарам Тхакре, журналист, реформатор, просветитель и непревзойденный мастер слова³¹. Из-под его пера вышло сразу несколько хлестких эссе с отборной руганью в адрес Радзваде, перечислением всех случаев — начиная с XVI в. — эпизодов *граманьи*, восхвалением неразлучной пары Шиваджи–Баладжи Авджи и их совместных усилий по установлению «собственной государственности». То есть автор основательно разбередил старые раны унижения, не избытые членами его касты³². Изданное в 1918 г. отдельной брошюрой эссе «[Устрашающий] хруст [натягиваемого] лука³³, или Хрен вместо приветствия „Обществу исследователей индийской истории“» разошлось за неделю; в дополненном варианте, который К. С. Тхакре называет «безупречным путеводителем по разоблачению тайн, скрытых за противостоянием брахманов с небрахманами», он объясняет, что «с заливка Махараштры еще со времен пешв не слезает нечисть (*bhūt*) по имени читпаваны, обитающая в рассаднике нечисти — Пуне», в то время как доблестные «си-кей-пи» во главе с мудрым лидером Баладжи Авджи собственной «кровью месили цемент для свараджа Шиваджи и поддержали его еще до того, как к нему примкнули кшатрии–раджпуты» [Thakre, 1925, p. 4], т. е. маратха, не желавшие восхождения на трон «украшения кшатрийского рода».

Оскорбительный для опешевшего брахманского сообщества тон сохранился (и остался коньком дальнейшей деятельности К. С. Тхакре) в «Полной истории граманьи, или Воспротивление бюрократов» [Thakre, 1919] с усилением персональной критики Радзваде и читпаванов вообще в сопоставлении с целой кастой и отдельными кланами каястха-прабху, совершавшими подвиги и осуществлявшими стяжку маратхов, где бы они ни находились³⁴. Гений Шиваджи он славил за выбор им Баладжи Авджи, потому что тот угадал в обладателе эстетического почерка этическое совершенство: исключительную преданность (*niṣkpaṭ svāmībhaktī*), несокрушимую беспристрастность (*kaḍkaḍīt niṣprbhā*), непогрешимый интеллект (*acāṭ buddhimattā*), методичный канцелярский профессионализм (*tāṭṭipicā kārkuṇī bānā*) и безошибочную стратегическую дальновзоркость (*bincūk*

³⁰ Миф о происхождении читпаванов снова отсылает к Парашураму, который предал «трупы, найденные на океанском берегу, священному огню и возродил их как брахманов, необходимых ему для процедуры очищения после убийства кшатриев». В основе мифа, кроме почитания читпаванами Парашурама, лежит интерпретации лексемы *citpāvan* как «очищенный огнем». Как и «си-кей-пи», читпаваны считаются пришлыми — они мигрировали в сердце Махараштры из Конкана (отсюда их второе имя — коканстха) в конце XVII–начале XVIII вв., и местные брахманы–дешастха не считали их ровней себе.

³¹ Чрезвычайно популярный, в том числе как участник «Движения за объединенную Махараштру» в 1950-х годах, в английской транскрипции Тхакре предпочитал называть себя Теккереем (Thakera) для созвучия с именем английского писателя Уильяма Теккерея, ту же практику сохранил его сын — художник, журналист, политик и еще более блистательный оратор Бал Кешав Тхакре (1926–2012).

³² *Граманьи*, эти уникальные документы о социальных разломах из домашних архивов, Розалинд О’Хэнлон называет «текстуальными памятниками» писцов собственной жизни [O’Hanlon, 2010, p. 590]. Она же в ряде работ объясняет различие в положении брахманов в разных частях Индии и контуры их взаимоотношений с другими кастами.

³³ В оригинале использовано слово *kodaṇḍ*, обозначающее не лук вообще, а собственность бога Рамы. Выпущенная из него стрела после поражения противника возвращается к хозяину.

³⁴ Б. А. Гупте использовал собранные для Переписи 1901 г. данные для собственной книги «Каястха–прабху Бомбея, Бароды, Центральной Индии и Центральных провинций» [Gurte, 1912]. Ссылаясь, в частности, на данные Бомбейских газеттиров (а не на *бакхары!*), он подчеркивает, что Шиваджи доверял прабху больше, чем кому бы то ни было, и поэтому ставил их на самые важные должности: «Они сплотились вокруг его знамени, и теперь их можно увидеть по всей стране, где когда-то развевались знамена маратхов (в период территориальной экспансии маратхов в XVIII в. — *И.Г.*) — от Гвалиора на севере до Уджайна, Индора, Деваса, Дхара, Нагпура, Берара, Бароды, Сатары, Пуны, Колхпура и до Савантавади на границе с Гоа прабху выстроили свои дома» [Ibid., p. 27–28].

dbornī dr̥ṣṭī). «„Баладжи — это мое дыхание“, — говорил он во всеуслышание и никогда не принимал политических решений, не посоветовавшись со своим секретарем. Две фигуры, но единый порыв; общий настрой, общий подход — махарадж и читнис случайно нашли друг друга, но их выдающийся тандем перевернул Индию» [Thakre, 1919: 36].

Свой голос — одновременно на санскрите и на маратхи — присоединил известный пунский адвокат Кешав Тримбак Гупте, опубликовав трактат «Гагабхатизм Радзваде», или «Начетничество Радзваде» (1919), поскольку композит *gāgābhattī* уже к середине XIX в. приобрел иронический подтекст, указывая на «пустые претензии», «начетничество» и пр. В трактат он включил вердикты бенаресских брахманов (1779, 1801 и т. д.), присовокупил к ним решение пунских законодателей, завизированное последним *пешвой* Баджи-равом II, о допуске «си-кей-пи» к ведийскому знанию (1796), и скопировал письма от религиозных авторитетов из монастырей, называющих «си-кей-пи» «чандрасения-кшатрии» (1830).

И Тхакре в Бомбее, и Гупте в Пуне были широко известны, поэтому за публичным противостоянием читпаваны vs прабху вместе с Махараштрой следили «си-кей-пи» и прочие «небрахманы» Бароды, Индора, Гвалиора и других маратхских княжеств³⁵, и отзвуки этой полемики становились фактом историографии Махараштры. В 3-м издании монографии «Шиваджи и его времена» Саркар выплеснул свое негодование (изъятые в последующих переработках) по поводу этой схватки в условиях подъема антиколониального движения, когда более всего было необходимо единение: «История маратхов, помимо прочего, была омрачена глупой, но весьма ожесточенной ссорой между брахманами и прабху, которая началась (по мере роста благосостояния и общественной безопасности) при Шиваджи, разгорелась в правление Самбхаджи (превратившего Баладжи Авджи в отверженного), возродилась и широко распространилась в современную эпоху посредством дешевого печатного станка, умножения числа газет в качестве кастовых рупоров и удобной циркуляции печатных материалов. Каждая каста интерпретирует прошлое страны и „открывает“ старые документы, чтобы возвысить себя и подавить соперничающую касту. Историческое утверждение или доказательство оценивается по-разному в зависимости от того, исходит ли оно от читпавана или карбхари³⁶, брахмана или прабху» [Sarkar, 1929, p. 411 fn. **]. Уже в заключительной — XVI — главе «Достижения Шиваджи, его характер и место в истории» 5-го издания — Саркар пишет, что Гага Бхат, «сделавший из Шиваджи чистого кшатрия», в благодарность за щедрый гонорар соорудил трактат, прославляющий каястха, но не смог убедить в этом современных ему брахманов». А в примечании приписывает: «Не убедил он и их потомков. В 1916 г. м-р Радзваде, брахман, в связи с изданием этого текста отказал каястха во всех их притязаниях. Тем самым он

³⁵ Маратхские княжества (около 30) в разных частях Индии формировались в XVIII в. в результате экспансионистской политики *пешв*; в большинстве из них за пределами собственно Махараштры главами стали представители разных «небрахманских» каст, внутри Махараштры, в непосредственной близости от *пешв*, — брахманы — читпаваны и дашастха. См. примеч. 36. Тогда же, в XVIII в. вследствие обострения конфликтов между *пешвами*–читпаванами и каястха–прабху последние отправились за лучшей долей в «небрахманские» княжества [O’Hanlon, 2010, p. 591]. Одна из ветвей клана Баладжи Авджи заняла должность придворных *читнисов* при династии Бхосле (отдаленные родственники Шиваджи) в княжестве Нагпур. Именно ее представитель — Гангадхар-рав Мадхав Читнис / Читнавис по распоряжению резидента Ричарда Дженкинса в 1822 г. создал «Бакхар нагпурских Бхосле» (*Nāgpūrkar bhoslyāñcī bakhar*), естественно, с должным пиететом описав Баладжи Авджи и Кхандо Баллала. То есть процесс «собира-ния» родословной нагпурских Бхосле происходил параллельно погружению Гранта-Даффа в «Читнисский бакхар» в Сатаре при участии представителей того же рода. Еще раньше — в 1803 г. — была составлена родословная династии Вьянкоджи Бхосле, единокровного брата Шиваджи, и выбита на внутренней стене знаменитого храма Брихадешвар в Танджавуре (современный Тамилнаду). Ее автором стал личный секретарь раджи Серфоджи II Бабу-рав Витхал, о его происхождении сведений я не обнаружила.

³⁶ Под «читпаваном» Саркар подразумевает не только Радзваде, но и династию *пешв*, брахманов-читпаванов, противопоставляя им *kārbhārī*, многочисленный и многоступенчатый бюрократический аппарат, неуклонно возраставший вследствие пространственного расширения маратхов и необходимости коммуникаций с территориями под их контролем.

спровоцировал несколько реакций. Автор одной — К. Т. Гупте в „Гагабхатизме / Начетничестве Радзваде“ — еще пыгается аргументированно, с предоставлением свидетельств, оспорить его положения. А другой — К. С. Тхакре — в „[Устрашающем] хрусте [натягиваемого] лука“ — воспроизводит тон Милтона из „Тетрахордона“ или „Против Сальмазия“³⁷. И это происходит в XX в.! Несмотря на это, м-р Радзваде и вместе с ним проф. Биджапуркар (который настойчиво называет Шиваджи шудрой) считают себя сторонниками национальных интересов (nationalist) и даже патриотами (chauvinist)!»³⁸ [Sarkar, 1952, p. 76, fn. *]. Радзваде, впрочем, скоро сам рассорился со всей Пуной и увез свои архивы в город Дхуле, а мощное влияние «другого», к тому времени закрепившего за собой официальный титул «Прабодханкар» (*prabodhankār*, «пробудитель», по названию издаваемого им с 1921 г. двухнедельника *Prabodhan* мощной антибрахманской и прокшатрийской, т. е. объединяющей «си-кей-пи» и маратха, направленности), Саркар, конечно, за собственным красноречием недооценил. В одном из номеров за 1923 г. Тхакре, приветствуя инициативу «Общества друзей каястха-прабху», организовавших в Бароде памятное мероприятие к столетию смерти³⁹ «первого историка Махараштры» Малхара Рам-рава Читниса, на котором председательствовал Сардесаи, добавил: «Чем бы ни являлся в глазах эрудированного проф. Джадунатха Саркара бакхар Малхара, который он без устали расписывает как „преднамеренную фальшивку“, он должен признать, что если бы не литературные усилия Малхара, история маратхов осталась бы мифом и, вероятно, наш высокообразованный Саркар без колебаний бы раскрасил [историю Махараштры] в еще более черные цвета лжи и упадка, опираясь на свидетельства своих любимых хронистов Персии, Афганистана и Andmans⁴⁰» [Thakre, 2021, p. 78]. Далее он перечисляет имена династии Читре–Читнисов, подтверждая длинной генеалогией их высокий статус, и сожалеет, что Саркар «не может в полной мере осознать, какую благородную роль на протяжении последних трех столетий играло перо Баладжи Авджи Читниса и его прославленных потомков, таких как Малхар Рам-рав, живописущее маратхов» [Ibid.].

В 1927 г. в честь 300-летней годовщины со дня рождения Шиваджи только что разбитый в Бомбее для облагораживания городской среды Махим-парк был переименован в Шиваджи-парк⁴¹. Президентом Комитета по подготовке празднования юбилея стал известный адвокат Мукунд Рамрав Джайкар, принадлежащий к «небрахманской» касте патхаре–прабху, родственной «си-кей-пи». В предисловии к изданному к этой дате «Сувениру Шиваджи» он писал: «Имя Шиваджи до сих пор является магическим символом Махараштры. Его династия со временем пресеклась. Его государство рассыпалось в прах, но сегодня он считается непревзойденным идеалом мудрого, справедливого, патриотичного и прозорливого правителя, подавшего наиубедительнейший пример способности Индии к государственному управлению» [Jayakar, 1927, p. vii]. А еще через почти 40 лет — в 1966 г. — по призыву сына «Прабодханкара» Тхакре — популярного карикатуриста и основателя журнала *Mārmik* Бала Кешава Тхакре — в Шиваджи-парке состоялся мощный митинг. При полной поддержке своего отца, яростного защитника репутации каястха–прабху, еще более укрепившего славу виртуоза слова в 1950-е во время борьбы за образование единого маратхиязычного

³⁷ Оба произведения были вызваны к жизни неудачным браком Джона Милтона и оправдывали законность развода вопреки существовавшим нормам.

³⁸ В середине XX в. в условиях антиколониальной борьбы и достижения независимости лексемы nationalist и chauvinist обладали позитивной коннотацией (первая сохраняет положительное значение в индийских реалиях и в наше время), поэтому я ухожу от буквального перевода, сохраняя смысл.

³⁹ Вплоть до недавнего времени празднование дат смерти (*pūṇyatithi*) было важнее, чем дат рождения (*jayanti*). Первые ассоциировались со смертными людьми, вторые — с богами.

⁴⁰ Этот топоним мне непонятен, вряд ли автор имел в виду Андаманские острова.

⁴¹ Позднее — после сопоставления данных из разных источников и астрологических и астрономических пересчетов — дату рождения Шиваджи перенесли на 1630 г. В 2020 г. парк был переименован в Чхатрапати Шиваджи-махарадж-парк.

штата со столицей в Бомбее, молодой Б. К. Тхакре провозгласил создание региональной партии «Шив-сена» (*Shivsena*, «Армия Шива[джи]») с ультраправыми и ультранационалистическими взглядами⁴². В 1995 г. партия пришла к власти в Махараштре, переименовала Бомбей в Мумбаи, присвоила главному вокзалу, аэропорту и музею имя *чхатрапати* Шиваджи и преуспела в повальной «шиваджизации» маратхиязычного пространства [Глушкова, 2005; Куликов, 2014].

«Парадоксальность» этого поворота заключается в том, что каястха–прабху Бал-сахеб Тхакре, как вошел в историю основатель партии, и его соратники (преимущественно члены касты маратха) не только насытили именем Шиваджи все сферы жизни, но и сформировали некомпозитный тип наступательной политической культуры, прижившийся в современной Махараштре. Бал-сахеб также заслужил прозвище «Крестного отца» Махараштры, а в ежегодных публикациях, посвященных его дням рождения, начиная с 2021 г., одновременно и даты празднования столетия ежемесячника *Prabodhan*, повились сначала предположения, а потом и утверждения, что «Прабодханкар» нарек своего сына в честь Баладжи Авджи⁴³.

Азы политики и этические притязания

Секретарство обычно рассматривают в контексте канцелярско-бюрократической культуры в целом, хотя уникальная роль ближайших помощников часто бывает совершенно неординарной буквально во всех сферах жизнедеятельности хозяина. Сюжет с *читнисом* Шиваджи в общих чертах в такую модель вписывается, но все же она оказывается для него недостаточно емкой, потому что вес, который можно задокументировать, имя Баладжи Авджи обретает после его смерти. Огромная роль в этом принадлежит *бакхарам*, которые Доминик Венделл называет «местом, где осуществлялась репрезентация власти по мере ее сменяемости» [Vendell, 2018, p. 305]. Их составителей, которым посвящена его диссертация «Писцы и политика как [профессиональное] призвание в Маратхской империи 1708–1818 гг.», он считает носителями дидактики, извлекаемой в процессе этической переработки исторического опыта своей профессии: «...они были не просто писателями, а советчиками, наставниками и даже порицателями, выговаривавшими правителю в интересах соблюдения этической целостности политического устройства» [Ibid., p. 307].

В отличие от Саркара, Сурендранатх Сен, еще один известный бенгальский историк и тоже каястха, но владевший маратхи, был расположен к *бакхарам* и использовал их свидетельства, выстраивая «Административную систему маратхов». В разделе «Секретари», ссылаясь во время коронации на проксематическую близость Бала Прабху и его брата к Шиваджи, он определяет иерархический статус *читниса* «ничуть не ниже, чем у восьми министров»: «Личный секретарь царя-самодержца, естественно, обладает большим влиянием и является силой, стоящей за троном. Баладжи Авджи был человеком исключительных способностей... Он был допущен к общению Шиваджи

⁴² «Шив-сена» не является темой настоящей статьи, но феномен этой партии, переменчивость ее позиций (от противостояния с коммунистами и нелюбви к южанам до защиты индуизма по всей стране), ее триумф в 1990-х годах и последующий спад описаны в многочисленных работах, в том числе в контексте физического насилия как тактике и стратегии успеха, черпающей вдохновение в знаменитых эпизодах из жизни Шиваджи. См., например, [Hansen, 2001].

⁴³ URL: https://marathi.webdunia.com/bbc-marathi-news/balasaheb-thackeray-was-named-baal-because-maharashtra-news-bbc-marathi-121012300069_1.html; <https://marathi.latestly.com/lifestyle/festivals-events/balasaheb-thackeray-birth-anniversary-%E2%80%8B%E2%80%8Bwhy-was-balasaheb-thackeray-named-baal-read-the-story-behind-this-216527.html> (дата обращения: 11.10.2024). Пикантность этому обстоятельству придает то, что первым (как мне кажется), кто сформулировал это предположение, стал д-р Садананд Море, мой собственный наставник в освоении средневековой поэзии маратхи (и носитель собственной травмы прошлого, поскольку его предок из XVII в. — поэт Тукарам — также считался шудрой, о чем, впрочем, заявлял сам в собственных стихах). Смена модальности — из предположения в утверждение — обусловлена тем, что на протяжении последних лет Море занимает высокий пост главы «Совета штата Махараштры по литературе и культуре», что придает особый вес его словам.

с богиней...» [Sen, 1925, p. 56]. Далее Сен обращается к «Читнисскому бакхару», авторство которого принадлежит праправнуку Баладжи: «Обязанности его должности следующим образом перечислены Малхаром Рам-равом: „Читнис–письмоводитель отвечает за всю царскую корреспонденцию и дипломатическую переписку. Он должен угадать, что находится в царском сердце, и искусно изложить это на письме с обсуждением всех аспектов этого дела. Он должен писать таким образом, чтобы то, что достижимо войной, было получено только посредством букв. Он также должен отвечать на все приходящие письма“» [Ibid., p. 57]. Далее Сен цитирует пассажи из Сане, одного из главных собирателей маратхских архивов⁴⁴: «Земельные дарения, дарственные и другие распоряжения, направляемые административным лицам в районах, должны были оформляться в строгом соответствии с шаблоном. Записки и письма от руки могли быть заверены только печаткой царя или его подписью, но не печатками других лиц, и только читнис мог использовать свой символ» [Ibid., p. 58].

В заключительной части книги Сен проводит параллели между древнеиндийскими трактатами о политике управления и порядками, устанавливаемыми в государстве Шиваджи (*Marāṭhā pādśāhī*, как характеризует его «Сабхасад» — «Маратхская монархия») после официальной коронации. В разделе «Личный секретарь» он пишет: «Каждый правитель нуждается в надежных личных секретарях (secretary) и доверенных делопроизводителях (clerk). Однако Баладжи Авджи, читнис (*ciṭṇīs*) Шиваджи, был не просто писцом (scribe). Его суждений ждали по всем значимым вопросам, и Малхар Рам-рав сообщает, что Шиваджи предложил ему место в своем совете министров. Кроме Бала Прабху писцом (*lekhaka*) был еще его брат Нило Прабху. Возможно, создание этих должностей диктовалось нуждой, но интересно отметить, что Малхар Рам-рав излагал характер их официальных обязанностей почти так же, как и в IV в. до н. э. Каутилья описывал работу лекхака (*lekhaka*) своего времени. Стоит обратить внимание и на то, что Каутилья считает необходимым присутствие в лекхаке министерских качеств. Великий государственный деятель из эпохи Маурьев говорит: „Тот, в ком есть присущие министрам качества, кто знаком со всеми обычаями, искусен в правильном расположении [текста], хорош разборчивостью почерка и остер в чтении, должен быть назначен писцом. Такой письмоводитель, внимательно выслушав приказ короля и хорошо обдумав рассматриваемый вопрос, сведет его к письменной форме“. Не отзываются ли эхом эти слова, когда Малхар Рам-рав Читнис говорит нам: „Читнис-письмоводитель отвечает за всю царскую корреспонденцию и дипломатическую переписку. Он должен угадать, что находится в царском сердце, и искусно изложить это на письме с обсуждением всех аспектов этого дела“» [Ibid., p. 493]. Помимо того, что Сен сопоставляет праправнука Баладжи Авджи, автора «Читниса», в оригинале «Семиглавного жизнеописания сиятельного Шивы-чхатрапати-махараджа», с Каутильей / Чанакьей, главным советником императора Чандрагупты Маурья и автором политического и экономического трактата «Артха-шаstra», обращением к образу Баладжи Авджи Сен легализует субъектность *читниса* Шиваджи в качестве «секретаря собственной государственности». В этом посмертном «взлете» секретаря нельзя не заметить убедительного вклада его непосредственных потомков и наделенных эрудицией и литературным даром каяста-прабху, таким образом избывавших социальную травму негативных воспоминаний, или «душевные муки» [Шнирельман, 2018, с. 20], и без

⁴⁴ Радзваде, Сане и ряд других историков-националистов принципиально отказывались публиковать свои изыскания на английском, поэтому Сен осуществлял еще и миссию распространения их взглядов за пределами Махараштры и Индии. Именно поэтому Мехендале, методично — на протяжении 1660 страниц — перечисливший все промахи Саркара, посвящает свою фундаментальную биографию Шиваджи маратху Б. Г. Парандзпе, опубликовавшему в 1931 г. более 1000 английских документов, имеющих отношение к Шиваджи, и бенгальцу Сену, автору не только отдельных монографий о маратхах, но и многочисленных переводов с маратхи, французского и португальского на английский (в 1920–1930-е годы).

устали предлагавших обществу свой образ героического прошлого. «Приукрашивание» деяний своих предков, по мнению Венделла, отвечало притязаниям каястха–прабху на этическое наследие государства, заложенного Шиваджи, в вербальной визуализации которого они сыграли ведущую роль, а не в фальсификации фактов, как это представлялось хулителям *бакхаров* [Vendell, 2018, p. 350–351].

Современный мультимедийный нарратив о Баладжи Авджи, безусловно, строится без обращения к *бакхарам*: его многочисленные авторы тасуют готовые блоки из «Гирлянды из драгоценных камней прабху», орнаментируя их сообразно своему вкусу и способностям и, конечно, выстраивая прочувствованные диалоги между ведущими актерами из XVII в. Брошюры, видеоблоги, интернет-сообщества, наконец, ТВ-сериалы (самый популярный и стремительно навязывающий свое видение жанр *шиваджианы*) помещают образ *читниса* в трагические рамки подневольности: жестокой смерти по распоряжению работодателя — правителя Джанджиры — был предан его отец Авджи Хари Читре, сам Баладжи по приказу своего хозяина — *чхатрапати* Самбхаджи, старшего сына Шиваджи, был брошен под ноги разъяренному слону, что не отвернуло ни Кхандо Баллала, ни следующие поколения одаренного семейства от несения верной службы, в каких бы условиях они ни оказывались. При этом «кастовый вариант» исторических коллизий нивелируется, и обретение собственной индусской государственности во враждебном окружении ислама становится ведущей темой. Именно поэтому «секретарь собственной государственности» и «менеджер успеха» становятся основными характеристиками Баладжи Авджи. Он вознесен как культурный герой, которому приписывается изобретение алфавита *моди*, как поборник индуизма в деле индизации, то есть изменения персидских стандартов, делопроизводства и эпистолярного стиля, как «солдат Шивы», готовый взять в руки меч, и дипломат, возвращающийся с удачей из Удайпура, Бенареса и Бомбея, как, наконец, царетворец, устранивший все преграды на пути Шиваджи к титулу *чхатрапати*, «держателя [царского] зонта».

Литература / References

Ванина Евгения. Кончина императора — конец империи / Глушкова И. П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре: воображение, восприятие, воплощение*. М., 2012. С. 140–171 [Vanina Evgeniya. Death of emperor is the end of the Empire. Glushkova I. P. (ed.). *Death in Maharashtra: Imagination, Perception and Embodiment*. Moscow, 2014. Pp. 140–171 (in Russian)].

Ванина Евгения. Презрение через века, или Унижение исторического героя / Глушкова И. П. (рук. проекта и отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость: введение в стандарты и практики эмоций*. М., 2021. С. 242–268 [Vanina Evgeniya. Posthumous contempt, or A historical hero humiliated. Glushkova Irina (ed.). *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride: The Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Moscow, 2021. Pp. 242–268 (in Russian)].

Глушкова И. П. История по заказу. *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 6. С. 22–24 [Glushkova I. P. History is made on order. *Aziya i Afrika segodnya*. 2002. No. 6. Pp. 22–24 (in Russian)].

Глушкова Ирина. Махараштра в истории и воображении. *Восточная коллекция*. 2004. № 2 (17). С. 114–125 [Glushkova I. Maharashtra in history and imagination. *Vostochnaya kolleksiya*. 2004. No. 2 (17). Pp. 114–125 (in Russian)].

Глушкова И. Шиваджи: проблемы историографии. *Вопросы истории*. 2005. № 6. С. 104–119 [Glushkova I. Shivaji: problems of historiography. *Voprosi istorii*. 2005. No. 6. Pp. 104–119 (in Russian)].

Глушкова Ирина. Следы и наследие. Извлечение посмертных смыслов. Глушкова И. П. (рук. проекта и науч. ред.). *Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение*. М., 2012. С. 49–113 [Glushkova Irina. Tracks and legacy. Extracting posthumous meanings. Glushkova I. P. (ed.). *Death in Maharashtra. Imagination, Perception and Embodiment*. Moscow, 2014. Pp. 49–113 (in Russian)].

Глушкова Ирина. «Новый скандал» под знаменем Шиваджи / Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 415–427 [Glushkova Irina. 'A new outrage' under Shivaji's banner. Glushkova Irina, Prokofieva Irina (eds). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture. Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 415–427 (in Russian)].

Глушкова Ирина. Нет памятника — нет проблемы. Дебрахманизация национального героя Махараштры / Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 435–476 [Glushkova Irina. The sculpture removed, the problem solved. Debrahmanising the national hero of Maharashtra. Glushkova Irina, Prokofieva Irina (eds). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture. Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 435–476 (in Russian)].

Куликов Никита. Олицетворение величия. О памятниках Шиваджи в Мумбаи / Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 428–434 [Kulikov Nikita. Greatness embodied. The monuments to Shivaji in Mumbai. Glushkova Irina, Prokofieva Irina (eds). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture. Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 428–434 (in Russian)].

Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 1. СПб.–Лейпциг, 1893 [Ukhtomsky E. E. *Travels in the East of His Imperial Highness Sovereign Heir Prince Cesarewitch 1890–1891*. St. Petersburg–Leipzig, 1893 (in Russian)].

Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории / Тишков В. А., Пивнева Е. А. (отв. ред.) *Историческая память и российская идентичность*. М., 2018. С. 12–34 [Schnirelman V. A. Theoretical approaches to social memory. Tishkov V. A., Pivneva E. A. (eds). *Historical Memory and Russian Identity*. Moscow, 2018. Pp. 12–34 (in Russian)].

Bendrey V. S. (ed.). *The Coronation of Shivaji the Great. Gāgābhattacharya Śrīśivarājābhīṣekapryogah: or the Procedure of the Religious Ceremony performed by Gagabhatta for the Consecration of Shivaji as a Hindu king*. Bombay, 1960.

Bhave Prabhakar. *Bālājī Avjī Citṇīs*. (Śivrayāñce śiledār). Pune, n. d. [Balaji Abji Chitnis. (A soldier of Shiv-rajā) (in Marathi)].

Chitnis K. N. *Research Methodology in History*. New Dehli, 2012.

Date P. R. *Bālājī Avjī Citṇīs*. S.l.: s. n., 1976a [Balaji Avji Chitnis (in Marathi)].

Date P. R. *Yaśvant Bālājī Avjī*. S.l.: s. n., 1976b [Successful Balaji Avji (in Marathi)].

Deshpande Madhav M. Kṣatriyas in the Kali Age? Gāgābhaṭṭa & His Opponents. *Indo-Iranian Journal*. 2010. Vol. 53. Pp. 95–120.

Frissel E. J. An account of Shahaji and his son Shivaji. Forrest George W. (ed.). *Selections from the Letters, Dispatches, and Other State Papers preserved in the Bombay Secretariat*. Maratha series. Vol. I., part I. Bombay, 1885. Pp. 1–22.

Grant Daff James. *History of the Mahrattas. In three volumes*. Vol. 1. Delhi, (1863), reprint 1990.

Grierson G. A. (ed.). *Linguistic Survey of India*. Vol. I, Part 1. Delhi–Varanasi– Patna: Motilal Banarasidass (reprint of 1927 edition), 1967.

Grierson G. A. (ed.). *Linguistic Survey of India*. Vol. VII. Delhi–Varanasi– Patna (reprint of 1905 edition), 1968.

Gupta Hari Ram (ed.). *Sir Jadunath Sarkar Commemoration volume. I. Life and Letters of Sir Jadunath Sarkar*. Hoshiarpur (fifth ed.), 1957.

Gupte B. A. The Modi Character. *The Indian Antiquary, A Journal of Oriental Research in Archæology, Epigraphy, Ethnology, Geography, History, Folklore, Languages, Literature, Numismatics, Philosophy, Religion, &c.*, &c. Vol. XXXIV. 1905. Pp. 27–30.

- Gupte B. A. *The Kayastha Prabhus of Bombay, Baroda, Central India and Central Provinces*. Calcutta, 1912.
- Hansen Thomas Blom. *Wages of Violence. Namng and Identity in Postcolonial Bombay*. Princeton–Oxford, 2001.
- Jayakar M. R. Forword. Sardesai G. S. (ed.). *Shivaji Souvenir*. Bombay, 1927. Pp. v–vii.
- Keluskar K. A. *Kṣatriyikulāvātans chatrapatī śivājī mahārāj yāñce caritra*. Mumbai, 1907 [A Life of Shivaji Maharaj, Lord of the Royal Umbrella and the Pride of the Kshatriya Lineage (in Marathi)].
- Khan Saiyid Tafazzul Daud Sayeed. *The Real Sevaji*. Allahabad, 1935.
- Kulkarni Anuradha Govind (ed.). *Śivchatrapatīñcī patre*. Khand 1 & 2. Pune, 2015 & 2019 [Correspondence of Chhatrapati Shivaji (in Marathi)].
- Mehendale Gajanan Bhaskar. *Shivaji. His Life and Times*. Thane, 2011.
- Mujumdar Sakharam Ganesh. *Prabhuratnamālā. Pratham guch*. Barode, 1896 [The Garland woven of the best of Prabhus. The first bouquet. Baroda, 1896 (in Marathi)].
- O’Hanlon Rosalind. The social worth of scribes: Brahmins, Kāyasthas and the social order in early modern India. *Indian Economic Social History Review*. 2010. Vol. 47. Pp. 563–595.
- Samarth Anil. *Shivaji and the Indian National Movement: Saga of a Living Legend*. Bombay–New Delhi, 1975.
- Sane K. N. (ed.). *Malbār Rāmrvā Citṅīs-viracit śakakarte śrī-śiv chatrapati mahārāj yāñce saptaprakaraṇātmak caritra*. Poona, 1924 [Sane K. N. *The biography of Holy Chhatrapati Shiva maharaj compiled in seven chapters by Malhar Ramao Chitnis*. Poona, 1924 (in Marathi)].
- Sane K. N. (ed.). *Śivchatrapatīce caritra*. URL: <https://drive.google.com/file/d/0By2f3KW8xMiBN2FyNmp6RkRuNmM/view?resourcekey=0-5P-eCCc7eIF6o8b1LHlxsA>. N.d. [Sane K. N. (ed.). *The biography of Chhatrapati Shiva* (in Marathi) (дата обращения: 15.10.2024)].
- Sardesai G. S. *Marāṭhī riyāsat (purvārdha)*. (*Hindustāñcā arvācīn itihās. Bhāg dusrā*). Mumbai: (new ed.) 1915 [The Maratha State. (Modern history of Hindustan. Part 2.). Bombay, 1915 (in Marathi)].
- Sardesai Govind Sakharam. *The Main Currents of Maratha History*. Bombay, 1933.
- Sardesai G. S. *Aitihāsik gharānyācī vaṃśavūḷī*. Mumbai, 1957 [Sardesai G. S. *Genealogies of the historical clans*. Bombay, 1957 (in Marathi)].
- Sarkar Jadunath, Sen Raghubir. *Shivaji’s Visit to Aurangzib at Agra. Rajasthani Records*. Calcutta, 1963.
- Sarkar Jadunath. *Shivaji and His Times*. London, (second ed.) 1920, Calcutta (third ed.), 1929, Calcutta (fifth ed.), 1952.
- Scott-Waring Edward. *History of the Mahrattas: To which is Prefixed an Historical Sketch of the Decan, Containing a Short Account of the Rise and Fall of the Mooslim Sovereignities Prior to the Aera of Mahratta Independence*. London, 1810.
- Sen Surendranath. *Extracts and Documents Related to Maratha History. Vol. I. Śiva Chatrapati Being a Translation of Sabhasad Bakhar with Extracts from Chitṅīs and Śivadivijaya, with Notes*. Calcutta, 1920.
- Sen Surendranath. *Extracts and Documents Related to Maratha History. Vol. II. Foreign Biographies of Shivaji*. Calcutta, 1925.
- Shinde-Sarkar Ashok. *Svarājyāce citṅīs Bālājī Āvijī Citre*. Islampur, 2015 [Shinde-Sarkar Ashok. *The secretary of Shiv-rajā*. Islampur, 2015 (in Marathi)].
- Smṛtigranth. Akhil bhāratīy cāndrasenīy kāyastha prabhu samājonnatī pariśad 71 adhivēśan 9ve*. N.k., 1971 [Souvenir. The 1971 all India Chandraseniya kayastha prabhu congress for the community progress. The 9th session. N.k., 1971 (in Marathi)].
- Thakre Keshav Sitaram. *Koḍāṇḍācā ṭaṇatkār athvā Bhārat itihās saṃśodhak maṇḍalās ulaṭ salāmī*. Mumbai, (1918) 1925 [Thakre Keshav Sitaram. *The twang of the bow, or Upside-down salute* Bombay, 1918 (in Marathi)].
- Thakre Keshav Sitaram. *Grāmanyācā sādyant itihās arthāt nokarśāhice baṇḍ*. Mumbai, 1919 [Thakre Keshav Sitaram. *A comprehensive history of rebellion, or The revolt of the bureaucrats*. Bombay, 1919 (in Marathi)].

Thakre Keshav Sitaram. Day by Day. Parab Sachin (ed.). *'Prabodhan' madhīl prabodhankār: prabodhan niyatkālikātil keśav sitārām ṭhākṛe yāñce lekḥ*. Khaṇḍ 2. Mumbai, 2021 [Thakre Keshav Sitaram. Day by Day. Parab Sachin (ed.). *Prabodhankar in Prabodhan: articles from the Prabodhan authored by Keshav Sutaram Thakre*. Mumbai, 2021 (in Marathi)].

Vendell Dominic. *Scribes and the Vocation of Politics in the Maratha Empire, 1708–1818*. Dissertation, submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences, Columbia University, 2018.

Vendell Dominic. The scribal household in flux: Pathways of Kayastha service in eighteenth-century Western India. *The Indian Economic & Social History Review*. 2020. Vol. 57. Issue 4: Scribal Service People in Motion: Culture, Power and the Politics of Mobility in India's Long Eighteenth Century, c. 1680–1820. Pp. 535–566.

Wagle N. K. Ritual and Change in Early Nineteenth Century Society in Maharashtra: Vedokta Disputes in Baroda, Pune and Satara, 1825–1838. Israel Milton, Wagle N. K. (eds.). *Religion and Society in Maharashtra*. Toronto, 1987. Pp. 145–181.

Wakaskar V. S. *Ninety one kalmi bakhar* (Aitihāsik Saṅkirṇa Sāhitya). Poona, 1930.

МЕРРИК ШО: ДВОРЕЦ, СЛУГИ И РЕПУТАЦИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА БЕНГАЛИИ

© 2024

С. Е. Сидорова¹

Меррик Шо служил личным секретарем генерал-губернатора Бенгалии Ричарда Уэлсли (1798–1805), прославившегося как «архитектор империи». Помимо военных и дипломатических побед Уэлсли уделял большое внимание созданию соответствующего имиджа стремительно набирающей политический вес британской Ост-Индской компании, что, в частности, вылилось в постройку роскошного дворца — Дома правительства в Калькутте. Оказавшись на должности личного секретаря в последние годы генерал-губернаторства Уэлсли, Шо отвечал за резко возросшие казенные траты на содержание дворцовой прислуги. Обосновывая понесенные расходы, Шо, с одной стороны, спасал репутацию своего патрона, обвиняемого лондонским начальством в необоснованных тратах, лепя из него образ рачительного хозяина, пекущегося о сохранении для будущих поколений нажитого добра. В то же время он корректировал образ колониального чиновника, придавая ему необходимые элементы имперскости, приучал и заставлял общественность и власти в метрополии свыкаться с мыслью о том, что Индия должна управляться не из торговой конторы, а из дворца, в котором теперь следовало стоять не конторскому стулу, а трону. В основе статьи анализ неопубликованного источника — счетных книг Ричарда Уэлсли.

Ключевые слова: Меррик Шо, Ричард Уэлсли, Индия, Дом правительства, слуги

Для цитирования: Сидорова С. Е. Меррик Шо: дворец, слуги и репутация генерал-губернатора Бенгалии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 234–247. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-234-247

MERRICK SHAWE: PALACE, SERVANTS, AND REPUTATION OF THE GOVERNOR-GENERAL OF BENGAL

Svetlana E. Sidorova

Merrick Shawe served as Private Secretary to the Governor-General of Bengal, Richard Wellesley (1798–1805), who became famous as the “architect of empire”. In addition to military and diplomatic victories, Wellesley paid great attention to creating an appropriate image of the British East India Company, which was rapidly gaining political weight. It resulted in the construction of a luxurious palace — the Government House in Calcutta. Finding himself in the position of Private Secretary in the last years of Wellesley’s governorship, Shawe was responsible for the sharply increased government spending on the maintenance of palace servants. By justifying

---

¹ Сидорова Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; veta.sidorova@mail.ru
Svetlana E. Sidorova, Ph. D. (Hist.), Leading Research Fellow, Department of History of the East, Institute of Oriental Studies, Moscow; veta.sidorova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8528-6236

the expenses incurred, Shawe, on the one hand, saved the reputation of his patron, who was accused by the London authorities of unreasonable spending, by molding him into the image of a zealous master, concerned about preserving of acquired wealth for future generations. At the same time, he corrected the image of the British colonizer, giving him the necessary elements of imperial status, accustoming and forcing the public and the authorities in the metropolis to get used to the idea that India should be governed not from a trading office, but from a palace, in which now there should be not a chair, but a throne. The article is based on an analysis of an unpublished source — the account books of Richard Wellesley.

Keywords: Merrick Shawe, Richard Wellesley, India, Government House, servants

For citation: Sidorova S. E. Merrick Shawe: Palace, Servants and Reputation of the Governor-General of Bengal. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 234–247. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-234-247

Герой: исторический контекст и архивный текст

«Однажды утром, в самый разгар лондонского сезона, майор Артур Пенденнис, по обычаю своему, пришел завтракать в клуб на Пэл-Мэл, которого он был главным украшением. Изо дня в день, в четверть одиннадцатого, майор появлялся здесь в башмаках, не имевших себе равных по блеску во всем Лондоне, в клетчатом утреннем шейном платке, остававшемся несмятым до самого обеда, в песочного цвета жилете с короной царствующего монарха на пуговицах и в белье столь белоснежном, что сам мистер Браммел справлялся, как зовут его прачку... Сюртук Пенденниса, его белые перчатки, бакенбарды и даже трость были в своем роде совершенством, составляя облик военного человека en retraite². Увидев его издали либо со спины, вы бы не дали ему более тридцати лет: лишь присмотревшись внимательнее, вы заметили бы ненатуральное происхождение его густой каштановой шевелюры и первые морщинки на красивом рябоватом лице, вокруг несколько выцветших глаз. Нос он имел веллингтонского образца. Пальцы и манжеты у него были на диво длинные и белые. На манжетах он носил золотые пуговицы — подарок его королевского высочества герцога Йоркского, а на пальцах — несколько изящных перстней, из которых самый широкий украшен был знаменитым гербом Пенденнисов» [Теккерей, 1976, с. 8].

Так начинается роман знаменитого английского писателя Уильяма Теккерея «Пенденнис» (1848–1850). Гордон Рэй, автор книги о Теккерее, сообщает, что прототипом одного из главных действующих лиц, майора Пенденниса, был Меррик Шо (177(?) — 1843)³, с которым писатель впервые встретился в Лондоне в 1836 г., а после женитьбы на его племяннице Изабелле Шо регулярно виделся. Теккерей в письмах к жене отзывался о Шо как о «дорогом старом джентльмене», «чрезвычайно добром и сердечном» [Ray, 1952, p. 72]. К моменту их знакомства Шо было уже около 65 лет, будучи на пенсии, он безбедно проводил время в Лондоне и путешествиях по Европе, общаясь с высокопоставленными друзьями и знакомыми. Такое положение в обществе обеспечили ему служба и связи, приобретенные в Индии, куда он попал совсем молодым человеком.

В 1790 г. Шо, старший сын небогатого адвоката англо-ирландского происхождения из округа Голуэй в Ирландии, поступил в чине прапорщика на службу в 76-й пехотный полк, расквартированный в Индии. По прибытии в колонию он попал в водоворот событий, из которых складывалась

² В отставке.

³ Точная дата его рождения неизвестна, но это произошло в начале 1770-х гг. [Ray, 1952, p. 60].

история становления Британской империи в Индостане. Почти сразу он принял участие в Третьей англо-майсурской войне (1790–1792), где получил тяжелое ранение во время штурма Серингапатама, столицы княжества Майсур, и всю жизнь носил пулю в плече. В конце 1799 г. Шо присоединился к административному штату генерал-губернатора Бенгалии маркиза Ричарда Уэлсли (1798–1805) и до 1805 г. служил последовательно его адъютантом, военным секретарем (*Military Secretary*) и личным секретарем (*Private Secretary*), становясь по мере смены позиций все более и более вовлеченным в его публичную деятельность, а затем и приближенным к его частной жизни. Функции личного секретаря в колонии он исполнял в течение трех лет — с 1803 по 1805 г. Как пишет Рэй, продвижение по служебной лестнице, обеспеченное Уэлсли, «подняло нищего прапорщика образца 1790 года на уровень богатства, о котором он никогда не смел и мечтать. Он смог не только с щедростью выполнить свои обязательства перед семьей в Ирландии⁴, но и так продвинуть свою карьеру, что ему позавидовал бы младший сын герцогского дома» [*Ibid.*, р. 65]. На протяжении трех с половиной десятков лет после возвращения Уэлсли и Шо из колонии в 1805 г. их судьбы были неразрывно связаны.

Обширная коллекция документов, связанных с индийским периодом жизни Шо, хотя и повествует не столько о нем самом, сколько о жизнедеятельности его знаменитого патрона, позволяет понять, каковы были его обязанности и функции на посту личного секретаря. Это исследование опирается на документы специфического рода — неопубликованные счетные книги Уэлсли за весь период его пребывания в должности генерал-губернатора из архива Министерства по делам Индии (*India Office*), ныне являющегося частью фондов Британской библиотеки. С точки зрения отражения значимых этапов строительства Британской империи в Индии источник носит маргинальный характер: семнадцать томов повествуют не о «героях», «деятелях», «событиях», «деяниях» и «свершениях», которые формально делают/создают «историю», а о генерал-губернаторском домохозяйстве. Толстые тома заполнены информацией, организованной по одним и тем же неизменным группам расходов, внутри которых время от времени добавляются или убывают строчки. Устройство, структура и функционирование дома и рутина каждодневной жизнедеятельности высшего чиновника Британской Индии представлена в книгах в виде статей расходов, столбцов цифр, промежуточных и итоговых сумм, расписанных по дням, неделям, месяцам и годам.

В момент прибытия Уэлсли в Индию 17 мая 1798 г. генерал-губернаторы жили в арендованном доме в Калькутте, называвшемся Букингем-хаус (*Buckingham House*). Офисы правительственных служб располагались отдельно: частично также в арендованных неподалеку помещениях, частично в принадлежавших Ост-Индской компании зданиях, в том числе специально возведенных — Форт Уильям (1758–1781), Дом Совета (*Council House*, 1764), Дом писцов (*Writers' House*, 1777) [*Ayers*, 2019, р. 2; *Curzon*, 1925, р. 1–38]. Вскоре после приезда Уэлсли распорядился начать строительство специального здания для британской администрации (Дом правительства, *Government House*). Переезд в новый роскошный дворец состоялся в марте 1803 г., и тогда же Меррик Шо был назначен личным секретарем генерал-губернатора с зарплатой в 4,166 рупий в месяц (примерно 520 ф. ст.)⁵ [*Add MS 13837*, р. 72]. Теперь под одной крышей располагались и личные покои Уэлсли, и парадные помещения для официальных церемоний, и некоторые служебные офисы (зал Совета, кабинет генерал-губернатора, кабинет главного секретаря, департаменты военного секретаря, секретарей полиции и сыска, налогов, общественных работ, Уступленных провинций⁶, кабинеты личного секретаря, главнокомандующего) [*Add MS 13833*, vol. I, р. 17, 71]. Хотя частная жизнь и публичная

⁴ Помимо него у его отца было еще 8 детей. Сам Шо никогда не был женат и не имел собственных детей.

⁵ Уже летом 1803 г. Шо хлопотал о чине майора, который должен был обойтись ему в 4600 ф. ст. [*Ray*, 1952, р. 65].

⁶ Регион в Северной Индии, управлявшийся Британской Ост-Индской компанией с 1805 по 1834 годы.

деятельность Уэлсли оказались совмещенными в одном пространстве, расходы на них скрупулезно разделялись, о чем свидетельствует структура счетных книг, которая не изменилась и после переезда.

Одна часть книг отражает личные расходы Уэлсли, сгруппированные по таким категориям, как «Расходы на слуг» (*Servants' Accounts*)⁷, «Расходы на провизию» (*Table Expenses*), «Закупки на базаре» (*Bazar Expenses*), «Расходы на содержание овец, быков, лошадей и конюшен» (*Sheep, Bullock, Horse and Stable Accounts*), «Разные счета» (*Various Accounts*), «Общие расходы» (*Charges General*). К другой группе относятся тома под названием «Политические расходы» (*Durbar Expenses*) с тратами на публичную/профессиональную деятельность Уэлсли (содержание писцов, переводчиков, посыльных, *вакилов*-посланников наиболее влиятельных индийских правителей, британских резидентов при дворах индийских князей, слуг, дорожные расходы самого генерал-губернатора и т. п.). Соответственно источники финансирования частной и общественной жизни Уэлсли были также разными: в первом случае это были личные средства генерал-губернатора, во втором — Ост-Индской компании [*Ibid.*, p. 27]. Именно «политические расходы», покрывавшиеся за казенный счет, находились в зоне ответственности и контроля Меррика Шо в качестве личного секретаря. Два из семнадцати томов полностью состоят из объяснительных записок и отчетов, раскрывающих принципы устройства дворцового хозяйства и распределения трат по тем или иным статьям расходов [*Add MS 13833, vols. I–II*]. Среди них есть написанные Шо многостраничные «Меморандум о природе Durbar или „политических расходов“ правительства Индии, а также „личных“ расходов генерал-губернатора» [*Add MS 13833, vol. I, p. 1–44*] и отчет, представленный Джону Лумсдену, главному секретарю (*Chief Secretary*) Уэлсли [*Ibid.*, p. 45–92]. Уже само название Меморандума говорит о том, что обязанности личного секретаря находились на стыке публичной и частной сфер жизни губернатора, обеспечивая их разграничение, соприкосновение и пересечение.

Патрон: заслуги и проступки

По степени приближенности к хозяевам слуги условно делятся на две категории. В первом случае связь между услугой и обслуживаемыми устанавливается опосредованно, часто через материальные предметы или пространства обитания последних. Эта деятельность, хотя и направлена на удовлетворение потребностей хозяев, не требует обязательного личного контакта с ними (например, повара, уборщики, садовники и т. п.). Функции слуг из второй группы актуализируются только через непосредственное взаимодействие с нанимателями (например, кормилицы, няни, парикмахеры или брадобреи и т. п.). К таковым относятся и личные секретари. При наличии рамочного набора обязанностей, предписываемых этой должности (см. Введение Ирины Глушковой к этому блоку статей), на практике они обуславливаются конкретной личностью, профессией, статусом, обстоятельствами жизни хозяина, трансформируются и уточняются в соответствии с его индивидуальными потребностями и запросами.

Для того, чтобы понять, в чем заключалась важность и специфика функций Шо в качестве личного секретаря Ричарда Уэлсли, надо кратко обрисовать деятельность последнего на посту генерал-губернатора Бенгалии. Именно при нем стартовала целенаправленная британская экспансионистская политика, а Британская Индия начала претендовать на роль верховной власти (*Paramount Power*) в Индостане [*Torrrens, 1880, p. 140*]. Так, Уэлсли инициировал Четвертую англо-майсурскую войну (1798–1799), во время которой нанес окончательное поражение княжеству, что привело к утрате им независимости и значительной части территорий, отошедших к владениям Британской Индии в южной части полуострова. Французское же влияние на субконтиненте

---

⁷ Благодарю Евгению Ванину, которая в 2018 г. обнаружила именно этот том в архиве Британской библиотеки.

в результате этой войны было сведено на нет. За эту победу генерал-губернатор и получил титул маркиза Уэлсли ирландского пэрства. В 1798 г. он подписал с *низамом* Хайдарабада субсидиарный договор, лишив княжество самостоятельности во внешнеполитической деятельности. В 1801 г. за долги в зависимость от англичан с утратой части территорий попали наваб Карнатика (Аркот) и наваб Ауда. В результате Второй англо-маратхской войны (1803–1805) Британская Индия еще больше приросла территориально, а политическое влияние англичан в центральном поясе субконтинента укрепилось. Кроме того, Уэлсли улаживал дела в Танджоре, отправлял посольства в Персию и Непал. Все это дало основание потомкам называть его «архитектором империи» [Ibid.].

Автор исследования о британской стратегии и дипломатии в период Второй англо-маратхской войны Э. Фаэр объясняет, что накануне отъезда Уэлсли в колонию в лондонских кругах было единодушие по поводу того, что в Индию должен отправиться «твердый и покладистый человек, чтобы установить там стабильность» [Fuhr, 1994, p. 4]. Но ни представители коммерческих кругов, ни чиновники Ост-Индской компании, ни королевские министры не согласовывали экспансионистский план для вновь назначенного генерал-губернатора. Строительство империи для обеспечения мира и стабильности в Индии за счет установления британского главенства было собственной инициативой Уэлсли [Ibid., p. 5], которая выходила за пределы его компетенций и полномочий. Чтобы обеспечить себе свободу действий, он по прибытии в Индию создал круг доверенных лиц, устранив малейшие проявления несогласия среди своих подчиненных. В их число в какой-то момент попал и Шо, про которого Рэй пишет: «По отношению к Уэлсли Шо никогда не забывал, кем он был. Он сообщает о состоянии здоровья маркиза и изменениях в его настроении с почтительностью и подробностями Сен-Симона, фиксирующего личные привычки Людовика XIV. Его упоминания о покровителе неизменно веют восхищением и трепетом... Частная переписка Шо сполна свидетельствует о том, что он был как занятым собеседником, так и проницательным деловым человеком»⁸ [Ray, 1952, p. 64].

Кроме того, Уэлсли проводил заседания своего Совета в не предназначенных для этого местах, чтобы детали дискуссий не протоколировались, а Совет директоров Компании в Лондоне не получал копии отчетов [Fuhr, 1994, p. 16]. Другим способом сокрытия или удерживания информации было урегулирование официальных вопросов по частным каналам, не подлежащим контролю лондонских властей. Упомянутая война с маратхами пришлось как раз на годы личного секретарства Шо. Не говоря о том, что само ее начало не было согласовано⁹, в ходе войны коммуникация по множеству стратегически важных проблем происходила посредством приватной переписки, и Меррик Шо оказался незаменим в качестве адресата и адресанта тех, кто находился на полях сражений [Ibid.]. Поэтому корреспонденция Шо и стала важнейшим источником для Фаэра в его исследовании.

На реализацию своих замыслов Уэлсли тратил огромные суммы без получения одобрения лондонских властей, что вызывало их беспокойство, недовольство и раздражение. Значительная часть этих средств уходила на создание внешних имиджевых эффектов. Как пишет все тот же

---

⁸ Позднее, спустя некоторое время после возвращения в Лондон брат Ричарда Уэлсли Артур, герцог Веллингтон, рекомендовал Шо на должность личного секретаря герцогу Ричмонду как «человека, обладающего хорошими манерами, отлично информированного, предельно делового и приятного в общении» [Ray, 1952, p. 65].

⁹ Меморандум № 128 Совета директоров Ост-Индской компании начинается со слов: «В нашем политическом донесении от 28 ноября 1804 г., выпущенном после резкой критики поведения нашего генерал-губернатора маркиза Уэлсли за то, что он не проинформировал нас об изданных им приказах о начале военных действий против правителя маратхов Яшванта Рао Холкара, что является серьезным упущением, противоречит принятым нормам и предписаниям парламентского Акта и создает серьезные проблемы дома [в Англии. — С.С.], мы изъявляем намерение донести наше мнение на будущее по поводу других шагов администрации Его Светлости, которые произвели на нас глубокое впечатление» [Curzon, 1925, p. 61].

Фаэр, помпезность Уэлсли выходила за рамки того, что индийцы привычно ожидали от своих правителей. Его показуха была следствием тщеславия, за большие деньги компании он позволял себе демонстрировать величие, которое считалось чрезмерным как его недоброжелателями, так и сторонниками» [Ibid., p. 17].

Конфликт

Дом правительства, возведенный Уэлсли за баснословные 170 тыс. ф. ст. [Curzon, 1925, p. 47–48], воспринимался именно в таком ключе. Построенный по образцу Кедлстон-холла (1759–1768) в Дербишире, он стал архитектурным воплощением нового имперского статуса Британской Индии, прослужил местом жизни генерал-губернаторов и вице-королей Южно-Азиатской колонии до переноса столицы в Дели в 1911 г. и по сей день является архитектурным шедевром Колкаты. Однако в то время как приращение земель, заключение договоров с местными правителями предполагало умиротворение политических соперников, обретение союзников и получение под свой контроль налогооблагаемых территорий — источников бюджетных доходов, дворец был невосполняемой и, по мнению начальства, необоснованной тратой средств. Как впоследствии писал вице-король Индии маркиз Керзон (1899–1905): «Напряженность в отношениях между Советом директоров и генерал-губернатором относительно его политики в Индии в целом — войн, заключаемых им договоров и союзов, назначений, игнорирования распоряжений из Англии, не говоря уже о более мелкой проблеме с Домом правительства — долго росла, пока не достигла взрыва» [Curzon, 1925, p. 60]. Именно траты на дворец стали поводом для открытого конфликта с лондонскими властями.

Последовала жесткая критика со стороны Совета директоров Ост-Индской компании. В упомянутом меморандуме № 128, адресованном Контрольному Совету компании, говорилось: «Нашим желанием всегда было, чтобы достоинство положения нашего генерал-губернатора обеспечивалось подобающим образом, соответствующим сути Национального характера и особенной конституции Правящей Власти. Мы считаем ненужным и нецелесообразным, чтобы он со своими домами, свитой и челядью поддавался азиатской помпе и театральности. Ничего из этого не требуется, чтобы поддерживать британскую власть на Востоке, которая была приобретена и удерживается другими средствами, и мы думаем, что потакание такому стилю окажет неблагоприятное воздействие на английский характер в этой части света. Эти соображения политического характера также применимы и к практической стороне дела. Наши финансы в течение последних нескольких лет склоняли нас к максимальной экономии во всех областях и избеганию новых и избыточных трат...» [Curzon, 1925, p. 64–65].

Этот призыв к сдержанности и экономии укладывался в русло сформировавшегося во второй половине XVIII в. в метрополии запроса на усиление контроля за деятельностью Ост-Индской компании со стороны короны и парламента на фоне начавшихся территориальных приобретений в Индии и превращения Компании из чисто торгового предприятия в орган административного управления землями. В этот период господствовавшая в английском обществе идея о том, что территориальное расширение британской империи в Индии вело к коррумпированию и деградации метрополии, сменилась на веру в то, что влияние прогрессивной европейской цивилизации будет благотворно для стагнирующих азиатских деспотий. Это влекло за собой потребность в новом образе колонизатора, до того втянутого на Востоке в порочную коррупционную деятельность, возвращение его в лоно взрастившей его западной культуры с присущими ей высокой нравственностью, самодисциплиной и достоинством, и обращение к исполнению возложенной миссии по общению отсталых народов к европейским благам [Dirks, 2007].

Уэлсли же возведением дворца вопреки этим установкам, как виделось из Лондона, создавал для себя условия «комфорта и роскоши» за общественный счет [Add MS 13833, vol. I, p. 35]. То есть речь шла о том, что многое из того, что позволял себе генерал-губернатор, по мнению лондонского начальства, должно было оплачиваться из его собственных средств. По сути это был вопрос о разделении личных и общественных трат.

Генерал-губернатор беспокоился о своей репутации и имидже, так как подобно многим он рассматривал Индию как трамплин для построения дальнейшей карьеры в Англии и получения маркизата английского пэрства [Fuhr, 1994, p. 10–11]. Защищаясь от нападков из Лондона, он приказал в 1805 г. перед своим отъездом провести ревизию трат по всем департаментам и произвести разумные сокращения, по поводу чего представить соответствующие отчеты [Add MS 13833, vol. I, p. 4–7]. Аудит коснулся и департамента политических (*дарбар*) расходов, занимавшегося делами двора и дворца генерал-губернатора, притом той его частью, которая относилась к общественной зоне и контролировалась личным секретарем. Образно выражаясь, именно Меррик Шо определял, когда генерал-губернатор шел по коврам как официальное лицо на заседание Совета, а когда по личным надобностям, и на чей счет этот ковер и уход за ним должен был быть отнесен. Он объяснял, почему те или иные траты осуществлялись из казны, а не из личных средств Уэлсли; обосновывал саму необходимость расходов, их назначение, а также объяснял произведенные сокращения.

Спасательная операция

Оправдывая своего патрона, Шо писал: «Ничего не может быть более неправильным или несправедливым, чем впечатление о политических (*darbar*) тратах в период правления лорда Уэлсли, которое попытались создать... Эти траты всегда составляли часть общественных счетов каждого правительства Индии, предшествующего администрации лорда Уэлсли... Расходы на строительство Дома правительства, облагораживание города Калькутты, покупку земли для Компании, обустройство этой территории, улучшение общественных дорог и осуществление других работ на благо общества в Калькутте или где-либо еще не могут быть названы личными тратами лорда Уэлсли. Все эти работы выполнены, а расходы понесены не генерал-губернатором лично, а правительством или Советом, возглавляемым генерал-губернатором. Они регулярно отражались в отчетах и счетах и направлялись Совету директоров. Эти работы связаны с надлежащим исполнением самой важной обязанности очень хорошо функционирующего правительства и не имеют ничего общего с личным удобством или стремлением к роскоши генерал-губернатора, от которого, конечно же, нельзя ожидать, что он будет платить за преобразования, необходимость и полезность которых признана и которые, будучи направленными на создание преимуществ для государства и преемников на посту генерал-губернатора, должны быть покрыты из общественной казны. Строительство Дома правительства в Калькутте и обустройство резиденции в стране для генерал-губернаторов должны рассматриваться как общественные работы и не могут быть осуществлены лордом Уэлсли ради собственного удобства. Дом правительства (хотя он и был построен со скоростью, невозможной в странах с другим климатом и рабочей силой, не столь дешевой и многочисленной, как в Индии) не был обитаем в течение пяти лет с момента начала его возведения в 1798 г., и в то время лорд Уэлсли никак не предполагал оставаться в Индии на пять лет..., где он задержался по просьбе Совета директоров [до 1803 г.]. Огромные общественные расходы, которые случились в 1803 г. заставили его остаться еще на два года» [Add MS 13833, vol. I, p. 26, 29–36]. И только поэтому ему удалось пожить в новом дворце. То же Шо пишет и о преобразованиях в загородной резиденции генерал-губернаторов в Барракупуре, где производились работы по подъему и дренажу почвы. Он

отмечает, что намерения Уэлсли имели «великую общественную цель в сфере политики, улучшения в сельском хозяйстве и науке, здоровья и комфорта для военного гарнизона, расположенного в Барракупуре и окрестностях Калькутты. Его целью, несомненно, не было личное вознаграждение...» [Add MS 13833, vol. I, p. 39].

Как бы то ни было, историческое событие состоялось — роскошный дворец, ставший архитектурным воплощением нового имперского статуса Британской Индии, был построен. Как в сказках, которые заканчиваются свадьбой героев, чья дальнейшая (и большая часть) жизнь обычно покрыта завесой неизвестности, так и в этом случае, однажды возникнув на колониальном ландшафте, дворец в большинстве нарративов так и продолжал фигурировать как неизменный символ и средоточие британской власти на субконтиненте. Однако, чтобы он оставался таковым, его сначала надо было ввести в эксплуатацию и поставить на рельсы каждодневного упорядоченного существования. Благодаря тому, что Уэлсли пришлось оправдываться за чрезмерные траты, этот процесс частично приоткрывается.

У личного секретаря было несколько зон ответственности: 1) слуги в Доме правительства; 2) слуги, работавшие в Доме правительства, но вышедшие на пенсию; 3) штат писцов и счетоводов в департаменте политических расходов (Durbar Office); 4) дома и помещения, арендуемые в окрестностях Дома правительства; 5) слуги в Барракупуре. По всем этим пунктам Шо предоставляет подробные отчеты с приложениями и расчетами.

Для примера я приведу его объяснения по первому пункту — слугам, которые нанимались за казенные деньги для обслуживания публичного пространства дворца и поэтому назывались «общественными» (public servants). В состав этой прислуги среди прочих входили подметальщики, кули, носильщики, *фараш*¹⁰, *джемадары*¹¹, *дафтардары*¹², *бхишти* (разносчики воды), *саиклигары*¹³, садовники, привратники, укладчики тюрбанов, портные, каменщики, смотрители за павлинами, *гхаривалы* (смотрители за часами), *харкара* (посыльные)¹⁴.

Из документов следует, что число «общественных» слуг и размер выплат им не фиксировался и зависел от обстоятельств, эти расходы никогда не собирались в одну группу и до 1803 г. были разбросаны по разным статьям. Однако до этого периода большая часть этих расходов значилась в качестве регулярных трат, и с 1790 до 1801 г. они оставались примерно на одном уровне. Любые дополнительные постоянные или временные траты на слуг относились к статье «Непредвиденные расходы» (Contingencies). Вследствие такой практики сформировался второй класс слуг, который назывался дополнительные слуги (extraservants) [Ibid., p. 57–59, 89–90]. Так, в 1801 г. на зарплату регулярных слуг уходило 393 рупии, дополнительных — 147, *ласкаров*¹⁵ — 124, а всего 664 рупии в месяц [Ibid., p. 59].

С июня 1801 г. в связи с началом закупки мебели для дворца был нанят господин Мур, смотритель за мебелью и серебром¹⁶, с зарплатой в 150 рупий. А на следующий год появился господин Рэнделл, главный плотник, с той же зарплатой, призванный руководить командой плотников для

¹⁰ *Фараш* — черная прислуга, чьей основной обязанностью является расстилать ковры, ставить палатки и т. д., а фактически выполнять работу горничной в доме [Yule, Burnell, 1996, p. 349].

¹¹ *Джемадар* — слуга, стоящий над другими слугами в больших домохозяйствах [Yule, Burnell, 1996, p. 458]. Также джемадары считаются наиболее доверенными слугами важных лиц, и через них обычно передавались депеши [Gilchrist, 1925, p. 102].

¹² *Дафтардар* — слуга в офисном помещении, который следит за бумагами, стирает с них пыль, переплетает, чинит перья, расчерчивает бумагу, клеит конверты и т. п. [Yule, Burnell, 1996, p. 329].

¹³ *Саиклигар* — смотритель за оружием, полировщик оружия, точильщик мечей или ножей [Yule, Burnell, 1996, p. 835].

¹⁴ Перечни этих слуг приводятся ежемесячно. Достаточно взять любой из пяти томов «Политических расходов» [Add MS 13834–13838].

¹⁵ *Ласкар* — здесь: слуга, собирающий палатки, занимающийся другой работой по хранению чего-либо. Подробно о *ласкарах* и значениях слова см.: [Yule, Burnell, 1996, p. 508].

¹⁶ Overseer of Plate and Furniture — под словом Plate имеется в виду посуда из серебра, золота или другого металла.

создания и ремонта мебели вместо того, чтобы покупать дорогую в городе. Вот как Шо обосновывает наем первого из них: «Сохранность приобретенных ценных вещей требовала постоянного внимания заботливого и заслуживающего доверия человека. С момента назначения смотрителя каждый предмет мебели и посуды, приобретенный за счет Компании для использования в Доме правительства, регулярно передавался в его непосредственное ведение. Точная опись мебели и посуды ведется личным секретарем капитана Энбери и смотрителем за посудой и мебелью... Смотритель несет ответственность за эти предметы и обязан каждый раз, когда это может потребоваться, обеспечивать их хорошее состояние в соответствии с требованиями инвентарной описи. В результате собственность достопочтимой Компании в Доме правительства будет защищена от обветшания во время проживания любого генерал-губернатора в Индии, и не останется возможностей для растраты какой-либо части этой собственности в промежутках между отъездом генерал-губернатора и прибытием его преемника» [Ibid., p. 62–64]. Упор делался на то, что наем смотрителей был совершен с целью экономии и такое решение позволило сохранить немало средств. В результате расходы на слуг увеличились на 300 рупий и составили 964 рупии в месяц [Ibid., p. 65–67].

Еще одно повышение расходов на слуг было особого свойства. В конце 1801 — начале 1802 г. во время тура генерал-губернатора по Верхним провинциям и поездки в Лакхнау временно были наняты дополнительные представительские слуги, которые входили в эскорт (*sowaree*) генерал-губернатора. Нет перечисления, кто именно это был, но отмечалось, что «это было крайне необходимо, так как его эскорт был недостаточен и совершенно не соответствовал уровню публичных деятелей, чей профессиональный долг требовал вступать в отношения с местными людьми высокого ранга. Поэтому было совершенно необходимо адекватно увеличить число сопровождающих генерал-губернатора к моменту его встречи с визирем в Канпуре в мае 1802 г. Такое расширение эскорта создало необходимый имидж, демонстрирующий респектабельность» [Ibid., p. 67–69]. После возвращения Уэлсли в мае 1802 г. эти люди были уволены, однако высказывалось мнение, что эскорт следовало численно расширить на постоянной основе. Соответственно к июню 1802 г. расходы на слуг составили 1149,6 рупии в месяц [Ibid., p. 67–69].

Когда же в 1803 г. Уэлсли переехал в новый дом правительства, возникла потребность немедленно обеспечить публичные пространства новыми слугами — подметальщиками, *фарашами*, *ласкарами* [Ibid., p. 17]. А для завершения работ в доме и прилегающей территории — каменщиками, косарями, *кули*. Прежний штат садовников был признан достаточным, новых не нанимали. Как сообщает отчет Шо, это прибавление было тщательно изучено личным секретарем Шо, капитаном Лайденхэмом, одним из адъютантов Уэлсли, и Чарлзом Уайтом, архитектором дворца, которые убедились, что слуги были наняты по самым низким ставкам. Уточнялось, что размер штата будет отрегулирован после выполнения работ по строительству, переезду и обустройству, когда будет более точное представление о необходимом минимуме прислуги. Кроме того, прислуга, ранее проходившая как дополнительная, и *ласкары*, за которых до этого платили из средств арсенала, были переведены в разряд регулярных слуг. *Ласкары* и *фарашии* попали под начало смотрителя мебели и серебра. Таким образом, в 1803 г. сумма по штату слуг составила 1998,72 рупии в месяц, что по сравнению с июнем 1802 г. стало больше еще на 849 рупий [Ibid., p. 70–74].

В 1804 г. немного (на 48 рупий) повысилась зарплата *харкара* и *джемадаров*, которых поощрили за хорошую работу и выслугу лет. Особо было отмечено, что за исключением этого случая зарплата слуг не поднималась вообще с 1780 г., хотя в городе их услуги выросли в цене значительно. Кроме того, в январе 1804 г. были наняты один *муниши* (переводчик, писец) (30 рупий) и два *пеона* (зд.: ливрейный слуга, лакей) (10 рупий), чтобы принимать петиции от местных жителей на имя

генерал-губернатора и переводить его ответы на местные языки. Соответственно в тот год траты на слуг немного перевалили за 2000 рупий в месяц [Ibid., p. 75–77].

Суммируя эти скрупулезные расчеты, личный секретарь Уэлсли писал: «Для определения размера экономии, которую можно произвести без создания неудобств, в штате слуг в здании правительства я считал необходимым детально изучить соответствующие траты за предшествующие периоды и понять, что стало причиной их увеличения в последние годы. Среди статей, по которым произошли увеличения, фигурируют зарплаты дополнительных слуг... Особое увеличение пришлось на период с 1801 по 1804 г. по трем главным причинам: закупка мебели, работы на придворцовой территории и организация праздников. Сокращения, которые мне удалось осуществить, составили 471 рупий в месяц. Дальнейшие сокращения нецелесообразны» [Ibid., p. 46]. Они были сделаны к июню 1805 г. за счет увольнения части прислуги по причине завершения работ во дворце и свелись в итоге к цифре в 1615 рупий или 201 фунт стерлингов [Ibid., p. 27, 77].

Объясняя, что генерал-губернатор не пользуется этими слугами в личных целях, Шоу сообщает на полях в меморандуме, что у него есть штат личных слуг, который он оплачивает из своего кармана, и в сумме на них уходит гораздо больше денег¹⁷.

Он пишет о том, что публичные слуги всегда оплачивались из средств компании (его зарплата оттуда же), о том, что счета по дворцовому офису не секретные, бухгалтерские книги регулярно ведутся и отправляются в Англию для отчета. То есть демонстрирует полную прозрачность.

Расходы генерал-губернатора Уэлсли на общественных слуг (1790–1805)

1790–1800	664 рупии	664/ в месяц
1801	664 рупии + 300 рупий (150 — смотритель за мебелью и серебром, 150 — глава бригады плотников)	964/ в месяц
1802	964 рупии + 185,6 рупии (дополнительные слуги для свиты Уэлсли во время его тура по Верхним провинциям, уволенные после возвращения)	1149,6/ в месяц
1803	964 рупии + 1034,12 рупии (<i>ласкары, ферраши</i> , подметальщики, укладчики кирпичей, газонокосильщики, <i>кули</i> , потребовавшиеся после переезда во дворец)	1998,12/ в месяц
1804	1998,72 рупии + 88 рупий (48 рупий — повышение по службе нескольких <i>джемадаров</i> и <i>харкара</i> , 40 рупий — наем одного мунши и двух <i>пеонов</i>)	2086,12/ в месяц
1805	2086,72 рупии – 471,72 рупии (увольнение слуг, нанятых для завершения работ во дворце)	1615/ в месяц

*Список слуг в Доме правительства на июль 1805 г.*¹⁸

	Число слуг	Сумма в месяц, рупии
Смотритель (overseer, Robert Moore)	1	150
Плотник (carpenter, G. Randall)	1	150
<i>Сиркар</i> (sircar, Ramhurry Roy)	1	80
Второй <i>сиркар</i> (second sircar, Motoormohun (?))	1	30

¹⁷ Об этих слугах см. [Сидорова, 2021].

¹⁸ Add MS 13893, 1–5.

	Число слуг	Сумма в месяц, рупии
Третий <i>сиркар</i> (third sircar for oil, Roziblochun (?))	1	10
<i>Ласкары</i> (lascars, перечислены по именам с зарплатой от 5,12 до 11,8 рупий)	34	214,12
<i>Фараши</i> (Ferashes, перечислены по именам с зарплатой от 5 до 10 рупий)	25	132
Укладчики кирпичей (bricklayers, перечислены по именам с зарплатой от 3 до 12 рупий)	10	55
Каменщики (masons, перечислены по именам с зарплатой в 8 рупий)	4	32
<i>Кули</i> (coolies, перечислены по именам с зарплатой от 4 до 4,8 рупий)	6	24,8
Портной (taylor, Mudden)	1	10
Укладчик тюрбанов (turban binder, Cullen)	1	10
Дворецкие (butlers, Emaumbux, Goomany)	2	32
Садовники (gardeners, перечислены по именам с зарплатой от 3 до 6 рупий)	8	28,8
Косари (mowers, перечислены по именам с зарплатой от 4 до 6 рупий)	8	34
Плотник (carpenter, Ramconth)	1	15
<i>Саиклигар</i> (sickleegur, Attanollah)	1	5
Хранитель бутылок (bottle keeper, Muzdeen)	1	7
Subdial T... (?)	1	5
Не хватает одного листа, в котором были зафиксированы расходы на прислугу в размере 320,4 рупий		320,4
<i>Дафтардары</i> (duffadars, перечислены по именам с зарплатой от 6 до 8 рупий)	5	32
Bursyburdars (listed by names, at 5 Rs)	12	60
<i>Кули</i> (перечислены по именам, 4,8–5,8 рупий)	6	28,8
<i>Харкара</i> (harcarras, перечислены по именам с зарплатой в 5 рупий)	27	135
Привратники (doorkeepers)	3	15
Всего	161	1615,8

Подобно тому, как для запуска двигателя автомобиля требуется увеличенный расход топлива, так и для ввода дома в эксплуатацию понадобились дополнительные ресурсы, в том числе в виде трудочасов и специальной квалификации слуг. После того как домохозяйство было поставлено на рельсы рутинного существования и переведено из режима первоначального налаживания порядка

в режим его поддержания и восстановления, количество «общественных» слуг было уменьшено, хотя к прежнему уровню времен Букингэм-хауса оно не вернулось. По сравнению с 1800 г. увеличение расходов на публичных слуг произошло почти на 1000 рупий, что объяснимо при совершенно другом типе и размере хозяйства.

Новый имперский порядок: взгляд из Калькутты

В анализируемых документах Меррик Шо выступает стражником на зыбкой границе между общественным и частным жизненными пространствами генерал-губернатора Уэлсли. Шо умело направлял и регулировал потоки информации. Частично он уводил ее из публичной сферы в тень приватной жизни (как в упомянутом выше случае со Второй англо-маратхской войной), «прятал» в недрах своей корреспонденции, обеспечивая патрону свободу действий и высказываний.

Другую же информацию, формально имевшую отношение к домохозяйству Уэлсли и открывавшую детали его личной жизни, Шо выпускал в мир подчищенной, благообразной и комплиментарной. Активная территориальная экспансия в Индии приковывала пристальное внимание лондонского начальства и общественности к жизни и деятельности ост-индских чиновников, а транслируемые из метрополии новые установки, задаваемые идеей цивилизаторской миссии британцев в Индии, принуждали последних к демонстрации высоких моральных качеств, в частности приверженности духу нестяжательства. В качестве личного секретаря Шо отвечал за ту часть жизнедеятельности Уэлсли, которая не имела отношения к «историческим» свершениям, но для репутации чиновника была очень чувствительной, так как чрезмерные траты в этой сфере расценивались как личные привилегии и блага, зачастую необоснованные и незаслуженные. В отчетах Шо скрупулезно подсчитанные цифры и подробные обоснования расходов подчеркивали отсутствие каких-либо излишеств при ведении хозяйства, фокусировали внимание на использовании минимально необходимых ресурсов для его поддержания, а также всячески выпячивали бережливое отношение к имуществу Компании. Вкупе это создавало Уэлсли репутацию рачительного хозяина, пекущегося о сохранении для будущих поколений нажитого добра, лояльного чиновника, понимающего веяния времени и действующего сообразно им.

Однако возросшие траты на дворец и хозяйство свидетельствовали не только об увеличившихся объемах публичной жизнедеятельности генерал-губернатора, но и об изменившемся качестве британской власти, обретшей имперское измерение. Это в свою очередь способствовало формированию уже в самой Индии альтернативного имиджа образцового колонизатора в противовес тому, что был скроен по английским лекалам в метрополии. Суть его лучше всего, пожалуй, выразил граф Джордж Валенсия (1770–1844), оказавшийся в момент завершения строительства дворца в Калькутте: «Суммы, истраченные на дворец, были признаны чрезмерными теми, кто исповедовал европейские идеи и европейскую экономность в Азии; но они должны помнить, что Индия — это земля великолепия, расточительности и внешней показухи, что глава могущественной империи должен потакать предрассудкам страны, которой он правит, что британцам в особенности следует подражать роскошным творениям правителей из династии Тимура, если только мы не считаем, что заслуживаем некогда брошенного упрека нашими главными соперниками, французами, в том, что мы насквозь пропитаны низким духом коммерции. Коротко, мне бы хотелось, чтобы Индия управлялась из дворца, а не из конторы, князем, а не розничным торговцем муслином или индиго» [Valentia, 1811, p. 191–192].

Вот и Шо пишет в отчете: «Если бы личные „удобство и роскошь“ генерал-губернатора были его целью, он бы отремонтировал старый дом и обеспечил себе и то, и другое за весьма внушительную

сумму для бюджета. Но вместо того, чтобы устроиться с комфортом, он в течение пяти лет был вынужден жить в крайне неудобном и убогом жилище, чтобы создать подходящую резиденцию для чиновника во главе правительства Индии. Он стремился к обеспечению удобства и достоинства тех, кто придет на смену, а вовсе не к собственному комфорту» [Add MS 13833, vol. I, p. 35–37].

Принимая решения о найме новых слуг для пополнения свиты генерал-губернатора, обслуживания парадных помещений дворца, наполнявших их мебели и серебра, окружавших садов, звонцов, вкуче создававших антураж формирующейся имперской власти в Индии, Шо подстраивал колониальное домохозяйство под изменяющийся порядок вещей. Верховная власть на континенте должна была быть декорирована подобающим образом. Обосновывая в отчетах возведение дворца и увеличившиеся траты на домохозяйство, Шо волею-неволею корректировал образ колониального чиновника, придуманный в Лондоне, адаптировал его под индийские реалии, придавая ему необходимые элементы имперскости, приучал и заставлял свикаться начальство и общество в метрополии с мыслью о том, что во дворце теперь следовало стоять не конторскому стулу, а трону.

Эта рутинная бытовая сторона жизни контрастировала с историческими деяниями колонизаторов и, как правило, оставалась малозаметной, маргинальной в исторической перспективе. Однако конфликт, развернувшийся вокруг стоимости дворца и труда слуг между лондонскими и калькуттскими властями, свидетельствовал, что империя строилась и укреплялась не только на полях сражений и в гражданских или торговых учреждениях, но и в негероических сферах, таких как колониальное домашнее хозяйство. Личный секретарь генерал-губернатора наряду с знатными деятелями и героями участвовал в становлении и стабилизации имперского предприятия, обеспечивая его бесперебойную работу на своих участках.

Отчеты Шо примиряют сформированные в разных частях мира запросы на буржуазную скромность и имперскую роскошь, а ежемесячные перечни расходов, контролировавшиеся личным секретарем, рассказывают историю об имидже власти, которая одновременно стремилась выглядеть честной, эффективной, прозрачной, сдержанной, держать бюджет под контролем в заданных границах, а с другой — должна была демонстрировать богатство и статус главной политической силы на субконтиненте.

Литература / References

Сидорова С. Е. Счетные книги генерал-губернатора Бенгалии лорда Уэлсли. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. 2021. № 4. С. 71–86 [Sidorova S. E. Colonial household in figures, columns and lines of financial reports: account books of Lord Wellesley, the Governor General of Bengal. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Episode 9: Oriental and African Studies*. 2021. No. 4. P. 71–86 (in Russian)].

Теккерей У. М. История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага. / Теккерей У. М. *Собрание сочинений в 12 томах*. Т. 5. М., 1976 [Thackeray W. M. The History of Pendennis: His Fortunes and Misfortunes, His Friends and His Greatest Enemy. Thackeray W. M. *Collected Works in 12 Volumes*. Vol. 5. M., 1976 (in Russian)].

Ayers S. An English Country in Calcutta: Mapping Networks between Government House, the Statesman John Adam, and the Architect Robert Adam. *ABE Journal*. 2019. No. 14–15, . [Электронный ресурс] [<http://journals.openedition.org/abe/6193>] (дата обращения: 15.04.2024).

Curzon of Kedleston. *The British Government in India. The Story of the Viceroys and Government Houses*. In 2 vols. Vol. I. London, 1925.

Dirks N. *The Scandal of Empire: India and Creation of Imperial Britain*. Cambridge (Mass.), 2006.

Gilchrist J. B. *The General East India Guide and Vade Mecum; for the Public Functionary, Government Officer, Private Agent, Trader or Foreign Sojourner, in British India, and the Adjacent Parts of Asia Immediately Connected with The Honourable the East India Company Being a Digest of the Work of the Late Capt. Williamson*. London, 1825.

Fuhr E. M. *Strategy and Diplomacy in British India under Marquis Wellesley: The Second Maratha War, 1802–1806*. Simon Fraser University, 1994.

Ray G. N. *The Buried Life: A Study of the Relation between Thackeray's Fiction and His Personal History*. London, 1952.

The British Library. Western Manuscripts. Add MS 13833. Vol. I–II. *REPORTS and Papers Relative to the «Durbar» or Political Charges of the Government of India; Also on the Personal Expenses, Establishment, etc. of the Governor General, during Lord Wellesley's Administration, 1803–1805*.

The British Library. Western Manuscripts. Add MS 13834–13838. *DURBAR ACCOUNTS, during Lord Wellesley's Administration, from May 1799 to April 1805*. 5 Vols. Folio.

Torrens W. M. *The Marquess Wellesley, Architect of Empire. A Historic Portrait*. London, 1880.

Valentia George, Viscount. *Voyages and Travels to India, Ceylon, the Red Sea, Abyssinia, and Egypt in the Years 1802, 1803, 1804, 1805, and 1806*. In 4 vols. Vol. I: India. — Ceylon. London: Printed for F., C., and J. Rivington, 1811.

Yule H., Burnell A. C. *Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary*. Ware, 1996 [1886].

«АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ПАШИ»: МУХИТДИН-БЕЙ И ЕГО МЕМУАРЫ ОБ ЭНВЕР-ПАШЕ

© 2024

А. Д. Васильев¹

В статье рассматривается фигура адъютанта Энвер-паши — Мухитдин-бея и его роль в судьбе патрона. Мухитдин-бей в ходе своей военной службы находился на должностях адъютанта высокопоставленных младотурок, которые к тому же были связаны родством, — Нури-паши, Халиль-паши и Энвер-паши. Его перу принадлежат весьма интересные мемуары, освещающие ход национально-освободительной борьбы в Турции, Гражданской войны в России, на Кавказе и в Центральной Азии. Будучи погружен в бурные события начала XX в., Мухитдин-бей часто достаточно сухо, но пространно описал свое участие в них. Центральное место было уделено им Энвер-паше и его политическим устремлениям. Мухитдин-бей стал в некоторой степени биографом Энвер-паши. Говоря о своем патроне, он попытался сыграть роль его адвоката, претендуя на абсолютную истину как очевидец. Непосредственный участник событий, он обильно снабдил текст мемуаров письмами Энвер-паши, его публичными выступлениями и написанными им газетными статьями (подписанными псевдонимом «Элиф»). Мухитдин-бей широкими и грубыми мазками рисует образ своего патрона как неутомимого борца за свободу и права мусульман мира. Со страниц мемуаров предстает образ героя без страха и упрека, убежденного врага европейского империализма, стремящегося поработить и захватить последние очаги ислама. Самому Мухитдин-бею в этих мемуарах отведена роль безучастного «статиста», который лишь фиксирует подвиги и доносит их правильную интерпретацию до общества. И именно в этом состоит его главная «секретарская» роль.

Ключевые слова: Энвер-паша, Гражданская война в России, национально-освободительная борьба в Турции, Мухитдин-бей, адъютант, секретарь

Для цитирования: Васильев А. Д. «Адъютант его превосходительства паши»: Мухитдин-бей и его мемуары об Энвер-паше. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 248–255. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-248-255

“ADJUTANT TO HIS EXCELLENCY THE PASHA”: MUKHITDIN BEY AND HIS MEMOIRS ON ENVER PASHA

Alexander D. Vasilyev

The article examines the figure of Enver Pasha’s adjutant, Mukhitdin Bey, and his role in the fate of his patron. During his military service, Mukhitdin Bey held the positions of adjutant to high-ranking Young Turks who were also related by blood: Nuri Pasha, Halil Pasha, and Enver Pasha. He wrote very interesting memoirs covering

---

¹ Васильев Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru
Alexander D. Vasilyev, DSc (Hist.), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2947-4413

the course of the National Liberation Struggle in Turkey, the Civil War in Russia, the Caucasus, and Central Asia. Being immersed in the turbulent events of the early twentieth century, Mukhitdin Bey often described his participation in them in a rather dry and lengthy manner. The central place was given to Enver Pasha and his political aspirations. Mukhitdin Bey became, to some extent, Enver Pasha's biographer-lawyer. Speaking about his patron, he tried to play the role of his lawyer, claiming the absolute truth about his leader as an eyewitness. Acting as a direct participant in the events, he abundantly supplies the text of the memoirs with Enver Pasha's letters, his public speeches and newspaper articles written by him (signed with the pseudonym "Elif"). Mukhitdin Bey paints in broad and crude strokes the image of his patron as a tireless fighter for freedom and the rights of Muslims of the world. From the pages of the memoirs appears the image of a hero without fear and reproach, a convinced enemy of European imperialism, striving to enslave and seize the last centers of Islam. Mukhitdin Bey himself is assigned the role of an indifferent "extra" in these memoirs, who only records the exploits and conveys their correct interpretation to society. And this is precisely his main "secretary" role.

Keywords: Enver Pasha, Civil War in Russia, National Liberation Struggle in Turkey, Mukhitdin Bey, adjutant, secretary

For citation: Vasilyev A. D. "Adjutant to His Excellency the Pasha": Mukhitdin Bey and His Memoirs on Enver Pasha. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 248–255. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-248-255

Феномен личного секретаря в истории Востока ранее уже становился объектом научного рассмотрения². Личный помощник, выполняющий секретарские обязанности, зачастую наделен не только административными функциями и помогает своему руководителю в организации работы. Секретари могут специализироваться в разных областях управления и делопроизводства, заниматься планированием времени своего господина, организацией его ежедневного рабочего функционала, ведением переписки и другими задачами, связанными с обеспечением его эффективности. Выполнение поручений также является важной ролью секретаря. Отчасти эти функции свойственны и для такого рода деятельности, который вел герой данной статьи — Мухитдин-бей. Будучи адъютантом высокопоставленных деятелей младотурецкой армии, он оставил весьма интересные мемуары, которые не только фиксируют и описывают малоизвестные события, но и имеют ярко выраженный политический окрас. Адъютантство можно рассматривать как такую форму организации помощи, которая по своим функциям близка к обязанностям секретаря. **Адъютант** — это помощник военного начальника, который занимается выполнением его поручений и передачей приказов подчиненным. Адъютанты могут выполнять различные задачи, связанные с военной службой, такие как организация учений, подготовка документов военного планирования, координация действий подразделений и т. д. В некоторых случаях адъютанты также могут заниматься личными делами начальника.

Хотя должности секретаря и адъютанта имеют разные сферы деятельности и обязанности, в некоторых ситуациях их функционал может быть схожим. Зачастую секретарь или адъютант мог являться одновременно биографом своего хозяина и его социально-политическим адвокатом, пытаясь приписать ему реальные или вымышленные заслуги, идеализируя его образ. Мемуары адъютанта Энвер-паши Мухитдин-бея являются ярким свидетельством подобного «адвокатства».

О рождении и жизни самого Мухитдин-бея до Первой мировой войны известно достаточно немного. Появился на свет он в г. Бартын, что на черноморском побережье Турции, в северо-западной части Малой Азии. Бартын во второй половине XIX в. представлял собой город, находившийся вблизи активно развивавшегося промышленно-портового района. Благодаря тому, что река Бартын при впадении в Черное море формирует удобный залив для корабельной стоянки

² URL: <https://www.ivran.ru/anonsy?artid=214786&cysclid=lxotfy7xk918620966> (дата обращения: 12.10.2024).

морских судов, город Бартын стал важным торгово-логистическим пунктом, из которого на малых судах осуществлялась перевозка товаров до порта на морском побережье [Yılmaz, 2020, p. 136–141]. К северо-западу от города находились стратегически важные для Османской империи угольные копи Зонгулдака, являвшиеся поставщиком энергетического сырья для турецкой столицы. Регион был политически важным для представителей партии «Единение и прогресс». Проникновение в него французского капитала способствовало консолидации местных турецких сил, выступавших с националистических позиций. Для местной молодежи служба в армии давала возможность карьерного роста и продвижения по службе.

Вполне вероятно, что подобная судьба ожидала и Мухитдин-бея. Из опубликованных им мемуаров нам известно, что накануне Первой мировой войны он был офицером запаса, находясь в чине младшего лейтенанта. Это позволяет предположить наличие у него высшего образования и опыта службы в армии с последующим нахождением в запасе, учитывая тогдашнюю структуру османских вооруженных сил [Богданович, 2011, с. 27–33].

По данным, которые приводит исследователь биографии Энвер-паши известный турецкий историк Ш. С. Айдемир, Мухитдин-бей дослужился до майора артиллерии [Aydemir, 2005, p. 589]. Это мнение опровергает автор-составитель мемуаров Мухитдин-бея проф. Юсуф Гедикли. Он считает, что это произошло вследствие неточности самого Мухитдин-бея, который представил свои мемуары газете «Вақыт» и был ошибочно «повышен» в звании при их публикации. Настоящее его звание — младший лейтенант, и это звание было отражено в примечании к публикации в газете [Bekiraga Bölüğünden Türkistan'a, 2003, p. 43].

В ходе войны Мухитдин-бей исполнял обязанности адъютанта Нури-паши. Нури-паша был сводным братом Энвер-паши и, по всей видимости, пользовался его благосклонностью и доверием. Во время боевых действий Нури-паша командовал османской армейской группой «Африка», а после выхода России из мировой войны при поддержке Энвер-паши возглавил османскую «Исламскую армию», которая совместно с правительством Азербайджанской демократической республики вела боевые действия против Бакинской коммуны и английского экспедиционного корпуса генерала Дэнстервиля, завершившиеся взятием Баку. После Мудросского перемирия Нури-паша вынужден был под давлением союзников оставить Баку, пытался продолжить борьбу против англичан в Закавказье, однако был арестован и содержался в заключении в Батуме. По всей видимости, именно в этот период Мухитдин-бей попадает в оккупированный англичанами и французами Стамбул. Вероятно, оккупационные союзнические власти считали его политически неблагонадежным, в связи с чем он был арестован и содержался на гарнизонной гауптвахте при османском генеральном штабе³. В заключении вместе с ним в том же здании содержались видные военно-политические младотурецкие деятели Халиль-паша (приходившийся дядей Энвер-паше) и Кючук Талат. По всей видимости, им сочувствовал конвойный офицер Шакир-бей, который в августе 1919 г. помог им бежать и присоединился к ним.

Именно с этого сюжета и начинаются мемуары Мухитдин-бея. Большая их часть посвящена истории участия его самого в событиях национально-освободительной борьбы в Турции, гражданской войны на Кавказе и в Центральной Азии. Важно отметить, что все основные акторы завязки сюжета мемуаров были тесно связаны с Энвер-пашой и входили в круг его родственников либо приближенных лиц. Несомненно, в его планах борьбы с Антантой и возвращения на территорию Анатолии им отводилась определенная роль.

---

³ Данное здание гауптвахты получило название «Бекирага», которое было вынесено Мухитдин-беим в название своих мемуаров. Именно с момента побега оттуда начинается повествование.

При этом весьма интересно сравнить мемуары Мухитдин-бея с мемуарами самого Халиль-паши. Казалось бы, адъютант достоин хотя бы единичного упоминания, но в тексте Халиль-паши о нем нет ни слова. Более того, в той части мемуаров Халиль-паши, где говорится про побег, упоминается о нескольких десятках офицеров, бежавших одновременно из Бекирага [Bitmeyen Savaş, 1972, р. 193–236]. С этой точки зрения мемуары Мухитдин-бея вызывают вопрос о том, насколько они достоверны. Характер его отношений с Халиль-пашой представляется не до конца выясненным. Определенно лишь то, что он сопровождал Халиль-пашу в Баку и далее в Москву, будучи одним из членов окружавшей его группы турецких солдат и офицеров.

После побега Мухитдин-бей и его сослуживцы через Сивас и Нахичевань к октябрю 1919 г. добрались до Баку, где Халиль-паша поступил на службу к властям Азербайджанской Демократической Республики (АДР), предложив свои услуги военного советника и инструктора. Выбор Баку в качестве места базирования был неслучаен. Азербайджан рассматривался младотурками как плацдарм в борьбе с английским влиянием в Закавказье и Центральной Азии. Мухитдин-бей достаточно откровенно писал о том, что планировалось «поощрять» тюрок Азербайджана участвовать в борьбе против оккупации Анатолии [Bekiraga Bölügünden Türkistan'a, 2003, р. 51]. Халиль-паша предполагал сформировать на базе примерно 30-тысячных вооруженных сил АДР военную силу, насчитывавшую 60–70 тысяч бойцов. Таким образом, планировалось использовать мобилизационный потенциал АДР и ее человеческие ресурсы для создания воинских частей под командованием младотурок. На первом этапе эти военные контингенты должны были быть направлены для борьбы с армянами и защиты от возможного нападения большевиков. Халиль и его окружение активно включились в вооруженную борьбу АДР с Демократической Республикой Армения, принимая непосредственное участие в руководстве боевыми действиями. Постепенно на территорию АДР пробирались высокопоставленные младотурецкие офицеры, близкие к Энвер-паше. Так, Мухитдин-бей с определенной теплотой пишет о побеге из английского плена Нури-паши и прибытии его в Азербайджан. По его словам, Халиль-паша передал тому командование азербайджанскими силами в районе Джебраила [Ibid., р. 54].

Мухитдин-бей отмечал, что правительство АДР, с одной стороны, испытывало давление англичан, с другой — опасалось советского нападения. В то же время правительство АДР раздирали внутренние противоречия, конфликты и коррупция [Ibid., р. 57]. По его словам, в конце апреля 1920 г. Халиль-паша получил секретное предписание от подчинявшегося Мустафе Кемалю командования войсками турецкого Восточного фронта срочно отправиться в Москву. В канун ввода частей 11-й Красной армии на территорию АДР Мухитдин-бей вместе с Халиль-пашой, уполномоченным анкарского правительства и названным им агентом большевиков в Азербайджане А. Е. Скачко на специальном поезде отправляются в Москву. Из мемуаров Мухитдин-бея следует, что все время с августа 1919 г. по апрель 1920 г. он находился при Халиль-паше и выполнял обязанности его адъютанта, участвовал в военно-организационной деятельности и был в курсе контактов своего шефа. Здесь и далее мемуары Мухитдин-бея некоторым образом расходятся с мемуарами Халиль-паши. Это обстоятельство дает основание полагать, что Мухитдин-бей несколько завышал свое положение. Он мог быть простым ординарцем, выполнявшим чисто технические функции, которого Халиль-паша даже не замечал. В то же время сам факт мемуаров и некоторого подчеркивания собственных достижений позволяет говорить о наличии, как минимум, тщеславия у Мухитдин-бея. Также не исключено, что и Халиль-паша мог выпячивать свои заслуги в борьбе с Антантой, замечая под ковер истории политических «пешек».

Будучи в конце весны — середине лета 1920 г. в Москве, Мухитдин-бей активно помогал Халиль-паше в его контактах с советскими дипломатами (так, им упоминаются встречи последнего

с Л. Караханом и Г. В. Чичериным). Мухитдин-бей приписывает Халиль-паше получение первого транша советской помощи и доставку его турецким властям. В течение лета Мухитдин-бей по сути выполнял функции доверенного курьера Халиль-паши и, вероятно, других находившихся в Москве младотурок, доставляя их корреспонденцию в ставку командующего турецким восточным фронтом генерала Кязыма Карабекира, который являлся одним из архитекторов турецкой политики в Закавказье. Можно говорить о том, что Мухитдин-бей был фактически доверенным связным, находившимся при его штабе. Функции порученца он выполнял вплоть до августа 1921 г., когда Халиль-паша, Энвер-паша, он сам и ряд других младотурок оказались в Батуме в преддверии ожидавшегося ими и впоследствии не состоявшегося возвращения в турецкую политическую жизнь.

Свое личное знакомство с Энвер-пашой автор мемуаров начал, вероятно, летом 1921 г. в Москве. Однако после неудачной попытки вернуться в Турцию и переговоров с видными большевистскими лидерами в Тифлисе [УРАФ ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 447. Л. 139–141] в сентябре 1921 г. Энвер в сопровождении известного турецкого политического авантюриста, участника Первой мировой войны и диверсанта Хаджи Селима Сами, а также автора мемуаров Мухитдин-бея тайно проезжает через Закавказье в Красноводск, откуда по железной дороге прибывает в Бухару. Мухитдин-бей отмечает, что, несмотря на тайное перемещение и пересечение водной преграды, распорядок дня Энвер-паши не претерпел серьезных изменений [Bekiraga Bölüğünden Türkistan'a, 2003, p. 79]. Вполне вероятно, что в круг его обязанностей могло входить и обеспечение некоторых насущных каждодневных потребностей Энвер-паши.

Автор мемуаров не дает четкого ответа, почему он решил для себя остаться с Энвер-пашой и примкнуть к нему. Однако именно с этой их части начинается то, что можно назвать «адвокацией» своего господина. Мухитдин-бей стал перемежать свой рассказ выдержками из панисламистских и исламистских газет, издававшихся младотурками и в том числе самим Энвером в Германии, доказывая благородство, высокие нравственные идеалы и чистые помыслы своего патрона. Мы можем лишь предполагать, что по своим политическим взглядам Мухитдин-бей был близок к панисламистам, симпатизируя идее политического единения мусульман мира.

Адвокация Мухитдин-беем своего командира охватывает ключевые эпизоды биографии Энвер-паши. Первым таким эпизодом становится соперничество Энвер-паши и Мустафы Кемалю. Мухитдин-бей, по всей видимости, находился рядом с Энвер-пашой в кульминационный момент его усилий по организации антикемалистского мятежа в Анатолии. Будучи в Батуме, Энвер-паша готовил свое возвращение, надеясь на поражение Мустафы Кемалю в борьбе с греками (это достаточно четко видно из российских архивных документов) [УРАФ ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 447. Л. 139]. История конкуренции, а затем и вражды Энвера и Мустафы Кемалю имеет давние корни. Оправдывая своего патрона, Мухитдин-бей приводит официальное опровержение подобных намерений Энвер-паши из газеты «Лива уль-Ислам», распространявшей панисламистские идеи среди мусульман и издававшейся самим Энвер-пашой и его соратниками. В нем говорилось о том, что между Энвер-пашой и Мустафой Кемалем никогда не было неприязни; что Энвер-паша поддерживает национальное движение в Анатолии; что слухи о подобных отношениях двух лидеров — это выдумка недружественных сил и злонамеренных людей. Говорилось о безоговорочной поддержке Энвером «Национального пакта» — ключевого документа турецких националистов о минимально приемлемых границах турецкой нации. Примечательно, что этот материал вышел уже постфактум 15 января 1922 г., то есть после того, как Мустафа Кемаль укрепил свой авторитет в результате победы над греками на р. Сакарья, обсудил с М. В. Фрунзе прекращение советской поддержки Энвер-паши, а сам Энвер-паша уже несколько месяцев находился в Центральной Азии. Таким образом, было

отражено изменение политических планов самого Энвера, когда его амбициям по возвращению к власти в Анатолии пришел конец.

Интересно, что после этой публикации Мухитдин-бей цитирует другую статью Энвер-паши из той же газеты «Лива уль-Ислам», где тот косвенным образом подтверждает свои намерения по захвату власти в Анатолии [Liva'ül-İslam, 15.06.1337, 1/6.]. Эта статья датирована 15 июня 1921 г. и посвящена борьбе с иностранным владычеством в населенных мусульманами регионах. Делая обзор антиколониальных движений, Энвер переходит к описанию ситуации в Анатолии и отмечает, что ее народу не стоит ждать от правительства решения своих проблем, а меры национального правительства Мустафы Кемалю по принудительной мобилизации в армию и вовсе считает вредительскими, направленными на уничтожение местного населения. Не предлагая ничего взамен, Энвер рекомендует народу самому спастись из «добровольного плена». В то же время он пытается обнародовать что-то вроде краткой программы действий по стабилизации политической и хозяйственной жизни в Анатолии, говоря о попытках уравнивания в правах богатых и неимущих слоев населения. Несмотря на фрагментарность и абстрактность данных лозунгов, Мухитдин-бей в своем комментарии охарактеризовал эту статью как «руководство к действию» Энвер-паши, которое должно было продемонстрировать его заботу о народе. Эта статья была также перепечатана в газете «Огюд», издававшейся сторонниками Энвер-паши в Анатолии [Bekiraga Bölügünden Türkistan'a, 2003, p. 71–79].

Второй эпизод адвокации, которому отводится важное место, связан с переходом Энвер-паши на сторону басмачей и началом борьбы с советской властью. Мухитдин-бей тиражирует материал, напечатанный в уже упоминавшейся газете «Лива уль-Ислам» [Liva'ül-İslam, 15.08.1338, 2/11–12] от августа 1922 г. и описывает причины разрыва Энвер-паши с советским руководством. Энвер-паша откровенно признавался, что в условиях иностранной оккупации Турции ему нужен был союзник, который мог бы обеспечить национальное движение деньгами и оружием. Именно это вызвало сближение с большевиками. Далее Энвер-паша обвинил большевиков во лжи, в том, что они скрывали свои истинные намерения пустыми обещаниями. По его версии, обманутые этими обещаниями османские офицеры и «те личности, которые работали в Анатолии», отдали без боя большевикам Северный Кавказ, а также завоеванные когда-то потом и кровью турецких солдат Баку и Закавказье. В то же время большевики начали мстить местным мусульманам за их нелояльность. Далее Энвер-паша стал обвинять большевиков в том, что они попытались использовать его авторитет во время конгресса в Баку для влияния на мир ислама. По его мнению, таким образом они хотели усыпить внимание мусульман. Энвер-паша заявил, что Л. Б. Красин в Лондоне подписанием договора с Англией перечеркнул все усилия большевиков по сближению с угнетенными мусульманами. Далее он утверждал, что большевики хотели просто использовать мусульман, а затем уничтожить тех из них, которые находились под их контролем. Энвер-паша якобы не мог видеть такого уничтожения мусульман, сбежал в «любимый им Туркестан», где попытался от имени местного населения вступить в политические переговоры с большевиками. Однако его переговоры оказались безуспешными, и он встал на путь вооруженной борьбы с ними.

Еще один эпизод, затрагиваемый Мухитдин-беем, связан с собственным описанием Энвером своих политических устремлений. Мухитдин-бей приводит ряд статей и публичных выступлений Энвера, в которых тот выдвигает и развивает свою политическую программу. Так, Мухитдин-бей публикует статью своего патрона в уже упомянутой газете «Лива уль-Ислам», которая называется «Единственная дорога». В ней Энвер пишет о том, что мусульманский мир находится в плену у европейских колонизаторов. Единственным способом избавления от колониального гнета он считает вооруженную борьбу [Liva'ül-İslam, 01.07.1337, 1/12].

Помимо этого, Мухитдин-бей приводит и выступление Энвера на заседании III Интернационала, проходившего в Москве со 2 июня по 12 июля 1921 г. Энвер выступал от имени Союза мусульманских революционных обществ — тайной исламистской политической организации, созданной им и рядом младотурок в Берлине для подпольной борьбы с державами Антанты на территории их колоний. В своей речи Энвер, упоминая о своем выступлении в Баку на Съезде народов Востока, кратко охарактеризовал положение во всех принадлежащих Англии, Франции, Италии и Голландии колониях с преобладающим мусульманским населением (в частности, внимания удостоились Марокко, Алжир и Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Индия, Иран, Ява). Затронул он и вопрос об империалистической политике Сербии и Греции в отношении Албании. Отдельной критике подверглась Армения, которую он считал игрушкой в руках западных империалистов, и партия «Дашнакцутюн». Им был сделан вывод о чрезвычайно напряженной обстановке в этих регионах и продолжающемся колониальном гнете, направленном против мусульман. Единственным средством избавления он обозначил вооруженную борьбу против европейских захватчиков. В завершение своей речи он призвал участников всеми силами готовить наступление мировой революции. Безусловно, это выступление можно рассматривать как продолжение его амбиций возглавить антиколониальное мусульманское движение в мире.

Энвера часто обвиняли в том, что, находясь среди басмачей, он вел переговоры с Англией о получении вооруженной поддержки в борьбе с советской властью. Однако англичане отказали ему в поддержке [Sonyel, 1990, p. 57]. В этой связи в своих мемуарах Мухитдин-бей пытается обойти данный эпизод стороной и даже подчеркнуть антибританский настрой Энвера, публикуя несколько его антибританских статей из газеты «Лива уль-Ислам» [Liva'ül-İslam, 01.07.1337, 1/8; Liva'ül-İslam, 01.08.1337, 1/10; Bekirağa Bölüğünden Türkistan'a, 2003, p. 183–188, 188–192]. Интересно, что опубликованы эти статьи были летом 1921 г., когда Энвер готовился к возвращению в Турцию, однако с точки зрения композиции текста мемуаров помещены они не в той части мемуаров, где повествуется о соответствующих хронологически событиях, а отдельно, в конце текста, как своего рода приложение к туркестанскому периоду деятельности Энвер-паши.

Интересны мемуары тем, что Мухитдин-бей включает в них порядка 10–12 адресованных Энвер-паше рапортов турецких офицеров, находившихся в рядах басмачей. В этих документах Энвер предстает как командующий «Армией единения ислама», успешный лидер, который сплывает под своими знаменами всех недовольных советской властью, а турецкие офицеры выступают главными организаторами этого движения. Особый интерес как источник представляет и текст призыва к газавату, выпущенного Энвер-пашой.

В той части мемуаров, которые охватывают происходящее с середины февраля до начала сентября 1922 г., Мухитдин-бей описывает события, непосредственным свидетелем которых он уже не являлся. По его собственному признанию, в этот период он был отправлен Энвер-пашой с особой миссией в Афганистан. Ему было предписано передать письмо Энвер-паши афганскому эмиру, помощью которого тот пытался заручиться в борьбе с большевиками. О происшедшем в это время в Бальджуане, а также о смерти Энвера Мухитдин-бей узнал от других участников событий. Это еще раз подтверждает наши предположения о том, что его функции как личного помощника были достаточно широкими.

Хотя мемуары подчеркивают характер Энвера как борца за права угнетенных колониалистами народов, их концовка носит весьма антисоветский характер. Мухитдин-бей с пессимизмом оценивает будущее мусульман Туркестана, полагая, что конец Энвер-паши означает их поглощение большевизмом. Итог походов самого Мухитдин-бея нам известен лишь в общих чертах. После уничтожения Энвер-паши Мухитдин-бей сумел в течение нескольких месяцев добраться

из Афганистана через Иран в Турцию, но был по пути серьезно ранен. Его дальнейшая судьба и дата смерти неизвестны. Но судя по тому, что публикация его мемуаров произошла в 1923 г., вскоре после завершения туркестанской авантюры Энвер-паши, скончался он, вероятнее всего, уже на территории Турции. В момент публикации мемуаров сторонники Энвер-паши и в целом младотурок были еще сильны. Шли активные дебаты о поиске дальнейшего политического пути Турции и поиски виновных в военно-политическом крахе. Подобная публикация именно в это время могла быть противопоставлена попыткам свалить вину за политическое и военное поражение на Энвер-пашу.

Завершая краткий очерк, посвященный «адъютантству» Мухитдин-бея, можно сделать некоторые выводы о круге его обязанностей, деятельности и личных качествах. До сих пор точно неизвестно, насколько он был близок к Халиль-паше. Достоверность его мемуаров также видится ненадежной, и, как и многие источники мемуарного характера, его воспоминания нуждаются в тщательной проверке. Поскольку более двух третей его повествования занимает описание его пребывания с Энвер-пашой, можно утверждать, что именно он играет в мемуарах Мухитдин-бея центральную роль. И его адвокации уделено значительное место. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что во время Первой мировой войны, а затем и Гражданской войны на Кавказе и в Центральной Азии Мухитдин-бей играл роль пользовавшегося определенным доверием адъютанта при высокопоставленных младотурках, обладавших к тому же родственными связями (Нури-паша был сводным братом Энвер-паши, а Халиль-паша приходился последнему дядей). Характер занятий Мухитдин-бея известен лишь в самом общем ключе — мы можем предполагать, что он был весьма широк и простирался от обеспечения бытовых нужд своего патрона до доставки тайной корреспонденции. Представляется, что характер его занятий был значительно больше, чем у простого адъютанта. Он являлся доверенным лицом Энвер-паши и именно в этом качестве был представлен как свидетель его деятельности и посмертный адвокат, а появление его мемуаров как общественно-политического конструкта, несомненно, было связано с текущим политическим моментом в Турции.

Литература / References

- Бранко Богданович. *Холодное оружие Османской империи и Албании*. М., 2011.
- Доклад о пребывании Энвер-паши (под именем Бекиров) и других лидеров младотурок в Грузии (озаглавлен — «Али-Бей в Батуме»). УРАФ ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 447. Л. 139–141.
- Aydemir Ş. S. *Makedonya'dan Orta Asya'ya Enver Paşa*. III Cilt., Remzi Kitabevi. İstanbul, 2005.
- Bekiraga Bölüğünden Türkistan'a. Yaver. Muhibdin bey'in hatıralarında Enver Paşa'nın son yılları*. Haz.: Dr. Yusuf Gedikli. İstanbul, 2003.
- Bitmeyen Savaş. Kütülmare Kabramanı Halil Paşa'nın Anıları*. Hazırlayan: M. T. Sorgun. İstanbul, Yedi Gün Yay., 1972.
- Liva'ül-İslam*, 15.06.1337, 1/6.
- Liva'ül-İslam*, 15.08.1338, 2/11–12.
- Liva'ül-İslam*, 01.07.1337, 1/12.
- Liva'ül-İslam*, 01.07.1337, 1/8;
- Liva'ül-İslam*, 01.08.1337, 1/10.
- Sonyel S. Enver Pasha and Basmaji Movement in Central Asia. *Middle Eastern Studies*. XXVI/1, 1990. Pp. 54–62.
- Yılmaz B. 19. Yüzyılda Bartın Limanının Batı Karadeniz Ulaşımı ve Ticaretindeki Rölü. *Geçmişten Günümüze Karadeniz'de Ulaşım*. Ed.: M. Okur, Ü. Köksal, V. Aksoy. KTÜ Yayınları, Trabzon, 2020.

Подписано в печать 10.12.2024. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 26,881. Уч.-изд. л. 20,2
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56
<https://wwprint.ru/>